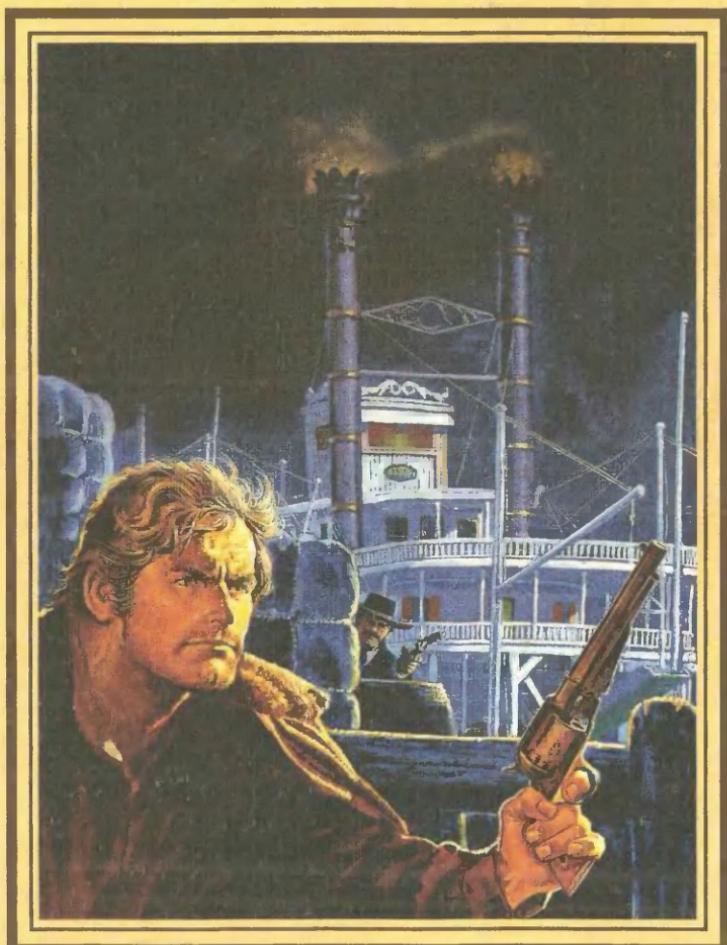
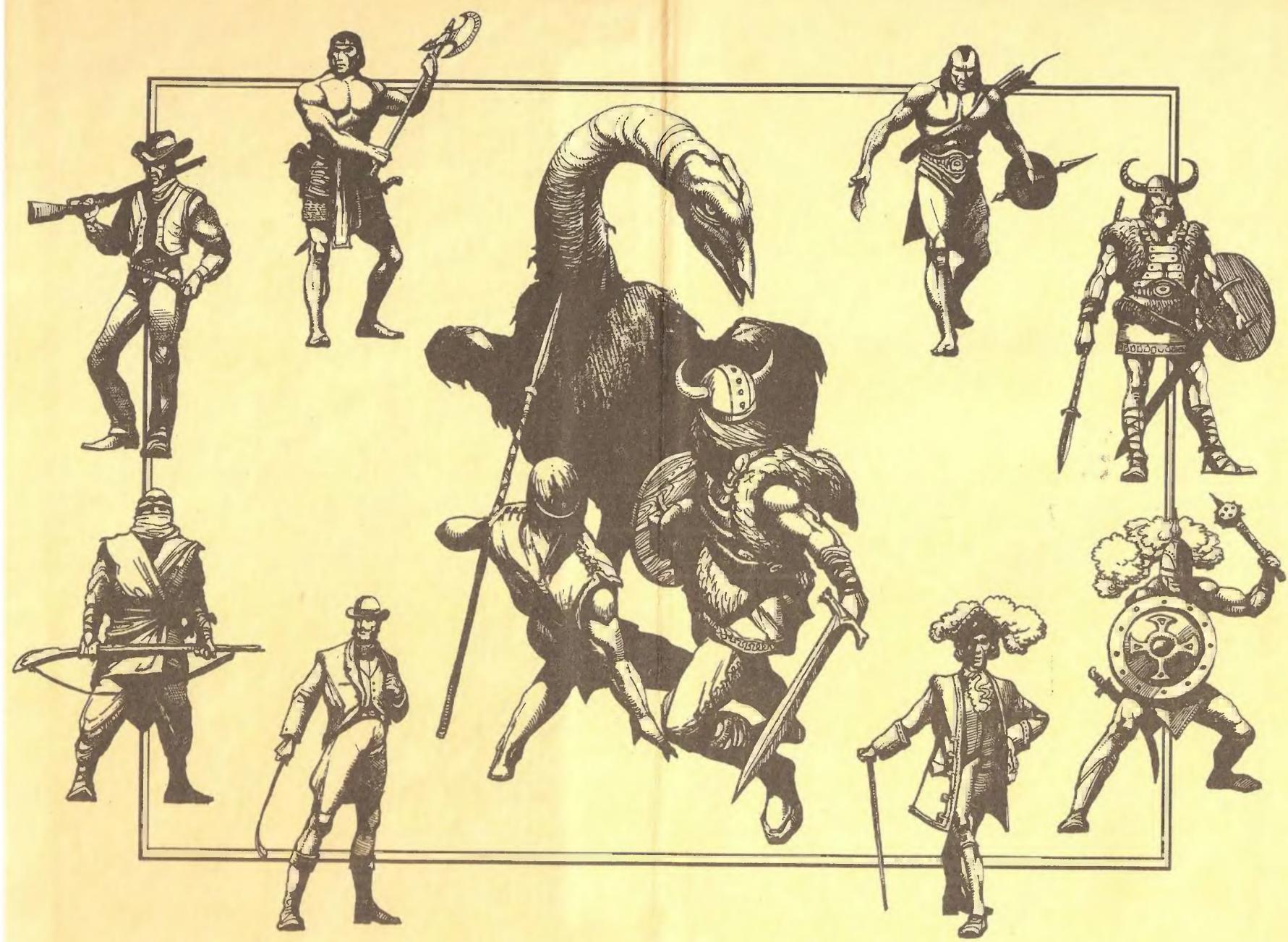

Роберт ГОВАРД

ЛИК СМЕРЧА

Сага выжженных прерий

1930s

Роберт И. Говард

**АЛИК
СМЕРЧА**

Сага
выжженных прерий

"СЕВЕРО-ЗАПАД"
Санкт-Петербург
1998

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
Г 57

Говард Р. И.

Лик смерча: Повести и рассказы. / Пер. с англ.—
СПб.: Северо-Запад, 1998. — 432.

ISBN 5-7906-0063-8.

Почитателей творчества Роберта И. Говарда, мастера героической фэнтези, эта книга перенесет в беспощадный и жестокий мир минувшей эпохи, мир отважных мореходов и суровых всадников. И вновь ветер странствий несет не знающих усталости странников... И вновь, обнажая клинки, выходят они на защиту справедливости, защищая свою жизнЬ и свой мир.

УДК 820(73)
ББК 84(7США)

Авторские права защищены.

*Запрещается воспроизведение этой книги или любой
ее части, в любой форме, в средствах массовой информации.*

*Любые попытки нарушения закона будут преследоваться
в судебном порядке.*

*В оформлении обложки использована работа Salvador Faba.
Публикуется с личного разрешения автора и его агентов.*

ISBN 5-7906-0063-8

© Северо-Запад, подготовка текста,
серийное оформление, 1998

ЛІК СМЕРЧА

КОРДОВА КОВБОЕВ НЕ ЖАЛУЕТ

о меня тут дошел слух,
будто на днях в одном из салу-
нов Финт-сити собралась целая
толпа браконьеров: судили-ря-
дили, как бы им сохранить в
целости собственные шкуры,
покуда они охотятся за бизонь-
ими. А потом один малый взял
да и брякни:

— Размычались тут чисто
бычки годовалые! Прямо мутят
от вашего бесстыдового блея-
ния! То про солдат толкуете —
не дают, подлецы, нам, бедня-

гам, развернуться как следует, то о команчах и апачах у вас головы болят: как бы те не добрались до наших драгоценных скальпов. Битый час одну и ту же жвачку жуете. Планы дурацкие стройте, хотя все эти пустяки того не стоят, чтобы эдакий огород городить. И когда же в ваши головы садовые втемяшится наконец, что нам, честным браконьерам, куда меньше беспокойства от всех этих солдат и команчей с апачами, вместе взятых, чем от одного Бренкенриджа Элкинса!

Вот она, людская предвзятость! Глядя на то, как браконьеры забиваются в щели, стоит мне появиться где-нибудь поблизости, иной сразу решит, что я держу на них зуб. А каких только мерзостей они не рассказывают про ту историю в Кордове?! Их поступать, так я себя там вел словно волк среди невинных ягнят. Тогда откуда, спрашивается, появились все эти дырки в стенах салуна «Алмаз», который послужил мне совсем неплохим фортом? По чьей милости мэр Кордовы пробил своей головой забор?

Кто хотел спалить лавку Джо Эмерсона только затем, чтобы выкурить меня оттуда? И вообще, кто первым затянул всю ту заваруху, развесив в общественных местах листовки оскорбительного содержания? А теперь те же самые парни корчат из себя невинно пострадавших. Нет, ну это надо же! Если вам попадется хоть один беспристрастный свидетель той истории, которому посчастливилось уцелеть, порасспросите его, и он наверняка подтвердит, что я вел себя достойно. Во всяком случае настолько, насколько может быть достойным поведение человека, в которого со всех сторон палят из револьверов около полусотни этих рассвирепевших живодеров, этих обдирателей бизоньих шкур.

До того раза я ни одного бизоньего браконьера и в глаза не видывал. Потому что никогда прежде не забирался так далеко на восток. В Нью-Мехико мы оказались вместе с одним типом по прозвищу Ром-Баба.

Мы с ним встретились в Аризоне, потом я заселял в Альбукерке, а мой приятель отправился дальше, прямиком в Финт-Сити. Правда, из Альбукерка мне пришлось смотаться раньше, чем я рассчитывал, причем в кармане у меня катался всего один доллар — остальные ушли на похороны трех парней. Бедолаги спервашибко критиковали демократическую партию, а потом, чисто случайно, по очереди наскочили на мой охотничий нож. Жаль деньжат, конечно, да только я не из тех, кто бросает тела своих оппонентов на попечение местных общин.

Ну вот, выбрался я кое-как из города и потрусил к лагерям ковбоев на Пекосе в надежде подыскать там какую-никакую работенку. Но не успел я проехать и мили, как мне навстречу попался бродяга верхом на жуткой кляче. Парень пару раз перевел взгляд с меня на Капитана Кидда и обратно, а потом заявил:

— Ты — это он, не иначе. Никто другой просто не подойдет под то описание, какое он мне дал.

— Кто дал? — спросил я.

— Как кто? — удивился бродяга.— Ром-Баба, кто же еще. Он вдобавок и письмо мне всучил. Для Брекенриджа Элкинса.

— Ладно,— сказал я.— Давай бумагу сюда!

Парень так и сделал. Записка оказалась что надо:

Дарагой Брикинриж: Тарчу низашто втюряге Ягуаръего Ключа а всивого перибросился стутош-

ним пакойным шириффом парой кусочекоф ржаво жалеза откуда мине была знать что потом этат старый пень грабанется галавой обкаминь и расколит сибе чирипушку Брикинриж. Атилье они хатят смина чистоганом Десить баксов штрафу откуда уминя столько Брикинриж. Ностарик Гарнетт што с Аленьей пратоки задалжал мине какраз дисятку сдири снево должок приижай вызвалить миня изэтаво куринаово загона. Жратва тут савсем паганая Брикинриж. Патарались.

*Твой бизвины винаватый кампаньён,
Ром-Баба, Иксквайр.*

Ром-Баба вечно сам напрашивался на неприятности. У него просто не имелось такого врожденного чувства такта, как у меня. Но парень он был неплохой. А потому я завернул на Олению протоку и взыскал долгок со старика Гарнетта. Старый хрыч почему-то не желал расставаться с деньжатами. Он даже сильно прокусил мою левую заднюю ногу, пока я сидел на нем, выкручивая ему тот кулак, в котором были зажаты заветные десять монет. А когда я уже выезжал со двора, он вдруг бросился в свою лачугу, выскочил оттуда со здоровенным ружьем и принялся в меня палить. И палил не переставая, пока я не скрылся из виду.

Но я не стал обращать внимания на такое грубое нарушение правил гостеприимства. Все равно попасть в меня старый пень не сумел: наверно, у него слегка кружилась голова после того, как он наткнулся лбом на оглоблю, которая случайно оказалась у меня в руке, пока он поднимался с земли.

Я скрылся за поворотом, а Гарнетт все еще размахивал своим ружьем и изрыгал проклятия. Толь-

ко отмахав с полдюжины миль по направлению к Ягуарему Ключу, я заметил, что от моей рубашки остались одни лохмотья. Сильно огорчившись, я минуту-другую обдумывал, не повернуть ли обратно, чтобы требовать со старика Гарнетта денег на новую рубашку, ведь изодрал-то мне старую именно он. Но потом решил, что с таким старым упрямцем будет слишком трудно договориться, проголосовал против такого предложения, подбодрил старину Кидда, и вскоре после полудня мы с ним прибыли в Ягуарий Клоч.

Первой навстречу мне попалась самая хорошенькая девушка из всех, что я повстречал с тех пор, как сдох один мой знакомый старый енот. Красотка только что вышла из лавчонки и остановилась болтать с молодым скотогоном, которого она называла Кучерявчиком. Я быстрему натянул поводья, заставив Капитана Кидда завернуть за кукурузный амбар, чтобы не испугать девушку видом такого чучела, как я. Чуть погодя она направилась вниз по улице и вскоре вошла в двери небольшого домика. Домик был обнесен забором; там даже веранда имелась — выходит, семья не из бедных. Тогда я покинул свой пост за амбаром и заговорил с тем сосунком, что все еще глупо ухмылялся красотке вслед, пытаясь пригладить вихры растопыренной пятерней. Я сказал ему:

— Как зовут эту малышку? Ну, ту, с которой ты только что трепался?

— Юдит Грейндже, — ответил малый. — Вообще-то, вся ее родня живет в Шебе, но папаша отоспал ее сюда, потому как в Шебе все парни были готовы из-за нее друг другу глотку перегрызть. Вот ее старик и решил — пускай она немного поторчит тут со своей теткой Генриеттой.

Можешь на нее взглянуть, на тётку, если тебе еще никогда не доводилось видеть боевых гиппопотамов. Она так перепугала здешних парней, что никто из них даже не попытался подцепить Юдит. Кроме меня, конечно,— самодовольно добавил Кучерявчик.— Я уговорил старую курицу, и она разрешила мне познакомиться с Юдит. Иду сегодня к ним на ужин.

— Это ты так думаешь,— миролюбиво сказал я.— А на самом деле мисс Грейнджер ждет в гости меня.

— Но она мне ничего не сказала,— помрачнел малый.

— Только потому, что она пока сама об этом ничего не знает,— ласково успокоил его я.— Но не беспокойся, я передам ей твои глубокие сожаления по поводу того, что ты никак не смог прийти.

— Послушай, ты...— Малый с самым воинственным видом потянулся за пистолетом, но тут меня окликнул парень, следивший за нами из дверей лавки.

— Будь я проклят, если это не Брекенридж Элкинс! — радостно завопил он.

— Брекенридж Элкинс?! — тихо прошептал Кучерявчик, выронил пушку и повалился на нее со странным булькающим звуком.

— Что это с ним? — спросил я у окликнувшего меня парня.— Сердчишко пошаливает?

— Да нет, просто грохнулся в обморок, когда сообразил, на кого вытащил свою пукалку,— ответил тот.— А ну-ка, ребята, оттащите юношу на конюшню да полейте водой из лощадиного корыта! Авось прочухается. Послушай-ка, Брекенридж, я стал торговцем совсем недавно и еще хорошо помню, какая у тебя тяжелая рука. Сделай мне одолжение!

жение по старой дружбе, пообещай никого не убивать в моей лавочонке. Лады?

Куда деваться? Пришлось пообещать. Только тут я снова вспомнил, что в тех лохмотьях, какие болтались на моих плечах, никак нельзя пожаловать в гости к юной леди. Вообще-то, их еще можно было бы привести в порядок, но времени оставалось мало, я мог опоздать на ужин к мисс Юдит. Пришлось зайти в лавку и купить себе новую рубашку. Никак не возьму в толк, отчего они не шьют рубашек на мужчин с нормальным телосложением. С таким как у меня, к примеру. Можно подумать, никто, кроме каких-то малохольных карликов, рубашек не носит. У самой большой, что нашлась в лавке, воротничок едва дотягивал до семнадцати с половиной дюймов. Впрочем, я все равно никогда не застегиваю воротнички. Попытайся я это сделать, через пару минут мне каюк, даже веревку намыливать не надо.

В общем, сунул я парню пять монет и натянул на себя новую рубашку. Она оказалась тесновата, но я прикинул, что все-таки смогу проносить ее пару дней, если постараюсь почти не дышать. Правда, пришлось потратить часть денег, которые я вышиб для Ром-Бабы, но, когда парень узнает, через какие мытарства мне пришлось пройти, чтобы вытащить его из тюрьги, думаю вряд ли он будет сильно возражать.

Капитан Кидд доставил меня по аллее на задворки тюрьмы. Там я подошел к зарешеченному окну и окликнул своего дружка.

Ром-Баба сразу выглянул наружу. Он слегка отошел и сблизнул с лица, словно тюремная жратва действительно не шла ему впрок. Но стоило ему увидеть меня, как он просиял и восхлиknул:

— Ур-р-раа! А то я тут уже состарился, тебя поджидаючи! Совсем до ручки дошел. Давай же, Брек, загребай с той стороны, к парадной двери, выкладывай этим койотам чертова десять монет, и отвалим отсюда поскорее! Боже, да ведь помой, какими тут кормят, не выдержит даже волчий желудок!

— Видишь ли, Ром,— начал я,— у меня малость не хватает деньжат. Рубашка вот совсем изорвилась, пришлось купить новую...

Парень аж всхрапнул, словно раненый лось, и судорожно вцепился в решетку.

— Ты совсем рехнулся?! — завопил он.— Промотал мои деньги! Покупаешь шелковые сорочки и батистовые платочки, пока я тут чахну в темнице!

— Да не волнуйся ты так,— успокаивал я.— У меня еще есть пять твоих долларов да один мой. Всего-то делов осталось: дойти до игорного зала и умножить наши капиталы.

— Умножить?! — взвизгнул Ром-Баба.— Да чтоб ты лопнул! Ты хоть понимаешь, чем меня кормят с тех пор, как швырнули в этот застенок? На завтрак, на обед, на ужин? Бобами! Бобами! Бобами!

Чувства настолько захлестнули беднягу, что слова застряли у него в горле.

— И ведь это даже не первосортные бобы! — печально продолжил Ром-Баба, когда к нему вернулся дар речи.— Вовсе нет! В них полно какого-то песку, они продырявлены жучками, а кухарка-мексиканка, я думаю,— о нет! я уверен! — перед тем, как их варить, моет в кotle ноги. Чтобы дважды использовать воду!

— Что ж,— заметил я,— такую чистоложность можно только приветствовать. Отродясь не слышал, чтобы кухарки-мексиканки вообще когда-либо

мыли ноги. Однако пойду сыграю в покер. Да не дергайся ты так! Я выиграю достаточно, чтобы уплатить за тебя штраф, и еще останется немало.

— Да уж, выиграй, прошу тебя,— сказал Ром-Баба со слезой в голосе.— Выигрывай и постараися вытащить меня отсюда до ужина. Уж так хочется бифштекса с чесночной подливкой, уж так хочется, что мне по ночам мерещится его сладостный аромат!

И я отправился в салун под названием «Золотой телец».

В тот раз там было не так уж много народу, но игра в покер шла вовсю. Когда я намекнул, что жажду присоединиться, игроки оглядели меня с ног до головы и молча подвинулись, освободив место. Метал один тип с густыми черными бакенбардами, зачем-то сообщивший мне, что он из Кордовы. Я сразу же заметил, что он передергивает, сдает себе с низа колоды, а всем остальным — сверху. Другие игроки, казалось, ничего не замечали, но только не я. У нас у всех, кто родился и вырос на Медвежьем Ручье, глаза как у ястребов, а иначе никому из нас не удалось бы дожить до зрелых лет.

— Не знаю, что тут у вас за правила в здешних краях,— кротко начал я,— но там, откуда я приехал, карты сдают всегда только с верха колоды.

— Что я слышу?! — с жаром воскликнул малый.— Уж не хочешь ли ты сказать, что я — шулер?! — Он судорожно схватился за свою пушку, от возбуждения не заметив, как при этом движении из его рукавов вывалились три или четыре туза сразу.

— Ну что ты,— ответил я,— ни о чем таком я даже и не помышлял. Наоборот, я уверен, что крапленые карты, торчащие из-за голенища твоего пра-

вого сапога, — всего-навсего твоя любимая сувенирная колода.

Отчего-то мои слова так взбеленили чудака, что он выхватил из другого голенища длинющий охотничий нож. Деваться некуда, пришлось немедля отрезать его по голове бронзовым канделябром, после чего он уютно разлегся под столом и принял глухо стонать.

Остальные парни повскакивали с мест, вытаращившись на торчавшие из-под стола сапоги малого с бакенбардами.

— Эй! — сказал один из них. — Я мировой судья. Тебе не стоило так поступать. У нас тут законопослушный город.

— А я — шериф, — вставил другой. — И поскольку ты явно нарушаешь общественное спокойствие, мне придется тебя арестовать.

Это было уже слишком даже для такого мягкого человека как я. — Заткнись, дурья башка! — заревел я, сжимая кулаки. — Я приехал в ваш мерзкий городишко, чтобы мирно и законно вызволить из тюрьги Ром-Бабу, честь по чести уплатив за него штраф, для чего, как подобает истинному джентльмену, пытаюсь честно выиграть в покер! Но если вы, паршивые гиены, не перестанете испытывать мое терпение, клянусь сарафаном моей бабушки, я разнесу по камушку вашу вонючую тюрьму и вытащу оттуда своего приятеля, не заплатив вам ни единого цента!

Мировой судья побелел. Тыча шерифа локтем в бок, он зашипел:

— Оставь его в покое! Я уже купил вот эти сапоги в кредит под ту десятку, что мы еще только собирались содрать с Ром-Бабы!

— Но... — начал было шериф с сомнением в голосе.

— Заткнись! — еще с большей злобой зашипел мировой судья.— Я сам только сейчас сообразил. Это же Брекенридж Элкинс!

Шериф чуть было не подавился собственным адвокатом яблоком, смертельно побледнел и срывающимся голосом пробормотал:

— О... извините меня... я... я, кажется, совсем неважно себя чувствую. Наверно проглотил что-то не то нынче за обедом. Думаю, мне надо срочно взвинзать своего коня и съездить в соседнее графство за... за... за пиллюлями!

Не думаю, чтобы шериф уж так плохо себя чувствовал. Особенно если судить по тому, с какой прытью он рванул за угол после того, как, шатаясь, вывалился из дверей салуна. И зачем только люди охотничьих собак держат? Ведь такой парень вполне мог самостоятельно загнать насмерть любого зайца!

Тут все внезапно засуетились, стали вытаскивать из-под стола того малого с бакенбардами и поливать его водой, а я вдруг сообразил, что уже наступило время ужина, вышел из салуна и двинул в сторону домика, где жила Юдит. У самых дверей домика я наткнулся на здоровенную, размером с хороший амбар, тетку с квадратной челюстью. Смерив меня подозрительным взглядом, она сказала:

— Вот так-так! А тебе-то чего тут надо?

— Хотел потолковать с вашей сестрой, с мисс Юдит,— ответил я, учтиво отстегивая от пояса кобуру со «Стетсоном».

— Как ты сказал? С моей сестрой? — переспросила она, все еще хмурясь, но уже куда более миролюбиво.— Ты ошибся. Она мне племянница.

— Не может быть! — воскликнул я, старательно прикидываясь изумленным.— Сперва мне вообще

показалось, что вы — это она. Потом я решил, что такое сходство бывает только у близняшек. Но теперь-то мне ясно: молодость и красота просто свойственны всем членам вашей семьи.

— Не болтай ерунды, негодяй! — ухмыльнувшись, уже совсем мирно сказала тетка и дружелюбно ткнула меня локтем в бок. Таким тычком кому-нибудь другому она проломила бы пару ребер. Но только не мне.— Ну что ж, раз ты сумел умаслить меня — входи. Сейчас я крикну Юдит. Как тебя зовут, парень?

— Брекенридж Элкинс, мэм,— ответствовал я.

— Вот как? — заметила она, вглядываясь в меня с новым интересом.— Приходилось, приходилось слышать о тебе всяческие рассказы. Однако ты посмышленинее, чем о тебе говорят. Эй, Юдит! — вдруг громыхнула она. От ее голоса разом задребезжали все оконные стекла.— К тебе гости!

Появилась Юдит. Выглядела она преотлично. Но, увидев меня, отшатнулась, а глаза ее расширились от испуга.

— Кто... Кто это? — ошарашенно пролепетала она.

— Мистер Брекенридж Элкинс, невадец,— по всей форме представила меня тетка.— С Медвежьего Ручья. В этом дерымовом городке он — пока единственный юноша, в котором мне удалось обнаружить хоть крупицу здравого смысла. Ну что ж, входи и усаживайся за стол. Ужин поспел. Мы тут как раз дожидались Кучерявчика Якобса,— пояснила тетка.— Но если этот шалопай не появится через пару минут, он рискует уйти отсюда несолено хлебавши.

— Он очень сожалеет,— быстро ввернул я,— но просил меня передать, что ну никак не сможет заглянуть к вам сегодня.

— А вот я совсем не сожалею, — фыркнула тетка. — Я ему и прийти-то разрешила только потому, что даже такая отчаянная вертихвостка, как Юдит, не способна втюрииться в этого сосунка и олуха. Кроме того...

— Тетушка Генриетта! — запротестовала раскрасневшаяся Юдит.

— ...я на дух не переношу таких слабаков, — закончила тетушка Генриетта, осторожно опускаясь в обитое сырой маттной кожей кресло, жалобно застонавшее под грузом ее необъятного тела. — Подвинь к столу вон ту табуретку, Брекенридж, — скомандовала она. — По-моему, только эта мебель у нас в доме способна выдержать твой вес. Если, конечно, не считать дивана в гостевой комнате. И не вздумай спорить со мной, Юдит! Если я сказала, что соглядяк вроде Кучерявчика Якобса не подходит такой девушке, как ты, значит, так оно и есть. Да у него чуть становая жила не лопнула, когда он пытался приподнять бочку с солью, которую мне надо было занести в коптильню! Так и не смог; пришлось мне самой ее тащить. Кто виноват в том, что нынче все молодые парни такие худосочные, хотела бы я знать?

— Мой папаша всегда говорил, что виновата республиканская партия, — вставил я.

— Хо! Хо! Хо! — Громовой хохот тетушки Генриетты потряс весь дом, до судорог напугав случившуюся рядом кошку. — А у вас превосходное чувство юмора, молодой человек. Разве не так, Юдит? — спросила она и начала аппетитно, словно чипсами, похрустывать телячьей берцовой косточкой.

Слегка побледневшая Юдит поспешно согласилась. За ужином она все время украдкой нервно

поглядывала на меня, словно ждала, что я вот-вот начну исполнять индейский боевой танец или что-то вроде того. Наконец с едой было покончено. Тетушка Генриетта, поглотившая такое количество съестного, какого с лихвой хватило бы племени сиуксов чтобы пережить самую суровую зиму, поднялась с кресла и сказала:

— А теперь выметайтесь из кухни. Я буду мыть тарелки.

— Но я должна остаться и помочь вам,— возразила Юдит.

— С чего бы это вдруг такое желание потрудиться? — фыркнула тетушка Генриетта.— Хочешь, чтобы гость подумал, что тебе неприятна его компания? А ну, брысь отсюда!

Юдит молча вышла, а я чуток задержался и выложил тетушке Генриетте свои сомнения:

— Сдается мне, что я не приглянулся вашей племяннице.

— А ты не обращай внимания на ее капризы,— посоветовала тетушка, выплескивая здоровенную бочку воды в корыто для мытья посуды.— Она просто малолетняя кокетка и вертихвостка. Главное — ты приглянулся мне. А если уж я решила, что ты ей подходишь, значит, так оно и есть. С Юдит давно никто ничего не мог поделать, кроме меня, но уж я-то показала ей, кто тут главный. Она это быстро усвоила после того, как пару дней поголодала. Так что вали отсюда, начинай ухаживать за ней, не трусь и не тушуйся.

Я пошел в гостиную. Юдит, похоже, слегка оттаяла. Она задала мне кучу вопросов про Неваду, а потом добавила:

— Говорят, вы ужасный задира. Надеюсь, в Ягуарье Ключе у вас не было никаких неприятностей?

— Да нет,— простодушно ответил я.— Если не считать сущей пустяковины. Пришлось тут въехать канделябром по мозгам одному жулику из Кордовы. Такой мордастый, с черными бакенбардами.

Юдит вдруг аж подпрыгнула, словно ее ткнули иголкой в одно место.

— Так это же был мой дядюшка, Джабез Грейнджер! — завопила она.— Как ты мог! Ты, здоровенный бык! Позор! Такой громила, а связался с заморышем, в котором едва-едва наберется двести двадцать фунтов весу!

— Вот дьявол! — растерянно сказал я.— Мне очень жаль, Юдит.

— И как раз тогда, когда ты мне начал нравиться! — со слезой в голосе произнесла девушка.— А теперь он напишет папе и настроит его против тебя! Ты должен немедленно найти дядюшку Джабеза и извиниться перед ним. Я хочу, чтобы вы стали друзьями!

— Вот черт! — сказал я.

Но Юдит больше ничего не хотела слышать, а потому мне пришлось выйти на улицу, где я взгромоздился на Капитана Кидда и снова направился в «Золотой телец». Когда я вошел в салун, все посетители почему-то быстренько попрятались под столы.

— Да что с вами сегодня со всеми такое? — раздраженно спросил я.— Мне нужен только Джабез Грейнджер.

— А он, едва очухался, сразу умотал в Кордову,— опасливо сообщил мне бармен, примерно на дюйм высунувшись из-под стойки.

Выходит, придется отправиться следом за дядюшкой, подумал я. Тут уж ничего не поделаешь.

По дороге мне пришлось опять проехать мимо тюрьмы. На звук подков Капитана Кидда из оконка нетерпеливо выглянули Ром-Баба.

— Ты уже выиграл достаточно, чтобы меня выкупить? — с надеждой спросил он.

— Имей терпение, — ответил я. — Пока монеты маловато, но я непременно добуду еще. Как только вернусь из Кордовы.

— Откуда?! — вззвизгнул Ром-Баба.

— Успокойся, — посоветовал я ему. — Бери пример с меня. Разве ты видел, чтобы я когда-нибудь вот так нервничал? А ведь мне придется отлавливать Джабеза, дядюшку Юдит Грейнджен, да еще извиняться перед этим старым жуликом за то, что я вполне справедливо огrel его по кумполу канделябром. Постараюсь вернуться завтра. Ну, на крайний случай — послезавтра.

Хотя ответ Ром-Бабы оказался довольно-таки оскорбительным, если учесть, сколько хлопот мне уже причинило его вызволение из тюрьги, я решил не таинить на него в душе грубость. Тронув коня, я продефилировал мимо домика Грейндженов, с ве-ранцы которого на меня с самым суровым видом взирала Юдит.

Тетушки Генриетты на веранде не было: она все еще мыла посуду на кухне, распевая какую-то задорную песенку. От звуков ее голоса на крыше домика весело потрескивала черепица. Я сообщил Юдит, куда направляюсь, а заодно попросил ее проводить Ром-Бабу, снести парню в тюрьгу какой-нибудь человеческой жратвы, а то тюремные бобы и впрямь могут вконец сокрушить бедняге его нежный желудок. Юдит согласилась, после чего я со спокойной душой намылился в Кордову.

Путь до Кордовы лежал на восток. Он был неблизким, так что я рассчитывал перехватить дядюшку Джабеза где-нибудь по дороге, но у него оказалась приличная фора, да и лошадка, думаю, у подлеца

была что надо. К тому же Капитану Кидду словно какая вожжа под хвост попала; он каждую пару миль останавливался и начинал брыкаться, пока мне вконец не обрыдло его ослиное упрямство. Тогда я врезал ему рукояткой пистолета промеж ушей, после чего он немного успокоился. Но времени мы потеряли столько, что перехватить дядюшку Джабеза теперь нечего было даже надеяться. Уже совсем рассвело, а до Кордовы оставалось еще хрен знает сколько.

Когда взошло солнце, мне навстречу попался один старикан со своей женой, в жутко задрипанном фургоне, запряженном парой совсем отощавших мулов. Одно из колес фургона засело в какой-то промоине, а мулы настолько никуда не годились, что никак не могли стронуться с места. Я спешился, подошел к фургону, чтобы помочь. Тут старик мне и говорит:

— Погодите минутку, молодой человек, сейчас мы с моей старухой слезем да малость разгрузим повозку. Все же будет полегче.

— Это еще зачем? — не понял я. — Лучше держитесь покрепче!

С этими словами я выдернул колесо из промоины. Правда, если б оно засело чуть сильнее, мне бы пришлось вынуть из кармана вторую руку.

— Боже мой! — сказал стариик. — Я-то думал, что на такие штуки способен только Брекенридж Элкинс.

— А я — он самый и есть, — пришлось признаться мне. Старики начали рассыпаться в благодарностях. Чтобы они заткнулись, я поинтересовался, не в Ягуарий ли Ключ они собирались.

— Туда, туда, — кивнув головой, как-то безнадежно сказала старуха. — Хотя какая разница? Для

старых людей, ограбленных до нитки, одно место ничуть не лучше другого.

— Неужто вас посмели ограбить? — Я был потрясен.

— Эх-ма! — тряхнул головой старик. — Нету у меня привычки докучать незнакомцам своими бедами, но уж скажу. Еще как посмели! Меня зовут Хопкинс. У нас было малосенькое ранчо вниз по Пекосу, да засуха заставила его бросить. Тогда мы, собрав все, что удалось сберечь, перебрались в Ягуарий Ключ. В один недобрый час я решил подзаработать на бизоньих шкурах. Вложил на Льяно Эстакадо все свои наличные в товар; хотел доставить его в Санта-Фе, чтобы продать там с выгодой — случайно узнал, что именно сейчас цены там гораздо выше, чем в Финт-сити. А прошлой ночью весь этот чертов груз растворился в воздухе, будто его никогда и в помине не было.

На ночь мы остановились в Кордове. Моя старуха — в гостинице, а я пристроился на окраине, прямо в фургоне. Какая-то гнида подкралась к фургону и оглушила меня ударом по голове. Пришел в себя только к утру. Шкуры, фургон, упряжка — все исчезло бесследно. Я пошел жаловаться к городскому шерифу, так он только в лицо смеется. Как, говорит, прикажешь искать бизоньи шкуры в городе, набитом этим добром под завязку? Чтоб ему повылезило! Да ведь мои-то шкуры упакованы в аккуратные тюки, и на каждой я не поленился проставить свое старое клеймо: красный кружок с буквой «A» в середке. — Вздохнув, старик продолжил: — Джо Эмерсон, которому принадлежит салун, а в придачу половина города, одолжил мне под залог нашей лачуги в Ягуарьем Ключе денег, которых едва хватило на вот эту дрянную упряжку вме-

сте с никуда не годным фургоном. Если мы доберемся до Ягуарьего Ключа, то может мне удастся там подрядиться что-нибудь перевозить. Тогда мы со старухой еще как-то перебьемся...

— Ладно,— сказал я. История Хопкинса меня взволновала.— Мне все равно надо в Кордову. По делам. Попробую заодно поискать там ваши бизонные шкуры.

— Спасибо на добром слове, Брекенридж,— покачал головой старик.— Только мне кажется, те шкуры уже на полдороге в Финт-сити. Но ты езжай, парень. И пусть тебе повезет в Кордове больше, чем нам!

Они потащились дальше на запад, а я поскакал на восток и подъехал к Кордове примерно через час после восхода. На окраине города я увидел щит размером с хорошую дверь, на котором здоровенными буквами было выведено:

КОРДОВА. СКОТАРЯМ — ОТ ВОРОТ ПОВОРОТ!

— Что все это значит? — возмущенно спросил я у какого-то парня, остановившись за этим наглым объявлением, чтобы прикурить сигарету.

— Что написано, то и значит,— ответил тот.— В Кордове не продолжнуть от браконьеров, охотников за бизонами, а они терпеть не могут ковбоев. Будь я таким же громилой, как ты, посоветовал бы тебе смолить табачок где-нибудь в другом месте. Этот щит вкопал сам Бык Крохан. Если б ты только видел, во что он превратил физиономию последнего ковбоя, позволившего себе не заметить этот плакат!

Можете себе представить, что я сказал на это,— на милю вокруг со всех акаций стручки попадали.

Я выдернул щит из земли и, сжимая его в руке, пустил Капитана Кидда по главной улице городка.

Редко встретишь такого благовоспитанного, незлобивого парня, как я, но тут они меня достали. Ведь у нас — свободная страна и никаким там дермовым шкуродерам с поросшими шерстью ушами не позволено устанавливать границы для нас, ковбоев. Во всяком случае, покуда у меня на обеих руках останется хотя бы один палец, способный взвести курок, пропади оно все пропадом!

На улице было совсем мало народу, и такое дело показалось мне странным.

— Куда подевались все эти болваны браконьеры? — в бешенстве заревел я.

— А они отправились на скачки. На восточной окраине есть беговая дорожка, — ответил какой-то малый. — Все они там, кроме Быка Крохана, который надирается в салуне «Алмаз».

Я спешился и, раздраженно звеня шпорами, вошел в бар. У стойки трескал виски и о чем-то толковал с барменом поросший курчавой шерстью бугай в кожаных штанах и мокасинах. Рядом стоял еще один расфуфыренный павлин с гладко прилизанными волосами. У этого был даже галстук с бриллиантовой буллавкой в виде лошадиной подковы. Они разом уставились на меня, а рука бизоньего браконьера потянулась к поясу, на котором болтался нож. Таких длинных ножей мне еще видеть не приходилось.

— Кто ты такой? — прошипел шкуродер.

— Ковбой! — проревел я в ответ, размахивая щитом с подлой надписью. — А ты — Бык Крохан?

— Ага, — вкрадчиво согласился он. — И что же дальше?

А дальше я шарахнул бугая щитом по голове, отчего тот рухнул на пол, выкрикивая грязные ругательства и хватаясь за свой тесак. Щит разлетелся

в щепки, но стойка, на которой он прежде крепился, представляла собой дрын как раз удобного размера. Так что я перехватил его поудобней и продолжал обмолячивать черепушку Крохана до тех пор, пока бармен не попытался пальнуть в меня из обреза.

Я вовремя схватил дробовик за дуло, вот почему заряд просто смел все бутылки виски с ближайшей полки. Почесав затылок, я выкинул дробовик в ближайшее окно, но по горячке забыл сперва отлепить от приклада пальцы бармена, поэтому, как выяснилось позже, он улетел в окно вместе со своей пушкой. Так или иначе, но подлец оказался снаружи. Поднявшись с земли, он побежал по улице в сторону восточной окраины, размазывая по своей харе кровь из разбитого носа и визжа как недорезанный поросенок:

— На помощь! Убийца! Вонючий ковбой шлепнул Крохана и Эмерсона!

Мерзавец лгал, как республиканская газетенка. Потому как, покуда я с ним разбирался, Крохан успел на карачках уползти через переднюю дверь, а Эмерсон... Что ж, будь у него хоть капля благородства, он бы сохранил в целости свой скэлп.

Откуда же мне было знать, что он просто пытается спрятаться под стойкой бара? Я-то думал, у него там заначена пушка. Но стоило мне сообразить, как в действительности обстоит дело, и я тут же отшвырнул дрын в сторону и начал поливать рассеченную, но, к счастью, не расколотую тыкву Эмерсона колодезной водичкой. Так что очень скоро он захлопал глазами, сел и принялся, дико озираясь вокруг, трясти головой, с которой капали кровь и вода.

— Что тут стряслось? — наконец прохрипел он.

— Да ничего особенного,— заверил я, отбив горлышко у случайно уцелевшей бутылки с виски.— Просто я ищу одного джентльмена, по имени Джабез Грейндженер.

Именно в этот момент городской шериф принялся палить в меня через заднюю дверь. Первая пуля оставила на моей шее приличную вмятину, а следующей он наверняка уложил бы меня на месте, если б я тут же не выпшиб выстрелом пистолет из его руки. Тогда шериф бросился бежать по проулку. Я догнал его как раз, когда он оглянулся, чтобы посмотреть, далеко ли я отстал. Испуганно дернувшись, парень споткнулся и полетел кувырком через ящик с мусором.

— Я слуга закона! — завывал он, пытаясь дотянуться до охотничьего ножа и одновременно высвободить шею из-под моего сапога.— Ты напал на слугу закона!

— Разве? — проворчал я. Выбивая ногой нож из его руки, я чисто случайно чиркнул шпорой по заросшей густыми бакенбардами щеке.— А по-моему, слуга закона, который сперва допустил, чтобы в его родном городе у несчастного старика отняли шкуры, а потом еще и смеялся бедняге в лицо, вовсе не заслуживает такого звания. Давай-ка сюда свою звезду! Я тебя разжаловал. Теперь ты — частное лицо.

Затем я подвесил бывшего шерифа за пояс кожаных штанов на конец ближайшего куриного насеста и направился назад к бару, не обращая ни малейшего внимания на доносившиеся с насеста отчаянные богохульства. Входить в бар через заднюю дверь мне не хотелось, поскольку там мог притаиться Джо Эмерсон и подстрелить меня при входе как куропатку. Поэтому я обогнул салун,

чтобы войти в него с другой стороны и буквально врезался в целую толпу браконьеров, которых поганец бармен вызвал со скачек. Они как раз засовывали Быка Крохана в лошадиную поилку, чтобы смыть с него кровь. Все они отчаянно вопили и ругались одновременно, причем были так увлечены этим занятием, что не сразу меня заметили.

— Неужели мы потерпим такие издевательства в собственном логове от какого-то вонючего скотаря? — ревел бык. — Прочешите весь город! Он наверняка прячется где-то на задворках, или я не я! Мы повесим его прямо перед дверями «Алмаза», а скалы нацепим на длинный шест как последнее предупреждение всему ихнему племени! Пусть только попадется мне на глаза!...

— Для этого вам, дуралеям, надо всего лишь обернуться, — холодно заметил я.

Они и обернулись. Причем так поспешно, что уронили Крохана обратно в поилку. Они таращились на меня, разинув рты, а между тем Крохан, кряхтя, вылез из корыта. Отфыркавшись и отплевавшись, он завопил:

— Чего ждете, олухи? Хватайте его!

Вот видите? Именно из-за дурацких прихотей этого чудака, а совсем не по моей вине вышло так, что у троих браконьеров оказались проломлены головы! Пока остальные падали, спотыкаясь о друзей-приятелей, я повернулся, зашел в салун и вытащил на свет Божий пару своих шестизарядных, с помощью которых мог легко бросить вызов целому миру, а не то что какой-то жалкой кучке шкуродеров.

Они сразу бросились врассыпную, попрятались за кормушками, поилками, верандами, заборами. Вот тут-то неожиданно вышел вперед тот чудак в цилиндре и заявил:

— Джентльмены! Постарайтесь избежать кровопролития в стенах нашего города! Как мэр этого поистине замечательного города имею честь сообщить вам, что...

Я уже никогда не узнаю, какую честь он хотел сообщить и кому, поскольку именно в этот момент Крохан схватил бедолагу за грудки и отшвырнул в сторону. Мэр пробил своей умной головой забор, затих на грядке с кабачками и смирно лежал, пока все не кончилось. Какие-то добрые люди откачали его несколько часов спустя.

А браконьеры принялись поливать меня огнем из своих винтовок пятидесяти калибра. Эмерсон, прятавшийся за каменным простенком, время от времени выкрикивал какую-то забавную чепуху насчет дырок от пуль в стенах и крыше салуна. Вскоре разлетелась вдребезги большая вывеска над входом, а следом за ней зеркальная стенка позади стойки. Та же судьба постигла все бутылки на всех полках и все висячие светильники. Как подумаешь, сколько бед можно понаделать в любом салуне, имея в запасе всего пару ведер патронов, — прямо оторопь берет!

Крупнокалиберные пули запросто пробивали стены бара. Если бы я не передвигался все время с места на место, меня бы уж давно разнесло в клочья. Но и так одежда на мне оказалась прострелена в нескольких местах, а три или четыре пули оставили глубокие вмятины прямо в моей шкуре. Все же, прыгая с места на место, я имел кое-какое преимущество: браконьерам удавалось увидеть меня только мельком, да и стреляли они почти вслепую, поскольку мои пули ложились так близко к цели, что парни не могли себе позволить высунуться из укрытия достаточно надолго, чтобы как следует прицелиться.

Тут у меня стали подходить к концу патроны. Так что я выждал момент и рванул из салуна в проулок. Как раз когда один из шкуродеров пытался прокрасться внутрь через заднюю дверь. Я слышал, парень до сих пор злится на меня из-за своих зубов. Хотел бы я знать, как можно получить честный удар ногой по зубам, и притом не потерять ни одного из них. Если тот малый знает — пусть меня научит!

В общем, перепрыгнул я через его корчившееся тело и дал деру по проулку, подстрелив по дороге не то трех, не то четырех браконьеров. Правда, и сам склонялся пулью в многострадальную левую ногу. Шкуродеры притаились за заборами по обе стороны проулка, хотя разве может какая-то там доска остановить мою пулью сорок пятого калибра? Они тоже усердно палили в меня, но немного недооценили мою скорость. Вы даже представить себе не можете, насколько быстро я способен двигаться, когда в меня стреляют! В общем, не успели они сообразить, что к чему, как я уже проскочил весь проулок. Пробегая мимо коновязи, где хранился, сверкал глазами и грыз удила рванувшийся в бой Капитан Кидд, я выхватил из чересцедельной сумки свой винчестер 45-90 и рванул через улицу. Тут меня заметили браконьеры, все еще усердно решетившие переднюю дверь «Алмаза». Как раз тогда мне отстрелили обе шпоры, но я успел-таки нырнуть в универсальный магазин Эмерсона. Едва завидев меня, продавцы и клерки с визгом бросились к задним дверям.

Да, кстати. Ведь надо еще упомянуть болвана-браконьера, что пытался реквизировать Капитана Кидда. Сразу скажу, уж тут я вовсе ни при чем. Сейчас они распускают повсюду слухи, будто я спе-

циально тренировал свою лошадку перебрасывать встречных шкуродеров через забор, а потом прыгать на них сверху всеми четырьмя копытами сразу. Подлая ложь! Мне такое даже в голову не могло прийти. Кэп Кидд додумался до этого сам! А тот идиёт, который пытался присвоить моего конька, пусть вообще спасибо скажет, если сумеет встать на костили месяцев через десять.

Ну вот. Теперь я оказался на той же стороне улицы, что и браконьеры. Когда я начал стрелять в них через окна, им пришлось перебежать улицу и укрыться в дансинг-холле, который находился как раз напротив эмерсоновского магазина. Оттуда-то они и принялись палить в меня с новой силой; с новой силой заорал свои глупости и Джо Эмерсон, ведь дансинг-холл тоже принадлежал ему. Кроме Эмерсона, в городе не осталось ни одного жителя: все они давным-давно смылись в окрестные холмы, уступив место боевых действий враждующим армиям.

А я заставил окна магазина бочками с солеными огурчиками, поверх которых навалил множество свиных окороков и рулонов веселенького ситчика. Воздвигнутые мной баррикады оказались такими прочными, что их не могли пробить даже крупнокалиберные пули из карабинов для охоты на бизонов. В магазине имелся целый арсенал кольтов, винчестеров и патронов к ним, а также целое море виски, а потому мне не составляло никакого труда удерживать мой неприступный форт хоть до самого Судного Дня.

Постепенно шкуродеры сообразили, что их пальба не приносит мне никакого вреда. Довольно скоро я услышал бычий рев Крохана:

— Эй! Тащите-ка сюда пушку, которую солдаты привезли в город для защиты от апачей! Она до сих

пор торчит позади ратуши. Поставите ее напротив дверей. Мы выкурим гада из его форта, будь я проклят!

— Вы вдребезги расквасите мой магазин! — взвыл Эмерсон.

— Если не заткнешься, я вдребезги расквашу твою физиономию! — гаркнул Крохан.— Парни! Вперед!

Браконьеры продолжали палить в меня, но я в долгую не оставался. Если судить по леденящим кровь воплям, то и дело долетавшим с той стороны улицы, мне удалось-таки подстрелить парочку-другую этих безмозглых идиотов. Потом до меня донесся настоящий взрыв проклятий. Я сообразил, что подлецы все же притащили пушку, но, когда она застряла в задних дверях дансинг-холла, невзначай придавили ее колесом кого-то из своих. Пока они разбирались с этим делом, стрельба совсем стихла и в наступившей оглушительной тишине мне послышался стабильный шорох у задних дверей магазина.

В задней части здания окон не было, поэтому бандиты не могли обстреливать меня с той стороны. Подкравшись к двери, я тихонько выглянул наружу и увидел малого, деловито бежавшего вдоль стены магазина. В руках у него были канистра с керосином и спички. Паразит щедро лил керосин в пересохшую канаву водостока, всерьез готовясь поджечь мой форт!

Я уже собирался подстрелить этого умника, как кролика, но вдруг узнал в нем Джабеза, дядюшку Юдит Грейнджен. Положив винчестер на пол, я бесшумно открыл дверь и прыгнул прямо на него, но пошлиак с писком увернулся и пустился удирать прямо по канаве. Тут опять началась пальба, только я уже не обращал на нее никакого внимания, ведь я

просто не мог позволить дядюшке Джабезу снова ускользнуть. Прежде чем мне удалось настичь его, пришлось пробежать по канаве ярдов сто. Пистолет я у него из руки вышиб, но он успел ухватить с земли здоровенный булыжник и колотил меня по голове до тех пор, пока у меня окончательно не лопнуло терпение.

Однако мне вовсе не хотелось ненароком изувечить Джабеза, ведь как-никак он был дядюшкой Юдит. Поэтому я просто пнул его в брюхо, швырнул на землю, уселся сверху и сказал:

— Дико извиняюсь за то, что огrel тебя тогда канделябром, чтоб ты лопнул! Принимаешь ли ты мои искренние извинения, вислобрюхий конокрад?

— Никогда! — ответил он запальчиво. — Грейнджеры никогда не прощают обид!

Пришлось взять дядюшку за уши и шарахнуть несколько раз лбом об выпавший из его же руки булыжник. Наконец он прошелестел:

— Дерьмо собачье! Прекрати счас же! Так и быть, принимаю твои искренние извинения!

— Прекрасно, — сказал я, поднимаясь и отряхивая слегка запылившиеся штаны. — Но помни: если ты когда-нибудь отречешься от своих слов, я сперва натяну твою гнилую шкуру на армейский барабан и только потом...

Именно в этот момент универсальный магазин Эмерсона со страшным грохотом взлетел на воздух.

— Что за черт?! — взвизгнул дядюшка Джабез и, пошатываясь, поднялся на ноги...

...Как раз тогда когда с небес посыпались куски окороков вперемешку с деревянными обломками, увитыми веселым ситцевым серпантином.

— Ох! — сказал я, огорченно хлопнув себя ладонью по лбу. — Моя вина! Наверно, шальная пуля угодила в бочонок с порохом. Ведь собирался же я убрать эти бочки в подвал, от греха подальше, да вот увидел тебя, засуетился и забыл. Поступай...

Но дядюшка Джабез уже снова лежал в дорожной пыли, поверженный и молчаливый. Позже он, по слухам, обвинял меня в том, что я согрел его сзади осью от фургона. Вранье! Ничего подобного я не делал! Это была всего-навсего потолочная балка. Если б старый дурак был повнимательней, он бы тоже успел нырнуть в канаву, как это делают все нормальные люди, — такие, как я, например, — когда на них падает крыша магазина. Теперь разгуливал бы без этой ужасно уродливой вмятины в черепе.

Я выкарабкался из канавы. Передо мной дымились руины универсального магазина, а из дверей дансинг-холла с радостными криками и молодецким уханьем высыпала вся чертова толпа шкуродеров. Чуть поодаль Джо Эмерсон вырывал с собственного темени последние пучки волос, заунывно воя, словно страдающая несварением желудка гиена. Парня можно было понять, ведь его салун превратился в ажурную летнюю беседку, а магазин — в груду никчемных развалин.

Но на его причитания никто не обращал внимания. Браконьеры осторожно приближались к останкам магазина, а я, никем не замеченный, перебежал улицу в другом направлении и свернул в проулок позади салуна. По этому проулку я быстроенько добрался до задних дверей дансинг-холла, где с удовлетворением обнаружил застрявшую в дверях пушку.

Отсюда был хорошо слышен рев Быка Крохана:

— Разгребайте мусор, парни! Останки Элкинса должны быть где-то там, если только он не растворился в воздухе! Вот тут...

Трр-рахх! Послышался треск ломающихся досок, а потом кто-то заорал:

— Эй вы там! Крохан провалился в какой-то колодец!

И тут заунывный вой Эмерсона перешел в истощенный визг:

— О черт! Не вздумайте соваться туда, вашу мать! Не смеите...

Мне это все надоело. Я оторвал кусок стены вместе с дверным косяком, слегка высвободил колеса пушки, перекатил ее к передним дверям дансинг-холла и выглянул наружу. Вся толпа болванов-шкуродеров стояла спиной к дансинг-холлу, причем большинство согнулось в три погибели, заглядывая в какую-то дыру и тщетно стараясь выудить из нее свалившегося туда Крохана. Изрыгаемые Быком проклятья звучали слегка приглушенно. Джо Эмерсон бочком-бочком приближался к месту событий. Малого тянуло к яме как магнитом.

Проверив пушку, я обнаружил, что кретины набили ее гвоздями, булавками, медными пуговицами, ковровыми кнопками и тому подобным хламом. Но место там еще оставалось, и я щедросыпанул туда полведра крышек от пивных бутылок. Просто так, для ровного счета. А затем поджег фитиль. Пушка плонула огнем со звуком, подобным удару грома. Отдача отбросила меня назад ровно на семнадцать с половиной футов. Вы бы только слышали дружный вопль штук сорока шкуродеров, когда на ихние задницы обрушился смерч раскаленного металлического хлама. Нет, это было бесподобно!

Правда, к моему глубокому огорчению, никого из них не убило. Не то заряд оказался слишком тяжелым, не то эти жмоты засыпали в пушку маловато пороху, но моя картечь только посыпала их с ног да располосовала им всем штаны на задницах. Но вот уж с улицы шкуродеров смело чисто твоей метлой! Смело и поставило на уши как раз в ту канаву, где я совсем недавно принесил свои искренние извинения дядюшке Джабезу. Смело всех, кроме Быка Крохана. Его ноги, насколько я мог различить, так и остались торчать из развалин.

Не успели эти жалкие недоумки пошевелить той самой мозговой извилиной, что была у них одна на всех, как я уже оказался рядом с канавой и принял-ся охаживать их деревянной колонной — подпоркой, которую я, пробегая мимо, с корнем выдрал на веранде салуна. Некоторые негодяи сумели-таки выбраться из канавы и теперь, не вставая с карабек, с ужасным воем рванули прямиком в пустыню. Позже мне говорили, что они так и не останавливались, пока не добежали до Финт-сити, причем по дороге наткнулись на большущий отряд апачей, вышедших на тропу войны, и до судорог перепугали несчастных индейцев.

Потом я пошел туда, где из мусора торчали ноги Крохана, взял парня за лодыжки и выдернул на свет Божий.

Яма, в которую он провалился, больше всего походила на подвал-тайник, раньше надежно упрятанный под полом магазина. Крохан что-то такое усердно бормотал, но в речах его не было никакого смысла. Вдобавок стоило мне отойти него хоть на секунду, как он тут же снова валился в яму головой вниз.

Не скрывая разочарования, я оттащил его за ноги в сторону, чтобы получить возможность заглянуть в подвал. Мне было дико интересно: что же такое хитрец Эмерсон так усердно прятал от посторонних глаз?

Так вот: подвал оказался битком набит бизоньими шкурами, увязанными в аккуратные тюки! Эмерсон, все еще околачивавший поблизости, попытался было дать деру, но я успел схватить его за шкирку. Выудив свободной рукой из подвала один из тюков, я развернул его. На шкуре стояло клеймо в виде красного кружка с буквой «A» в самой середке.

— Ага! — сказал я Эмерсону и, совершенно не произвольно, расквасил ему нос. — Значит, старика Хопкинса ограбил именно ты! А потом не постыдился выколотить из него ту закладную! Ну! Где старикины упряжка и фургон? Говори!

— Я спрятал их в моей платной конюшне, — простонал Эмерсон.

— Пойди запряги лошадей в фургон, потом приведешь их сюда, — сказал я. — Попытаешься смыться — из-под земли выну и заживо сниму с тебя скальп!

Я пошел напоить Капитана Кидда, а вернувшись обратно, увидел, что Эмерсон уже тут как тут, с упряжкой и фургоном. Ну я и велел ему грузить в фургон шкуры.

— На мне места живого нет, — захныкал он, — я не могу грузить шкуры.

— Это полезное упражнение, — заверил я, — оно поможет тебе быстро восстановить здоровье! — Для пущей убедительности я дал ему такого пинка под зад, что он едва из штанов не выскочил. Эмерсон взвыл от боли и немедленно приступил к погрузке.

Тут как раз пришел в себя Крохан. Он застонал, сел и дико уставился на меня.

— Кажется, ко мне вернулась память,— прохрипел он.— Ага, вспомнил! Мы тут собирались вышибнуть из города Брекенриджа Элкинса! Привет, парень!

С этими словами он встал, довольно уверенно доковыляя до опустевшего подвала и, снова свалившись туда вниз головой, задрыгал ногами, взвизгивая от приступов истерического хохота.

У меня от ужаса даже волосы на голове зашевелились.

— Фургон нагружен! — задыхаясь, отрапортовал Эмерсон.— Забирай его и проваливай поскорее, чтоб тебя черти разорвали!

— Ладно. Но пусть случившееся послужит тебе хорошим уроком! — наставительно сказал я, оставив без внимания явный недостаток дружелюбия в его тоне.— И заруби себе на носу: честность в делах — лучшая политика!

В подтверждение своих слов я еще раз двинул ему по сопатке, добавил спицей от колеса по голове, после чего взобрался на козлы, щелкнул кнутом, и мы двинулись в сторону Ягуарьего Ключа.

Едва одолев половину пути до Ягуарьего Ключа, мулы старика Хопкинса окончательно выбились из сил. Старику со старухой пришлось устраивать привал. Тут-то мы с Кэром их и догнали. В жизни не видывал, чтобы люди так радовались, когда я вручил им фургон, упряжку, шкуры и закладную. Оба они плакали, старая леди целовала меня, а старик так стиснул в объятиях — откуда только силы взялись! — что я уж и не чаял вырваться из них живым. Когда каким-то чудом мне это все-таки удалось, я снова взгромоздился на Капитана Кидда и поспешил даль-

ше — ведь мне еще предстояло умножить свои капиталы, чтобы вытащить из тюрьги Ром-Бабу.

* * *

Я добрался до Ягуарского Ключа на рассвете и сразу же направился к домику Юдит. Мне не терпелось сообщить ей, что мы с дядюшкой Джабезом и взаправду стали самыми лучшими друзьями. Тетушка Генриетта метлой выколачивала ковер на веранде. Вид у нее был слегка безумный. Когда я подошел поближе, она как-то странновато посмотрела на меня и сказала:

— Привет, Брекенридж! Что у тебя с лицом?

— А,— отмахнулся я,— так, пустяки. Немного поспорил с бизоньими браконьерами там, в Кордове. Они обчистили одного старого джентльмена и его леди. Украли бизоны шкуры, не говоря уж о лошадях и фургоне. Я решил заглянуть в Кордову, чтобы посмотреть, нельзя ли как-то помочь делу. Эти волосатоухие шкуродеры сперва не поверили мне, что шкуры придется вернуть. Пришлось немного задержаться, чтобы убедить их впредь никогда не совершать дурных поступков. Заодно я нашел время и место извиниться перед дядюшкой Юдит, хоть мне и пришлось для этого гнаться за старым жуликом отсюда до все той же самой Кордовы. А где сама Юдит?

— Сбежала! — рявкнула тетушка Генриетта, с такой силой стукнув по полу метлой, что у той сломалась ручка.— Она потащила кучу пирожков и лепешек в тюрьму твоему болвану дружку и с первого же взгляда втюрилась в него по уши. Когда она вернулась оттуда, то заняла у меня денег уплатить за него штраф — мне-то она сказала, что хочет купить новое платье, чтобы еще больше понравиться в нем

тебе, Элкинс! Вероломная вертихвостка! Кабы я знала, для чего ей деньги, черта лысого она бы их получила! Кой-чего другого она бы получила, лежа вниз лицом на моем колене! Но она взяла деньги, выкупила твоего приятеля из кутузки...

— И что же случилось потом? — едва сдерживая бешенство, спросил я.

— Она все же оставила мне записку.— Тетушка Генриетта неожиданно всхлипнула и так ударила метлой по ковру, что тот тихо распался на шесть кусков сразу.— Говорит, боялась, что если не выйдет замуж за кого попало, то я заставлю ее выйти замуж за тебя. Еще она написала, что отправила тебя гоняться за Джабезом нарочно. А затем, дескать, она познакомилась с этим, как его там, с Ром-Бабой и...— Тетушка опять всхлипнула. При ее габаритах это выглядело устрашающе.— Да, из песни слова не выкинешь: они переспали! Потом обвенчались, а теперь вот едут в Денвер, чтобы провести там медовый месяц... Эй, Брекенридж! Ты часом не заболел?

— Да! — прохрипел я.— Заболел. Еще как заболел! Мне встала поперек горла человеческая неблагодарность! И это после всего, что я сделал для Ром-Бабы! Нет, ей-богу, вот уж урок для меня на всю жизнь! Клянусь, что впредь я и пальцем не пошевелю, чтобы побыстрее вытащить из тюрьги очередного такого вот козла!

БРЕКЕНРИДЖ ЭЛКИНС И НАЛОГИ

B

положении здорового, сильного и неутомимого, как степной волк, молодого человека, указательный палец которого в случае чего сам собой прыгает на спусковой крючок, имеются вполне определенные неудобства.

Люди вечно пытаются перевалить на меня работу, которая кажется слишком тяжелой или слишком грязной им самим. Взять хотя бы ту историю в Аризоне.

Я возвращался на Медвежий Ручей, только что уладив в далеком Мехико дельце с одним джентльменом, распространявшим непристойные слухи о моей родне. Наглец утверждал, будто мой дядюшка, Сол Гарфильд,— конокрад. Я шел за этим низкопробным сплетником по следам от Гумбольта в южной Неваде, пока не настиг его уже по ту сторону мексиканской границы. Джентльмен великодушно взял все свои слова обратно, а также охотно подписал бумагу, в которой признавал себя подлым лжецом и вонючей крысой. Такой документ был мне совершенно необходим: я собирался предъявить его на Медвежьем Ручье в доказательство того, что честь нашей семьи была, есть и остается незапятнанной. Вообще, народ у нас, на Медвежьем Ручье, очень гордый. Мы никогда не позволяем подвергать сомнению нашу безукоризненную честность и никому не прощаем клеветы. Вот почему никто не посмеет сказать, что хоть один из нас хотя бы раз в жизни присвоил какую-нибудь сущую безделицу, вроде колесика от шпоры нечаянно подстреленного незнакомца.

Так вот...

Однажды на обратном пути я рано утром оказался в Сан-Хосе, маленьком занюханном городишке, от которого было рукой подать до мексиканской границы. Меня изрядно мучила жажда, поэтому я заглянул в салун, где выпил три или четыре галлона пива кряду. Ну и пока я цедил свое пиво, вокруг собралась целая толпа любопытных, пляшившихся на меня, будто на какую-то диковинку. Один шустрый парень даже выглянул из дверей и крикнул кому-то на улице:

— Эй, Билл, вали сюда быстрей! Тут один малый размером со слона глотает здешнее жуткое пойло целыми ведрами!

Когда я был помоложе, подобное внимание изрядно смущало меня, но с тех пор утекло немало воды, и я привык к тому, что вызываю любопытство повсюду, кроме Медвежьего Ручья. Там у нас, на Гумбольте, у большинства мужчин нормальное телосложение — вроде моего, но в других местах появление таких парней, как я, почему-то вечно вызывает нездоровий ажиотаж.

Одним словом, я не обращал на всех этих зевак никакого внимания, пока ко мне не обратился один малый с желтым шейным платком. Он вежливо приподнял шляпу и сказал:

— Прошу извинить меня, незнакомец. Мне бы не хотелось показаться назойливо-любопытным, но не имею ли я чести говорить Брекенриджем Элкинсом?

Я обдумал его слова и не стал возражать. Тогда он продолжил:

— Джентльмен, находящийся сейчас на той стороне улицы, уполномочил меня обратиться к вам и, ежели выяснится, что вы и впрямь Брекенридж Элкинс, попросить вас о встрече.

— Отчего же он сам не заглянул сюда? — поинтересовался я.

— Не может ходить, — ответил ковбой. — У него нога побаливает.

— Может, он хочет пиф-паф? — спросил я, будучи по натуре очень осторожным и предусмотрительным человеком, что бы там ни утверждали на этот счет другие.

— О нет! — заверил меня малый. — Он ваш друг. Говорит, знал вас в Неваде, в старые времена. Его зовут Джон Биксби.

Я прикончил последний кувшин пива и сказал, что согласен повидать Джонни. Я помнил его до-

вольно хорошо: эдакий шустрый коротышка, вечно размахивает руками и любого способен заболтать до полного изумления. Мне этот парень всегда нравился, хоть он и позволял себе покупать рубашки в магазинах готового платья. Он даже носил носки! Это ж надо быть таким пижоном! Но парню дико не повезло: родился-то он далеко на востоке, не то в Канзасе, не то в Оклахоме. Так что приходилось прощать ему некоторую изнеженность манер и глупые причуды.

— А что Джонни делает тут? — спросил я.

— О, — ответил ковбой, — он исполняет обязанности местного шерифа, работает под началом Билла Джексона, главного шерифа графства Чисом, а на следующих выборах собирается занять эту должность уже на законных основаниях. Контора Биксби — на той стороне улицы. Это его стоянки доносятся оттуда. У него на самом деле зверски болят ноги.

Парень был прав: такие стоянки не услышал бы разве что глухой. Наверно, подумал я, Джонни уже распугал своими воплями всех койотов по ту сторону мексиканской границы.

Контора располагалась в однокомнатной лачуге, на скорую руку сколоченной из некрашеных досок. Поднимая клубы густой пыли, мы перешли улицу, миновали коновязь, у которой переминались с ноги на ногу несколько ужасных кляч, и вошли в распахнутую настежь дверь. За ней, откинувшись на спинку кресла, сидел парень. Его обмотанная грязными бинтами нога возлежала на горе пустых ящиков. Это и был Джонни, собственной персоной. Стропила халупы аж гудели от его стонов.

— Пришел ваш друг, Джонни, — сказал малый, заглянув в комнату.

— О, благодарю тебя, Мак Брайд! — слабым голосом отозвался Джонни. — Входи, Брекенридж, входи же скорее! Я так рад, что мне посчастливилось увидеться со старым приятелем до того, как я покончу счеты со всеми земными заботами и должен буду кануть в Великое Ничто!

Тут я вошел в кабинет, а Мак Брайд, наоборот, удалился. Мне показалось, малый очень привязан к Джонни и оплакивает его участь, потому как, уходя, он прижал одну руку ко рту, а другую — к животу, изо всех сил стараясь подавить странные рыдающие звуки. Я бы мог побиться об заклад: парень вот-вот лопнет от смеха, если б не знал наверняка, что смеяться тут совершенно не над чем.

Входя в комнату, я здорово стукнулся головой о притолоку. До сих пор никак не возьму в толк, отчего они не научатся делать эти проклятые двери такой высоты, чтобы мужчина нормальных размеров мог проходить без риска вышибить себе мозги. Но я не стал злиться, а взял себя в руки и сказал:

— Привет, Джонни. Какой мерзавец тебя подстрелил?

— Никто в меня не стрелял, — простонал он. — Это подагра.

— Что-что? — изумился я.

— Такая болезнь большого пальца на ноге, — объяснил он. — У нас, у Биксби, это наследственное. О! — очень убедительно сиять простонал Джонни. — О! О! О-о-оу-уу!

В руке Биксби держал какое-то письмо. Мне показалось, что, когда он переводит взгляд на эту бумажку, его стоны становятся куда громче и рвутся как бы прямо из глубины сердца. Я всегда очень расстраивалась, оказываясь невольным свидетелем

того, как не могут себя сдержать взрослые мужчины. Но, наверное, подагра — очень тяжкий недуг, которым страдают все парни, имевшие несчастье родиться так далеко на востоке. Поэтому я ничего не сказал, а уселся в другое кресло и стал ждать, пока приступ утихнет и Джонни сумеет наконец совладать с собой.

— Я в глубокой заднице, Брек,— горько сказал он чуть погодя.— Все против меня. Изменчивая фортуна и подагра большого пальца сделали меня беззащитным перед происками моих врагов, а в особенности перед неописуемой подлостью Билла Джексона, шерифа округа Чисом.

— Мне казалось, ты — его доверенное лицо,— заметил я.

— Верно,— ответил Джонни.— Но я мечу выше. Мое честолобие не знает границ. Оно зовет меня к звездам. Точнее — к одной такой симпатичной звездочке. Я собираюсь дать Джексону бой на выборах шерифа, о чем ему хорошо известно. Поэтому он спит и видит, как бы подорвать мою репутацию. А теперь судьба предоставила ему шанс, и он тут же сдал мне джокера. Уж лучше бы меня мул лягнул!

Биксби перебросил мне письмо.

— Ты только взгляни! — сказал он.— Это приказ из конторы шерифа. Я должен немедленно поехать и собрать налоги в Смоуквилле. А ведь ему известно, что я так плох, что даже не могу усидеть в седле. Если я не соберу налоги, этот подлец обернет это против меня во время предвыборной кампании. Он обвинит меня в мошенничестве и мздоимстве! Правда, негодяй и так меня в них обвиняет, да только пока ничего не может доказать. Но если я не внесу чертовы налоги в казну округа, тогда все! Тогда я — конченый человек!

— Какое тебе дело до налогов, раз ты все равно вот-вот помрешь от своей ужасной подагры большого пальца? — спросил я.

— Да, эта болезнь убивает быстро, — согласился Биксби. — Но все-таки она косит не всех подряд. Может, я еще сумею выкарабкаться. А сбор налогов — мой долг. Я ведь, как-никак, доверенное лицо!

— Почему бы тебе тогда не послать кого-нибудь вместо себя? — недоуменно спросил я.

— Я никому здесь не доверяю, — горестно сказал Джонни. — Боюсь, эти подлецы обведут меня вокруг пальца и продадут Джексону со всеми по-трохами. Они просто присвоят денежки себе, как пить дать, а потом заявят, что их прикарманил я! Подожди! — вдруг воскликнул Биксби, ткнув пальцем в мою сторону. — А почему бы эти налоги не собрать тебе? Ведь ты — единственный человек в Сан-Хосе, которому я и впрямь могу доверять!

— Я не верю в налоги, — ответил я. — Мы на Медвежьем Ручье отродясь не платили никаких налогов и впредь не собираемся этого делать.

— Да уж, — сказал Джонни. — Вы там сами в состоянии о себе позаботиться. Ведь вы никаким боком не зависите от правительства. Сами обеспечиваете себя жратвой, питьем, баражлом... Даже виски и порох делаете сами. Причем, судя по вкусу пойла, которое мне однажды довелось хлебнуть, что для него, что для пороха рецепт у вас один. Но здесь-то все не так! Здесь людям приходится платить налоги. Правда, они не спешат с этим делом, пока кто-нибудь не приедет и не соберет с них проклятые деньги. Но черт меня побери, Брек, это совсем нетрудно! Просто поезжай в Смоуквиль, он всего в десяти милях к западу отсюда, собери там эти чертовы налоги и возвращайся с наличными!

— И не подумаю! — прорычал я.— Мой дед расколошматил англичанишек у Королевской Горы как раз за то, что они хотели поиметь с нас ихние сволочные налоги! Платить налоги — самое дрянное занятие для честных людей, а уж собирать — тем более!

— Но послушай, Брекенридж,— заныл Биксби.— Людям все равно приходится платить налоги, а комуто приходится их собирать. Если я этого не сделаю, я — конченый человек, а кроме тебя, мне некому довериться. Вспомни наши старые деньки в Неваде! Вспомни, как мы с тобой, спина к спине, отбивались от людей шерифа в Жеваном Ухе!..

— Ты врешь! — ответил я, припомнив тот случай.— Ты тогда смылся, и мне пришлось разделываться с теми пустоголовыми олухами одному!

— Как ты можешь вспоминать старые обиды в такое время, Брекенридж? — жалобно заскулил Биксби.— Когда я совсем один лежу тут, при последнем издыхании? Со слезами на глазах прошу: собери для меня эти чертовы налоги!

— Ладно,— проворчал я.— Хрен с тобой. Соберу, только кончай ныть. А сколько собирать-то?

— Вот здорово! — радостно закричал Биксби и сразу перестал стонать.— Давно бы так! Я назначаю тебя главным сборщиком налогов по всей южной части округа Чисом. Теперь ты большая шишкаПо-моему, по доллару с носа каждого взрослого, будь то мужчина или женщина, выйдет примерно как раз. А если тебе попадется кто-нибудь побогаче, сдери с него за это еще несколько баксов. Езжай в Смоуквишь прямо сегодня. Думаю, за пару дней управишься. А когда вернешься, можешь сразу ехать дальше, к себе домой, если, конечно, останешься в живы... о черт! Я имел в виду, если не

поднимется песчаная буря или еще что-нибудь. Будет лучше, если ты отправишься прямо сейчас!

Эх!

Вскоре я уже выезжал из Сан-Хосе верхом на Капитане Кидде, горестно размышляя о том, что коли мои родичи на Медвежьем Ручье когда-нибудь признают, что я пал так низко, чтобы собирать налоги, они до конца своих дней со стыда не смогут глаз от земли оторвать. Я прекрасно помнил, как они поступили с тем единственным сборщиком налогов, который рискнул побывать у нас на Гумбольте. После того случая население штата засыпало губернатора письмами, требуя послать на Медвежий Ручей войска. Он бы, конечно, послал, но тогда у него в подчинении и пяти тысяч солдат не имелось, а даже такому дураку, как он, было ясно, что этого маловато.

Не успел я отъехать от города, как мне навстречу поехал фургон, доверху набитый каким-то домашним скарбом. На коалах покуривал глиняную трубку старик. Рядом, тоже с трубкой в зубах, восседала его жена. Оба выглядели так, будто весь белый свет им не милю.

Я натянул поводья, поехал рядом и спросил:

— Вы живете в округе Чисом?

— Жили,— ответил старик, вытащив трубку изо рта.— Но больше не живем.— И снова стиснул трубку зубами.

— Отлично,— сказал я.— Я сборщик налогов. Не думаю, чтобы, покидая округ навсегда, вы совсем ничего не остались должны правительству.

В ответ старик явственно расхохотался.

— А как же! — сказал он.— Должны. И останемся должны! Я пока еще не спятил настолько, чтобы выкладывать наличные за сомнительную при-

вилегию быть подстреленным, как кролик. Верно, я уезжаю. А все остальное мне до фени. Но я ни разу не скажу своим мулам «тпру», пока не окажусь так далеко от Чисома, что не смогу расслышать вопли местных ослов. Как четырехногих, так и двуногих. Даже если им вдруг вздумается зареветь всем сразу!

Пожилая женщина, все это время смотревшая на меня с какой-то непонятной болезненной гримасой, вдруг заговорила:

— Бедный мальчик! Сборщик налогов! Твою матерь! Какой позор! А ведь уже такой большой!

— Точно! — фыркнул стариk.— Он такой большой, что эти придурки не промажут по нему, даже если очень захотят! Н-ну, м-мертвые! — И он изо всех сил вытянул молов вожжами по костлявым спинам.

Фургон загромыхал по ухабистой дороге.

Какие иногда попадаются странные люди, подумал я. Может, они бывшие пастухи-овцеводы? Или еще какие психи? Я тронул коня и, миновав сильно пересеченную местность, выехал на широкую полосу ровных солончаков. Тут мне повстречался какой-то обветренный, морщинистый старый хрыч верхом на кошмарной кляче. Он приподнял свой здоровенный винчестер так, что его законченное артиллерийское дуло оказалось в точности на уровне моего пузза и спросил:

— Эй, парень! Мир или война?

— Это как посмотреть, — не растерялся я. — Вообще-то, я собираю налоги.

Чудак так рассмеялся, что едва не выронил свою пушку.

— ЕдриТЬ твою налево! — сказал он. — Не иначе как тебя послал сюда Джон Бикси!

— Послал, — согласился я.

— А я и не сомневался,— заявил старый черт.— Но вот что я скажу тебе, парень. У меня нет ничего, кроме вот этого самого одра, на котором я сижу, и кроме моей старой доброй винтовки. Но я даже не подумаю платить за них какие-то там налоги. Ни цента!

— Вряд ли правительство уже доперло до того, чтобы облагать налогами части человеческого тела,— ответил я.— Но даже, если когда-нибудь допрет, я не стану выполнять такие дурацкие распоряжения.

— Знаешь Навахо Барлоу? — вдруг спросил меня этот изрядно скучоженный малый.

— Это еще кто такой? — поинтересовался я.

— Босс. Хозяин Смоуквилья,— ответил он.— Тот человек, с которым тебе придется иметь дело.

— Джонни мне ничего про него не говорил,— признался я.

— А я и не сомневался,— заявил в ответ кожаный мешок с костями.— Наш Джонни не из тех парней, кто станет давить собственное дерымо. Ну и хрен с ним. Что до меня, так я еду в Сан-Хосе. А эта дорога ведет в Смоуквиль. И да спасет Господь твою душу, малыш!

Он торжественно, словно гробовщик, приподнял свою черную шляпу и, удаляясь от меня, еще долго держал ее в руке.

«Неужели у всех местных крыша напрочь съехала?» — сокрушенно думал я, продолжая свой путь. Вскоре я добрался до какой-то хижины. Она одноко торчала посреди пустоши, кое-где утыканной чахлыми мескитовыми деревьями. Повсюду царило запустение, лачуга выглядела так, словно вот-вот развалится, а сидевший на крылечке малый был ей под стать. Его рубашка и широкие рабочие штаны, похоже, превратились в лохмотья еще задолго до

моего рождения. В тулье измятой шляпы зияла здоровенная дыра, а пальцы дружно вышли из башмаков подышать свежим воздухом. За его спиной в дверях лачуги стояла женщина; из окон выглядывала орава чумазых детишек... И все они были точь-вточь такие же задрипанные, как сам глава этого странного семейства.

Он смотрел на меня каким-то остановившимся, тупым и одновременно голодным взглядом.

— Привет! Я — сборщик налогов,— представился я.— Вы должны правительству по доллару с головы.

— А у меня нету денег,— безнадежно ответил малый.— У меня вообще ничего нету.

— Дерьмо собачье! — раздраженно заметил я.— Мне это надоело! Так дальше дело не пойдет. Должен же я, наконец, получить хоть с кого-нибудь хоть какие-нибудь налоги!

— Ну хорошо,— тяжело вздохнул он.— В конце концов, я не из тех парней, которые вечно пытаются облапошить собственное правительство. Вон там бегает наш последний петух. Мы сохранили ему жизнь, чтобы угостить детишек курятинкой на следующее Рождество. Можешь его забрать в счет налогов. Это все, что у нас есть, если, конечно, не считать тех тряпок, что на нас надеты. Но ведь они все в заплатах! Бряд ли правительство согласится их носить.

— Не понимаю,— сказал я.— Здесь вокруг не плохие пастища. Значит, должны быть и зажиточные люди.

— Сомневаюсь, что ты найдешь тут много людей, которые живут сильно лучше нашего,— заверил меня малый.

— Как же вы все тут дошли до жизни такой? — изумился я.

— А ты лучше спроси у Навахо Барлоу! — злобно вмешалась в наш разговор женщина.

— Заткнись! — вдруг сильно побледнев, приказал ей муж.

— И не подумаю! — отчаянно и решительно отрезала она. — Если этот парень — человек правительства, ему следует знать, как орудует здесь, в округе Чисом, Навахо Барлоу вместе с бандой своих головорезов! Сказать, что он подый грабитель — значит почти ничего не сказать! Он делает в Смоуквилле все, что его левая нога пожелает, а шериф со своими людьми слишком перетрусили и ни во что не вмешивается. А ты, парень, должно быть, из других мест. Или просто последний болван, раз приехал сюда собирать налоги. Когда в Смоуквилле последний раз появлялся сборщик налогов, они изловили незадачливого беднягу, поставили ему раскаленным железом на задницу именное клеймо Барлоу, а потом долго таскали голым по всему городу, верхом на мескитовом шесте.

Барлоу — босс, именно он настоящий хозяин всей южной части округа, — переведя дух, продолжала женщина. — На него работают самые отъявленные бандиты. Джим Хопкинс, Билл Райдли, Джек Макбейн и не знаю уж кто там еще. А в Смоуквилле он устроил себе штаб-квартиру, вот почему там никто не осмелится даже рта открыть, чтобы сказать про него хоть одно дурное слово. Его банда воровала у людей скот и лошадей, пока не довела всех до полной нищеты. Он крадет скот у мексиканцев и заставляет нас его покупать. А потом крадет тот же самый скот у нас и опять загоняет мексиканцам. Всякий раз, когда кому-нибудь из нас удается раздобыть хоть немного денег, их тут же приходится отдавать Барлоу. Только за то, чтобы его головоре-

зы нас не подстрелили или не сожгли наши халупы. Нет уж, парень, поверь мне на слово: в этих краях тебе никогда не собрать никаких налогов. Ни единого доллара.

— Готов биться об заклад, что соберу, — сказал я. — Но теперь я понимаю дело так, что мне надо двигать прямиком в Смоуквиль.

Ну, значит, приехал я в Смоуквиль, и он показался мне довольно-таки плюгавым городишкой. Проезжая по улице, я несколько раз то тут, то там натыкался на подозрительные взгляды подпирающих стены типов, увенчанных ножами и револьверами. Эти парни изо всех сил старались выглядеть очень крутыми. Но большинство горожан, как мне показалось, все-таки были самыми обычными честными гражданами. Бедняги выглядели забито и безмолвно, не поднимая головы, спешили куда-то по своим делам.

Я с ходу узнаю в парне бандита, стоит мне на него разок глянуть. Я ихнее подлое племя вообще за милюнюхом чую. В общем, в городке их оказалось меньше, чем я ожидал. Наверно, часть отправилась куда-нибудь коров воровать, подумал я.

Я сразу же направился в самый большой салун. Внутри было вполне ничего себе — шикарный большой бар и огромное золоченое зеркало позади стойки. Еще там имелось несколько игорных столов, за которыми сейчас никто не сидел; все-таки для игры пока было рановато.

В салуне оказалось всего два человека: сам бармен — большущий, лысый, как колено, мужик с лицом отъявленного негодяя и ушами, сразу же напомнившими мне цветную капусту, — и еще один здоровенный малый, при галстуке с бриллиантовой заколкой в виде лошадиной подковы, с целыми гроз-

дьями сверкающих золотых колец на жирных пальцах и — это надо же такое придумать! — в костюме-тройке. Он сразу подвалил ко мне.

— Ты кто таков и что тебе здесь надо? Меня зовут Навахо Барлоу! — заявил он.

— А меня — Брекенридж Элкинс, — ответил я. — Собираю здесь налоги.

— Тогда все в норме, — сказал он. — Если только ты не вздумаешь собирать их с меня.

— Сборщик налогов! — накхально влез в разговор бармен. — Ха-хха-ха! Ух-хо-хоу!

— Сколько тут у вас взрослых граждан? — поинтересовался я. — В самом Смоуквилле и в его окрестностях, я имею в виду.

— Думаю, душ семьсот наберется, — сказал Барлоу.

— Отлично, — заметил я. — Тогда выкладывай семьсот баксов, и мы в расчете.

У бедолаги даже челюсть отвисла. А глаза полезли на лоб и постепенно выпучились как у рака.

— Что... что... что такое?! — задыхаясь, прохрипел он. — Не иначе как ты рехнулся, парень!

— Я собираю налоги, — терпеливо начал втолковывать я ему. — Но у людей нет денег. Потому как ты ограбил и довел до сумы всех граждан в южной части округа Чисом. А значит, будет только справедливо, если ты уплатишь за бедняг ихние налоги. Ей-богу! И всего-то — по доллару с носа!

— Мой Бог! — вкрадчиво произнес Барлоу. — Кажется, я все-таки не ослышался! — Его рука скользнула к кобуре.

Ну вот, так оно все и вышло.

Я перепугался, что если этот дурень примется палить в меня, то некоторые пули могут вылететь в окно и ранить ни в чем не повинных мирных граж-

дан. Пришлось забрать у Барлоу пушку и врезать ему разок рукояткой промеж глаз; но парень-то оказался совсем хлипкий! Он упал под стол, изрыгая чудовищные ругательства, призывая на помощь и заливая замечательный ковер кровью, хлеставшей из него, как из только что зарезанного борова. А про бармена я совсем забыл, честное слово. Он сам привлек к себе внимание, ударив меня сзади по голове колотушкой, какой обычно выбивают пробки из бочек. Дурак чуть себя не погубил, потому как при виде такого подлого поведения я едва не утратил все свое чудовищное самообладание. А ведь если бы я его утратил, чудаку пришлось бы гораздо хуже!

Но, по обыкновению, я сумел справиться с охватившими меня чувствами и поэтому просто взял бармена за шкирку и выбросил сквозь золоченое зеркало, за которым, оказывается, был чулан с каким-то хламом. Как раз в этот момент в дверях салуна начали появляться мальчики Навахо Барлоу, привлеченные дикими воплями своего босса. Вот тут-то я их и прихватил! Некоторых, правда, по запарке пришлось просто выбросить в окно, зато остальными я очень тщательно подтер испачканный кровью пол.

И только потом я взялся за дело по-настоящему. Для начала я переломал колеса всех рулеток; потом растоптал их и ногами вышибырнул все эти щепки из салуна на улицу; затем повыкидывал в окна все игорные столы, после чего вытащил лару своих шестизарядных и в упор расстрелял все бутылки на всех полках, а также посыпал все светильники, прежде так красиво свисавшие со стен и потолка.

Я уже заканчивал, когда Навахо Барлоу внезапно восстал из пепла, поднялся на четвереньки и взвыл:

— Прекрати! Ради всего святого, прекрати сейчас же! Ты меня разорил, негодяй! Остановись, и я уплачу ихние проклятые налоги!

— Ты должен правительству семьсот баксов за взрослое население,— напомнил я, засовывая малому в ухо горячее, еще курившееся дымком дуло револьвера, в надежде хоть немного подбодрить его.— А кроме того, тебе еще придется уплатить налог на частную собственность. Поскольку ты — единственный человек в Смоуквилле, у которого она имеется.

— Сколько? — спросил он, скрежеща зубами и мрачно разглядывая дымившиеся вокруг руины.

— Думаю, трехсот баксов будет достаточно,— задумчиво почесав за ухом, решил я.

— Сколько?! — взвыл он, словно обезумевшая гиена.

— Да ладно тебе,— досадливо сказал я.— Успокойся. Раз тебе кажется, что я запросил многовато, тогда посиди здесь, подумай. А я пока прогуляюсь на ту сторону улицы, в ресторан. Он ведь кажется тоже принадлежит тебе, верно? Пойду посмотрю, что там можно сделать.

— Не надо! — простонал он.— Не ходи туда! Я уплачую! А то в городе вообще не останется имущества, которое правительство смогло бы обложить новыми налогами! Подожди хоть немного, пока я отопру сейф и достану деньги!

Он вручил мне тысчонку. Я пересчитал зелененькие и небрежно сунул их в карман.

— А квитанция? — вдруг вспомнил Барлоу.— Выпиши мне квитанцию!

— Это еще что такое? — не понял я.

— Ну, это что-нибудь такое, из чего будет видно, что я уплатил налоги именно тебе,— ответил Навахо Барлоу.

— Ага,— сказал я.— Тогда понятно. Получай свою квитанцию!

И я от души врезал ему в челюсть. Да так, что он вылетел в окно, пролетел ровно семнадцать с половиной футов и угодил прямехонько в бочку для дождевой воды.

Покидая Смоуквиль, я еще долго слышал, как, постепенно стихая вдали, возносится к небесам его жалобный вой.

ЛИХИЕ ДЕЛА В КРАСНОМ КУГУАРЕ

меня нередко обвиняют в каких-то нелепых предубеждениях против городка под называнием Красный Кугуар. И все это на том лишь основании, что у меня имеется стойкая привычка никогда не проезжать через это местечко, даже если порой приходится делать крюк миль эдак в пятьдесят. С негодованием отвергаю столь гнусную клевету! В очередной раз огибая Красный Кугуар по окольной дороге, я испытываю

по отношению к этой проклятой дыре ничуть не больше предубеждений, чем волк к капканам, в одном из которых ему как-то раз довелось прищемить себе лапу.

Мне больно вспоминать об испытаниях, выпавших мне на долю в том логове порока и беззакония. Первый и последний раз я попал в этот городок случайно, ничего о нем не зная. И влип. Я оказался там чужаком, слепым ягненком, которого захотели острить дважды.

А если кое-кто из торопливых стригалей едва не отхватил себе пальцы собственными ножницами, так кто ж в этом виноват, как не они сами? И если я избегаю Красного Кугуара, словно чумы, то такие чувства во многом взаимны, ибо тамошние жители с не меньшим энтузиазмом избегают любых, даже самых мимолетных, встреч со мной. Вплоть до того, что, случайно столкнувшись со мною где-нибудь на дороге, они тут же выпрыгивают из фургонов и бросаются врассыпную.

Повторяю, попал я в этот городок совершенно случайно. Как раз перед этим я перегонял скот в Юту и возвращался на Медвежий Ручей с пятьюдесятью баксами в кармане — случайно завалившими-ся остатками моего заработка после одной не слишком удачной игры в покер.

Заметив впереди проселок, ответвлявшийся от главной дороги, я без труда узнал в нем поворот на Красный Кугуар. Да только тогда это не произвело на меня ни малейшего впечатления.

Не успел я миновать развилку, как услышал бешеный топот копыт, и из-за изгиба главной дороги вся в пыле вылетела закусившая удила лошадь. На ней сидела девушка, то и дело оглядывавшаяся назад. Проходя поворот, лошадь вдруг споткнулась,

потом грохнулась на колени, а девушка кубарем вылетела из седла.

В мгновение ока я спрыгнул с Капитана Кидда, едва успев подхватить под уздцы уже поднимавшуюся на ноги лошадь. Потом помог подняться девушке. Она, вся дрожа, вдруг упала мне на грудь и взмолилась:

— Не дай им схватить меня!

— Кому им? — осведомился я, одной рукой почтительно приподнимая шляпу, а другой неторопливо вытаскивая из кобуры свой сорок пятый.

— За мной гонится банда головорезов! — задыхаясь пролепетала девушка. — Они преследуют меня вот уже больше пяти миль! Умоляю, помешай им схватить меня!

— Не волнуйтесь, леди. Они смогут добраться до вас лишь через мой бездыханный труп, — заверил я.

Девушка бросила на меня взгляд, заставивший мое сердце сладко затрепыхаться. У нее были черные вьющиеся волосы, большущие, светящиеся невинностью серые глаза... И вообще, она была самой красивой из всех девушек, которых мне довелось встречать с тех пор, как сдох один мой знакомый старый енот.

— О, благодарю вас! — прошептала девушка, потупив глаза. — Едва увидев вас издали, я сразу же поняла, что вы — истинный джентльмен! Не поможете ли мне сесть на лошадь?

— А вы уверены, что ничего себе не повредили, когда падали? — спросил я.

Она ответила, что нет, не повредила, и я подсадил ее в седло. Девушка взяла поводья в руки и опять нервно оглянулась через плечо.

— Помешайте им! — вновь взмолилась она. — А я поспешу дальше.

— Но в том нет абсолютно никакой нужды,— сказал я.— Подождите чуток, пока с этими подлецами не будет покончено, а потом я с удовольствием провожу вас до дома.

Вдали послышался топот копыт. Девушка испуганно вздрогнула.

— О нет! Это невозможно! — воскликнула она.— Они не должны меня увидеть!

— А мне бы очень хотелось вас повидать,— заметил я.— Где вы живете?

— В Красном Кугуаре,— ответила она.— Меня зовут Сью Притчарт. Заглядывайте, когда будете в наших краях.

— Непременно загляну,— пообещал я.

Девушка зарделась, наградила меня ослепительной улыбкой и, пустив лошадь вскачь по направлению к Красному Кугуару, вскоре скрылась из виду.

А я без промедления взялся за дело. Мое лассо сплетено из ремней, вырезанных из сыромятных воловых шкур. Оно гораздо толще, длиннее, да к тому же куда прочнее, чем обычная риата. Каков человек, такова и веревка — как любил говорить один мой знакомый шериф. В общем, я быстро натянул этот аркан поперек дороги, футах в трех от земли, после чего мы с Капитаном Киддом благоразумно спрятались в кустах.

Почти тут же из-за поворота вереницей выметнулись шесть всадников на взмыленных лошадях. Первая лошадь кубарем полетела через натянутый канат, остальные так и посыпались следом. Стыдно, но мне до сих пор приятно вспоминать, какая славная получилась на дороге куча мала! Я даже глазом моргнуть не успел, как в дорожной пыли уже бахромился и катался ужасно уморительный клубок из

лягающихся лошадей и парней, ругавшихся на чем свет стоит.

Я выбрал именно этот момент, чтобы спокойно выехать из-за кустов и направить на них мои револьверы.

— Попридержите языки, пока они не отсохли от столь гнусных выражений,— потребовал я.— Вставайте, и чтобы руки держать вверх!

Они повиновались. Впрочем, без особого восторга. Кое-кого из них здорово помяли лошади, а один, перелетевший через своего скакуна, приземлился головой прямехонько на здоровенный булыжник, отчего стал изъясняться уж больно туманно.

— Какого черта ты устроил нам тут эту западню? — запальчиво спросил высокий молокосос с длинными соломенного цвета баками на щеках.

— Заткнись! — сурово приказал я.— Люди, пред следующие беззащитную девушку, словно какая-нибудь свора диких индейцев, не могут быть удостоены беседы с приличным джентльменом!

— А, так вот оно в чем дело! — воскликнул он.— Тогда понятно! Позволь объяснить тебе...

— Не позволю! — гаркнул я.— Сказано тебе — заткнись! — И дабы подчеркнуть всю серьезность своих намерений, я тут же отстрелил ему самый кончик левого уса.— Я не собираюсь устраивать всякие раставары с погаными койотами, преследующими женщин! Если б такое случилось в тех краях, откуда я родом, ваши скелеты наверняка послужили бы отличными украшениями для рождественских елок!

— Не можешь же ты...— начал было другой парень, но уже умудренный опытом Соломенные Бачки скверно выругался и лично велел тому заткнуться.

— Это же один из людей Риджуэя, не видишь, что ли? — прорычал он. — На сей раз его взяла. Но придет и наш черед! А до тех пор попридержи язык!

— Отличный совет, — заметил я. — Теперь расстегните оружейные пояса и повесьте их на луки своих седел. Да не забудьте держать руки подальше от пушек, пока делаете то, что велено! А на все ваши угрозы я плевать хотел!

Они сделали, как было велено, а я пару раз выстрелил прямо под ноги ихним лошадкам — животные впали в панику и вихрем умчались туда, откуда совсем недавно прискакали. Прямо язык не поворачивается повторить все те коптмарные ругательства, что принялся изрыгать Соломенные Бачки. А его приятели старательно ему вторили.

— Поберегли бы лучше дыхание, — посоветовал я. — Ведь вам предстоит проделать немалый путь, прежде чем удастся отловить своих кляч!

— Я перегрызу тебе глотку! Я тебе сердце вырву! — неистовствовал Соломенные Бачки. — Я живьем сдеру с тебя скользь, даже если мне придется выслеживать тебя до самого Судного Дня! Ты даже представить себе не можешь, кому ты встал попрек дороги, чертов кретин!

— Я уже сказал: плевать я хотел на всю вашу толпу! — фыркнул я в ответ. — Проваливай, дурень!

Парни медленно побрали по дороге вслед за своими лошадьми. Тогда я выстрелил им пару раз под ноги, чтоб пошевеливались, и они почти мгновенно исчезли из виду, оставив мне на память медленно расплывающееся в воздухе голубоватое облако жутких богохульств. А я повернул коня и направился в сторону Красного Кугуара.

Я рассчитывал перехватить мисс Притчарт по дороге, пока она еще не добралась до дому, но ее

лошадь взяла резвый старт и, по-видимому, все время двигалась приличным аллюром. При мысли об этой девушке мое сердце сразу начинало колотиться как безумное. Даже ребра заныли! Разумеется, то была любовь с первого взгляда.

Одним словом, проехал я по проселку уже мили три, когда услышал где-то впереди беспорядочную пальбу. Несколько минутами позже я уткнулся в развилку дороги и остановился, гадая, какой из двух проселков ведет в Красный Кугуар. Покуда я чесал в затылке, раздумывая, в какую сторону податься, раздался топот копыт и довольно скоро в клубах пыли показались двое. Они пришпоривали вовсю, низко пригибаясь к холкам лошадей, будто ожидали, что по ним будут стрелять сзади. Когда они подскакали ближе, я заметил какие-то бляхи на ихних куртках и несколько пулевых пробоин в ихних шляпах.

— Не подскажете ли, какая дорога ведет в Красный Кугуар? — вежливо спросил я.

— Вот эта, — ответил тот, что постарше, ткнув пальцем через плечо в ту сторону, откуда они прискакали. — Но если вы действительно туда собирались, я бы посоветовал вам сперва хорошенько подумать. Взвесьте все, молодой человек; взвесьте и как следует пораскиньте мозгами. Ведь как бы там ни было, а жизнь все-таки прекрасна!

— О чём это вы? — недоуменно спросил я. — И за кем это вы гонитесь?

— Гонимся?! Чёрта лысого! — ответил он, протирая рукавом свою бляху. Только тут я увидел, что это была звезда шерифа. — За нами гонятся! В городе опять объявился Буйвол Риджуэй!

— Никогда о таком не слышал, — пробормотал я.

— О! — сказал шериф. — Тогда вам следует знать, что Буйвол любит пришлых чужаков ничуть не больше, чем слуг закона. А как он любит слуг закона, вы можете судить сами!

— Здесь — свободная страна! — негодующе фыркнул я. — И я побоюсь въезжать в город из-за того, что какой-то там Буйвол или кто угодно другой чего-то там такое любит или не любит, не раньше чем в преисподней нарастет такая гора льда, с которой дьявол сможет кататься на санках. Я намерен нанести визит некой юной леди, мисс Притчарт. Если она вам известна, не подскажете ли, где ее найти?

Они переглянулись, затем как-то странно посмотрели на меня, после чего шериф ответил:

— Ах вот, значит, оно как. Что ж, пожалуйста. Она живет в самом последнем доме к северу от лавки, на левой стороне улицы.

— Нам пора! — немного нервно напомнил помощник шерифа. — Возможно, за нами еще гонятся!

Они оба разом прищюрили лошадей, но я еще успел услышать обрывок их разговора.

— Думаешь, парень — один из них? — спросил помощник шерифа.

— Если нет, то он просто дубина стоеросовая, каких свет не видывал, — ответил шериф. — Наверно, с Луны свалился, раз решил приударить за Сью Притчарт...

Дальнейшего расслышать мне не удалось. Интересно, о каком таком парне они толковали, спрашивал я себя, но, въехав на главную улицу Красного Кутуара, я выкинул из головы все эти мысли.

Я очутился на самой южной оконечности городка, который выглядел в точности так же, как выглядят все поселки в предгорьях. Единственная вихля-

ющая из стороны в сторону улица; охотничьи собаки, дремлющие прямо в пыли, заполнившей глубокую колею, пробитую колесами фургонов; единственная лавка, где торгуют всем сразу, да пара салунов.

Заприметив несколько лошадей у коновязи неподалеку от салуна под названием «Бар Большого Мaka», я повернул в ту сторону. На улице никого не было, хотя из салуна доносился шум. Похоже, там изрядно веселились. Я был весь в пыли; вдобавок меня томила жажда. Вот почему я подумал, что, прежде чем отправляться на поиски мисс Притчарт, мне следует заглянуть в салун, дабы привести себя в порядок и пропустить глоток-другой. Подумав так, я напоил Капитана Кидда, привязал его к дереву (я всегда так поступаю, потому как, если привязать Кэпа к общей коновязи, то он может залягать насмерть всех имевших несчастье оказаться поблизости с ним лошадок) и зашел в салун.

Внутри никого не было, кроме какого-то незврачного плешивца с седоватыми бакенбардами, протирающего стойку бара тряпкой сомнительной чистоты. Привлекший мое внимание шум слышался из соседнего помещения. Судя по звукам, там находился кегельбан, в котором развлекались несколько джентльменов.

Я тщательно выколотил пыль из штанов (ведь опрятность — одно из моих врожденных качеств) и заказал виски. Пока я смаковал жиденький напиток, который даже в спиртовке-то едва ли бы стал гореть, малый за стойкой поинтересовался:

— Ты кто будешь, парень? Приятель Буйвола Риджуэя?

— Никогда такого в глаза не видывал, — честно признался я.

— Тогда тебе лучше сматывать удочки из нашего городка. Причем так быстро, как сумеешь. Правда, самого Буйвола здесь нету — он совсем недавно выехал прогуляться со своими дружками,— но зато там, в кегельбане, сейчас играет Джейф Миддлтон, а Джейф — тоже весьма отчаянный парень.

Я начал было втолковывать бармену, что Джейф Миддлтон меня совершенно не интересует, но тут из кегельбана раздался такой дружный вошль, будто кто-то первым же ударом вышиб десятку либо там случилось еще какое-нибудь, не менее знаменательное событие. Дверь из кегельбана с треском отворилась; в бар, жизнерадостно крича и похлопывая друг друга по спинам, ввалились шестеро парней.

— А ну, выставляй свое пойло, Маккей! — вопили они.— Джейф платит! Он только что вынес Тома Гаррисона всухую, шесть раз кряду!

Парни гурьбой подвалили к стойке, и один из них попытался отпихнуть меня в сторону. Разумеется это ему не удалось. Такое не удавалось никому с тех самых пор, как я немного подрос. Бедолага аж зашипел от боли — здорово расшиб себе локоть. Похоже, это его немного обидело, поскольку он повернулся ко мне и злобно спросил:

— Ты в своем уме? Какого черта ты тут делаешь?

— Да вот, хотел спокойно допить стаканчик кукурузного сока,— холодно ответил я.

Тут уж они все повернулись в мою сторону, а их руки сами собой потянулись к пистолетам. Крутые ребята. Или уж очень старались выглядеть такими. А особенно крутым старался выглядеть тот, кого они называли Миддлтоном.

— Кто ты таков и откуда свалился? — повеличительно спросил он.

— Не твое собачье дело,— ответствовал я как можно обходительней. Как это принято у нас, на добром старом Юге.

Парень весь как-то глупо оскалился и принялся судорожно хвататься за кобуру.

— Никак ты нарываешься на ссору?! — прохрипел он.

Я краем глаза заметил, как старик Маккей шустро нырнул за полку с пивными бочками.

— Не имею дурной привычки начинать ссоры,— доброжелательно ответил я.— Наоборот, всегда стремлюсь как можно скорее их заканчивать. И вообще, в чем дело? Я зашел в салун, чтобы тихо-мирно пропустить глоток-другой, а тут вы, койоты, врываетесь с безумными воплями. Чисто детишки, которым первый раз в жизни удалось кеглю сшибить!

— Никак ты сомневаешься в моем таланте?! — зевизгнул парень так, будто его оса в задницу ужалила.— Небось, думаешь, что сможешь у меня выиграть?

— Пока что я еще не встречал такого игрока, который мне хотя бы в подметки годился,— с присущей мне скромностью не стал спорить я.

— Ну хорошо же! — заорал он, скрежеща зубами.— Идем в кегельбан, и я покажу тебе, что такое настоящая игра! Слышишь ты, грязный горный гризли!

— Слышу, слышу,— успокоил я его, поднимаясь с табурета.

— Эй, постойте! — вдруг пискнул Маккей, чуть высунув голову из-за пивных бочек.— Поосторожнее, Джефф! Кажется, я узнал этого парня!..

— А мне плевать, кто он такой! — продолжал бушевать Миддитон.— Он нанес мне смертельное оскорбление! Так ты идешь, чучело, или уже в штаны наложил?!

— Эй ты! Полегче с оскорблениеми! — грозно заревел я, решительно направляясь к кегельбану. — Я не из тех, у кого можно долго размахивать под носом красной тряпкой!

Произнося эти слова на ходу, я обернулся, по-этому дверь, ведущую в кегельбан, толкнул не глядя. До сих пор не могу понять: либо она оказалась совсем хлипкая, либо я случайно толкнул ее чуть сильнее, чем надо.

Короче говоря, дверь почему-то с треском слетела с петель. Парни тоже немного удивились, а Маккей отчаянно заверещал что-то неразборчивое. Но я уже вошел в кегельбан, выбрал себе шар и пару раз пренебрежительно подбросил его на ладони.

— Так. Здесь — пятьдесят баксов, — заявил я, выудив из кармана свои зелененькие и помакав ими в воздухе. — Ставим по полсотни каждый, по пятерке на игру. Идет?

Что он там ответил, я не понял. Похоже, он просто издал звук, похожий на рычание голодного волка, ставившего бифштекс. Но поскольку парень сперва взвел курок револьвера, а затем отсплюнявил десять пятидолларовых банкнот, я решил, что он согласен.

Малый оказался ужасно азартным; чем дольше мы играли, тем сильнее он нервничал. Когда я выигрывал пять игр всухую и забрал себе четвертак из полусотни Миддлтона, жилы у него на шее вздулись так, что я даже начал за него беспокоиться.

— Теперь опять твоя очередь, — сказал я, а он вдруг отшвырнул шар в сторону и заявил:

— Мне не нравится твои манеры! Я выхожу из игры и снимаю свою ставку. Хватит! Ты больше не получишь от меня ни доллара, будь ты проклят!

— Это еще что такое, ты, дешевка! — в гневе взревел я.— А мне-то сперва показалось, что ты — истинный спортсмен, хотя и конокрад!

— Я не ослышался?! — завопил он.— Ты назвал меня конокрадом?!

— Ладно, ладно, только успокойся,— поспешил извинился я.— Я оговорился. Прости. Не конокрад, а коровий вор, если уж ты так чертовски чувствителен к словам.

Тут парень почему-то напрочь потерял голову — взял и навскидку выпалил в меня из своего револьвера. Он бы подстрелил меня как куропатку, не сомневаюсь, если б за мгновение до того, как он спустил курок, ему в голову не угодил мой кегельный шар. Пуля снайпера ушла в потолок, а его друзья принялись довольно шумно демонстрировать мне свое неодобрение, швыряя в меня кегли и беспорядочно падая из пистолетов. Это так взвудоражило мои нервы, что я почти утратил над собой контроль. Однако колоссальным усилием воли я сумел-таки сдержаться, взял двух самых оголтелых забияк за пиворот и начал легонько постукивать их головами друг об друга, пока парни слегка не расслабились. Тем бы дело и кончилось, без всякого лишнего насилия, но оставшиеся трое почему-то все время настаивали, чтобы я принял их ужимки всерьез. Хотел бы я увидеть человека, который мог бы остаться совершенно невозмутимым, когда три осатаневших конокрада колотят его по голове кеглями да вдобавок то и дело тычут в него своими здоровенными охотниччьими ножиками!

Но, клинусь, у меня и в мыслях не было разбивать ту огромную люстру! Я просто случайно задел ее креслом, когда мне пришлось угомонить одного из забияк. И уж вовсе никакой моей вины

нету в том, что какой-то из этих дурней залил кровью весь кегельбан. Аккуратней надо быть, аккуратней! Ведь я всего лишь сломал ему нос да вышиб кулаком штук семь зубов. А что до той рухнувшей стены, то здесь вообще остается только развести руками. Что же это, черт побери, за стена такая, которая рушится, когда сквозь нее пролетает совсем мальсенький, плодовый человечишко! И вообще, сперва мне казалось, что я выбросил того парня в окно, а потом я случайно подошел поближе и заметил, что это вовсе не окно, а дырка, которую он пробил в той ужасно хлипкой стенке. Кроме того, эта дурацкая пальба! Что же я мог поделать, если эти варвары палили не переставая, пока не превратили крышу кегельбана в решето? Я-то ведь даже ни разу курка не взвел! В общем, никакой особой вины я до сих пор за собой не чувствую.

Когда поднятая пыль слегка осела, я огляделся, чтобы проверить, все ли наконец в порядке, и сделал это как раз вовремя. А иначе я бы никак не успел схватить за дуло тот здоровенный дробовик, из которого старина Маккей собирался выпалить в меня через дверной проем.

— Стыдись! — укоризненно сказал я.— В твоем-то возрасте! Вон уж и бакенбарды совсем седые, а собрался выстрелить в спину беззащитному мирному страннику!

— Скотина! — рыдал Маккей, обильно поливая слезами вышеупомянутые бакенбарды.— Во что ты превратил мой чудесный кегельбан! Теперь я — конченый человек! Я вложил в этот храм спорта все свои сбережения, а что с ним стало?! Нет, ты только посмотри!

— Вот черт! — сказал я.— Хотя я тут совершенно ни при чем, но ты надрываешь мне сердце! Не

могу спокойно смотреть, как страдает такой честный старик! Вот семьдесят пять баксов, большие у меня просто нету. Держи!

— Этого мало,— заскулил он, однако сцепил наличные тем же неуловимым движением, каким зимородок ныряет за мелкой рыбешкой.— Этого совсем мало!

— Ладно тебе,— проворчал я.— Сейчас пойду соберу остальное с тех койотов.

— Не вздумай! — Старик задрожал.— Тогда они меня прикончат, как только ты уедешь отсюда!

— Ну, не знаю,— сказал я.— Люблю, чтобы все было честь по чести. Хочешь, отработаю? Если смогу.

Он взглянул на меня довольно-таки пристально и сказал:

— Раз так, проходи в бар.

Но тут я заметил, что трое парней почти очухались. Я строго прикрикнул на них и велел им перетащить всех остальных к поилке для лошадей и там поливать водой, пока они тоже не придут в себя. Слегка пошатываясь, парни принялись выполнять мое указание. Они двигались так, словно у них все еще немного кружилась голова. Маккей вскользь заметил, что Миддлтон, похоже, вообще вышел из строя на день-другой. Не вижу ничего странного, ответил ему я. Самое обычное дело для человека, об голову которого только что раскололся надвое пятнадцатифунтовый шар из кегельбана.

Затем я вслед за Маккеем прошел в бар.

— Всерьез ли ты говорил, что намерен отработать должок? — приступил к разговору старик, наливая нам обоим по стаканчику.

— А как же,— ответил я.— Я всегда плачу свои долги. Как за хорошее, так и за плохое.

— Ведь ты — Брекенридж Элкинс, так?

— Так,— не стал спорить я.

— Я тебя признал, еще когда те олухи только начали к тебе приставать. Правда, в салуне были далеко не все. Ведь в город нагрянула целая банды; они попросту выпрыгнули отсюда шерифа вместе с помощником. Сам Буйвол не стал здесь долго ошиваться. Он повидался со своей девчонкой, а потом снова подался с четырьмя парнями в холмы. Еще человек восемь, не считая тех, с которыми ты уже разделялся, слоняются где-то неподалеку. Сейчас не могу точно сказать где.

— Пускай слоняются! — великодушно разрешил я.— А что, они все — преступники?

— А как же еще! Местным стражам закона и порядка никак не управляться с такой оравой. Тем более что многие местные так или иначе давно сделились соучастниками бандитов и всегда предупреждают их, когда к городку стягиваются дополнительные полицейские силы. Обычно вся шайка болтается недалеко отсюда, в холмах, но в Красный Кугуар они наведываются регулярно. Впрочем, черт с ними. Я просто обрисовал тебе обстановку, чтобы ты особо не раслаблялся.— Маккей перевел дыхание и продолжил: — А теперь вот о чем я хочу тебя попросить. С месяц назад, когда я возвращался в Красный Кугуар с холмов, где мне улыбнулась удача,— я намыл там добрую порцию золотого песка,— меня остановили и ограбили. Но не люди Риджуэя, а самый страшный убийца в здешних местах, волк-одиночка по прозвищу Трехпалый Клементс. У него в холмах есть собственное логово, до того укромное, что никто даже приблизительно не знает, где оно находится.— Старик немного помолчал, потом заговорил снова:— Конечно, тут помог чистый случай, но

совсем недавно мне удалось кое-что разнюхать. Трехпалый Клементс послал весточку с одним парнем, что пасет овец в холмах. А пастух надрался в моем салуне вдребезги и проболтался. Так я узнал, что мое золото все еще у разбойника, но тот собирается ускользнуть, как только ему удастся присоединиться к банде головорезов из Томагавка. Как раз им-то пастух и вез весточку. От шерифа мне помохи ждать не приходится, ведь здешние бандути его под конец запугали. Так вот, хорошо бы, ты поднялся в холмы и вернул мое золото. Конечно, ежели ты опасаешься Клементса...

— Кто тут сказал, что меня можно напугать? — вспылил я.— Рассказывай, как добраться до логова старого волка, и считай, что я уже в дороге!

Глаза Маккея как-то странно блеснули, и он быстро отвел взгляд.

— Ты хороший парень,— сказал он.— Добрый. И умный. Уж я-то сразу это сообразил. Значит, так. Сперва поедешь по тропе, ведущей на северо-запад к Чертову каньону. Дальше — дуй прямиком по каньону, пока не увидишь поворот в пятое ущелье по правой руке. По дну ущелья тоже идет тропа. Будешь двигаться по ней, пока у левой стены не заметишь большой белый дуб. В этом месте выбирайся из ущелья и двигайся прямо на запад, вверх по склону. Вскоре увидишь здоровенный каменный столб; его ни с чем не спутаешь: он торчит прямо из еловой рощицы, напоминая эдакую огромную каминную трубу. Прямо в подножии этого столба — пещера, а в ней — логово Трехпалого Клементса. Но помни, он тертый старый волк, самый страшный убийца в здешних...

— А вот этого мне повторять не надо,— перебил я.— Считай, дело уже сделано.

Успокоив несчастного старика, я опрокинул еще стаканчик, взгромоздился на Капитана Кидда и потрусили к выезду из города.

Однако, проезжая мимо последнего домика по левой стороне, я вдруг вспомнил о Сью Притчарт и, поколебавшись немного, решил: Трехпалый ждал долго, пускай потерпит еще маленько, а я тем временем засвидетельствую юной леди свое почтение. Наверно, она уже заждалась моего визита и теперь нервничает оттого, что я куда-то запропастился. Натянув поводья, я остановился прямо у крыльца и окликнул Сью. Кто-то сразуглянулся в окно; одновременно оттудаглянуло и дуло здоровенного карабина. Но у кого повернется язык упрекнуть мирных людей за простую предусмотрительность, если их городок набит рябятами Риджуэя?

— Ох, это вы! — послышался нежный женский голос; затем дверь широко распахнулась, на крыльце показалась Сью Притчарт и сказала: — Слезайте же с вашего зверя и входите! Вам удалось прикончить кого-нибудь из тех мошенников?

— К несчастью, я от рождения слишком мягко-сердечен, — пришлось признаться мне. — Я всего лишь попросил их прогуляться обратно пешком. Прямо не знаю, как сказать, до чего мне жаль, что сейчас у меня нет времени, чтобы заглянуть к вам на огонек! Видите ли, мне надо срочно съездить в горы, повидаться там с Трехпалым Клементсом. Но если вам не слишком неприятно мое общество, то позже с удовольствием загляну к вам на часок. На обратном пути.

— С Трехпалым Клементсом? — переспросила Сью странно изменившимся голосом. — А разве вы знаете, где его можно найти?

— Маккей мне объясни!, — ответил я. — Старый разбойник украл у честного старика мешочек золота. Вот, еду забирать его обратно.

Сью вдруг вполголоса произнесла несколько коротких слов, которые я наверняка расслышал неправильно, ибо юной леди подобные слова, несомненно, не могли быть известны.

— Ну зайдите же, — принялась упрашивать она. — У вас хватит времени на все. Зайдете, выпьете глоток-другой кукурузного сока, потом чуть-чуть поболтаем. Вся моя родня ушла в гости, и мне немножко одиноко. Входите же!

По правде говоря, я не умею долго сопротивляться, если меня о чем-нибудь просит хорошенъкая девушка. Поэтому я привязал Капитана Кидда к большому плю, на первый взгляд показавшемуся мне достаточно прочным, и вошел в дом. Сью сразу поднесла мне бутыль, в которой оказалось вполне приемлемое пойло. Сама-то она пить отказалась, объяснив, что кукурузный сок ей не очень нравится.

Мы сидели, разговаривали, и я прямо-таки ощущала, как с каждым словом усиливается напа взаимная привязанность.

Некоторые люди полагают, что, когда Брекенридж Элкинс сталкивается с женщинами, ему тут же изменяют остатки здравого смысла. А мой двоюродный брат, Медведь Бакнер, так тот просто трубит об этом на каждом углу. В общем-то, не спорю. Но торжественно заявляю и клянусь, что это моя единственная слабость! Если ее вообще можно считать таковой. Ибо, по моему глубокому убеждению, это единственная слабость, приличествующая каждому настоящему мужчине!

Зато Сью Притчарт оказалась одной из самых разумных девушек, когда-либо попадавшихся на моем

жизненном пути. Она была не из тех ветрениц, которых парни легко обводят вокруг пальца при помощи какого-нибудь банджо или там гитары. Мы не спеша обсудили, как правильно устраивать западню на медведя, какой длины должен быть ствол по-настоящему хорошего дробовика и массу других столь же полезных, а главное — имеющих самое непосредственное отношение к реальной жизни вещей. Затем я рассказал ей пару случившихся со мной историй, выбирая, конечно же, самые забавные и безобидные. Она очень смеялась, но глаза у нее отчего-то расширились и стали почти как блюдца. Наконец мы вернулись к тому, с чего начался разговор.

— Расскажи мне про Трехпалого, Брек,— стала упрашивать Сью.— Ведь прежде я не встречала никого, кто бы знал, где находится его логово.

Отчего ж не рассказать?

Я поведал ей всю историю Маккея. Сью проявила самый живой интерес. Мне даже пришлось несколько раз повторить, как добраться до Каминной Трубы. Затем она почему-то спросила, не приходилось ли мне встречаться в Красном Кугуаре с нехорошими людьми. Я мимоходом упомянул Джо Миддлтона, подтвердил, что да, приходилось, и добавил, что шестеро таких плохих парней уже восстанавливают свое пошатнувшееся здоровье, пролеживая бока на соломенных тюфяках во дворе позади городской лавки.

Сью почему-то изумилась и даже чуть-чуть испугалась. Вскоре она вежливо попросила у меня извинения: ей послышалось, что ее зовет женщина из соседнего дома. Я-то ничего такого не слыхал, но сказал, что да, конечно, иди. Сью вышла через заднюю дверь и трижды пронзительно свистнула. А я

продолжал сидеть, еще пару раз приложился к бутыли и размышлял о том, что эта девушка, вне всякого сомнения, подходит мне как нельзя лучше.

Однако отсутствие Сью затягивалось. Я прошел к заднему окну, выглянул наружу. Сью стояла у изгороди короля и разговаривала с двумя парнями. Как раз когда я выглянул, один из них вскочил на чалого коня с сильно подрезанным хвостом и погнал его на север. С места в карьер. Другой парень вместе со Сью зашел в дом.

— Это мой кузен, Джек Монтгомери,— по всей форме представила парня Сью.— Ему очень хочется поехать с тобой. Джек, поклонись дяде! Парню пятнадцать, он еще совсем мальчик и так любит получать новые впечатления!

В жизни не видал, чтоб желторотые юнцы выглядели так круто. Я и взрослых-то таких почти не встречал! К тому же Джек почему-то казался раза в два старше, чем были на самом деле. Ну да Бог с ним. Может, у парня какое горе.

— Хорошо,— сказал я.— Но нам давно пора ехать.

— Будьте осторожны, мальчики,— попросила нас Сью.— Приглядывайте там, в горах, друг за другом. И ты, Брекенридж! И особенно ты, Джек!

— Не волнуйся,— успокоил я девушку.— Я пригляжу за Джеком, а Трехпалому Волку Клементсу причиню не больше вреда, чем будет необходимо.

Мы добрались до Чертова каньона примерно через час, а потом мили три ехали по его дну, пока не увидели ответвляющееся направо ущелье, о котором рассказывал Маккей. Вдруг Джек Монтгомери резко натянул поводья, указывая вниз, на маленький бочажок, мимо которого мы проезжали, и завопил:

— Смотрите туда, дядя! Там, у самого края воды, золотая россыпь!

— Ни хрена не вижу, — честно признался я.

— Слезайте с коня! — настаивал он, шустро спрыгнув со своей клячи. — Я-то ведь его ясно вижу! Толстый такой слой, будто масло намазано вдоль самого края воды!

Что делать. Я спешился, нагнулся над бочажком, едва не окунув туда нос, но так ничего и не разглядел. Тут меня чем-то стукнуло сзади по голове. Да так, что даже шляпа в сторону отлетела. Я оглянулся и увидел, что Джек Монтгомери держит в руках и тупо разглядывает сильно погнутый ствол винчестера. Приkład карабина, разбитый в мелкие щепки, валялся у меня под ногами. Парень явно был чем-то сильно обеспокоен: глаза у него сделались ужасно круглыми, а волосы встали дыбом.

— Ты что, неважно себя чувствуешь? — участливо спросил я. — И потом, зачем ты меня стукнул?

— Нет, ты не человек! — вдруг пролепетал он, отшвырнув в сторону согнутый в дугу ствол и выхватил револьвер. Пришлось мне отнимать у мальца любимую игрушку.

— Да что же с тобой такое стряслось? — удивился я. — Рехнулся, что ли? Бедный мальчик!

Вместо ответа он вдруг повернулся и бросился бежать по каньону, завывая, словно душа грешника на адской сковороде. Я решил, что бедняга действительно свихнулся, — такое иногда случается с пастухами-овцеводами. Пришлось догонять. Парень отбивался, царапался, кусался и шипел, что твоя пантера.

— Прекрати! — Я погрозил ему пальцем. — Я твой друг. Я обещал твоей кузине проследить, чтобы ты остался цел и невредим. Это мой долг!

— Какая там на хрен кузина! — вдруг почти спокойно сказал он, сопроводив свои слова безобразным богохульством.— Она мне такая же кузина, как и тебе.

— Бедный ребенок! — тяжело вздохнув, повторил я, переворачивая парня на живот и шаря рукой по его пояснице в поисках лассо.— У тебя что-то с головой. Ты страдаешь от галлюцинаций. Я знал одного пастуха, который вел себя в точности, как ты сейчас. Только ему казалось, что он — Король Бизонов.

— Что ты делаешь?! — завопил Джек с новой силой, когда я принялся вязать ему руки за спиной его же собственной риатой.

— Не надо волноваться, малыш,— успокаивал я.— Ничего страшного я не делаю. Просто не могу допустить, чтобы ты один скитался по горам в таком плачевном состоянии. Найду где-нибудь неподалеку уютное, безопасное гнездышко и устрою тебя там до тех пор, пока не вернусь из логова Трехпалого. А потом отвезу тебя в Красный Кугуар, и мы со Сью отправим тебя в тихий, спокойный пансион... Одним словом, в самую лучшую психушку!

— Да чтоб ты лопнул! — снова вззвизгнул и задергался Джек.— Я такой же нормальный, как ты! Нет! Я в тысячу раз нормальне! Потому что ни один человек с нормально устроенными мозгами не сможет вести себя как ни в чем не бывало, если об его голову только что вдребезги разнесли приклад тяжелого карабина!

С этими словами он попытался лягнуть меня ногой между глаз, чем еще раз продемонстрировал очевидные признаки того явления, которое один доктор как-то раз при мне называл шибко учеными словами: «деградация и распад личности». Это было

поистине печальное зрелище! Особенно если учесть, что бедняга Джек приходился двоюродным братом мисс Сью Пritchарт, а значит, ему буквально на днях предстояло стать и моим родственником. Парень никак не мог успокоиться: дергался и кричал. Я до сих пор иногда краснею, вспоминая кое-какие его выражения.

Но я решил не обращать внимания на этот горячечный бред. Я не раз слышал, что лучший способ поладить с сумасшедшими — всячески им потакать. Мне не хотелось оставлять мальчика на земле — опасался, что его могут загрызть волки. Поэтому я спеленал парня и приладил в развилке большого дерева, где до него не смогли бы добраться никакие хищники. А коня Джека я привязал прямо у бочажка, чтобы лошадка могла попасть и испить водицы:

— Послушай! — умолял меня Джек, покуда я залезал на широкую спину Капитана Кидда. — Я прошу у тебя прощения! Пятки буду тебе лизать! Только сними меня отсюда и развязжи! Я расколюсь, как на духу! Я расскажу тебе все, что знаю!

— Не принимай случившееся слишком близко к сердцу, малыш! — еще раз попытался угешить его я. — Я скоро вернусь.

В ответ он лишь грязно выругался.

А потом у него вдруг поплыла изо рта пена.

Жалостливо вздохнув, я свернулся в ущелье. Язык не поворачивался повторить то, что мне пришлось выслушать, пока до меня не перестали доноситься истощенные вопли несчастного пацана. Через милю, или около того, мы с Кэлом добрались до большого дуба с белым стволом. Оттуда мы стали взбираться наискосок по склону, и вскоре посреди еловой рощицы показался каменный столб. Он в

самом деле сильно смахивал на трубу камина. Тут я тихонько соскользнул со спины моего конька, приготовил револьверы, зажал в зубах нож и начал крадучись пробираться сквозь устые заросли, пока не увидел прямо перед собой широко разинутый зев пещеры. Правда, перед самым входом в пещеру я увидел еще кое-что.

Там лежал человек, а голова его буквально плавала в луже крови.

Я подошел, осторожно перевернул беднягу и обнаружил, что чудак еще дышит. Скалы, местами сильно рассеченный, чудом держался на черепе, но никаких серьезных вмятин на кости мне обнаружить не удалось. Это был долговязый, лысоватый и довольно-таки траченный молью малый с заметной проседью в рыжих бакенбардах; на левой руке у него было всего три пальца. Рядом с ним на земле валялся распоротый тюк, содержимое которого было разбросано по всей поляне. Вьючного мула поблизости не наблюдалось, наверное, животное испугалось и куда-то сбежало. Еще на поляне виднелось множество вмятин от лошадиных подков, уходивших от Каминной Трубы прямо на запад. Неподалеку из-под земли был родник; я набрал полную шляпу воды, вышелеснул ее бедолаге на лицо, а затем попытался влить немного в рот, да только ничего у меня не получилось.

Пока я поливал его водой сверху, малый вроде как начинал слегка дергаться и стонать, но стоило мне попытаться хоть чуть-чуть влить ему в глотку, как он инстинктивно стискивал зубы, а челюсти у него оказались куда как посильнее бульдожьих. Дулом револьвера их было никак не разжать.

Но тут я заметил в пещере здоровенную бутыль, вытащил ее на свет Божий и немедленно откупо-

рил. Поразительное дело! Едва хлопнула пробка, как лежавшее передо мной тело вдруг открыло рот и конвульсивным движением протянуло руку в мою сторону.

Я быстро воспользовался удобным моментом и влил в широко распахнувшуюся пасть что-то около пинты этого пойла. Стариk открыл глаза и принял дико озираться по сторонам, пока не наткнулся взглядом на вспоротый тюк. Тут он принял яростно выдирать свои бакенбарды, дико завывая при этом:

— О Боже! Они добрались до моего мешочка с золотым песком! Много недель я скрывался здесь, и вот, как раз в тот самый момент, когда я уже совсем собрался слинуть, они все же меня накрыли!

— Кто?! — грозно спросил я.

— Буйвол Риджуэй со всей своей шайкой! — пронзительно выкрикнул стариk. — А все моя проклятая доверчивость! Услышав ржание лошадей, я почему-то решил, что сюда едут мои друзья, люди, согласившиеся помочь мне вывезти отсюда мое золото. Дальше могу припомнить лишь то, как бандюги Риджуэя, все одновременно, выскочили из кустов и тут же принялись молотить по моей бедной голове рукоятками своих ужасных кольтов. О Боже! Я конченый человек!

— Тьфу, пропасть! — вымолвил я с чувством. Эти мальчики Риджуэя начинали действовать мне на нервы.

Подложив под голову завывавшего, словно волк на луну, Трехпалого Клементса тюк, я оставил его посреди поляны оплакивать тяжкую утрату, а сам вскочил на Капитана Кидда и, не разбирая дороги, ринулся на запад, благо злобные придурки оставили за собой такой след, по которому любой грудной

младенец с Медвежьего Ручья запросто смог бы пройти с завязанными глазами.

Миль эдак пять мне пришлось ломиться через такие чащобы и буреломы, каких я сроду не встречал вдали от Гумбольта, а затем в просвете между деревьями на широкой горной террасе я увидел самый настоящий дом, прилепившийся задней стеною к крутыму обрыву. Из крыши дома торчала большая труба. До захода солнца оставалось уже не так много времени, поэтому из трубы валили клубы сизого дыма.

Вот она, берлога Риджуэя!

Я ринулся сквозь чащобу дальше, в спешке совершив упustив из виду, что даже такие дурни вполне могли оставить кого-нибудь на стреме. Вот до какой степени им удалось вывести меня из себя! И точно, один парень там был, но я приближался так быстро, что он промазал по мне из своего здоровенного охотниччьего ружья. Перезаряжать его он почему-то не стал, а вместо этого отшвырнул дробовик в сторону и вихрем помчался к дому, выкрикивая на бегу:

— Эй, там! Задвигайте все засовы! Сюда ломится самый здоровенный жлоб во всем мире! Он на каком-то взбесившемся слоне, которого я издали чуть не спутал с конем!

Они-таки успели забаррикадировать двери и окна. А когда я на всем скаку выпетел из-за деревьев, они открыли по мне через оставленные амбразуры бешеный огонь картечью из двухствольных обрезов. Если б из винчестеров, я бы и ухом не повел. Но даже мне бывает трудновато преодолеть природную застенчивость, когда шесть мерзавцев, почти в упор, начинают поливать меня крупной картечью из двенадцати стволов сразу! Поэтому я заставил

разошедшегося Капитана Кидда сдать назад, укрылся за толстенным деревом и уже оттуда открыл ответный огонь из своих револьверов. Как завопили эти мерзкие типы, когда щепки, отколотые от оконных рам моими пулями, посыпались дождем и начали втыкаться в ихние гнусные физиономии! Эти истощенные вошли до сих пор звучат музыкой в моих ушах!

Чуть поодаль от дома, в корале, нервно ржали шесть лошадей. Каково же было мое удивление, когда среди них я заприметил того самого чалого с коротко обрезанным хвостом, что принадлежал парню, который совсем недавно на моих глазах разговаривал со Сью Притчарт и с Джеком Монтгомери. Неужели проклятым преступникам удалось захватить беднягу в заложники, подумал я.

Однако достичь чего-либо существенного, продолжая стрелять по амбразурам, было трудновато. Солнце опускалось все ниже, а меня все сильнее разбирала ярость. Наконец я принял решение взять вражеские укрепления одной лихой атакой. И хрень с ней, с ихней дерымовой картечью! Я решительно спрыгнул с коня и... тут же взвыл от адской боли, неудачно ударившись о здоровенный булыжник большим пальцем левой ноги. А когда мне случается сильно удариться обо что-нибудь большим пальцем левой ноги, я всегда прихожу в ужасное бешенство! Вот почему я позволил себе произнести вслух несколько довольно крепких выражений. Судя по радостным воплям бандюг, они-то решили, что я наконец склонялся пару свинцовых примочек.

Как раз в этот момент на меня снизошло вдохновение. Из каменной трубы дома валили густые клубы дыма, и я сообразил, что в плите, на которой негодяи готовили ужин, скорее всего, разведен силь-

ный огонь. А дверь-то в доме, насколько я успел заприметить, была только одна! Поэтому я поднял с земли камушек, размером с небольшого поросенка, и швырнул его прямо в трубу.

Если какой-нибудь мальчишка на Медвежьем Ручье не сумеет с первого раза сбить белку со стофутовой сосны, растущей на другой стороне речки, все его просто засмеют. Так что я никак не мог промахнуться. Камень угодил точно в центр трубы, она покачнулась, треснула и рассыпалась на отдельные кирпичи, большая часть которых обрушилась внутрь, прямо в очаг; увидев разлетевшиеся во все стороны искры, я просто не мог прийти к другому выводу. Я так думаю, угли у них там рассыпались по всему полу, а кирпичи настолько плотно закупорили дымоход, что дым, не найдя никакого другого выхода, повалил внутрь. Так или иначе, но струйки дыма начали кучерявиться сквозь окна, щели и иные поганые амбразуры. Люди Риджуэя прекратили пальбу и принялись орать друг на друга.

— Пол горит! — завопил кто-то из них.— Вылей туда это ведро воды!

— Стой, дурья башка! — почти сразу же взвизгнул другой.— Это не вода! Это самогон!

Но его вполне разумное предупреждение слегка запоздало. Я услышал всплеск, а затем в доме заревело пламя, высовывая из окон свои длинные языки. Парни внутри завопили куда громче, чем до того.

— Выпустите меня! — истошно заорал кто-то.— Дым мне глаза выел! Сейчас задохнусь насмерть!

Я ринулся к дому сквозь густые заросли, оказавшись у двери как раз вовремя: она распахнулась настежь и наружу вывалился пошатывающийся тип, слепой что твоя летучая мышь. Он ругался на чем свет стоит, беспорядочно паля из пушки во все

стороны. Я испугался, что, пребывая в таком неистовстве, он может нечаянно повредить самому себе. Поэтому, отобрав у парня дробовик, я слегка загнул дуло пушек об его голову, с одной стороны немного успокоив бедолагу, а с другой — лишив его всякой возможности застрелиться. Каково же было мое удивление, когда я признал в нем того парня, что скакал на короткохвостом чалом жеребце! Ничего себе, подумал я. Вот Сью-то удивится, когда узнает, что ее друг оказался разбойником!

Затем я зашел в дом. Там скопилось столько дыма и пороховых газов, что даже человек с таким орлиным взором, как у меня, ничего не сумел бы толком разглядеть. Стены и крыша полыхали вовсю, а эти ослепшие от дыма идиоты бессмысленно торкались туда-сюда, пытаясь найти дверь. На моих глазах один из них так ударился головой о стену, что свалился без чувств. Я подобрал его и выбросил наружу. Но когда я взял за пирожку другого, чтобы помочь ему выбраться из дома, он вдруг взвизгнул и неожиданно проткнул в моей любимой куртке дырку охотничим ножиком. Я был настолько уязвлен такой черной неблагодарностью, что, выкидывая парня на спасительный для него свежий воздух, может быть, слегка перестарался. Как выяснилось позже, он расколол головой большущую колоду для рубки мяса. Но откуда ж мне было знать, что она там стоит?

Покрутив головой, я с трудом обнаружил в едком дыму еще троих. Бедняги отчаянно сражались друг с другом, полагая, что дерутся со мной. Не успел я прийти к ним на помощь, как рухнувшее сверху пылающее стропило повергло двоих из этой троицы в глубокую задумчивость. Вдобавок от похмутившего языка пламени на них загорелась одеж-

да, а у меня затрещали волосы. И пока я тушил степной пожар, грозивший спалить дотла мой скалып, единственный уцелевший головорез прошмыгнулся мимо меня в дверь, забыв в моей левой руке свою тлеющую рубашку.

Ну да ладно.

Я вытащил оставшихся двоих наружу и принялся топтать их ногами. Ведь надо же было как-то сбить с них огонь! Мерзавцы вопили так, будто я вознамерился переломать им все кости, а не спасал ихнюю никчемную жизнь.

— Прекратите шуметь! — прикрикнул я. — И немедленно признавайтесь, где золото Трехпалого Волка!

— Оно у Риджуэя, — прохрипел один из бандитов. — Оно у него!

Я строго спросил у всех присутствующих, кто из них Риджуэй, а они принялись хором клясться, что никто, и тогда я вспомнил про того малого, который оставил мне на память свою прожженную рубашку. Оглядевшись по сторонам, я увидел, что он успел вывести из короля неоседланного чалого и уже взгромоздился на него, чтобы дать деру.

— Стоять! — грозно проревел я во всю силу своих легких, а я очень редко когда так поступаю.

Со всех окрестных акаций на землю посыпались стручки, высокая сочная трава тихо полегла на землю, а лошадь дико заржала, взвилась на дыбы, выскоцила из-под Риджуэя и в мгновение ока исчезла где-то за горизонтом. Не успел мерзавец пару раз перевернуться, грохнувшись об землю, как остальные лошади разнесли вдребезги изгородь короля и устремились вслед за чалым. Кажется, три или четыре из них промчались прямо по Риджуэю прежде, чем тот успел убраться с дороги.

Однако он довольно бодро вскочил на ноги и устремился прочь от дома, сильно пошатываясь, но тем не менее удерживая вполне приличную скорость. Конечно, мне ничего не стоило его подстрелить, но я опасался, что золото может быть припрятано где-нибудь в укромном месте, а если я случайно промахнусь и убью негодяя, то вряд ли он сумеет мне потом толком рассказать, где это место находится. Поэтому, размахивая над головой лассо, я пустился за ним следом на своих двоих, так как предполагал, что в попытке уйти от погони подлец попытается нырнуть в густые заросли, где Капитану Кидду будет не развернуться. Но когда Риджуэй понял, что я его нагоняю, он метнулся в сторону и с ловкостью обезьяны принялся карабкаться вверх по крутому горному склону.

И все-таки я не отставал. Вот почему, едва одолев половину подъема, он занял оборону на скальном выступе, спрятавшись за старым высохшим деревом, и принялся оттуда палить в меня напропалую. Я укрылся от пуль за большим валуном футах в семидесяти пяти ниже по склону, вызвав оттуда к разуму Риджуэя и умоляя его сдаться на милость победителя. Как подобает истинному джентльмену.

И что же? В ответ раздались лишь новые выстрелы, вперемешку с клеветой и гнусными наветами в адрес моих уважаемых предков. Причем одна из пуль, неудачно отскочив от валуна, оставила на моей шее здоровенную вмятину.

Это до такой степени обидело меня, что я вытащил свои револьверы и открыл ответный огонь. Но дерево оказалось слишком толстым, чтобы перепробить его какой-то жалкой полусотней выстрелов, а солнце уже почти совсем село. Если не управиться

до темноты, подумал я, то мошённик, чего доброго, как-нибудь изловчится и ускользнет от меня.

Ну ладно. Я поднялся во весь рост и, не обращая никакого внимания на жакан, который подлец сразу же всадил мне в плечо, метнул лассо, хорошенько раскрутив его над головой. Не припомню, говорили ли я, что всегда пользуюсь только девяностофутовыми арканами; меня чертовски раздражают те коротенькие, тонюсенькие веревочки, что в ходу у большинства ковбоев.

Значит, метнул я лассо, уложив его точно на верхушку дерева, затянул петлю покрепче, потверже уперся ногами в скалу и выдернул поганую сухостоину вместе с корнями. Да только эти корни так глубоко проникли в трещины, что вместе с ними вывернулась наружу большая часть скального выступа и начался оползень. Я всегда отличался понятливостью, а потому довольно быстро сообразил, что прямо на меня, набирая по дороге скорость и силу, катится не какая-то там груда мусора, на которой съезжает вниз вцепившийся в дерево и гнусно вопящий Риджуэй, а многотонная лавина.

Лавина громыхала, словно разразившаяся в горах ужасная гроза, но жуткие вопли Риджуэя легко перекрывали грохот катящихся камней. Разумеется, я тут же выскоичил из-за валуна, прикинув так, что, когда лавина натолкнется на меня и, разделившись, начнет обтекать с двух сторон, мне удастся улучить момент, чтобы схватить подлеца за шиворот и выудить его из этого каменного фарша.

Но, к несчастью, я сперва споткнулся и упал, а потом эта поганая вязанка хвороста, это чертова дерево заехало мне прямо по уху. Придя в себя, я сразу сообразил, что путешествую к подножию горы

вместе с деревом, Риджуэем и остатками лавины. Такого унижения я давно не испытывал.

Насколько мне помнится, тогда я был просто счастлив, что мисс Сью Притчарт не видит всего этого безобразия. Полагаю, мало кто сумел бы сохранить достоинство, кувыркаясь вместе с кустами, деревьями, мусором и грязью в такой дьявольской каменной мельнице. Кроме того, я уже тогда начал подозревать, что та чертова сухая коряга вырвала из моих штанов здоровенный клок, отчего я окончательно пал духом. Впрочем, человек, позволивший себе утратить самообладание, ничего иного и не заслуживает! Я припомнил последствия еще двух-трех случаев, когда обстоятельства вынудили меня действовать в полную силу, после чего дал себе твердый зарок впредь ничего подобного не допускать.

Для молодого, свободного от всяких обязательств парня оседлать пустяковую лавину, особенно не заботясь о том, куда какие обломки летят, совершенно нормальный поступок. Другое дело, когда речь идет о таком солидном человеке, как я, который считал себя уже практически женатым. В таких случаях прежде, чем залезать в пекло, следует сперва себе там соломки подстелить. Настоящий мужчина перво-наперво обязан думать о своей жене и детях!

Мы прибыли к подножию горы в виде перемешанной на славу груды мусора и битого камня. Мне пришлось стряхнуть с себя тонны полторы булыжников прежде, чем я смог встать и пртереть глаза, чтобы посмотреть, где же спрятался этот подлый Риджуэй. Почти сразу я заприметил одинокий сапог, сиротливо торчавший из-под кучи какого-то хлама. Наклонившись, я взял малого за лодыжку и

выдернул его на свет Божий. Надо сказать, выглядел он в точности как только что освежеванный кролик. На почти не осталось одежды, если не считать сапог и ремня с лохмотьями вместо кобуры. Но под ремнем я углядел толстый денежный пояс из бычьей кожи.

Ну вот.

Только я стащил с Риджуэя этот пояс, как он вдруг сел, очумело поглядел вокруг и слабо простонал:

— Кто вы такие, разрази вас всех гром?

— Брекенридж Элкинс с Медвежьего Ручья,— по всей форме представился я.

— Ага. А то мне показалось, что тут собралось все мужское население штата Невада,— мотая головой, болезненно морщась и стараясь собрать в кучку разбегающиеся глаза, сообщил он.— Ты меня совсем сбил с толку. И что ты намерен делать дальше?

— Думаю, придется сдать тебя и всю твою банду шерифу,— честно ответил я.— Правда, я и сам не особо люблю иметь дело с блестителями закона, ведь у нас, на Медвежьем Ручье, ничего такого нету, но такие подлые койоты, как вы, вряд ли заслуживают лучшего.

— И ты еще смеешь толковать о законе! — вдруг запальчиво воскликнул Риджуэй.— Да чтоб ты лопнул! Говорить такое после того, как сам говорился с Барсуком Маккеем ограбить старика Клементса! А ведь я всего лишь сделал то же самое, на какой-то час опередив тебя!

— Что ты несешь?! — вскинулся я.— Это Волк Клементс ограбил старину Маккея, отнял у бедняги вот этот самый золотой песок! — Я встремхнул пояс.

— Ха! Ограбил! Скажешь тоже. Чертка лысого он его ограбил! — вдруг захихикал Риджуэй.— Бар-

сук — самый хитрый из всех негодяев, когда-либо появлявшихся на свет! Да только у него кишка тонка самому кого-нибудь ограбить. Вот он тебя и послал. Если хочешь знать, Клементс — обычный честный старатель из тех, которые своим горбом берут. Старый недотепа кучу времени угрожал, на-мывая это золото в горах, а потом затаился на несколько недель в той норе, боялся оттуда нос высунуть. Знал, что мы его выслеживаем!

— Маккей использовал меня, чтобы ограбить честного трудягу! — воскликнул я, словно громом пораженный. — Не может быть!

— Однако именно так он и поступил! — злорадно заявил Риджуэй.

Я был настолько ошеломлен нестыданным предательством, что на какое-то время оказался совершенно парализованным. Воспользовавшись моим минутным замешательством, Риджуэй внезапно судорожно рванулся в сторону, скатился с кучи камней в густые заросли и в мгновение ока исчез.

Не успел еще стихнуть треск сокрушаемых им кустов, как послышался топот множества копыт. Я оглянулся как раз вовремя, чтобы быстро приближавшаяся кучка всадников не успела застать меня врасплох. Среди них был Трехпалый Клементс, а в остальных я сразу признал парней, которым помешал догнать Сью Притчарт, встав у них на пути у поворота на Красный Кугуар.

Я потянулся к своим револьверам, но старик Клементс вдруг завопил:

— Остановись! Это наши друзья!

После чего он быстро подъехал ко мне, вынул кожаный пояс с золотым песком из моей ослабевшей вялой руки и победно взмахнул им в воздухе, демонстрируя остальным.

— Вот видите! — возбужденно вскричал старик. — Разве я не говорил вам, что он вел себя, как друг?! Разве я вам не говорил, что он помчался сюда, чтобы разделаться с этой бандой?! И он сумел-таки вернуть мне золото, а разве не говорил я вам, что так оно и будет?!

Клементс вдруг схватил меня за руку и в припадке энтузиазма принялся трясти ее так, что едва не оторвал, приговаривая:

— Я послал за этими людьми в Томагавк, чтобы они помогли мне вывезти отсюда мое золото. Они добрались до моей пещеры почти сразу после того, как ты умчался. Правда, сперва они почему-то были настроены против тебя, но...

— Но теперь это не так! — закончил за старика Соломенные Бачки. Только сейчас я разглядел у него на груди бляху помощника шерифа.

Парень спешился и, в свою очередь, принялся энергично трясти мою уже полуоторванную Трехпалым руку.

— Ты же просто не знал, что мы — специальный отряд полиции, — приговаривал он, не выпуская мою руку. — А я только потом сообразил, насколько скверно выглядит со стороны, когда шестеро мужчин гонятся за одной женщиной. Но в тот раз мы решили, что ты закоренелый преступник. Мы были вне себя от бешенства, когда нам удалось наконец поймать своих лошадей и вернуться в Красный Кутуар. Мы жаждали твоей крови! Но когда мы обнаружили на задворках лавки шестерых полупарализованных бандитов, я призадумался! А потом мы добрались до пещеры Клементса, где узнали, что ты умчался по следу Риджуэя, но перед тем потратил немало времени, чтобы позаботиться о несчастном израненном старике. После этого ты и вовсе

предстал в ином свете. Но все же меня не оставляла мысль, что у тебя есть собственные резоны насчет этого золота. Разумеется, теперь-то я вижу, насколько в тебе ошибался! Приношу мои самые искренние извинения! Послушай-ка, а куда подевался Риджуэй?

— Удрал,— мрачно ответил я.

— Не бери в голову! — жизнерадостно воскликнул бывший Трехпалый Волк Клементс, вновь принимаясь мурыжить мою руку.— Ведь Кирби со своими ребятами уже посадил в городскую тюрьму Джека Миддлтона, а с ним в придачу еще пятерых мерзавцев. Жаль только, что этому старому лицемеру, Маккею, удалось сбежать из города, но зато мы обнаружили еще шестерых людей Риджуэя, связанных по рукам и ногам у риджуэевского дома, а точнее — у того места, где он стоял, пока ты не спалил его дотла. Боже, ведь там была целая банда головорезов, а остался от нее один сплошной синяк! Похоже, драка была ужасная! Но ты тоже выглядишь так, словно летал верхом на торнадо. Поехали с нами и с нашими арестантами в Томагавк, прошу тебя. Я накуплю тебе новой одежды. Столько, сколько пожелаешь. А потом отпразднуем эту славную победу!

— Мне надо вернуться за мальчишкой. Я оставил его в разилке дерева внизу, в ущелье,— мрачно ответил я.— За Джеком Монтгомери. У него крыша съехала или что-то вроде того. Совсем спятил, бедняга.

Они дружелюбно рассмеялись, затем Кирби сказал:

— Твоему чувству юмора остается только позавидовать, Элкинс. Мы обнаружили эту пташку, как только свернули в ущелье, и прихватили с собой.

Теперь он валяется связанный на поляне вместе со всеми остальными. Ну и ушлый же ты парень, однако! Сумел так одурачить старого лиса Маккея, что он сам тебе на блюдечке выложил, где прячется Клементс. А потом обвел вокруг пальца всю банду Риджуэя, заставив их поверить, что ты собрался ограбить Трехпалого! Жаль, ты не знал, что мы служим закону, иначе мы бы могли действовать вместе. Но все равно, стоит мне подумать о том, насколько Маккей был уверен, что ему удалось обманом втянуть тебя в грязное дело, что это именно он обвел тебя вокруг пальца, а не наоборот, что на самом-то деле ты искал способ, как выручить Клементса, а заодно разделаться с бандой Риджуэя, и меня сразу разбирает смех. Вот умора! Ха! Ха! Ха!

— Но я вовсе не хотел... — Я говорил сбивчиво, потому как от речей Кирби у меня слегка закружилась голова.

— Правда, одну ошибку ты все же совершил, — отсмеявшись, сказал Кирби. — Не стоило никому говорить о том, где прячется Клементс.

— Но я никому и не говорил! — вскинулся я. — Кроме мисс Сью Притчарт!

— Боже, какое великое множество хороших людей пало жертвой женских хитростей! — сочувственно промолвил Кирби. — Монтгомери рассказал нам все. Едва ты открыл ей свой секрет, как она тут же выскользнула из дома, свистнула ребят Риджуэя, а затем послала одного из них с весточкой к Буйволу. Другому же — это как раз и был Монтгомери — Сью велела отправляться с тобой, чтобы он избавился от тебя где-нибудь по дороге. Когда мы добрались до Красного Кугуара, она сразу сбежала в холмы. Готов биться об заклад, что они с Риджуэем заранее договорились о встрече в горах и те-

перь вместе пустились в бега. Но твоей вины я тут не вижу. Откуда ж тебе было знать, что Сью Притчарт — девушка Буйвола Риджуэя!

Вот оно, женское вероломство!

— Приведите мне моего коня! — Я был потрясен до глубины души и говорил срывающимся голосом. — В меня стреляли и попадали, меня резали и жгли, я ехал с горы на лавине, я сам был лавиной — и моя трепетная любовь была растоптана! Вы видите перед собой опаленную огнем, ободранную как лилика, истекающую кровью жертву подлого женского предательства. Судьба опять сдала мне джокера. Мои чувства оплеваны, мое сердце разбито, и из моих порванных птанов торчит наружу голая задница. Прочь с дороги! Я еду.

— Куда? — спросили они хором, благоговейно расступаясь.

— Куда угодно! — взревел я, словно раненый медведь. — Хоть к черту на рога! Лишь бы это место находилось как можно дальше от Красного Кугуара!

СЕРЕНАДА ЖЕВАНОГО УХА

K

апитан Кидд неторопливою рысцой трусил по направлению к Орлиному Перу. Я уютно покачивался в седле, и на душе у меня было легко и спокойно, как вдруг навстречу мне, вздымая огромное облако пыли, попался какой-то малый. Парень несся во весь опор, словно за ним черти гнались. Он промчался мимо, даже не потрудившись шляпу приподнять, а бедный Кэп Кидд лишь понаграсну щелкнул че-

люстями, тщетно попытавшись укусить за ухо пролетавшую мимо нас лошадь,— лучшее подтверждение тому, что малый действительно спешил как на пожар.

Все же я успел признать в нем молодого Джека Спрэгга, ковбоя с большого ранчо неподалеку от Орлиного Пера. На его бледном лице застыло выражение какой-то отчаянной решимости, словно у человека, только что выбросившего две двойки и теперь поставившего на кон последние штаны. Парень размахивал риатой, судорожно зажатой в правой руке, хотя я на десять миль вокруг не сумел углядеть ничего такого, на что он смог бы набросить свое лассо.

Промчавшись мимо меня, торопыга вскоре свернул на тропу, ведущую в горы, а я привстал на стременах, взглянувши вдаль. Туда, откуда он прискакал. По правде говоря, я рассчитывал увидеть там приближающихся людей шерифа. Потому как единственной причиной, способной загнать жителя равнины на скалы верхнего Гумбольта, могла быть лишь предстоящая ему, и притом в самом скором времени, примерка пенькового галстука.

И я углядел-таки там, вдали, еще одно облако пыли. А как же еще. Правда, судя по размерам, его поднимал всего один человек. Довольно скоро я признал во всаднике Билла Глентона из Орлиного Пера — вполне убедительный резон для Спрэгга жать на всю катушку, раз уж сам Билл наступал ему на пятки. Глентон был типичным техасцем, добродушным, медлительным и малость сентиментальным парнем, пока никто не задевал его чувств. Но стоило кому-нибудь учудить такую непростительную глупость, как Глентон тут же превращался в сущее торнадо и кому угодно мог показать небо в алма-

зах. А душа у Билла, надо сказать, была ужасно ранимая.

— Куда он поскакал? — едва увидев меня, заорал Билл.

— Кто? — вежливо поинтересовался я. У нас на Гумбольте не принято выкладывать кому попало то, о чем стало известно случайно.

— Джек Спрэйт! — прокричал Глентон, натягивая поводья. — Будь он проклят! Он должен был попасться тебе навстречу! Куда он свернул?

— Он мне не сказал, — с достоинством ответил я.

Глентон слегка сбавил тон, притормозил своего скакуна и попросил:

— Поступай, Брек, поупражняйся в своем проклятом лицем деревенском красноречии на комнибудь другом! И в другой раз. У меня нет ни единой лишней недели, чтобы выуживать нужные сведения из каждого попавшегося мне навстречу шалопая с Медвежьего Ручья. У меня даже в мыслях нет причинять какой-нибудь вред тому свихнувшемуся идиоту! Наоборот, я гонюсь за ним, чтобы спасти его молодую жизнь! Одна девчонка из Орлиного Пера, которую он считал своей, наставила ему рога и парень надумал перевалить последний в своей жизни перевал. Ну, остальные ребята, конечно, стали присматривать за ним. Мы попрятали от него подальше все свои пушки и всякий там крысиный ящ, но сегодня утром он-таки умудрился от нас смыться и подался прямиком в горы. Если б не малышка из забегаловки «Ревущая телка», мне б ни в жисть не удалось напасть на его след. Дурень проболтался ей, что собрался в скалы Гумбольта, где уже ни один паразит не сможет помешать ему повеситься.

— Ага,— глубокомысленно заметил я,— так вот, значит, зачем у него в руках болталась та веревочка! С другой стороны, это ведь его личное дело, разве не так?

— Отнюдь,— резко возразил Билл.— Человек в таком состоянии не может за себя отвечать, а потому приглядывать за ним — прямой долг его товарищевой. Еще настанет день, когда он скажет нам огромное спасибо! Не говоря уже о том, что болван должен мне целых шесть баксов. И если я допущу, чтобы он покончил с собой, тогда все! Плакали мои денежки! Ну! Соображай живей, чтоб ты лопнул! Не то мальчишка взаправду повесится, пока мы тут с тобой языками чешем!

— Ну ладно,— подумав, согласился я.— В конце концов, мне, наверное, следует позаботиться о репутации верхнего Гумбольта. Ведь у нас здесь до сих пор не случалось ни одного самоубийства.

— А как же,— язвительно заметил Билл.— Конечно. Вы здесь, наверху, просто никому и никогда не предоставили такой возможности. Только какой-нибудь бедолага надумает убить себя — глядишь, а ему эту услугу уже оказал кто-то другой.

Пропустив мимо ушей столь очевидно несправедливые злостные наветы, я натянул повод, вынув Кэпа Кидда развернуться на месте в тот самый момент, когда он уже совсем примерился откусить ухо лошадке Глентона.

Хотя Джек Спрэгг свернул с тропы, он умудрился оставить за собой такой след, по которому за ним смог бы пройти даже слепой. У парня была приличная форса, да только его лошадка обеим нашим даже в подметки не годилась, а потому довольно скоро мы нашли в густых зарослях у подножия Кугуарей горы то место, где Джек привязал свою

кобылу. Мы привязали своих лошадок рядом и начали пробираться сквозь заросли дальше, уже на своих двоих. Вскоре мы увидели Джека. Он карабкался по склону по направлению к скальному выступу, на котором росло одинокое старое дерево. Один здоровенный сук этого дерева далеко выступал за край обрыва и, как я тут же сказал Биллу, замечательно подходил для устройства небольшой уютной виселицы.

Но Билл слишком торопился, чтобы по достоинству оценить прекрасный горный пейзаж.

— Парень доберется до того козырька раньше, чем мы успеем добраться до него! — пыхтя, ответил он. — Что будем делать?

— Подстрелим его в левую заднюю ногу, — находчиво предложил я.

— Нет, черт возьми! — пробурчал Глентон. — Тогда он сорвется и расшибется насмерть! А если мы за ним погонимся в открытую — он прибавит ходу, заберется на выступ и успеет повеситься раньше, чем мы его скрутим. Послушай! Видишь вон там, западнее козырька, густой кустарник? Зайди с той стороны и постарайся незаметно подползти поближе, а я, наоборот, выйду на открытое место, чтобы привлечь к себе внимание. Пока я буду развлекать дураляя разговорами, ты подкрадешься к нему сзади и сцепаешь голубчика!

Ну значит, отступил я в заросли и, пригнувшись, побежал вдоль склона. Уже перед тем как нырнуть в гущу кустарника, я оглянулся. Джек как раз добрался до козырька и теперь усердно привязывал свою риату на тот самый, выступавший над обрывом, сук. Дальше мне стало не до него, потому что ветки кустарника переплелись так тесно и были так густо утыканы длинющими шипами, что проби-

раться сквозь них оказалось потруднее, чем прорваться сквозь громадный клубок самозабвенно сражающихся мартовских котов. Все же, извиваясь червем, я преодолел изрядное расстояние, как вдруг до меня донесся крик Билла:

— Эй, Джек! Остановись! Не делай этого, ты, олух царя небесного!

— Отвали! — раздался ответный вопль.— Оставь меня в покое! Не приближайся, или буду стрелять! У нас — свободная страна! И у меня есть полное право повеситься, раз уж мне так захотелось!

— Проклятый болван! — орал Билл.— Спускайся вниз, и мы вместе придумаем что-нибудь еще более идиотское! Только, боюсь, что это невозможно!

— Моя жизнь кончена! — продолжал настаивать на своем Джек.— Моя пламенная любовь предана поруганию! Отныне я, как иссохшая перекати-голова, — тьфу, черт! я хотел сказать, как увядшее перекати-поле, — ухожу, дабы Вечным Жидом кувыркаться в песках времен! Знак Зорро, нулевое тавро, проставленное раскаленной Судьбой на моем боку, полыхает адским пламенем, дотла сжигая пепел моей души! Я ухожу, дабы...

К моему огромному сожалению, мне так и не удалось узнать во всех подробностях, куда и зачем собирался уходить Джек. На самом интересном месте я вдруг наступил на нечто мягкое, это нечто душераздирающее взмыло и чертовски острыми зубами вцепилось в мою ногу.

А ведь некоторые глупцы имеют наглость утверждать, что я невезучий! Вранье! Чем же еще, кроме моего особого везения, можно объяснить, что проклятый кугуар из всех этих дермовых колючих зарослей, сколько их есть на Верхнем Гумбольте,

выбрал для своей сиесты именно здешние? И конечно же, никто другой, кроме меня, ни за что не сумел бы так ловко на него наступить!

Оно бы и наплевать, поскольку еще не родился тот кугуар, который смог бы устоять против Элкинса в открытом честном бою. Плохо было другое: лучший способ разделаться с ним (речь, разумеется, идет о кугуаре, поскольку способов разделаться с Элкинсом просто-напросто не существует) состоит в том, чтобы хорошенько врезать ему промеж ушей, пока он еще не успел как следует в вас вцепиться. Но кусты были такими густыми, что я не мог разглядеть чертову кошку, а проклятые шипы оказались такими острыми, что мне не удалось толком повернуться и достойно встретить ее, когда она нападала. Поэтому прежде, чем я приоровился, кугуар успел несколько раз броситься на меня, погружая в мое тело свои когти и клыки, а затем снова укрывался в кустах.

Вдобавок это оказался не простой кугуар, а сам Полковник: самый большой, самый старый и самый подлый кот на всем Верхнем Гумбольте. То место, где мы с ним сцепились, было названо Кугуарьей Горой как раз в его честь. Наглость Полковника простиралась так далеко, что он не боялся самого Кэпа Кидда, а ведь тот съзмальства слыл грозой всего кошачьего племени.

В общем, прежде чем мне удалось как следует ухватить старину Полковника за шею, паразит успел превратить в клочья почти всю мою одежду, а заодно на славу расположил мне когтями кожу. Подлая тварь настолько вывела меня из себя, что сдрапав поганую кошку, я перехватил ее за хвост и начал крутить над головой, выкосив вокруг себя все колючие кусты ровно на семнадцать с половиной футов.

Наконец, с хвоста кугуара слезла шкура и он — выскользнул из моей руки. Старина Полковник грузно плюхнулся на землю, быстро вскочил и пустился наутек, визжа так, что у человека, менее привычного к таким делам, запросто могли лопнуть барабанные перепонки. Совершенно ненормальный кот. Но все-таки, не настолько ненормальный, чтобы снова ринуться в бой. Теперь мне иногда кажется, что в тот раз он просто не признал меня спросонок.

Тут до меня донеслись отчаянные призывы Билла. Парню явно требовалась помощь. Поэтому я рванулся вверх по склону, ломясь сквозь заросли не хуже дикого буйвола, оглашая окрестности громкими ругательствами и обильно орошая проклятые кусты кровью, сочащейся из ран. Время тайной дипломатии и скрытных военных действий явно миновало. Кое-как прораввшись на открытое место, я сразу увидел Билла, суетливо подпрыгивавшего на самом краю каменного козырька в попытках дотянуться до веревки, на нижнем конце которой зачем-то дергался как кузнецик злосчастный Джек Спрэгг.

— Какого черта ты не крался тихо и незаметно, ведь мы же договорились! — едва увидев меня, взвыл Глентон. — Все было так хорошо! Я уже почти уговорил кретина отказаться от его затеи. Правда, он еще продолжал стоять на краю выступа с петлей на шее, но уже начал прислушиваться к моим словам. А тут в кустах вдруг поднялся такой кошмарный шум, что парень с перепугу вздрогнул и свалился с обрыва. Ну сделай же что-нибудь!

— Может, перебить веревку? — наморщив мозги, предложил я, доставая револьвер.

— Прекрати, проклятый осел! — взвизгнул Билл. — Он же свалится с утеса и сломает себе шею!

Тут я вдруг сообразил, что дерево вовсе не такое большое, каким оно мне сперва показалось. Тогда я подошел, обхватил руками ствол, потянул его вверх, чтобы малость освободить корни, а затем слегка повернул так, чтобы сук, на котором висел Джек, перестал высываться за край обрыва. К сожалению, ежели судить по каким-то лопающимся звукам, мне не удалось сохранить в целости все корни этого деревца. А жаль! Такой пейзаж пропал. Билл, похоже, тоже немного огорчился. У него даже глаза на лоб полезли от расстройства. И вид у него, когда он перерезал веревку своим охотничьим ножом, был какой-то растерянный. Наверно, поэтому он позабыл поддержать Джека перед тем, как резать веревку, отчего тот свалился на камни с глухим стуком, словно куль с овсом.

— Кажется, помер,— с отчаянием в голосе сказал Глентон.— Плакали мои шесть баксов. Не видать мне их, как своих ушей! Ты только посмотри, какой у мальчика некрасивый цвет лица. Вся морда ярко-красная, что твой помидор!

— А! — отозвался я, откусывая себе от плитки табака кусок для жвачки.— Пустяки. Все они так выглядят, кто успел хоть маленько повисеть. Вот, помню, однажды придурки из комитета по охране правопорядка вздернули моего дядюшку, Джеппарда Граймса, так у нас добрых три часа ушло на то, чтобы его откачать. С другой стороны, он, конечно, уже битый час на веревке проболтался, прежде чем мы его нашли.

— Заткнись! — прорычал Билл, срезая петлю с шеи Джека.— Лучше помоги мне откачать парня. Ты выбрал дьявольски неподходящее время для того, чтобы исповедоваться передо мной в грехах твоих

долбаных родственничков... Эй! Посмотри-ка! Кажется, он приходит в себя!

Раз уж Джек все равно начал дрыгать ногами и хватать ртом воздух, Глентон сбежал вниз за бутылочкой, из которой влил парню в глотку добрую порцию. Вскоре Спрагт сел и принял озабоченно ощупывать шею. Парень яростно шевелил губами, однако не мог издать ни звука.

А Билл, кажется, только теперь обратил внимание на мой несколько встрепанный вид.

— С тобой-то что стряслось, скажи на милость? — изумленно спросил он.

— Да так. Всего лишь наступил на старого Полковника, — наступившись, ответил я.

— Чего ж ты ушами хлопал? Разве не знаешь, что за его шкуру назначена большая награда? Мы могли бы разделить денежки пополам.

— Лично я по горло сыт Полковником, — несколько раздраженно заметил я. — Ничуть не огорчусь, если никогда его больше не увижу. Нет, ты только посмотри, что этот сукин кот сотворил с моими лучшими штанами для верховой езды! Если тебе так уж нужна та премия — иди и лови Полковника сам.

— Вот-вот! И оставь наконец меня в покое! — неожиданно вмешался в разговор Джек, неприязненно глядя на нас обоих. — Твоя забота мне уже поперек горла встала. В прямом смысле. А если мне вздумается повеситься еще разок, я прекрасно обойдусь без посторонней помощи!

— И не думай даже, — сурово осадил его Билл. — Мы с твоим папашей старые друзья, а потому мой долг — любой ценой сохранить твою никчемную жизнь. Даже если ради этого мне придется тебя укокошить!

— Это мы еще посмотрим! — пронзительно выкрикнул Джек, неожиданно ныряя головой вперед в попытке проскочить между ног Глентона.

Парнишке почти наверняка удалось бы смыться, если бы я не успел зацепить его своей шпорой за штаны. Негодник тут же отплатил черной неблагодарностью, заехав мне по уху первым попавшимся под руку бульдожником, а потом, пока мы вязали этого висельника по рукам и ногам остатками его собственной петли, он буйнил и скандалил как самая сварливая старуха в мире. Моя природная стыдливость никак не позволяет повторять здесь его речи.

— Ну? Случалось ли тебе когда-нибудь встречать такого идиота? — горестно вопрошал меня Биш, усаживаясь поудобнее на спине Джека и поигрывая своим стетсоном. — И что же нам теперь с ним делать? Не можем же мы вечно держать его спешенным!

— Придется хорошенько за ним следить, пока дурень не откажется от нелепого намерения покончить с собой, — ответил я. — Думаю, какое-то время он может пожить в нашей хижине.

— У тебя, слушаем, нет сестер? — вдруг поинтересовался Джек.

— А как же! — с чувством сказал я. — Полон дом. Там куда ни плюнь, обязательно в какую-нибудь попадешь. А в чем дело?

— Тогда я туда не хочу! — горько сказал Джек. — Я больше не желаю видеть никаких женщин, даже ежели они родом с гор Гумбольта. Сердце мое полно отравы. Мед любви стал для меня трупным ядом. Лучше уж бросьте меня здесь на растерзание канюкам и кугуарам!

— Придумал! — вдруг воскликнул Глентон. — Да-дай возьмем парня с собой на хорошую охотничью

вылазку в самые нехоженые места Верхнего Гумбольта! По правде говоря, я и сам давно хотел там побывать. Держу пари, в тех краях еще не ступала нога белого человека! Если, конечно, не считать тебя, Брек. Ты уж не обижайся, но...

— Берегись! — заорал я, краем глаза заметив, как в зарослях мелькнула чья-то лохматая шкура.

Решив, что к нам с самыми недобрными намерениями снова пожаловал старый Полковник, я выхватил пару своих шестизарядных и открыл было беглый огонь по кустам, как вдруг оттуда донесся знакомый разъяренный голос:

— Прекрати счас же, поганец! Чтоб ты лопнул!

С этими словами на горизонте показалась довольно странная личность: высоченный, громадный старый хрыч, буйная седая шевелюра которого так срослась с седой бородицей, что стала неотличима от львиной гривы. В руке старик сжимал здоровенную суковатую дубину, а вокруг пояса у него была повязана шкура большущего кугуара. При виде такого чуда в перьях Спрэгга глупо вытарашил глаза и пролепетал:

— Боже! Это что за урод?

— Всего лишь еще одна жертва гнусных женских происков, — успокоил я Джека. — Старик Джошуа Брэкстон из Жеваного Уха, самый крутой адвокат во всей Южной Неваде. Он у них старейшина или что-то вроде того. Я так думаю, что мисс Старк — ну, та старая дева, которая всю жизнь проторчала учителькой в школе, — опять принялась плести вокруг бедняги свою любовную паутину. А как только она в очередной раз начинает смотреть на него таким вот овечьим взором, старик быстро швыряет в котомку кое-какое барахлишко и сматывается сюда, в верхнюю сьерру.

— У меня просто нет другого способа спасти свою шкуру! — пророкотал Джошуа, подпрыгивая к нашей честной компании.— Если б мне не удалось изобрести вот эту единственную верную стратегию, чертова баба уже давным-давно женила бы меня на себе! С равнин редко кто поднимается сюда, в горы. Ну, а если мне даже случится столкнуться с кем-нибудь, меня все равно никто не признает при таком-то такелаже! А вы, паразиты, как посмели нарушить мое уединение? Подняли такой тарарам, что разбудили меня прямо в моей пещере. Стоило мне увидеть, как старый Полковник, задрав ободранный хвост трубой, спешно переселяется в дальние края, и я сразу допер, что где-то рядом Брекенридж Элкинс!

— Мы здесь по делу,— сказал Билл.— Спасаем вот этого юнца от прискорбных последствий его же собственного недомыслия. Ты смылся сюда потому, что одна баба надумала женить тебя на себе. А вот наш Джек прибыл в горы, чтобы украсить своей персоной сук вон того дуба из-за того, что другая баба никак не желает выходить за него замуж.

— Есть же люди, которые просто не хотят понять, какая сказочная удача им привалила! — с черной завистью в голосе сказал старик Джошуа.— Ты только посмотри на меня, парень! Я сплю и вижу, как бы мне поскорее вернуться в Жеваное Ухо. Ведь я там уже больше месяца не был! Но уж лучше я буду до конца своих дней скитаться здесь, в глущи, пока эта старая потрепанная курица, мисс Старк, поджидает меня там!

— Да не кипятись ты, Джош,— сказал Глентон.— Успокойся. Тебе тоже повезло. Мисс Старк в Жеваном Ухе давным-давно нету. Она еще три недели назад собрала свои манатки да укатила в Аризону.

— Ал-липуй-яя! — восторженно вскричал Джошуа и на радостях подбросил свою дубинку так высоко, что назад она уже не вернулась.— Выходит, я могу вернуться! И снова стану человеком среди людей! Хотя нет, постой! — Он полез в складки кутуарьеи шкуры и выудил оттуда запасную дубинку.— Наверняка они там уже нашли взамен одной старой дуры другую. Свято место пусто не бывает! Уж это мне новомодное школьное здание, которое они отгрохали в Жеваном Ухе! Оно есть срамота и проклятие Божие! Самый настоящий рассадник всех пороков; логово хищных арифметичек, охотящихся за мужьями!

— Да не волнуйся ты так! — Был еще раз спешлив успокоить безутешного старика.— Мне случайно удалось увидеть портрет того сосуда зла, который они выписали взамен мисс Старк откуда-то далеко с востока. Симпатичная такая малышка, пре-хорошенькая и молоденькая, будто сама только что школу кончила. Да она в твою сторону даже ухом не поведет, уверяю тебя! А о том, чтобы она вознамерилась проставить на замшелой шкуре такого старого хрыча, как ты, свое личное клеймо, вообще никакой речи быть не может!

— Что ж ты раньше молчал? — Во мне вдруг пробудился самый живой интерес.— Говоришь, молоденькая и хороша собой?

— Как скаковая кобылка самых лучших кривей! — с чувством заверил меня Глентон.— Ей-богу, первый раз в жизни встречаю учителку, которой не исполнилось бы сорок прямо при рождении, и притом с мордашкой, не напоминающей, как это обычно у них принято, начало той вечной засухи, за которой последует конец света! Она прибывает в Жеваное Ухо на вечернем дилижансе, а привет-

ствовать ее собрался весь город! Мэр уже приготовил речугу и обязательно tolкнет ее, если сумеет устоять на бровях. Да, совсем забыл: они даже заказали оркестр!

— Вот идиёты! — презрительно фыркнул Джошуа. — Ведь в этом самом образовании нету ровным счетом никакого смысла. Я адвокат и имею полное право утверждать это!

— А вот я так не думаю! — решительно возразил я. (Справедливости для надо заметить, что эти мои слова относились к тому времени, когда я еще не успел стать поистине образованным человеком.) — Должен признаться, порой я ужасно сожалею, что так и не научился толком читать и писать. Но что делать, у нас на Медвежьем Ручье отродясь не было школы!

— Как же ты ухитряешься прочесть, что написано на ярлычках, наклеенных на бутылках? — фыркнул старый Джошуа.

— Просто уморительно, как быстро одно лишь предвкушение увидеть хорошенъкое женское лицо может в корне изменить все взгляды самого зрелого мужчины на жизнь, — слегка невпопад брякнул Билл. — Мне помнится, что, когда мисс Старк однажды спросила у тебя, не хотят ли твои родственники с медвежьего Ручья, — а ведь вы там все друг другу родственнички, — чтобы она вскарабкалась к вам наверх и немножко подучила вашик детишек уму-разуму, ты не полез в карман за ответом. Ты только разок глянул ей в лицо, напыжился как индюк и заявил, что дескать, ее гнусное предложение идет вразрез с основными принципами свободы, которые пока еще торжествуют на Медвежьем Ручье, а потому оно может серьезно повредить вашим невинным малышам. Путем самого разлагаю-

щего влияния, каковое так называемое образование неизбежно окажет на нежные детские души. Так загнул, что я до сих пор помню. А напоследок ты еще добавил, что свободолюбивый народ Медвежьего Ручья твердо намерен — и если понадобится, то с оружием в руках — противиться таковому подлому разлагающему влиянию вплоть до последней капли крови.

— Тыфу на вас, — сказал я, небрежным движением руки отметая клеветнические нападки Билла и Джошуа. — Просто я только сейчас понял, в чем заключается мой долг. А он заключается в том, что мне надлежит стать проводником культуры, всячески содействуя тому, чтобы самая ее трепетная суть вошла в плоть и кровь ныне подрастающего на Медвежьем Ручье молодого поколения! Я просто нутром чую, как в моей груди призывно стучит набат, настоятельно требующий учиться! Кроме того, мы уже давно собирались открыть на Медвежьем Ручье лучшую в мире школу, клянусь Аллахом! Если уж на то пошло, я сам срублю здание для этого храма наук и искусств, пусть даже мне придется лично иметь дело с каждой засевшей в горах, обомшелой каракатицей!

— Ну а где же ты найдешь учителя для вашей школы? — вдруг заинтересовался Джошуа. — Ведь не думаешь же ты, что Жеваное Ухо уступит тебе свою добычу?

— Уступит! — не колеблясь ответил я. — А если они не отдадут малышку добровольно, я прибегну к иным способам убеждения. Медвежий Ручей поистине изнывает от бескультурия! Я залью все равнины кровью так, что скакуны будут купаться в ней по самые обабки, ежели от меня потребуется такое! Вперед! Я уже устал ждать, пока предо мною рас-

пахнутся двери храма наук и искусства! Вы со мной или как?

— О нет! — довольно убедительно простонал Джек. — Только не это!

— Вот черт! — пробурчал Глентон. — Ну что прикажешь с ним делать?

— Пустяки! — ободрил я Билла. — Просто привяжем парня где-нибудь рядом с тропой. Где-нибудь повыше. Так, чтобы его не сожрали койоты. А потом подберем на обратном пути.

— Замечательная идея! — воскликнул Билл, не обращая ни малейшего внимания на жалобные протесты Джека, высказанные парнем весьма энергично и в самой что ни на есть, непечатной форме. — Так и сделаем! Нежная гитара моих нервов почти истлела, пока я изнурял свою бедную лошадку бессмысленной погоней за этим юным идиотом! И теперь я нуждаюсь в небольшой передышке, дабы заново настроить своего Гварнери. Или как там его еще? И вообще! Я желаю лично увидеть это новое чудо педагогики! Иначе у меня просто крыша пойдет от любопытства. Чего молчишь, Джош?

— По-моему, так у вас у обоих уже поехали крыши, — проворчал старейшина адвокатов. — На встречу друг другу. Того и гляди столкнутся. Что до меня, то я слишком давно питаюсь орехами и очень-очень тощими кроликами, чтобы рассуждать трезво. Но, поскольку мне доподлинно известно, что единственный способ переубедить Брекенрида Элкинса сводится к тому, чтобы отправить парня на тот свет, а у меня есть страшное подозрение, что такая задача мне не по плечу, значит — вперед! Но предупреждаю! Я совершу все возможное, дабы тщетворное влияние той самой образованности ни на мгновение не потревожило священный покой

Медвежьего Ручья! И не подумайте, что подобное решение вызвано моей личной неприязнью ко всяkim там учителям и учительницам! Просто таков мой священный принцип, а заодно — извините, парни, но так уж устроена жизнь!

— Собирай побыстрее свои тряпки,— проворчал я.— Мы спешим!

— У меня нету никаких тряпок, кроме вот этой шкуры кугуара! — заносчиво возразил Джошуа.

— Но не можешь же ты спуститься на равнину таким диким оборванцем! — неодобрительно заметил я.

— Не только могу, но и обязательно спущусь! — гордо ответствовал Джошуа.— К тому же я выгляжу куда более цивилизованным парнем, чем ты! Тьфу! В таком ужасном тряпье, пожертвованном тебе на память нашим общим другом, Полковником! Ну да ладно. Здесь неподалеку должен пасть мой сивый мерин. Я доберусь до своей лошадки в ноль секунд, если только до нее уже не добрался проклятый Полковник!

Ну, значит, пошел Джошуа за своей лошадкой, а мы с Биллом кое-как вытащили Джека к тому месту, где были привязаны наши скакуны. Парень все время толковал о чем-то страшно горячо и ужасно неразборчиво, но мы благоразумно пропускали все его пламенные речи мимо ушей и уже совсем заканчивали привязывать его к спине клячи, когда на поляне вновь возник Джошуа в сопровождении своего кошмарного одра.

Вот тут и началась настоящая потеха. Кэп Кидд, похоже, принял старину Джошуа за самого настоящего флибустьера. И всякий раз, когда бедный адвокат пытался проскользнуть мимо, Кэп неукоснительно загонял беднягу на жалкие остатки дуба,

все еще сохранившиеся в пейзаже после моих праведных трудов. Причем стоило несчастному старику предпринять хоть малейшую попытку спуститься вниз, как Кэп решительно выдирал узду из моих рук и опять загонял достойного старца на самую верхотуру.

Паразит Глентон не оказал мне ни малейшей поддержки. Парень только и знал, что заходиться в истерике, словно какая-нибудь там хохочущая гиена. Так оно и продолжалось, пока чудак не привлек к себе внимание Кэпа Кидда. Мой бедный невинный конек, сильно раздраженный этим ужасно грубым хохотом, изловчился и лягнул насмешника в гнусное толстопузое брюхо, одним ударом перебросив негодника через небольшую рощицу пушистых елок.

Впрочем, пушистыми они казались только снаружи. Когда я помог Биллу выпутаться из густого хитроплетения веток, парень выглядел почти так же непрезентабельно, как я после размолвки с Полковником. Вся одежда висела на нем ключьями, а шляпу мы вообще нигде не сумели найти. Поэтому я щедро оторвал ему кусок от той тряпки, что некогда была моей лучшей рубашкой. Глентон повязал этот кусок вокруг головы и сразу сделался ужасно похожим на апача. В общем, если не считать связанныго Джека, вся наша честная компания выглядела теперь довольно-таки дико.

Однако при одной мысли о том, сколько времени уже истрачено впустую, пока несчастное население Медвежьего Ручья продолжает прозябать в прискорбном невежестве, я начал приходить в самое настоящее отчаяние. Поэтому, едва Кэп Кидд в очередной раз надумал загнать Джолту на дерево, я тут же врезал ему рукояткой своего шестизарядного прямехонько промеж ушей. Как ни странно,

этот способ убеждения возымел некоторое действие.

В конце концов с грехом пополам мы кое-как тронулись в путь. Джек, накрепко привязанный к спине собственной лошади, все время выкрикивал нечто ужасное, а Джошуа, взгромоздившийся на своего неоседланного и невзнужданного огроменного древнего сивого мерина, страшно тормозил весь наш караван. Я попросил Билла ехать между мной и Джошуа, чтобы проклятая шкура кугуара оказалась как можно дальше от Кэпа Кидда; и все же всякий раз, когда порыв ветерка доносил до ноздрей Кэпа ненавистный ему кошачий запах, он рывком бросался вперед и кусал Джошуа. А иногда он случайно промахивался и кусал лошадку Билла или даже — но это уж совсем по ошибке — самого Билла. Должен признаться, речи Глентона, произносимые им в таких случаях в адрес бедного животного, весьма болезненно резали мой слух.

Ну да ладно.

Мы решили двинуть напрямик, чтобы побыстрее попасть на тропу, ведущую с Медвежьего Ручья в Жеваное Ухо, и выскочили на нее как раз милей западнее перевала Охотничих Ножей. Там мы и оставили Джека, крепко привязав беднягу к красивому и очень уютному тенистому дубу, прилепившемуся на дне небольшого ущелья. Я обнадежил парня, заверив его, что мы вернемся за ним через каких-нибудь несколько часов. Но ведь бывают же такие люди, которые вечно всем на свете недовольны! Немудрено, что та девчонка предпочла ему кого-то другого. Мальчишка отреагировал на мои слова самым непристойным образом; он чихвостил нас троих и растак, и разэдак. Кое-какие его выражения я вообще слышал впервые в жизни! Клянусь

честью, если б малый находился в здравом уме, я попросту прибил бы его на месте. Или я не Брекенридж Элкинс!

А так мы просто пропустили его высказывания мимо ушей, привязали Джекову лошадку к тому же дереву, поспешили по тропе вниз и вскоре выбрались на дорогу из Оряиного Пера в Жеваное Ухо. Тут нам навстречу попалась первая живая душа — какой-то парень на пегой кобылке. Но, едва глянув на нас, он почему-то издал поистине душераздирающий вопль, поднял свою лошадку на дыбы, развернулся на месте и помчался по дороге назад, в Жеваное Ухо, погоняя так, будто его черти хватали за пятки.

— Давайте спросим у него, не приехала ли уже учительница, — находчиво предложил я, и мы помчались вслед за парнем, громко выкрикивая нашу нижайшую просьбу, чтобы он погодил полминутки.

Но в ответ малый лишь сильнее пришпорил свою бедную кобылку. Вдобавок, прежде чем нам удалось отыграть у него хоть полшага, дурацкий мерин Джошуа запутался под ногами у Кэпа Кидда, а Кэп, вновь унюхав ненавистный запах кугуарьей шкуры, сперва откусил от нее здоровенный кусок, а затем добрых три мили гнался за Джошуа и мерином по густым зарослям, пока мне наконец не удалось остановить его своим обычным методом. Билл из любопытства и за компанию последовал за нами. А когда нам удалось опять выбраться на дорогу, того малого на пегой лошадке, конечно же, давным-давно след прости.

Ладно. Мы снова двинулись в сторону Жеваного Уха, но люди, чьи дома стояли недалеко от дороги, при виде нашей компании почему-то сломя голову бросались в свои лачуги, захлопывали двери, задви-

гали все засовы, а потом тут же открывали по нас бешеную пальбу из окон.

— Твою мать! — несколько раздраженно сказал Билл после того, как пулей, пущенной из винтовки для охоты на бизонов, ему начисто снесло мочку левого уха. — Не иначе как паразиты уже прознали, что мы намерены сламзить у них училку!

— Это вряд ли, — заметил я. — Откуда им знать? Нет, тут другое. Готов побиться об заклад, тут попахивает самой настоящей войной. Между Жеваным Ухом и Орлиным Пером.

— Пускай, — встрял Джошуа, — но в меня-то они зачем стреляют?

— Сам же говорил, что в таких лохмотьях тебя ни одна живая душа не признает, — отрезал я. — Вот и не признали. Глянь-ка, а это еще что такое?

По дороге в нашу сторону быстро катилось громадное облако пыли. Когда оно приблизилось, мы разглядели толпу верховых, которые самым гнусным и угрожающим образом вопили, потрясая над головой ружьями.

— В чем бы ни заключалась причина подобных странностей, — мудро заметил Билл, — по-моему, нам не стоит задерживаться здесь для ее выяснения! Не иначе как эти джентльмены жаждут крови, — добавил он, когда пули начали вздымать вокруг нас маленькие облачка пыли. — И очень похоже на то, что именно нашей крови!

— Тогда — в кусты! — скомандовал я. — В самую чащу! Я твердо намерен пробиться в Жеваное Ухо сквозь огонь, воду и медные трубы! То есть невзирая на всех этих вооруженных шутов гороховых, сколько бы их там ни было!

Мы рванули в заросли, а погоня — человек сорок, наверное, а может, пятьдесят — устремилась

за нами следом. Но мы рыскали из стороны в сторону, петляли, а кое-где, наоборот, срезали углы, поскольку старый Джошуа, скрываясь от очередных домогательств, частенько ударялся сюда в бега и знал эту местность от и до. А потому, когда мы вихрем ворвались в Жеваное Ухо, преследователей не было видно даже на горизонте. Улицы городка были пустынными, все двери заперты, а окна домов, салунов и лавочонок наглухо закрыты ставнями. Странное дело!

Едва мы выехали на открытое место, как кто-то тут же выпалил по нас через окно из дробовика, и заряд дроби сделал то, что было не под силу никакому гребню,— наконец-то как следует расчесал Джошуа его спутанную бороду. При виде такого злого дела я психанул, подскакал к дому, высвободил из стремени ногу и одним ударом к черту вышиб дверь. Малый внутри истошно заорал и выпрыгнул в окно на улицу, где Билл тут же сграбастал подлеца за шкирку. И надо же! Этим гадом оказался не кто иной, как Исаия Барлоу, один из наиболее уважаемых граждан Жеваного Уха!

— Чтоб вам всем пусто было! — проревел Билл.— У вас тут в Жеваном Ухе у всех разом крыша поехала, что ли?

— Никак это ты, Глентон? — бесполково хлюпая глазами, прошептал Исаия.

— А кто ж ишши? — продолжал неистовствовать Билл.— Я чо, на ххраснокожжего пох-хоши, шшто ли?

— Еще как похож!.. Ох! Я просто хотел сказать, что сразу тебя не признал, в таком-то тюрбане! — слабым голосом ответил Исаия.— А с тобой, выходит, Джош Брэкстон и Брекенридж Элкинс... Или у меня начались галлюцинации?

— Конечно, мы,— фыркнул Джошуа.— А ты как думал?

— Ну-у...— протянул Исаия, потирая изрядно помятый Глентоном загривок.— Да никак я не думал!

— А куда подевались все остальные? — сурово спросил Джошуа.

— Ну-у...— снова протянул Исаия.— Знаешь ли... В общем, не так давно в город примчался Дик Линч — его кобышка была вся в мыле,— так он клялся и божился, что насилию унес ноги от самых жутких, самых злобных разбойников, какие когда-либо спускались сюда с гор!

«Ребята! — сказал нам Дик.— Эт-то что-то страшное! Они, похоже, не индейцы. Но и не белые. Просто какие-то кошмарные дикари, и все тут! Один — громадный, словно горный гризли, голый по пояс, к тому же верхом на коне размером с Короля Бизонов; другой — такой же отвратительный оборванец, хотя росточком поменьше, но зато в боевой головной повязке апачей. На третьем вообще ничего нет! Совсем ничего, ребята, кроме шкуры кугуара, да вдобавок охрененная дубина в руках! А борода у него по пояс; вся срослась с волосами, а волосы всклокоченные и свисают лохмами аж по самую... одним словом, тоже по пояс!

А когда они меня увидели, то дико завыли и погнались за мной, будто свора голодных людоедов. Я еле от них удрал и успел вовремя принести в Жеваное Ухо эту ужасную весть. Заодно я предупредил всех, кто живет вдоль дороги, чтобы как следует забаррикадировались в своих домах!»

Ну дак вот,— продолжал Исаия,— когда Дик нам все это выложил, почти все взрослые мужчины, какие были в городе, вскочили на лошадей, похва-

тали оружие и поскакали в сторону Орлиного Пера, чтобы перехватить эту ужасную банду до того, как она начнет опустошать Жеваное Ухо.

— Ну и дурни! — заметил я. — Такие болваны, что на них уже клеймо поставить некуда. Поступай, а где ваша новая училка?

— Вечерний дилижанс еще не прибыл, — ответил Барлоу. — А мэр во главе оркестра и целой толпы наших граждан двинул прямиком на Желтый Ручей. Ему хочется устроить первую встречу там, у борда, чтобы обеспечить новую учительницу торжественным эскортом и оказать ей все возможные почести при въезде в город. Они отправились к броду всего за каких-то полчаса до того, как Дик принес нам печальное известие о дикарях, вышедших на тропу войны.

— Вперед! — скомандовал я своим воинам. — Мы, кровь из носу, должны встретить дилижанс первыми!

Вихрем промчавшись по пустынным улицам городка, мы вылетели на дорогу и вскоре услышали впереди рев духового оркестра, а также радостные вопли и беспорядочную пальбу из револьверов. Эти чудаки из Жеваного Уха всегда так делают, встретив какого-нибудь почетного гостя. Выходит, мы все-таки опоздали, решил я. Значит, они уже встретили дилижанс и теперь сопровождают его в город.

— Ну и что ты намерен делать теперь? — поинтересовался Билл.

Как раз в этот момент позади нас раздался какой-то странный, быстро приближающийся шум. Оглянувшись, я увидел всю эту чертову толпу маньяков из Жеваного Уха, которые в беспорядке мчались в нашу сторону, потрясая в воздухе своими дурацкими винчестерами.

Не было никакого смысла даже пытаться объяснить им, что мы вовсе не вышедшие на тропу войны людоеды. Они просто-напросто подстрелили бы нас, как кроликов, прежде чем оказались на таком расстоянии, чтобы услышать, что мы там им такое говорим. Поэтому я привстал на стременах и заорал:

— Вперед! Если они сумеют доставить учительку в город сейчас, нам потом битых полгода придется брать его штурмом! Мы должны завладеть ею немедленно! За мной!

Мы ринулись вперед, обогнули оркестр и увидели неторопливо кативший по дороге дилижанс. Рядом с ним ехал мэр, почтительно державший шляпу в руке; из каждой чересседельной сумки у него торчало по бутылочному горлышку, из набедренного кармана штанов тоже выглядывала бутылочка доброго виски. Мэр произносил речь, надрывая горло в попытке перекрыть дикий грохот оркестра.

Музыканты вкалывали честно. Они изо всех сил дули в трубы, колотили по барабанам, гнусавили на волынках. Лошади, конечно дело, пугались, ржали и взбрыкивали. Все же мне удалось расслышать, как мэр сказал:

— ...Таким образом, мисс Девон, мы будем просто счастливы увидеть вас членом нашей маленькой общины, где жизнь всегда течет так мирно и спокойно и где сердца простодушных ее граждан сочатся парным молоком и медом. А еще хочу я вам сказать...

Но то были его последние слова. Как раз в этот момент мы, вместе с висевшей у нас на хвосте вооруженной толпой, прорвались сквозь оркестр и свалились на голову почетному эскорту. Причем окончательно свихнувшиеся маньяки из Жеваного

Уха за налыми спинами дико вопили, изрыгали чудовищные проклятья и лихорадочно палили во все стороны. Поднялась невообразимая суматоха. Кони вставали на дыбы, сбрасывая своих всадников. Лошади, запряженные в дилижанс, окончательно перепугались и понесли, по дороге вышибив мэра из седла. Мы обрушились на встречающих, как торнадо, а они тут же принялись палить в нас почем зря, лупить нас по головам своими медными трубами и обзвывать нехорошими словами.

Потеха еще даже не успела как следует разгореться, как та часть банды придурков из Жеваного Уха, которой тоже удалось прорваться сквозь оркестр, присоединилась ко всеобщей свалке. Все окончательно растерялись и принялись ожесточенно сражаться друг с другом. Потому что, кроме меня и моих доблестных воинов, никто не понимал, что, собственно, происходит, а главный девиз Жеваного Уха издавна гласит: «Коли сомневаешься — стреляй!»

В общем, за какую-то пару минут они успели от души всыпать друг другу, да и нам досталось на орехи. Впрочем, мы тоже не теряли времени даром. Старина Джошуа направо и налево косил своей суковатой дубиной собственных земляков, не щадя себя в стремлении любой ценой спасти их сочащиеся молоком и медом простодушные сердца от ужасов грядущего образования; Глентон вовсю орудовал револьвером, выбивая рукояткой чечетку на глупых головах музыкантов; а Кэп Кидд, искренне стремясь помочь мне поскорее добраться до чертова дилижанса, просто без разбору топтал толпу.

Как я уже говорил, упряжка дилижанса понесла. Бедные глупые лошадки кое-как вырвались из

общей кутерьмы, развернулись и помчались куда-то. Примерно по направлению к Атлантическому океану. Возница и вооруженный дробовиком охранник никак не могли притормозить этот сумасшедший бег. Но Кэп Кидд не подвел. Перейдя на галоп, он за какую-то дюжину скачков догнал чертову карету, а я тут же выпрыгнул из седла и одним махом перелетел на крышу дилижанса. Дурень-охранник с перепугу попытался подстрелить меня из своего дробовика, вот почему мне пришлось отнять у него эту допотопную пушку и зашвырнуть в заросли ольховника, мимо которых мы как раз проносились. Но поскольку несчастный малый неожиданно вовремя отклеился от приклада, бедолаге пришлось последовать за своей пукалкой.

Затем я вырвал вожжи из рук оцепеневшего возницы и осадил этих дурацких лошадей так, что вся четверка разом поднялась на дыбы. Дилижанс при этом сперва накренился, а потом вывернулся вбок и поднялся на одно колесо. Постоял так несколько жутких мгновений, а потом вновь грехнулся на все четыре колеса. Мы повернули и во весь опор ринулись обратно на дорогу. Каких-то пять минут спустя мы уже оказались в самой гуще окаянных скандалистов, плотно осадивших старика Джошуа и Бilla Глентона.

Вдруг заметил, что возница из последних сил пытается пощекотать меня здоровенным мясницким ножиком. Я чуток пихнул его локтем, и парень тут же слетел с козел. Лично я не нахожу никаких оправданий тому, что он теперь с самым разнесчастным видом слоняется по всем предгорьям, требуя моего ареста. В виде моральной компенсации. И всех-то делов, что, приземляясь, болван нечаянно угодил своей умной головой прямехонько в бас-

геликон, после чего семь человек полдня бились, выпиливая оттуда эту бедовую головушку. А я лично так думаю: даже самый отъявленный олух должен повнимательней смотреть, куда падает, особенно ежели его выкидывают из дилижанса, несущегося на полном скаку.

Мне также очень жаль, что мэр Жеваного Уха оказался весьма мелочным человеком, способным так долго вспоминать какие-то пустячные обиды, ведь иначе он не смотрел бы на меня до сих пор зверем только из-за того, что дилижанс дважды проехался по нему всеми четырьмя колесами. По дороге туда и обратно. А уж в том, что Капитан Кидд дважды проскакал по телу страдальца-мэра, и вовсе нету никакой моей вины. Кэп просто честно следовал за дилижансом, ведь он твердо знал, что я — там.

Кроме того, любая честная лошадь приходит в самое крайнее раздражение, когда падает, споткнувшись о какого-то кретина. Только этим и можно объяснить тот прискорбный факт, что старина Кидд изрядно изжевал левое мэрское ухо. И потом, скажите на милость, каким же еще должно быть ухо у мэра Жеваного Уха?

Что до всех остальных парней, которым в тот раз случилось побывать под колесами дилижанса, так я лично против них ничего не имел. Я просто пришел на выручку Биллу и Джошуа, ведь на них наседали уже по сорок против одного. Как подумать, так я даже оказал тем придуркам из Жеваного Уха громадную услугу; хотя навряд ли они когда-либо смогут оценить ее по достоинству. Ведь еще минута-другая — и Билл пустил бы свои шестизарядные в ход с другого конца — я имею в виду дуло, — и тогда та небольшая развлекуха преврати-

лась бы в самую вульгарную мясорубку! Кажется, я как-то упоминал, что Билл — чертовски вспыльчивый малый.

К тому времени, когда я вновь прибыл на место кровавого побоища, Билл вместе с Джошуа уже успели нанести своим врагам немалый урон. Однако, если б не я, исход той великой битвы явно сложился бы не в их пользу. Как только дилижанс врезался в самый центр заварухи, я нагнулся, схватил старину Джошуа за загривок и вытащил его из-под семнадцати с половиной остервенелых мужиков, которые давно уж забили бы его насмерть рукоятками своих револьверов, если б так не увлеклись выдиранием крупных ключьев из его замечательной бороды. Я вытянул почтенного старца на свет Божий и ловко закинул на крышу дилижанса, прямо поверх остального багажа.

Как раз в этот миг упряжка проносилась мимо очередной кучи-малы, центром которой на сей раз был уже Билл. Ну, я нагнулся еще разок, чтобы подхватить и его. Но три или четыре особо азартных парня вцепились в Билла прямо-таки мертввой хваткой.

Ну что ты тут будешь делать!

Пришлось забрасывать в дилижанс всех шестерых. А еще пришлось некоторое время править одной рукой, поскольку второй я по очереди отдирал этих жеваных остоловов от Билла — надо сказать, они отклеивались от него куда неохотнее, чем этикетка соловьей шкуры,— а потом бросал их, одного за другим, в шумную толпу преследователей. В результате кони и люди образовали на дороге шевелящуюся кучу, которую затем усердно месил Кэп Кидд, прокладывая себе путь вслед за дилижансом.

Когда мы снова увидели строения на окраине Жеваного Уха, погоня осталась далеко позади.

Дилижанс ворвался в городок, втащив за собой громадное облако пыли. Женщины и детишки, которые к тому времени осмелели и повылезали на улицу из своих лачуг, испуганно закудахтали и снова бросились по домам, хотя никакой опасности для них и в помине не было. Впрочем, народец в Жеваном Ухе всегда славился своими странностями.

Вскоре Жеваное Ухо скрылось за горизонтом. Я передал вожжи Биллу, свесился с козел и просунул голову внутрь дилижанса. Там, съежившись и забившись в уголок, сидела самая хорошенъкая девчушка из тех, кого мне случалось видеть в жизни. Она выглядела такой напуганной и такой бледной, что я даже начал опасаться, не собирается ли она грохнуться в обморок; мне где-то приходилось слышать, что девушки с востока имеют такую пренеприятную привычку.

— О! Пощадите меня! — взмолилась она, увидев мое все еще слегка возбужденное лицо. — А если вы твердо решились меня убить, то хотя бы не снимайте с меня скальп!

— Вы в полной безопасности, мисс Девон, — поспешил заверить я. — Я никакой там не индеец, а уж тем более не дикарь-людоед. Точно так же, как и присутствующие здесь мои друзья. Ни один из нас даже мууху не способен обидеть. Мы столь мягко-сердечны, а души наши столь утонченны и нежны, что вы даже представить себе не можете. И... — К сожалению, как раз в этот момент колесо дилижанса налетело на какой-то пень, я прикусил себе язык, а чертову коляску подбросило довольно высоко в воздух. Утратив нить своих рассуждений, я раздраженно заорал: — Послушай, Билл! Хорек воюющий!

Останови дилижанс или я прямо счас сверну тебе шею!

— Только попробуй, дурачина ты эдакая! — не полез в карман за ответом Билл. — Ступай сюда, и я повытряхну мусор из твоей фаршированной головы!

Все же он остановил упряжку, а я спрыгнул на землю, снял шляпу и отворил дверь коляски. Глентон с Джошуа тоже слезли вниз, и теперь с любопытством выглядывали из-за моего плеча. Бедная мисс Девон выглядела так, словно ее тошило. Не иначе как съела какую-нибудь гадость в придорожной забегаловке.

— Мисс Девон! — торжественно начал я. — Должен принести вам самые глубочайшие извинения за ту вольность, которую я позволил себе, представляясь вам столь неформально! Но! Вы видите пред собою человека, чье сердце обливается кровью при одной мысли о той мрачной пучине невежества, в каковую до сих пор погружена его родная община! Я Брекенридж Элкинс с Медвежьего Ручья, где сердца людей чисты, а помыслы возвышенны. Но где до сих пор царит жуткое бескультурье!

Вы видите пред собою, — продолжал я, испытывая тем больший энтузиазм по части образования, чем дольше я вглядывался в огромные бездонные карие глаза мисс Девон, — человека, который сызмальства рос в невежестве. Который не умеет даже читать и писать. Вот и Джошуа — это тот, в кугуарье шкуре, — он тоже не умеет. Хотя и адвокат. И Билл, бедняжка, тоже толком не знает, что такое буквы.

— Врешь! — заявил Глентон. — Во-первых, я отлично умею читать, а во-вторых... Гулып! — быстро

закончил он, едва мой локоть слегка погрузился в его желудок.

Не мог же я позволить этому пошляку свести на нет все достоинства моего спича! Тем более что на щеки мисс Девон прямо на глазах начинал возвращаться румянец.

— Мисс Девон! — возвысил я голос. — Не соблаговолите ли вы, мэм, прибыть на Медвежий Ручей, дабы возглавить там нашу новую школу?

— Как же так? — растерялась девушка. — Ведь меня специально вызвали сюда, на Запад, чтобы занять место учителя в Жеваном Ухе! Правда, формально моей подписи под контрактом пока нет, но...

— Какую сумму собирались платить вам эти жеявные змеиные души? — поинтересовался я.

— Девяносто долларов в месяц, — простодушно ответила мисс Девон.

— Мы кладем вам сотню, — заявил я. — Каждого первого числа баксы на бочку, и никаких налогов!

— Черта лысого! — пробормотал Глентон. — Да они там у себя на Медвежьем Ручье всем миром и полсотни наличными не наскребут!

— Мы будем собирать пожертвования! Со всех и с каждого! — отрезал я. — Шкурки енотов, кукурузное пойло, порох и всякое такое. Я стану продаивать это барахло в Орлином Перё, а вырученные зелененькие пойдут прямиком мисс Девон. Не могу ли я низайше попросить вас, мистер Глентон, прекратить совать нос не в свое дело? Прямо счас же!

— Ах Боже мой, что станут говорить те люди в Жеваном поселке? — вдруг забеспокоилась мисс Девон.

— Ровным счетом ничего! — заверил я, стараясь придать своему голосу как можно больше теплоты и сердечности. — Уж об этом-то я позабочусь!

— Все это кажется мне каким-то странным... и иррациональным! — слабеющим голосом вымолвила мисс Девон.— Я прямо даже не знаю...

— Тогда все в порядке! — радостно воскликнул я.— Отлично! Значит,— вперед!

— Куда? — прошептала она, судорожно цепляясь за дверцу дилижанса, сильно накренившегося, когда я взвирался на козлы.

— На Медвежий Ручей! — с энтузиазмом ответил я.— Дрожите, разбойники и конокрады! Дрожите и забивайтесь поскорее в самые глухие углы! Ибо на Медвежий Ручей наконец грядет подлинная культура! — И мы поспешили дальше со всей скоростью, на которую оказалась способна упряжка дилижанса. Чуть погодя я оглянулся на мисс Девон и увидел, что она снова начинает бледнеть. Тогда я заорал, чтобы перекрыть бешеный стук колес:

— Да не волнуйтесь вы так, мисс Девон! Никто не посмеет причинить вам никакого вреда! Ибо Б. Элкинс с радостью возьмет на себя все хлопоты по части вашей безопасности! Я целиком и полностью на вашей стороне! Отныне и навсегда!

Тут она сказала что-то такое, чего я совсем не понял. Если честно, это больше всего напоминало стон глубокого отчаяния. А затем я услышал, как Джошуа кричит Биллу, стараясь перекрыть стук копыт и грохот колес:

— Образование, как же! Держи карман шире! Просто эта дубина стоеросовая приглядывает себе жену! Вот и все! Ставлю десять против одного — учителька даст ему полный отворот!

— Принято! — восторженно взвыл Билл.

— Заткнитесь счас же! — в бешенстве заорал я.— И немедленно прекратите так чертовски пуб-

лично обсуждать мою личную жизнь при посторонних! Не то я вам... А это еще что такое?

Было очень похоже на то, будто где-то совсем недалеко на кремнистой дороге летят искры из-под множества копыт.

— Это опять те жеваные маньяки! — воскликнул Глентон. — Они так и идут по нашему следу. И похоже, настигают нас!

— Мать твою! — в сердцах промолвил я и от души вытянул коренника кнутом по спине.

Тут мы как раз подлетели к началу тропы, ведущей на Медвежий Ручей, и я свернул. До сих пор по этой тропе еще не проезжало ни одно колесо, а потому наше путешествие вмиг утратило всю свою приятность. У Била с Джошуа теперь была только одна забота: покрепче цепляться за что попало, чтобы не вылететь из дилижанса к чертовой матери, потому что проклятая коляска теперь редко когда касалась земли больше чем одним колесом. И конечно, те жеваные маньяки продолжали настигать нас. К тому моменту, когда наша колесница с жутким грохотом вылетела на перевал Охотничих Ножей, они были уже не дальше как в четверти мили от нас, а от их кровожадных воплей у человека менее мужественного, чем я, разом застыла бы кровь во всех жилах.

Но меня не запугаешь! Именно поэтому я не забыл притормозить упряжку у той самой развесистой кроны дуба, к которой мы привязали Джека Спрэгга. Парень сразу же выпустился на мисс Девон, а та, в немом изумлении, уставилась на него.

— Слушай-ка! — сказал я Джеку. — В дилижансе находится юная леди, пребывающая ныне в затруднительном положении. Мы спасаем ее от кошмарной перспективы на всю жизнь стать никольной

учителкой в этом забытом Богом захолустье — в Жеваном Ухе. У нас на хвосте висит орава вооруженных маньяков. Сейчас не то время, когда ты можешь себе позволить уйти в тяжкие раздумья о собственном несчастье! Клянешься ли ты, что забудешь, хотя бы на время, свое глупое намерение свести счеты с жизнью, чтобы сесть на козлы вот этого дилижанса и везти юную леди дальше, вверх по тропе? Пока мы тут будем направлять назад этим жеванным их вывихнутые мозги?

— Клянусь! — решительно воскликнул Джек, причем с таким рвением, какого он не выказывал с тех самых пор, как мы вынули его из петли.

Тогда я перерезал веревки, и парень одним махом взлетел на дилижанс.

— Правь к Чертову каньону,— наказал я Джеку, когда он взял вожжи.— Будешь ждать нас там. Не тревожьтесь, мисс Девон! И часу не пройдет, как я снова буду рядом с вами. Верьте мне, ибо Б. Элкинс еще ни разу в жизни не нарушал слова, данного им прекрасной леди!

— Ну-но! — сказал Джек и щелкнул кнутом.

Дилижанс, дребезжа, громыхая и подскакивая на камнях, резво двинулся вверх по тропе. А мы с Джошуа и Биллом укрылись за скальными выступами по обе стороны от тропы. Ущелье в этом месте становилось узким, что твое бутылочное горлышко. Оставалось лишь надежно заткнуть его пробкой. В общем, я решил, что для засады лучше места не найти.

Ладно. Вскоре эти типы явились, яростно пришпоривая своих скакунов, оглашая окрестности безумными воплями и бешено пали во все стороны без разбору. Тут-то мы с Биллом и отсалютовали им из четырех шестизарядных сразу. Конечно же, их

психическая атака с ходу захлебнулась. Ребята поняли, что влили. Добраться до нас у них не было никаких шансов, потому как эти степные олухи совершенно не умели карабкаться по утесам. Поэтому, постреляв еще малость наобум святых и подстрелив насмерть десятка три булыжников, слегка пожухшие маньяки развернули своих лошадок и помчались обратно, в свое Жеваное Ухо.

— От души надеюсь, что это послужит им хорошим уроком,— сказал я, вылезая из своего укрытия.— А теперь — вперед! Я жду не дождусь, когда же наконец культура начнет свое победное шествие у нас, на Медвежьем Ручье!

— Ты ждешь не дождешься, когда же тебе наконец удастся захомутать ту кобылку! — насмешливо фыркнул Джошуа.

Но я пропустил этот злостный выпад мимо ушей, вскочил на Кидда и припустил вверх по тропе, предоставив Биллу с Джошуа следовать за мной вдвоем на лошадке Джека Спрэгга.

— А почему, собственно, я должен скрывать свои намерения? — возмущенно сказал я чуть погодя.— Ведь они у меня самые честные! К тому же любому ясно: мисс Девон уже не может скрывать, что она ко мне неравнодушна! И если б тот юный идиот, Джек Спрэгг, испытывал бы хоть в половину столь же сильное влечение к прекрасному полу, как испытываю его я, он не завывал бы на всех углах о своей загубленной молодой жизни... Эй! А куда же подевался дилижанс? — поразился я.

За разговорами мы уже добрались до Чертова каньона, но никакого дилижанса там не было!

— Смотри-ка, к дереву приколота какая-то записка,— заметил Билл.— Счас я тебе ее прочту... О Боже! — Он вдруг всхлипнул, подавившись совер-

шенно неприличным смешком.— Нет, ты только послушай!

Дорогие парни! Я решил, что больше никогда не полезу в петлю, а мисс Девон решила, что никогда не возглавит прекрасную новую школу на Медвежьем Ручье. Она не может спокойно смотреть на Брека: он вызывает у нее нервную дрожь. Она до сих пор не уверена, человек ли он вообще.

Что касается меня, то я пал жертвой любви с первого взгляда, а мисс Девон страшно боится, что ей придется стать женой Брека, если только она не успеет срочно выйти замуж за кого-нибудь другого, а еще она сказала, что я — лучшая из всех кандидатур в мужья, которые ей до сих пор встречались на жизненном пути. А потому мы направляемся в Орлиное Перо, чтобы немедленно там обвенчаться. Извините, если что не так.

Ваш должник навеки, Джек Спрагг.

— Брось, Брек! Нельзя же принимать всякие пустяки так близко к сердцу,— жалостливо сказал Били, когда я взвыл, как безумный, и принял машинально вытирать молодые деревца, росшие в пределах семнацати с половиной ярдов от меня.— Подумай сам: ведь ты же не просто спас человеку жизнь! Ты еще и сделал его счастливым!

— Да? А кто сделает счастливым меня?! — возопил я, меланхолично обрывая сучья с ближайшего дуба в попытке успокоить бушующие в моей груди чувства.— Уж теперь-то Медвежьему Ручью еще сто лет не видать подлинной культуры как своих ушей! А моя очередная трепетная любовь в который раз растоптана! Били Глентон! Как друга тебя прощу!

Когда будешь гнаться за очередным придурком, решившим повеситься в горах Гумбольта, предупреди его заранее: пускай не трудится выбивать колоду из-под собственных ног — я с превеликой радостью сделаю это сам!

МИРНЫЙ СТРАННИК

П

олучить пулю от родственничка, а уж тем паче от случайного незнакомца — дело настолько обычное, что на такие штуки я, как правило, просто не обращаю внимания. Но когда в тебя стреляет твой лучший друг — совсем другое дело: Подобные фокусы могут вывести из себя даже такого кроткого добрая, как я. Но, наверно, будет лучше, если я объясню, о чем речь. У меня были кое- какие дела возле гра-

ницы с Орегоном, и, покончив с ними, я возвращался домой, на Медвежий Ручей. По дороге мне случилось проезжать через лагерь старателей под называнием Мышиная Пасть, который был разбит в самом сердце гор, почти таких же высоких и диких, как мой родной Гумбольт.

Я заказал себе выпивку в баре салуна-отеля «Спящий лось» и тихо-мирно потягивал ее, когда не спускавший с меня глаз бармен вдруг сказал:

— Не иначе как вы Брекенридж Элкинс с Медвежьего Ручья!

Я обдумал его предположение и пришел к выводу, что бармен, скорее всего, не ошибся.

— А откуда ты меня знаешь? — подозрительно спросил я. В самом деле, откуда? Ведь меня занесло в Мышиную Пасть первый и последний раз в жизни.

— А я и не знаю, — сказал бармен, — но мне так часто приходилось слышать всякие небылицы о Брекенриdge Элкинсе, что я сразу решил: вы — это он! Потому как просто не могу себе представить, чтобы на всем белом свете можно было бы сыскать сразу двух таких мордоворо... м-м-м... я хотел сказать, двух таких великолепно сложенных рослых мужчин. Да, кстати! Тут, на втором этаже, сейчас квартирует ваш друг, Балаболка Карсон. Он приехал сюда из южной части штата. Я частенько слышал, как он хвастается, будто имеет честь знать вас лично. Как подниметесь по лестнице, его дверь будет четвертая направо.

Что ж, Балаболку я помнил. Правда, он был не из наших, не с Медвежьего Ручья, а из Орлиного Пера, но я никогда не ставил это парню в вину. Вдобавок бедняга был малость туповат, но ведь нельзя всерьез рассчитывать, что все вокруг обязаны быть такими же сообразительными ребятами, как я.

В общем, поднялся я по лестнице, вежливо постучал в дверь, и вдруг: ба-бах! — громыхнул изнутри сорок пятый. Причем проклятая разрывная пуля, пробив филенку, здорово поцарапала мне мочку левого уха! Кажется, я уже говорил, что меня страшно раздражает, когда в меня стреляют, не имея на то самых веских причин. В таких случаях мое терпение истощается крайне быстро! Вот почему, не ожидая дальнейших проявлений гостеприимства, я яростно взревел, одним ударом вышиб дверь и, ступая по ее обломкам, вошел в комнату.

Поразительное дело! В комнате никого не было! Совсем никого! Хотя в тишине мне явственно слышался какой-то булькающий звук. Тогда я напрягся и припомнил, что обломки двери вроде как чавкали под моими ногами. Ага, подумал я, значит, кто бы там ни был внутри, его просто прихлопнуло дверью, когда та слетела с петель!

Ну ладно. Я нагнулся, пошарил под обломками, схватил подлеца за шиворот и вытащил на свет Божий. Можете быть уверены, им оказался не кто иной, как Балаболка Карсон. Парень висел у меня в руке как тряпка, глаза у него были совсем стеклянные, а морда — замороженная и пустынная, как вершины Гумбольта зимой; но все же он продолжал делать какие-то рассеянные телодвижения, пытаясь еще разок выпалить в меня из своего шестизарядного, пока я не отобрал у него эту цацку.

— Какого черта? — сурово спросил я, слегка встряхнув его за шиворот. Парня колотила дрожь, да так, что аж зубы стучали. — Да что такое с тобой стряслось? Напился до чертиков или еще что, раз в старых приятелей через дверь стреляешь?

— Опусти меня на пол, Брек, — выдохнул он. — Я понятия не имел, что это ты. Я думал там, за дверью, Волк Фергюссон пришел за моим золотом.

Ладно. Отпустил я его. Он тут же схватил здоровенную бутыль кукурузного пойла и хлебнул приличную порцию прямо из горлышка, причем руки у него тряслись так, что добрая половина виски, так и не попала ему в рот, растекшись мутными ручейками по несвежей шее.

— Это еще что такое? — поразился я. — Разве ты не собираешься предложить мне глоток, чтоб ты лопнул?

— Ты уж прости меня, Брекенридж, — вдруг заскулил он. — Я так извелся, уже не соображаю, что делаю! Вот, живу в этой комнате целую неделю и боюсь нос отсюда высунуть. Видишь те сумки из бычьей кожи? — Он показал на кровать, где и в самом деле валялись какие-то мешочки. — Так вот, они под завязку набиты золотыми самородками! Я тут решил заделаться старателем и больше года ковырялся в здешних ущельях, а потом мне привалил фарт. Но все это не принесло мне ничего хорошего.

— Постой, ты о чём? — Ну никак мне было не понять парня!

— В здешних горах полным-полно разбойников, — наконец начал объяснять Карсон. — Они грабят и убивают всякого, кто пытается вывезти отсюда золото, а чертовы дилижансы, бывает, по несколько раз по дороге в один конец останавливают, так что уже давно никто не решается посыпать золотой песок с кучерами. Когда у кого-нибудь набирается хорошая порция песка, он ждет удобного момента и ночью, тайком, уходит отсюда через горы, погрузив свое золото на выночных мулов. Бывает, что

человеку повезет, а бывает — нет. Я тоже собирался попытаться, но этот лагерь нашпигован лазутчиками бандитов, и я точно знаю — они меня высledили! Мне страшно решиться на побег, но еще страшней оставаться тут. Ведь они могут потерять терпение и тогда просто перережут мне глотку прямо в лагере. Когда ты постучался, я как раз решил, что это они пожаловали сюда по мою душу. А Волк Фергюссон у них главарь. Вот я и сижу здесь, придавив свое золото своей же задницей. Деню и ношу с парой пушек в руках. Еле уговарил бармена, чтобы тот таскал мне жратву и выпивку прямо наверх. Знаешь, Брек, я чертовски близок к тому, чтобы свихнуться!

И он снова задрожал как припадочный, и начал хнычающим голосом проклинать все на свете, и хлебнул еще изрядную порцию виски, и взвел курки своих револьверов, и уселся на свои сумки с золотом, и вытаращился на зияющий дверной проем, продолжая трястись так, словно там, в проеме, он вдруг узрел привидение. Или даже два.

— Какой дорогой ты бы пошел, если б решился смыться отсюда? — встряхнул я Карсона за плечо.

— Вверх по лощине, что начинается к югу от лагеря, потом — по старой индейской тропе, которая вьется прямо по дну Ущелья Снятых Скаллов, — стуча зубами ответил Карсон. — А потом надо дать хорошего кругля, выйти к Уофетону и уже там ловить дилижанс. Если попал в Уофетон — считай, спасся!

— Ладно, — сказал я. — Вывезу твое золото.

— Но эти бандиты убьют тебя! — воскликнул он.

— Не-а, — ответил я. — Не убьют. Во-первых, откуда им знать, что я везу золото. А во-вторых, я сделаю из них свинью отбивную, если они как-ни-

будь прознают про во-первых и чего-нибудь от меня захотят. Здесь все золото, какое у тебя есть? Не бось, всего фунтов полтораста?

— А что, мало? — поразился он.— В конюшне позади салуна у меня стоят лошадь и выночный мул, а тот мул...

— На кой черт мне выночный мул? Капитан Кидд увезет эту сущую безделицу и даже не заметит.

— Даже если при этом ты сядешь на него верхом? — недоверчиво переспросил Балаболка.

— Даже если при этом ты сядешь верхом на меня! — раздраженно сказал я.— Ты же прекрасно знаешь, что за конь мой Кэп Кидд, так зачем задашь такие дурацкие вопросы! Подожди здесь, пока я схожу за чересседельными сумками!

Капитан Кидд задумчиво жевал сено в корале позади отеля. Я подошел к нему, чтобы забрать сумки, гораздо большие по размерам, чем это обычно бывает. А как же еще. Должны же размеры багажа соответствовать размерам его владельца! Мои сумки, из сложенной втрое шкуры матерого лося, были сшиты и простеганы толстым ремнем из сырой матерчатой кожи, так что выбраться изнутри не смогла бы даже дикая кошка, попади она туда.

Ладно. Подходя к коралю, я заметил приличную толпу зевак, таращившихся на Капитана Кидда, но не придал этому никакого значения, ведь такой конь и должен привлекать к себе всеобщее внимание.

Пока я стаскивал сумки со спины моей лошадки, какой-то долговязый малый с омерзительными длинными бачками соломенного цвета вдруг подошел к изгороди и спросил:

— Это твой конь, что ли?

— Ежели не мой, тогда, значит, ничей! — находчиво ответил я.— А что?

— А то, что очень уж он похож на моего любимого конька, украденного с моего ранчо шесть месяцев тому назад! — внезапно заявил во всеуслышание этот нахал.

Тут я узрел, что человек десять или пятнадцать зевак, парни довольно опасного вида, зашли в кораль; окружив нас с долговязым плотным кольцом. От испуга я растерялся, выронил сумки и сам не помню, как в руках у меня вдруг очутилась пара моих шестизарядных. Со взвешенными курками, конечно дело. А как же еще. И только потом я сообразил, что если меня втянут в свару, то после, чего доброго, могут и арестовать по подозрению в убийстве, а это помешает мне спокойно вывезти золото Балаболки.

— Ладно,— миролобиво сказал я.— Если это твой конь — можешь сам вывести его из корала.

— Конечно могу! И не только могу, я его выведу! — самоуверенно заявил он, сопроводив свои слова гнусной руганью.

— Верно, Билл! Валяй! Все по закону! — поддакнул кто-то из зевак.— Не позволяй этому грязному горному гризли ущемлять твои гражданские права!

Тут я заметил, что кое-кому в толпе все происходящее шибко не нравится, да видать, эти парни были слишком запуганы, чтобы сказать хоть слово.

— Ну, как знаешь,— неохотно бросил я долговязому Биллу.— Вот тебе риата. Перелезай через изгородь, накидывай аркан на коня, и он твой!

Этот мелкий хулиган подозрительно взглянул на меня, но все же взял веревку, перелез через изгородь и направился в сторону Капитана Кидда, который как раз закончил проедать себе проход в здо-

ровенном стогу сена, наметанном прямо посреди короля.

Заметив подозрительную личность, Капитан Кидд вскинул голову, прижал уши и продемонстрировал всем свои великолепные зубы. Билл остановился как вкопанный, слегка бледнул с лица и пробормотал:

— Я... я тут подумал немного... В общем, теперь мне кажется, что такого... коня... нет! О Боже! Такой твари у меня отродясь не было!

— А ну накидывай аркан! — взревел я, чуток приподняв дуло одного из своих шестизарядных.— Кому говорю! Ты сказал, что конь твой; а я говорю — он мой! Выходит, один из нас конокрад. Да к тому же еще и лжец! И теперь мне вздумалось узнать кто! Ну! Двигай вперед, пока я не провентилировал твою хрипельку раскаленным свинцом!

Проходимец взглянул на меня, потом еще разок на Капитана Кидда и позеленел окончательно. Затем он снова перевел взгляд на мой сорок пятый — а его дуло уставилось прямехонько на длинношуютощую шею жулика, по которой, ну в точности как мартышка по шесту, так и сновало вверх-вниз адамово яблоко,— судорожно сглотнул и начал осторожно подкрадываться к Капитану Кидду, сжимая риату в одной руке и успокаивающе выставив вперед другую.

— Тпrrru, мальчик! — заговорил он слегка дрожащим голосом.— Тпrrru, старина! Тпrrруу, мой хороший... Уввау-у! — вдруг взмыл он ужасным голосом.

Еще бы!

Капитан Кидд щелкнул челюстями, одним махом выдрав у Билла приличный клюк волос. Тот мигом отшвырнулся риату и тут же ударился в позорное

бегство, но Капитан Кидд успел развернуться и резко взмыкнул, угодив обоями копытами тютерлька в тютерльку в задницу нахала. Отчаянный крик него-дяя, перелетевшего через изгородь лишь затем, чтобы рухнуть головой вперед в лощадиную поилку, был нестерпимо дик и страшно ясен в наступившей вдруг мертвый тишине.

Пару минут спустя Билек кое-как выбрался из корыта. С малого потоками лились вода, кровь и жуткие богохульства.

— Твою мать! — прохрипел он, бессильно грозя мне издали дрожащим кулаком. — Проклятый убийца! За такие надругательства я лишу тебя жизни!

— Никогда не имел привычки вступать в бес-смысленные препирательства с конокрадами, — фыркнул я, подобрал с земли оброненные мною черес-седельные сумки и стал проталкиваться через кучку дружков Билла, которые все вдруг сделались дико вежливыми и суетливо отпихивали друг друга, чтобы очистить мне дорогу.

Кроме того, я заметил, что, если даже, по своей неуклюжести, я ненароком и отдавил кое-кому из этих парней все пальцы на ногах, они ругались ну совсем шепотом, скромно отводя глаза в сторону и делая вид, будто ищут в кармане табакерку. Еще бы! Ведь взрослые же люди! Давно пора было научиться побыстрее отдергивать свои поганые копыта, коли уж им так не нравилось, когда на них кто-нибудь случайно наступал!

Я притащил чересседельные сумки в комнату Балаболки и поведал о своей небольшой размолвке с Биллом в надежде малость развеселить парня. Но он почему-то опять весь затрясся и сказал:

— О Боже, Брек! Ведь это же один из парней Волка Фергюсона! Он просто хотел узнать, какая

из лошадей в корале твоя! Этот трюк стар, как мир, вот почему честные люди не дали себе труда вмешаться. А сейчас бандогам ничего не стоит тебя выследить! И уж теперь нам точно придется дожидаться ночи!

— Пески времен, приливы и отливы, а также Элкинсы никогда никого не ждут! — презрительно фыркнул я, заталкивая золото в сумки.— А если этот гнусный койот с мерзкими желтыми бакенбардами жаждет приключений на свою... шею, так он их получит! В обе руки! А ты завтра утром садись в дилижанс и вали прямиком в Уофетон. Ежели меня там еще не будет — жди. Днем раньше, днем позже, но я непременно появлюсь. И не трясишь ты так из-за своих глупых самородков. В моих сумках они сохранятся надежнее, чем в банковском сейфе!

— Да не ори ты так громко! — принялся умолять меня Карсон.— Этот долбаный лагерь битком набит шпионами, и кто-нибудь из них наверняка каракулит внизу!

— Но я не умею говорить тише, чем шепотом,— с достоинством возразил я.

— Твой бычий рев может сойти за шепот разве что на Медвежьем Ручье! — поникшим голосом заметил Карсон, утирая рукавом пот со лба.— Но я готов биться об заклад, что на любом конце нагорья его сейчас услышал даже глухой!

Эх!

Какое все-таки это прискорбное зрелище: бегающие глаза насмерть перепуганного друга!

На прощание мы пожали друг другу руки, и я покинул бедного мученика, оставил его обреченно вливающим в глотку местное красное пойло. Стакан за стаканом, словно воду. И я перекинул сумки

через плечо, и протопал вниз по лестнице, и бармен тихо сказал мне, перегнувшись через стойку:

— Остерегайся Билла Прайса, парень! Он был здесь всего минуту назад и улетучился, заслышиав твои шаги. Этот тип долго не забудет тебе то, что сотворил с ним твой конь!

— Ага,— согласился я.— Не забудет. Это точно. Он станет вспоминать об этом всю жизнь. Всякий раз как попытается сесть.

И я пошел в кораль, и увидел там толпу, завороженно следящую за тем, как старина Кидд трескает сено, и один малый заметил меня, и завопил:

— Эй, парни! Смотрите, кто к нам пришел! Мальчик с пальчик! Сейчас он будет седлать того монстра-людоеда! Эй, Том! Ну позови же сюда ребят из бара!

Тут же, повысыпав на улицу из всех салунов, к коралю понабежала еще одна большущая толпа старателей. Они тесно сгрудились у изгороди и принялись заключать пари, сумею ли я заседлать Капитана Кидда или он раньше вышибет мне мозги. Все-таки у всех старателей крыша набекренъ, подумал я. Ведь они же прекрасно знали, что я явился в ихнюю Мышиную Пасть верхом на Кэпе; выходит, по крайней мере один-то раз сумел же я его как-то заседлать! Тыфу!

И конечное дело, я его снова заседлал, и забросил ему на спину чересседельные сумки, и взгромоздился на него сам, и он раз десять встал на дыбы, и потом перекатился через спину, как он делает всякий раз, когда я сажусь в седло после долгого перерыва,— это вообще-то ничего не значит, это он так ревнится,— но при виде этого дурни-старатели взвыли, словно тыща диких команчей. Но еще громче они завопили, когда Кэп случайно вынес

меня (себя, конечно, тоже) из короля прямо сквозь изгородь, отчего один прогон этой ужасно хлипкой загородки вдруг рухнул вместе с парой дюжин зевак, устроившихся на верхней жерди. Дурни орали так, будто стряслось нечто ужасное. Но ведь ни я, ни Капитан Кидд вообще никогда не ищем, где ворота! Мы всегда идем, а точнее, ломимся кратчайшим путем.

Но эти старатели... Какое-то ужасно хилое плечо! Выезжая из лагеря, я оглянулся и увидел, как толпа макает пятерых или шестерых парней в лошадиную поилку, чтобы привести в чувство. А всех-то делов — Кэп Кидд ненароком на них наступил!

Это незначительное событие, по-видимому, настолько взвудоражило публику, что никто не постеснялся заметить, как я выехал из поселка. Меня это даже очень устраивало, так как по натуре я человек очень скромный, стеснительный и даже стыдливый и никогда не гонялся за дешевой популярностью!

Парня, которого они называли Биллом Прайсом, за все это время поблизости так и не обнаружилось.

Ну ладно. Выбрался я с плато, поднялся по южному распадку, попал в какую-то сильно поросшую лесом местность и начал ломать голову, как бы мне найти ту индейскую тропу, о которой толковал Балаболка, как вдруг совсем рядом кто-то сказал:

— Эй!

Я резко обернулся на голос, в обеих руках по пушке, и тут из зарослей выезжает какой-то длинный, тощий старый хрыч, густо поросший черными бакенбардами.

— Кто ты таков и что ты имел в виду, когда крикнул мне «эй»? — вежливо поинтересовался я.

Нам, Элкинсам, ни при каких обстоятельствах не изменяет врожденное чувство такта!

— Ты, слушаешь, не тот хозяин жеребца-людоеда? — спросил этот тип, на что я ему с достоинством ответил:

— Никак не пойму, о чём ты толкуешь! Эту лошадку зовут Капитан Кидд. Я поймал его молочным жеребенком на верхней сьерре Гумбольта.

— Это самый громадный жеребец из тех, что мне доводилось видеть,— покачав головой, заметил чернобородый.— Но все же он кажется довольно резвым.

— Кажется? — переспросил я, слегка обидевшись за свою лошадку.— Да Капитан Кидд в два счета обгонит в этом штате все, что тут умеет шевелить конечностями! И при том с легкостью унесет на себе и меня, и тебя, и все долбаные самородки, какие только есть в этих сумках!

Вообще-то я не собирался упоминать о золоте. Хотя с другой стороны, в отличие от Балаболки Карсона, я не мог взять в толк, как такое упоминание может повредить делу.

— Знаешь,— вдруг сказал этот тип,— а ведь ты нажил себе врага, парень! И не кого-нибудь, а Билла Прайса, одного из головорезов Волка Фергюссона,— самую ядовитую тварь из всех, когда-либо натягивавших на себя кожаные сапоги! Он проезжал тут всего несколько минут назад и с пеной у рта клялся, что вырежет твоё сердце и напьётся твоей крови! Он подался в горы, хотел собрать там человек полста из своей банды, чтобы выйти на охоту за твоим скальпом!

— Ну и что с того? — равнодушно спросил я.

Слова чернобородого не произвели на меня равнодушного счетом никакого впечатления. Все равно кто-

нибудь всегда жаждет напиться моей крови, а полсотни или пускай даже сотня конокрадов не чета одному Брекенриджу Элкинсу!

— Ты угодишь в засаду,— предупредил меня старый хрыч.— Ты такой милый, честный молодой человек и заслуживаешь лучшей доли. Просто ну никак нельзя допустить, чтобы стая бесчестных мерзких паразитов досуха высосала твою кровушку! Я сейчас пробираюсь к своей хижине — она высоко в горах и довольно далеко от хоженых троп,— так почему бы тебе не отправиться со мной и не залечь на дно, пока головорезы рыщут повсюду в поисках твоего скальпа? Уж там-то они тебя никогда не найдут!

— Я не привык прятаться от врагов!..— взревел было я, но внезапно вспомнил о слитках в моих чересцедельных сумках.

Ведь прежде всего мой долг — доставить их в Уофетон! А если я свяжусь с бандой Фергюсона, то — чем черт не шутит — вдруг мерзавцы сумеют-таки меня уложить, подстрелив откуда-нибудь из лесной чаши, и сбегут, прихватив с собой добытое тяжким трудом золотишко Балаболки? У меня было очень тяжело на душе, но я принял твердое решение уклоняться от битвы до тех пор, пока не вручу Карсону его слитки в целости и сохранности. Ну а потом (принес я себе нерушимую клятву) я вернусь! Я вернусь и натяну этому Волку Фергюсона его гляделки на его же... на его же шею! За то, что он поставил меня в столь унизительное положение!

— Веди меня, старик! — пробурчал я.— Веди в свою обитель! Веди меня подальше от глаз головорезов, свихнувшихся на мести; веди меня подальше от Волка Фергюсона и от его свинца! Но сперва дай мне священный обет. Поклянись всем святым,

что мир никогда не узнает о том, как Брекенридж Элкинс, краса и гордость Медвежьего Ручья, праздновал труса, уклоняясь в золотоносном краю от встречи с какой-то жалкой шайкой паршивых уличных налетчиков!

— Обещаю и клянусь! — торжественно заявил тип.— На уста Росомахи Риксби уже легла печать вечного молчания! Твой роковой секрет навеки похоронен в укромных тайниках на дне его души! А теперь — следуй за мной.

Старый хрыч вел меня напрямик, лесной глухоманью, пока мы не вышли на старую индейскую тропу, которая оказалась всего лишь прерывистой цепочкой полуустертых временем следов, петлявших по диким холмам. Весь остаток дня наши лошади усердно мерили эту тропу. И за все это время мне на глаза не попалось ни единой живой души.

— Сперва-то они станут искать тебя в Мышиной Пасти,— сказал Росомаха.— А когда не найдут, полезут в холмы. Но мою хижину им ни за что не отыскать, даже если они проезжают, что ты прячешься у меня. Но откуда им про это узнать?

Ближе к заходу солнца мы свернули с тропы на еще более неясный след, который вел на восток, таким хитрым образом извиваясь между утесами и громадными валунами, что даже самая юркая змея свернула бы себе шею, пытаясь по нему проползти. Перед тем как окончательно стемнело, мы добрались до моста через узкий глубокий каньон, по дну которого текла быстрая горная река; вода бурлила, ревела и пенилась, стиснутая меж скальных стен высотой не меньше, чем дважды по семнадцать с половиной ярдов. В одном месте каньон сужался примерно до семнадцати с половиной ярдов. На другой стороне буря вывернула с корнями громад-

ную сосну, которая упала поперек каньона и образовала мост. С одной стороны ствола кроны была подрезана, так что лошадь вполне могла пройти по стволу на ту сторону каньона, хотя обычной лошади такое занятие вряд ли пришлось бы по душе. Даже привычной к этому мосту кобыле Росомахи явно было не по себе. Но между канадской и мексиканской границей нету ничего такого, что могло бы напугать Капитана Кидда. Кроме разве что меня! Поэтому он спокойно, слегка танцующим шагом, прошел по стволу на ту сторону каньона.

На той стороне тропинка еще некоторое время петляла среди чащобы, но вскоре мы добрались до хижины, прилепившейся у подножия здоровенного утеса. Хибара стояла посреди поляны, на краю которой из-под земли бил родник. Да, отличное место, ничего не скажешь!

Чуть выше по склону виднелся обнесенный каменной изгородью кораль. Надо сказать, он был чертовски большим! Куда больше, чем требовалось для одной ездовой и трех вьючных лошадей Росомахи. Но пойди пойми, отчего люди строят корали так, а не иначе! Росомаха сказал, чтобы я пустил своего Кэпа Кидда в кораль. Но я-то знал, что если так поступлю, то к утру там окажутся ровным счетом одна дохлая ездовая и три дохлые вьючные лошади, поэтому я просто отпустил своего конька попастись на воле. Несмотря на то что время от времени Капитан Кидд позволял себе какую-нибудь изощренную попытку меня прикончить, подлец слишком любил меня, чтобы бросить где-нибудь одного и удрать!

Пока суд да дело, наступила ночь, и Росомаха позвал меня в хижину, сказав, что сейчас сварганит на скорую руку ужин. Мы вошли внутрь, он зажег свечу, сварил кофе и поджарил бекон с бобами и

кукурузными лепешками, потом посмотрел на меня, как я сижу за столом, едва не падая от голода, удвоил количество бекона, утроил количество бобов, и правильно сделал! Пока мы добирались до хижины, Росомаха все больше молчал, но сейчас он, похоже, и вовсе язык проглотил! Он был какой-то уж очень нервный, раздражительный.

Я решил, что старик боится, как бы Волк Фергюсон не свел потом с ним счеты за то, что он помог мне спрятаться. Нет в мире прискорбнее зрелища, чем вид до смерти напуганного взрослого мужчины! По-моему, страх — это просто какая-то заразная болезнь; во всяком случае, никак иначе я это дело объяснить не могу!

Я одним глазом приглядывал за Росомахой, хотя со стороны ему могло показаться, будто я дремлю. Уж такая у нас у всех на Медвежьем Ручье привычка! Ведь если б мы там постоянно как следует не присматривали друг за другом, никто из нас не дожил бы до зрелых лет! Одним словом, Росомаха думал, что я не видел, как он высыпал в мою чашку с кофе довольно много какого-то белого порошка, а я видел! Себе в чашку он ничего такого не положил, но я промолчал, ведь делать замечания хозяину, угощающему тебя ужином, очень невежливо! Да и потом к чему возражать, если Росомаха Риксби вдруг решил заварить кофе каким-то новомодным способом!

Он поставил еду на стол, а сам уселся напротив меня, слегка наклонил голову и принялася, вроде как украдкой, посматривать на меня из-под густых бровей. А я приналег на жратву и довольно быстро ее изничтожил.

— Смотри, кофе остынет,— вскоре пробормотал Росомаха.

Тут я вспомнил про свою чашку и залпом осушил ее. Готов поклясться, лучшего кофе я никогда не пробовал.

— Ха! — сказал я, утирая губы. — Хотя на вид ты довольно-таки невзрачный мужичонка, но кофе варишь отменный! Дай-ка мне еще чашечку! И потом, в чем дело! Почему ты сам почти не притронулся к жратве!

— Из меня неважный едок, — пробормотал Росомаха. — Ты... ты что, взаправду хочешь еще кофе?

И я выпил еще чашек шесть, но на вкус они не шли с первой ни в какое сравнение. Это, конечно, было из-за того, что Росомаха просто не стал добавлять в них свое белое снадобье, но из боязни показаться невежливым я ничего хозяину не сказал.

Покончив со съестным, я заявил, что помогу Росомахе помыть посуду, но он, как-то странно взглянув на меня, махнул рукой.

— Черт с ней, — сказал он, — я... то есть мы... Мы помоем ее завтра! Как... как ты себя чувствуешь?

— Отлично! — ответил я. — Ты здорово умеешь варить кофе, почти так же здорово, как я! Пойдем посидим на крылечке. Ненавижу торчать в четырех стенах!

Он вышел следом за мной, мы уселись на ступеньках, и я стал рассказывать ему про нашу жизнь на Медвежьем Ручье, потому как уже сильно соскучился по дому. Но Росомаха совсем ничего не говорил, только все более и более странно поглядывал на меня. Наконец мне захотелось спать. Тогда хозяин взял свечу и показал, где стоит моя кровать. В хижине было две комнаты, и моя койка стояла в задней. Там не было двери на улицу, зато имелось довольно большое окно.

Я швырнул чересцедельные сумки под койку, прислонил к стене свой винчестер и стал стягивать сапоги, а Росомаха все торчал в дверях со свечой в руке и все с тем же очень странным выражением лица.

— Ты хорошо себя чувствуешь? — зачем-то снова спросил он. — У тебя... Не болит ли у тебя живот или еще что?

— Нет, черт возьми! — недоумевая, ответил я. — Какого дьявола он должен у меня болеть? Последний раз он у меня болел, когда мой братец, Медведь Бакнер, выпалил мне прямо в брюхо из тяжелого охотниччьего карабина. Мы, Элкинсы, вообще отродясь животом не маялись!

Росомаха только затряс головой, пробурчал что-то невнятное себе в бороду и вышел из комнаты, плотно прикрыв за собой дверь. Но он не пошел во вторую комнату, потому что свет от свечи продолжал пробиваться сквозь щель в моей двери. Как-то уж очень замысловато он себя ведет, подумал я. Может, у него чердак потек или еще что-нибудь? Я встал с койки, босиком тихонько подошел к двери и посмотрел в щель.

Росомаха стоял у стола спиной ко мне и вертел в руках ту коробочку, из какой сыпал мне в кофе белый порошок. Он недоуменно тряс головой, бормоча что-то себе под нос.

— Нет, никакой ошибки тут быть не могло! — наконец довольно громко проворчал он. — Это нормальное зелье. Нормальное! И я сыпнул ему в кофе чуть не пригоршню! Даже слону хватило бы! Ни хрена не понимаю! Если б не видел собственными глазами, ни за что бы не поверил!

Я так и не уловил никакого смысла в его словах, а он снова засунул коробочку куда-то за миски и

кастрюльки и выскользнул за дверь. Но винтовку с собой не взял, да и его пояс с пистолетами остался висеть на вешалке у выхода. Зато он зачем-то взял с собой каминные щипцы! В общем, я решил, что бедолага малость свихнулся от жизни в одиночестве и теперь чудит. А потому, почесав затылок, я снова улегся в кровать и быстро уснул.

Пару часов спустя я проснулся, сел в койке с обоими револьверами на взводе и резко спросил:

— Кто здесь? Отвечай немедля или я понаделаю в тебе дырок!

— Не стреляй! — жалобно проскурил Росомаха Риксби, выползая на середину комнаты из глубокой тени, стущившейся в изножье моей кровати.— Это всего-навсего я! Мне только захотелось узнать, не нужно ли тебе одеяло. К утру в здешних горах становится чертовски прохладно!

— Когда делается холоднее, чем пятнадцать ниже нуля, я заворачиваюсь в попону. И ничья помощь мне для этого не нужна! А сейчас вообще лето! Ступай в кровать и дай мне наконец спспать спокойно!

Я бы мог присягнуть, что, когда проснулся, в руках у Росомахи был один из моих сапог. Левый. Но за дверь он вышел с пустыми руками. Ну и черт с ним, подумал я, засыпая. Спал я как убитый, а проснулся, когда сквозь окно мне в лицо ударили солнечные лучи.

Я встал с кровати, натянул сапоги и вышел в соседнюю комнату. На плите кипел кофе, аппетитно скворчал на сковородке бекон, а Росомахи почему-то не было. Я чуть не рассмеялся, когда увидел, что за столом накрыто всего одно место. Старый хрыч так долго жил один, что совсем перестал соображать! Он просто забыл про своего гостя!

Тогда я подошел к полке, откуда хозяин в тот раз брал белый порошок, заглянул за кастрюльки и выудил оттуда заветную коробочку. На ней были какие-то буквы. Хотя в то время я читал еще не очень-то хорошо, но азбуку уже понимал, а потому по праву слыл одним из самых высокообразованных людей на Медвежьем Ручье. Я по очереди произнес буквы вслух, и у меня получилось вот что: «М-ы-ш-ъ-я-к».

Это мне ровным счетом ничего не говорило, вот почему я решил, что это всего-навсего какая-то новомодная приправа к кофе, для запаха. Ну, вроде лимона, что ли. А еще я сперва решил, что Росомаха положил этой приправы только мне потому, что на двоих там не хватало. Как истинно вежливый хозяин. Но в коробочке было полным-полно белого зелья! Тут я услышал шаги старого хрыча, поставил коробочку обратно и уселся за стол.

Он, насвистывая, вошел в дверь с полной охапкой дров, повернул голову и увидел меня. Почему-то он сильно побледнел, а потом у него отвисла челость, а потом дрова, вывалившись у него из рук, с грохотом посыпались на пол. Причем одно здоровенное полено шмякнулось ему прямо на большой палец левой ноги, но он, похоже, этого совсем не заметил.

— Да что с тобой такое, черт возьми? — раздраженно спросил я. — Ты дергаешься в точности как Балаболка Карсон!

Несколько минут Росомаха глупо таращился на меня, нервно облизывая губы, потом еле слышно проговорил:

— Извини! Это все мои проклятые нервы! Я так долго жил один, что вроде как совсем позабыл про своего гостя! Извини еще раз, Брек!

— Пустяки,— ответил я.— Не надо извиняться. Просто поджарь еще порцию бекона!

Так он и сделал. Вскоре мы уже сидели за столом, ели, пили кофе, и кофе на этот раз был чертовски невкусным!

— Послушай! — сказал наконец я.— Как тебе кажется, долго мне еще надо здесь торчать?

— Лучше бы тебе остаться на сегодня и на завтра,— ответил Росомаха.— А потом двинешь на юго-запад, чтобы снова выйти на старую индейскую тропу, но уже по эту сторону от Ущелья Снятых Скальпов. А ты... ты вытряхивал утром свои сапоги?

— Не-а,— ответил я.— На хрена мне их было вытряхивать?

— Ну-у,— протянул он.— Видишь ли, в здешних краях полно всяких ядовитых гадов. Иной раз они даже в хижину могут заползти. Мне самому не раз случалось вытряхивать из сапог мексиканских ядовитых ящериц!

— Не догадался посмотреть,— сказал я, допивая пятую чашку кофе.— Но теперь мне показалось, что в мой левый сапог действительно заползла блоха. То-то я чувствую, вроде как кто щекочет мой большой палец!

С этими словами я стянул сапог, сунул в него руку, но выудил оттуда вовсе не блоху, а тарантулу с хороший кулак размером. Я брезгливо раздавил ее пальцами и выкинул за дверь, а Росомаха поглядел на меня как-то уж совсем дико и промямлил:

— А она... она что, тебя не укусила?

— Почему же,— сказал я.— Она мусолила мой палец битых полчаса. Но ведь я-то думал, что это блоха щекочется!

— Нет, я не могу! — вдруг взвыл Росомаха.— Боже мой! Ведь эти твари страшно ядовиты! Я сам

видел, как здоровенные парни помирают через пару минут после их укуса!

— Ты шутишь?! — поразился я.— Или в эдешних краях народишко на самом деле такой хилый, что может всерьез заболеть от укуса какой-то там траншейной вши? Ужас! Такая дьявольская изнеженность достойна всяческого сожаления! Ну да ладно. Пойдай-ка мне лучше еще бекона!

Росомаха молча подал мне еще порцию бекона. Прожевав ее, я тщательно подобрал жир со своей тарелки остатком кукурузной лепешки, после чего спросил:

— Послушай-ка, а что такое М-ы-ш-ъ-я-к?

Как раз в этот момент старый хрыч пытался глотнуть кофе. Он вдруг поперхнулся, а потом зашелся страшным кашлем, непроизвольно выплюнув весь свой кофе на стол.

— Ты что, в самом деле не знаешь, что такое мышьяк? — трясясь как осиновый лист, прохрипел он, когда к нему снова вернулся дар речи.

— Никогда о таком не слышал, — честно признался я.

— Так знай, — судорожно вздохнув, заявил он, — в Египте так называют специальный ароматизированный сахар для кофе!

— Вот как? — сказал я. — Тогда понятно.

А Росомаха почему-то встал из-за стола, побрел к дверям, сел там на какой-то чурбак, опустил голову на руки и принял раскачиваться с таким видом, будто у него внезапно схватило живот. Похоже, старикиашка-то на самом деле с приветом! — подумал я.

Ну да ладно.

Вскоре я заметил, что в огонь пора подбросить дровишек и вышел за дверь. Набрав охапку, я подо-

шел к крыльцу, как вдруг: «Бум-м!» — внутри хижины выпалил винchester и пуля сорок пятого калибра чиркнула меня по голове, срикошетила и, противно жужжа, улетела в сторону выгона.

— Ты чего, совсем рехнулся?! — раздраженно взревел я. — Что такое ты себе позволяешь?

Росомаха, с остекленевшими глазами, выглянул в дверь и принял извиняться.

— Ты уж прости меня, Элкинс! — пробормотал он. — Я просто чистил винтовку, а она взмыла да и выстрели!

— Ну ладно, — миролюбиво сказал я, слюня царапину. — Но в другой раз будь поаккуратней! Рикошет — опасная штука, ведь твоя дурацкая пуля очень даже могла зацепить Капитана Кидда!

— Да! — вдруг вспомнил Росомаха. — Кстати! Не хочешь ли ты задать своему коньку кукурузного зерна? Там его много, в кормушке позади короля!

Что ж, идея была совсем неплохая; я взял мешок побольше и насыпал туда примерно с бушель зерна, ведь Капитан Кидд — отменный едок. Почти такой же отменный, как я. Потом я отправился на выгон и нашел свою лошадку на самом дальнем его конце. Кэп вгрызлся в густую высокую траву, что твоя сенокосилка. Любо-дорого посмотреть! Но при виде зерна он даже запрыгал от радости. Оставив своего конька насыщаться, я пошел на тропу посмотреть, не рыщут ли там случайно лазутчики Волка Фергюсона. Но от них там пока не было ни слуху ни духу.

Наверное, где-то около полудня я вернулся в хижину. Росомаха куда-то подевался, поэтому я решил сделать обед сам. Я поджарил побольше бекона, нарезал хлеб, приготовил бобы с картошкой и вскипятил большой котелок кофе, куда, недолго думая, всыпал весь этот... ну, как его... в общем, весь тот

египетский сахар, сколько его оставалось в коробке, потом отхлебнул добрый глоток, чтобы разпробовать. На сей раз кофе оказался просто превосходным! Да уж, подумал я, хотя все эти иностранцы довольно-таки бестолковый народец, но в умении состряпать стоящий сахар для кофе им никак не откажешь!

Я как раз заканчивал расставлять на столе посуду, когда в хижину ввалился Росомаха. Он был слегка бледноват и выглядел вроде как уставшим с дороги, хотя куда ему было ездить? Но увидев жратву, он просветлел лицом, уселся за стол и поднажал на съестное с куда большим аппетитом, чем прежде.

Я уже приканчивал вторую чашку кофе, когда Росомаха первый раз отхлебнул из своей кружки. Весь перекосившись, он тут же выплюнул его на пол и озадаченно спросил:

— Какого черта? Что ты сделал с этим кофе?!

Хотя я по своей натуре мягок, кроток, застенчив и даже робок, как невинный ягненок, есть одна вещь, какую я совершенно не переношу. Терпеть не могу, когда кто-то позволяет себе делать замечания по поводу моей стряпни!

И вообще, я — лучший знаток и умелец по части кофе во всей Неваде! Мне уже случилось изувечить немало болванов, имевших наглость высказать какие-то сомнения на этот счет! Поэтому я насупился и сурово сказал:

— Какого черта! С этим кофе — полный порядок!

— Возможно! — съязвил Росомаха.— Но дело в том, что я его пить не могу!

И он стал лить кофе из своей кружки на пол. При виде такого кошмара во мне взыграла бешеная гордость прирожденного кулинара.

— Прекратить! — яростно взревел я, выхватив один из моих шестизарядных. — Есть предел терпению любого человека, и мое терпение лопнуло! Хоть я и твой гость, это еще не дает тебе права плеваться моим кофе! Ты нанес мне смертельное оскорбление, какое не смог бы потерпеть ни один мужественный, уважающий себя человек! Ты сейчас же выпьешь полную кружку этого лучшего в мире кофе и выскажешь по его поводу надлежащее слушаю восхищение или я за себя не отвечаю! Да я же просто на месте тебя уложу, будь я проклят!

Своим недостатком хорошего вкуса,— горько продолжал я в то время, как Росомаха, содрогаясь от страха, поднес-таки свою кружку к губам,— ты задел меня до глубины души! И это, когда я приложил все усилия, чтобы этот кофе имел особенно пикантный аромат, для чего мне пришлось всыпать туда все египетское зелье, какое мне удалось сыскать в этом доме!

— Убийца! — вдруг истошно завизгнул старый хрыч, свалился с табуретки на пол и принялся плеваться кофе во все стороны.

Затем он вскочил на ноги и метнулся к двери, но я успел-таки сгрести его за шиворот, а он тогда выхватил свой охотничий нож и попытался провернуть во мне дырку. При всем при том, он непрерывно продолжал завывать, словно иззыхающая гиена. Вконец раздраженный столь явственной демонстрацией самых дурных манер, я отобрал у Росомахи ножик и швырнул старого дурня назад на табуретку, но от переполнивших меня чувств слегка перестарался, отчего у табуретки разом отскочили все три ноги, и старый черт опять покатился по полу, оглашая окрестности волнями, леденящими кровь.

К тому времени терпение у меня действительно совсем лопнуло. Я поднял старого пошляка за шиворот, усадил на скамейку, одной рукой сунул ему под нос котелок с моим кофе, а другой — свой сорок пятый со взвешенным курком.

— Страшнее оскорблений мне еще никто не наносил! — самым кровожадным образом зарычал я на старого пердуна.— Значит, ты даже готов пойти на убийство, лишь бы не пить мой кофе, вот как?! Ну это, знаешь ли, уже совсем! Вот что: либо ты, прямо счас, залпом выпьешь до дна всю эту чертову каструльку, а потом причмокнешь губами от удовольствия, либо я вышибу из тебя дух, провалиться мне на этом самом месте!

— Но это же будет убийство! — опять завыл он, пытаясь отвернуться от котелка.— Я еще не готов умирать! Столько грехов на моей душе! Я должен исповедаться! Я расскажу все! Я — человек Фергюсона! Именно здесь находится то укромное мес-течко, где его банда прячет краденых лошадей, просто сейчас никого из банды тут нету! Били Прайс подслушал твой разговор с Балаболкой Карсоном, когда ты согласился вывезти из Мышиной Пасти то проклятое золото. Он прикинул так: для того чтобы с тобой управиться, потребуются все люди Волка Фергюсона. Поэтому он отправился за ними, а мне велел заманить тебя в свою хижину, а потом дать сигнал дымом, чтобы банда могла нагрянуть сюда, прикончить тебя и забрать золото!

Но когда мне удалось тебя сюда заманить,— продолжал Росомаха,— я решил убить тебя сам, а потом потихоньку смыться вместе с золотишком. Но ты оказался слишком большим — я не мог понадеяться на винтовку или нож и потому решил тебя отравить. Я насыпал тебе в кофе мышьяка, кото-

рым можно было уложить наповал человек сто, а когда он не сработал, сунул каминными щипцами тебе в самог ядовитого гада. И все зря! Этим утром я совсем отчаялся и попытался тебя подстрелить... Не заставляй меня пить этот отравленный кофе! Я и так конченый человек! Я уже не верю, что в мире найдется оружие, способное нанести тебе хоть какой-нибудь урон! Ты и есть тот судья, который ниспослан свыше, чтобы судить меня за мои злые дела! И если тебе нужна моя жизнь, бери ее прямо сейчас, только не заставляй мучиться, нахлебавшись крысиной отравы! А если ты меня пощадишь, то клянусь: я стану вести жизнь праведника. Отныне и навсегда!

— Откуда мне знать, какую жизнь ты действительно намерен вести впредь, ты, мохнатозадый старый змей! — сердито проворчал я. — Моей вере в человечество нанесен серьезный удар! Дак ты вправду говоришь, что тот, как его там, «М-ы-ш-ъ-я-к», ну, одним словом, то зелье,— яд?

— Да, — вздохнул Росомаха. — Он в два счета отправит на тот свет любого нормального человека.

— Вот черт! — сказал я. — Будь я проклят, но до сих пор не пробовал ничего вкуснее! Погоди-ка! — вдруг осенила меня другая мысль. — Когда ты тут недавно уходил из хижины, уж не запалил ли ты часом тот долбаный сигнальный костер?

— Да, я это сделал, — не стал отрицать старик. — Я зажег его на самой вершине утеса. Волк Фергюсон со своей бандой наверняка уже в пути.

— Какой дорогой они идут сюда? — спросил я.

— Такой же, что и мы, — ответил Росомаха. — По тропе с запада. Другого пути сюда просто-просто нету.

— Тогда ладно, — сказал я, прихватив в одну руку винчестер, а в другую — чересседельные сумки. — Я устрою им засаду на этой стороне ущелья. А сумки я забираю с собой на тот случай, если твои дремучие инстинкты настолько заберут над тобой власть, что ты предпочтешь спалить свою сакло вместе с собой и с этим золотом, пока я буду разделяться с теми идиётами!

Выскочив за дверь, я свистнул Капитана Кидда, вскочил на него, и мы пошли ломиться сквозь чащу, направим к каньону. Видит Бог, едва я спрыгнул с Кэпа и пробрался сквозь последние кусты к самому краю ущелья, как из зарослей на том берегу, нещадно погоняя своих лошадей, показались десять всадников с винчестерами в руках. Я так понял, что высокий тип с густой черной растительностью на физиономии, который ехал первым, и был Волк Фергюссон; во всяком случае, сразу за ним держался Билл Прайс.

Они никак не могли видеть меня из-за кустов, поэтому я спокойно поймал Фергюсона на мушку и нажал на спуск... Раздался сухой щелчок бойка. Трижды я взводил курок и жал на спуск, но чертова винтовка наотрез отказывалась стрелять. Тем временем проклятые бандиты уже добрались до моста и друг за другом, с Фергюсона в голове, ступили на толстенный ствол. Еще минута — они окажутся на этой стороне, и все мои надежды поймать их врасплох рухнут!

Я отшвырнул винчестер и выскочил из кустов, и они увидели меня, и начали волить, и Волк Фергюсон принялся палить в меня. Остальные, правда, не стреляли: наверно, боялись ненароком угодить в своего главаря. Некоторые лошади попятились, а всадники все пытались их усекоить, чтобы не сва-

литься с моста, но все же банда потихоньку приближалась к моему краю каньона.

Не обращая внимания на три свинцовые примочки, которые Фергюсон успел-таки в меня всадить, я в пару прыжков добрался до комля дерева, присел, обхватил его руками, поднатужился и встал. Дерево было такое большое, и вдобавок на нем было так много людей и лошадей, что даже мне не удалось поднять его высоко. Но хватило и этого. Я покрепче уперся ногами, повернул ствол так, что он соскочил с края каньона, и отпустил. Кувыркаясь в воздухе, ствол полетел вниз и прошел ровным счетом два раза по семнадцать с половиной ярдов прежде, чем рухнуть в воду. А вместе с ним, вопя и завывая, точно тыща дьялов, улетели вниз все проклятые головорезы со своими лошадьми.

Когда они свалились в реку, над водой взметнулся самый настоящий гейзер. Последнее, что я видел, это как груда мусора, состоящая из перепутанных человеческих и лошадиных рук, ног, голов и хвостов, стремительно удаляется от меня вниз по реке.

Пока я стоял, задумчиво глядя им вслед, из кустов за моей спиной, покрякывая, вылез Росомаха Риксби. Он дико озирался по сторонам и, не переставая, покачивал головой. Похоже, она у него просто тряслась. Он почесал в затылке и сказал:

— Слушай, совсем забыл тебя предупредить: когда ты уходил нынче утром из хижины, я повытряхивал порох из всех патронов в твоем винчестере!

— Тоже мне, нашел время, когда сказать об этом! Впрочем, теперь это все равно не имеет никакого значения!

— Вот и я так думаю,— опять затряс головой Риксби.— Похоже, ты ранен,— добавил он чуть погодя.— В бедро, в плечо и в левую ногу!

— Похоже на то,— согласился я.— И если ты взаправду хочешь сделать что-нибудь полезное, бери вон тот нож и помогай мне выковыривать этот чертов свинец. Мне надо срочно ехать в Уофетон, ведь Балаболка Карсон уже наверняка заждался там своего золотишко. Вдобавок мне не терпится поскорее раздобыть того египтского зелья. Да побольше, побольше! Потому как оно придает кофе ни с чем не сравнимый аромат!

Нет, честно! Ведь оно и вправду дает куда как лучший вкус, чем жидкость скунса! И пожалуй, оно идет к добруму кофе даже лучше, чем яд гремучей змеи!

ПОКА КЛУБИЛСЯ ДЫМ

тоги войны тысяча восемьсот двенадцатого года могли бы оказаться совершенно иными, если бы сэр Уилмот Пембрук преуспел в своих усилиях сколотить племена западных индейцев в обширную конфедерацию, с тем чтобы они сообща воспротивились дальнейшему продвижению американских поселенцев на запад. Причина, по которой его миссия потерпела полный провал, по сей день остается величай-

шой тайной. Столь же таинственной остается суть инцидента, в результате коего спутникам эра Пембрука пришлось доставлять своего руководителя обратно в Канаду на носилках.

*У. Уилкинсон. История Северо-Запада
Чикаго, Иллинойс*

*Мистеру В. Вилкинсону
Чикаго, Иллинойс*

Дорогой Сэр!

Училка с Енотова Ручья как-то зачла мне вышеизначенный пассаж из вашей исторической книжки какую вы написали. Никакой тайны тут нету. Все легко объясняется из вот этого самого письма какое я вам прилагаю и какое хранилось в нашей семейной Библии вместе с другими записями про смертях и рожденьях! То письмо писал мой дед. А как прочтете, пожалуйста не затруднитесь возвратить его взад и извиняйте, коли что не так.

*Наилучнейше вам,
Брекенридж Элкинс,
эсквайр.*

*Писано на борту «Королевы пиратов»,
Река Миссури, сентябрь 1814*

*Мистеру Питеру Элкинсу,
Нэшвилль, Теннесси*

Дорогой сэр!

Послушай, пап, надеюсь, ты полностью удовлетворен тем, что тебе удалось загнать меня сюда, на Миссури, обдирать шкуры с бизонов да драться с

мушкетерами¹, когда все остальные в нашей семье делают большие дела, да живут в свое удовольствие? Стоит мне подумать, как Билл, Джон и Джоэль браво маршируют под знаменами генерала Гикори Джексона, и какая роскошная форма красуется на их плечах, и что они принимают участие во всех этих замечательных битвах, какие там у вас происходят, и я, черт возьми, просто готов волком выть!

Я не собираюсь пускать на ветер свои невозвратные деньки только потому, что я самый младший в семье! Как только вернусь в Сан-Луи, сразу брошу работу и еду в Теннесси, а Пушная миссурийская компания может катиться ко всем чертям! Ну уж нет, я не стану тратить свою молодую жизнь только на то, чтобы просто зарабатывать себе на пропитание, пока моим дражайшим братцам достаются все радости бытия, ей-богу, не стану! А ежели ты и дальше будешь на меня давить, так я завербуюсь в армию северян, и заделаюсь самым настоящим янки! Теперь ты сам видишь, до какой ужасной бездны отчаяния я уже доведен. Так что лучше подумай еще разок!

А совсем недавно тут, за Совиной рекой, я влип в одну мерзкую историю, которая навеки отравила мне все, что хоть как-то связано с этой проклятой пушной торговлей. Думаю, ты сразу спросишь, какого черта твой сын делает в верховьях реки в такое время года, ведь летом приличной пушнины тут и не пахнет. Так вот, все получилось из-за Большого Носа, вождя миннегаров. И теперь всякий

¹ В описываемые времена браконьеры, бандиты, трапперы и так далее, в общем, лихие люди, были в основном вооружены старинными мушкетами. (Прим. переводчика.)

раз, стоит мне увидеть какого-нибудь миннетара, как меня тут же начинает тошнить!

Сам знаешь, как поступает наше правительство. Они берут индейских вождей, тащат их куда-нибудь на восток, показывают им там города, форты армию, и все такое прочее. А смысл такой: когда вождь сам увидит, насколько силен белый человек, он так напугается, что вернувшись домой никогда уже не захочет выйти на тропу войны. И он возвращается и рассказывает своему племени про все эти штуки, а они говорят ему: «Ты лжец! Тебя подкупили белые люди!» И тогда у него едет крыша, и он берет томагавк и нож, и идет, и снимает скалы с первого попавшегося ему навстречу белого! Просто так, чтобы всем показать, какой он независимый и свободолюбивый. А во всем остальном теория совсем неплохая.

Вот так же они отвезли Большого Носа в Мемфис. Они бы потащили его и дальше, аж до самого Вашингтона, да только побоялись, что по дороге запросто могут влиться в какую-нибудь заварушку, и тогда орудийная пальба наверняка напугает чертова вождя насмерть. В конце концов они приперли его в Сент-Чарльз и поручили Пушной компании переправить Большого Носа назад, в его деревеньку на Реке Ножей. Тогда один из чиновников компании, Джошуа Хэмпфри, набрал на «Королеву пиратов» команду человек в двадцать да в придачу нанял нас, несколько охотников, погрузил Большого Носа на борт, и мы тронулись в путь. Остальные три охотника были американцы, как я, а вот вся команда — сплошь французышики с низовьев Миссисипи.

Хотел бы я, пап, чтоб ты хоть одним глазом глянул на этого Большого Носа! На нем был дурац-

кий цилиндр — подарок правительства — голубой приталенный френч с медными пуговицами, держащий красный шарф и широченные штаны для верховой езды — только он спорол с них кожаный низ, как это обычно делают все индейцы. Подаренные ботинки страшно жали ему ступни — ведь у всех индейцев плоскостопие,— поэтому он связал их за шнурки и носил на щее. В общем, выглядел он так дико, что я таких странных типов никогда прежде в глаза не видывал. Стоило мне подумать, что случится, когда он попадется на глаза первому сиуксу, и меня прям дрожь пробирала. Большого Носа она пробирала тоже; пожалуй, даже посильнее, чем меня. Потому как сиуки его так и так ненавидели лютой ненавистью, а тетоны давным-давно поклялись натянуть его шкуру на свои барабаны.

Ну, первую-то часть пути вверх по реке этот паразит как сыр в масле катался. Потому как индейцы омаха, осаджи и айовы толпами выбирались на берег, чтобы только на него поглязеть, и завывали, хлопая себя ладонями по ртам, лишь бы показать, как они изумлены и восхищены. А Большой Нос распустил хвост что твой индюк и с самым напыщенным видом разгуливал по барке, стараясь как можно больше торчать у всех на виду.

Но чем дальше мы уходили от Платы, тем больше поникали его перышки. А в один прекрасный день на обрывистом берегу показался верховой индеец. Он очень внимательно смотрел на нашу барку, когда она проплыла мимо. Тот индеец был сиукс. И с Большим Носом приключился обморок, и мы едва оживили его с помощью целой карты некогда принадлежавшего компании рома, и мое сердце едва не лопнуло от горечения, когда я смотрел, как это отменное пойло безвозвратно исчезает

в луженой глотке паразита, будто горный ручей, исчезающий в жарком мареве пустыни.

А когда Большой Нос пришел-таки в себя, он тут же сбросил с плеч все эти пижонские цацки белого человека и снова предстал перед нами в своем обычном облачении, каковое состояло из огромного старого одеяла, полыхающего кроваво-красным, как его родная прерия в лучах заката. И тогда я сказал Джошуа, что лучше бы нам отправить это одеяло за борт, потому как любой сиукс узнает его с первого взгляда, а Джошуа ответил: тогда, дескать, придется заодно отправить за борт и Большого Носа, ведь тот ни за какие коврижки не расстанется со своим одеялом, потому как чертов дурень верит, что в той алой тряпке заключена великая колдовская сила. Тем более, сказал Джошуа, нет никакого смысла мешать сиуксам узнавать, есть у нас на борту Большой Нос или нету, потому как они все равно это уже знают и все равно постараются с корнем вырвать парня из наших рук. Если только сумеют.

А еще Джошуа сказал, что он намерен прибегнуть к дипломатии, дабы сохранить скалы Большого Носа в целости. И мне сразу же не понравились эти его слова, потому как я уже давно заметил: когда тот парень, на кого я работаю, прибегает к дипломатии, это всегда означает, что ему достанутся все пироги, а мне — дырки от бубликов. Ну, совсем как ты, пап, когда ты говоришь: «Надо прикинуть, как половчее сделать эту работенку!». После чего как-то так получается, что прикидываешь ты, а работенку делаю я.

Чем дальше мы поднимались на север, тем реже Большой Нос покидал общую каюту, где и без него была такая теснотища, просто кошку повесить не-

где! Но Большой Нос не собирался вешать кошек, наоборот, он ужасно боялся, как бы враги не повесили его самого, и из каюты никак не уходил, а когда ему все же случалось выглянуть на палубу, он сразу же видел на обоих берегах реки полчища сиуксов, уже изготовившихся прыгнуть с утесов вниз, прямо ему на скалы! И Джошуа сказал: у бедняги уже видения начались, а я сказал, видения видениями, но ежели не отнять у парня ту здоровенную бутыль, то очень скоро к нему белая горячка пожалует!

Мы шли с приличной скоростью; делали от десяти до двадцати миль за день, если только ветер не был встречным или нам не приходилось тащить нашу барку по мелководью на корделье — а корделя, ежели ты случайно не знаешь,— это такой длинный канат, который французы спускают за борт и за который надо потом тянуть. А тащить на буксире двадцатитонную барку, торча по уши в воде,— вовсе не шутка, доложу я тебе!

Каждый божий день мы ждали, что сиуки подложат нам какую-нибудь свинью, но даже сквозь горло Совиной реки мы прошли без всяких помех. Джошуа надулся, как индюк, и сказал — это потому, что сиуки отлично знают: с ним шутки плохи! И как раз в тот самый день нас окликнул с обрывистого берега индеец-янкton на неописуемого цвета пестрой кляче. Он сказал, что в густом ивняке на мелководье у следующего мыса засела в засаде целая сотня тетонов и они ждут не дождутся, когда мы пойдем мимо этого мыса на корделье и когда вся команда будет торчать по грудь в воде с чертовым канатом в руках. Вот тут-то они и возьмут нас всех тепленькими. А еще он сказал, тетоны совсем ничего не имеют против

белых людей, разве только немного перережут нам всем глотки. Просто так, забавы ради. Но вот уж для Большого Носа они приготовили такую развлекуху, что просто пальчики оближешь! Я даже не решаясь написать на бумаге то, что он нам сказал!

Большой Нос тут же нырнул в каюту и принял там опять падать в обморок, а французы тоже перепугались и наверняка развернули бы барку назад, в Сент-Чарльз, ежели б мы им такое позволили. Ну а мы, охотники, стали говорить Джошуа — пускай нас высадят на берег, тогда мы обогнем мыс посуху и нападем на этих глупых сиуксов с тыла. Уж мы-то сумеем всыпать им по первое число, прежде чем они прочухают, что к чему. Но Джошуа сказал, даже четыре настоящих охотника-американца никак не управятся с целой сотней сиуксов, а когда мы возмущенно загаддели, он велел нам заткнуться и не мешать ему думать. И он усился на бочку, и стал думать, и думал ужасно долго, а потом спросил меня:

— Послушай! Разве не как раз милях в четырех вон в ту сторону находится деревня Толстого Медведя?

И я сказал, не знаю, как раз или нет, но там; а он тогда мне и говорит:

— Знаешь что, завернись-ка в то красное одеяло Большого Носа, садись на лошадь янктона и скачи в ту деревню. Сиуки решат, что мы представили Большому Носу выпутываться из этой пердряги самостоятельно, а пока они гоняются за тобой, барка уже успеет проскочить мимо мыса. С Большим Носом на борту!

— А что будет со мной, по-видимому, не имеет ни малейшего значения! — горько сказал я на это.

— А что такое особенное может с тобой случиться? — спросил он. — Толстый Медведь — твой друг, и когда ты окажешься у него в деревне, он ни за что не выдаст тебя сиуксам. К тому же прежде, чем они тебя заметят, у тебя уже будет приличная фора, ведь сперва тебя будут прикрывать от них береговые утесы. Так что ты легко утрешь им нос и окажешься в той деревне раньше, чем они тебя догонят!

— Похоже, твою умную голову не посетила такая простая мысль, что проклятые подлецы будут всю дорогу стрелять мне в спину из своих луков! — несколько раздраженно возразил ему я.

— Но ведь ты же сам прекрасно знаешь, — снова принял он уговаривать меня, — что сиуки стреляют на скаку куда хуже, чем команчи! Тебе просто не надо подпускать их к себе ближе чем на три-четыре сотни ярдов. И уж тогда-то они наверняка едва ли в тебя попадут. Хочешь, побъемся об заклад?

— Раз так, почему бы тебе не провернуть это дельце самому? — довольно резко спросил я.

Услышав такое, Джошуа сразу ударился в слезы.

— Только подумать, — рыдал он, — ты решился пойти против меня! Только подумать! Как ты мог? И это после всего, что я для тебя сделал!

А чего такого он для меня сделал, кроме как всегда очень ловко находил способы ободрять меня как липку и освободить мои карманы от честно заработанных деньжат?

— Ведь не кто иной, как я, — продолжал скучить Джошуа, — убедил компанию взять тебя на службу и положить тебе прям-таки царское жалованье! А в лихой час ты и ухом не ведешь, чтобы позабыться о моей личной безопасности! Нет, недаром мой бедный старый дедуля частенько говаривал:

«Остерегайся любого южанина больше хищного зверя! Негодяй сперва сожрет твои харчи, потом вылакает все твое пойло, а потом рыгнет и воткнет в тебя свой мясницкий ножик. Просто так, чтобы посмотреть, как ты будешь дрыгать ногами! И вот теперь, когда я вновь вспоминаю об этих мудрых словах моего любимого дедушки...»

— Заткни пасть! — сказал я, страшно расстроившись.— И кончай ныть! Ладно уж, изображу индейца. Но только ради тебя. А еще вот что я тебе скажу: ладно, я завернусь в то одеяло и повтыкаю в волосы все те долбаные перья, но будь я проклят, если позволю срезать с моих любимых бриджей кожаный низ!

— Но ведь так было бы совсем похоже! — всхлипнул Джошуа, промакивая глаза бахромой моей охотничьей куртки.

— Заткни пасть! — яростно повторил я.— И закатай назад свою губу! Всему в мире есть свои пределы!

— Ну ладно, ладно,— сказал он.— Только успокойся. Какой же ты все-таки темпераментный! И потом ведь, в любом случае, когда ты завернешься в то одеяло, штанов все равно ниоткуда не будет видно!

Ну дак вот.

Попали мы в каюту за одеялом, и ты мне не поверишь, пап, но этот проклятый индеец отказался отдать его мне, хотя на кону стояла его никчемная жизнь! Он-то ведь думал, что эта красная тряпка есть великий волшебный амулет, а любой обычный индеец куда скорее согласится отдать свою жизнь, чем свой любимый амулет! И тогда завязалась самая настоящая битва за то чертово одеяло, и та битва длилась бы до сих пор,

если б Большой Нос ненароком не ударился головой об ту здоровенную пустую бутылку из-под рома, которая как раз в тот момент случайно оказалась у меня в руке. Все это было так отвратительно, пап! К тому же паршивец здорово прокусил мне левую ногу, когда я сидел на нем, выгживая из его волос эти противные замусоленные перья! И это лишний раз доказывает: любой индейец способен отплатить за добро лишь самой черной неблагодарностью. Я уже хотел было плюнуть и уйти из каюты, но тут Джошуа напомнил мне, что компания подрядилась доставить этого дурня в целости и сохранности до Хидасты, а значит, мы должны его туда привезти живым и невредимым, даже если для этого нам придется его убить!

А после Джошуа дал индейцу-янкtonу за его одра нож-тесак, одеяло и пороху на три выстрела. Совершенно невозможная цена за такую ужасную клячу, но к тому времени янкton уже успел сообразить, насколько она нам чертовски нужна, а потому подлец просто веревки из нас вил.

Ну ладно.

Завернулся я в то красное одеяло, и повтыкал в волосы те противные сальные перья, и взгромоздился на ту пеструю клячу, и тронулся в путь по лопине, которая должна была вывести меня на самый верх береговых утесов.

— Ежели доберешься до деревни живым,—кричал мне вслед Джошуа,— не высовывай носа, пока мы не пойдем обратно, вниз по реке! Вот тогда мы тебя и подберем! Верь мне, я пошел бы на это дело сам, но мне никак нельзя оставлять барку без присмотра! Это было бы нечестно по отношению к Пушной компании! Я не могу ставить под угрозу ее доходы и...

— И чтоб тебя черти разорвали! — проревел я ему в ответ, пнул под ребра свою Пеструшку и потрусил по направлению к деревне Толстого Медведя.

Выбравшись на утесы, я сразу же увидел тот мыс. А сиуксы сразу же увидели меня. Как и предполагал Джошуа, они тут же клюнули на удочку, дико завыли, высыпали всей гурьбой из густого ивняка, быстро взгромоздились на своих пони и ударились в погоню за мной. Ихние лошадки, как я и подозревал, оказались куда более резвыми, чем моя кляча, но форы у меня действительно были очень приличная, поэтому, когда мы с Пеструшкой взобрались на невысокий увал, откуда уже была видна деревня Толстого Медведя, — единственная, насколько мне известно, деревня индейцев-арикаров к югу от Великой реки, — я все еще очень весьма заметно опережал своих преследователей.

Поскольку я все же оказался в пределах досягаемости их луков, то невольно поежился, ожидая, когда же наконец мне в спину начнут втыкаться стрелы. А от жуткого воя приближившихся тетонов у человека, менее привычного к таким делам, чем я, уже давно застыла бы кровь в жилах. Однако довольно скоро я сообразил, что они намерены взять меня живым; ведь сиуксы до сих пор числили меня Большим Носом, которого ненавидели так сильно, что не сомневались: быть простреленным стрелой в спину — слишком уж легкая для него участь.

Вот тут я начал надеяться на то, что у меня появились неглохие шансы в конце концов удрать от них, потому как моя Пеструшка явно вознамерилась продержаться гораздо дольше, чем на то рассчитывали тетоны.

Теперь я был уже совсем недалеко от деревни и видел, что верхушки тамошних больших вигвамов сплющены арикарами, наблюдающими за нашими скачками. Но тут послышался выстрел из пищали, и здоровенная пуля просвистела так близко, что оцарапала мне ухо, и только тут я припомнил, что Толстый Медведь любит Большого Носа ничуть не больше, чем сиуксы. Я уже мог хорошо различить, как этот паразит сидит на верхушке своего вигвама и уже снова ловит меня на мушку. А сиуксы уже прямо-таки наступали мне на пятки. Я впил в чертовски затруднительное положение: ежели я сброшу одеяло, тетоны поймут, что я — вовсе не Большой Нос, и так утыкают меня стрелами, что потом никто не отличит меня от дикобраза; а ежели я его не сброшу, то Толстый Медведь так и будет палить по мне из своей кошмарной пушки.

Ладно, подумал я, пускай уж лучше в меня стреляет один арикара, чем сто сиуксов. Оставалось только надеяться, что он промахнется. Так он и сделал, но все же ядро из его пушки начисто снесло кончик уха моей Пеструшки; бедная тварь вдруг всталла как вкопанная, а я полетел дальше, через ее голову, потому как ни седла, ни стремян на моей лошадке не было. Одна только уздечка. От восторга сиуксы взвыли так, что я чуть не оглох, а их вождь, далеко обогнавший остальных старый Клейменый Конь, подскакал ко мне, нагнулся и, пока я еще не успел подняться на ноги, схватил меня за шкирку.

Свою винтовку я выронил во время падения, поэтому пришлось врезать Клейменому Коню про-меж глаз голым кулаком. Я приложил старому черту так крепко, что он вылетел из седла и катился по земле ровно семнадцать с половиной футов, преж-

де чем зацепился за что-то и сумел остановиться. Я попытался было захапать его пони за уздечку, но проклятая тварь вывернулась и унеслась прочь. Тогда я отшвырнул в сторону чертово одеяло и помчался к деревне на своих двоих.

Эти глупые сиуксы так удивились, когда Большой Нос прямо у них на глазах превратился в белого человека, что позабыли про свои луки и вспомнили про них, когда я уже пробежал добрую сотню ярдов. А когда они начали стрелять, все их стрелы, кроме одной, пролетели мимо меня, а та одна, пап, к сожалению, поразила меня в то самое место, куда ты прошлой зимой так ловко пнул старика Монтгомери. За это я еще пострыгаю этим проклятым тетонам руки по самые яй... ой! по самые колени! Даже если на это уйдет вся моя молодая жизнь без остатка! Ты только подожди, пап: весь народ сиуксов еще не раз проклянет тот час, когда его глупые воины стреляли Элкинсу в спину!

Они снова помчались за мной во весь опор, но было слишком поздно, ведь у меня образовалась чертовски неплохая фора, а в Дакоте пока еще не родился скакун, способный отыграть у меня сто ярдов на дистанции в четверть мили!

Арикары тоже страшно удивились. А некоторые из них от изумления даже попадали с верхушек типи и только чудом не посворачивали себе шеи. Они настолько очумели, что даже не сообразили открыть мне ворота в частоколе, окружавшем деревню, так что мне пришлось открывать их самому. Я с разбегу ударил в эти ужасно хлипкие воротца плечом, сыромятные петли с треском лопнули, и я въехал внутрь верхом на одной из створок.

Сиуксы, вовсю продолжавшие осыпать меня стрелами, едва не влетели следом за мной, но все же в

самый последний момент как-то успели осадить коне и прекратили стрельбу, ведь если б они ворвались за мной в деревню, то столкнулись бы с арикарами. В общем-то, я наполовину был уверен, что так оно и будет, ведь сиуксы никогда арикаров за людей не держали, но в этот раз вышло по-другому. И уже через минуту я понял почему.

Тут как раз Толстый Медведь слез с верхушки своего вигвама, а я встал со створки ворот, поднял руку и сказал ему:

— Xao!

— Xao! — ответил он без малейшего воодушевления.

Толстый Медведь был очень толстопузым индейцем, с очень широким и очень добродушным лицом. И если, конечно, не принимать в расчет, что более вороватого парня невозможно было найти на всей Миссури, он был большим другом белых людей, а в особенности моим, поскольку как-то раз я здорово помогал шайенам, когда те уже совсем собирались заживо выпотрошить из Толстого Медведя весь жир.

И, только обменявшись с ним приветствием, я вдруг заметил в толпе чуть ли не сотню вооруженных воинов, и эти воины были кроу. Я даже узнал их вождя, старого Пестрого Дятла, и тогда я сразу понял, отчего тетоны не решились ворваться в деревню арикаров. Кстати, Толстый Медведь и вождем-то был все по той же самой причине.

В незапамятные времена, еще мальчишкой, Медведь подружился с Дятлом, и вот теперь, ежели сиуксы или кто-нибудь еще слишком уж досаждали арикарам, в деревне тут же появлялись воины-кроу и быстренько наводили порядок. А уж лучших вышибал, чем эти кроу, пап, днем с огнем не найдешь. Им любая драка в радость.

— Твою мать! Какая приятная неожиданность! — сказал я Толстому Медведю.— Бери своих воинов, и воинов-кроу, и еще меня в придачу, и чтоб я лопнул, ежели через полчаса мы не выкупаем этих глупых тетонов в матушке Миссури!

— Нет, нет и нет! — всполошился Толстый Медведь. Он так долго болтался по разным факториям, что научился калякать по-аглицки едва ли не лучше, чем я.— Сейчас Великое Перемирие! А нынче вечером в моей деревне — Большой Совет Вождей!

Ну что ты будешь делать?

Теперь сиуксы уже знали, как я их ловко одурачил. Понимали они и то, что «Королева пиратов» вот-вот обогнет мыс и окажется вне пределов их досягаемости куда раньше, чем они успеют вернуться в свои иловые кусты. Поэтому они принялись разбивать лагерь, прямо возле деревни, а Клейменый Конь подъехал к самому частоколу и зычно крикнул:

— В деревне моего брата воняет протухшим мясом! Пусть его воины вынесут сюда этот вонючий кусок, и мы хорошенько прожарим его на огне!

Толстый Медведь разом вспотел и зачем-то принялся мне объяснять:

— Эти слова означают, что они хотят сжечь тебя на костре! О Маниту! Зачем именно тебя принесло именно сюда именно сейчас!

— Никак ты собираешься выдать меня этим паразитам? — в припадке гнева взревел я.

— Никогда! — очень искренне оскорбился Толстый Медведь, утирая пот со своего чела той самой банданной, что пару лет назад он сламзил на правительственный фактории в Канзасе.— Но даже если б, своротив ворота, ко мне в деревню ворвался сам дьявол, то счас я скорее предпочел бы иметь дело с ним, а не с Длинным Ножом!

Это они так называют нас, американцев, пап!

— Я уже оворил тебе,— продолжал Толстый Медведь,— что нынче вечером арикары, кроу и сиуксы сперва собираются здесь на Большой Совет, а потом...

Как раз в этот момент к нам через толпу протолкался какой-то расфуфыренный франт, по пятам за которым тащилась парочка канадских французов-трапперов и чертова туча индейцев-соксов с верховьев Миссисипи. На боку у того типа болталась шпага, а сам он вышагивал ну очень величаво. Словно истекающий жиром индюк по осени.

— Что здесь делает этот проклятый американец? — вопрошает тот чертов тип.

— Дерьмо собачье! — приветливо ответил ему я.— А ты сам-то кто таков?

— Я — сэр Уилмот Пемброук, доверенное лицо его королевского величества короля Георга по всем делам индейцев в Северной Америке,— еще больше напыжившись, заявляет он.— Вот кто я буду таков!

— А ну-ка, выбирайся из толпы на открытое место, паразит- красномундирник! — вежливо попросил я, деловито пробуя пальцем лезвие своего ножа.— С превеликим удовольствием украшу твоими кишками здешний шест для скальпов! Ту же самую услугу я готов оказать и той парочке скунсов с берегов Гудзонова залива, которые трутся за твоей спиной!

— Нет! — захныкал Толстый Медведь, хватая меня за руку.— Сейчас никак нельзя! Сейчас — Великое Перемирие! В моей деревне не должно пролиться ни капли крови! Пойдем-ка лучше ко мне в вигвам!

— Перемирие простирается лишь по эту сторону частокола,— заметил сэр Уилмот.— Не соблаговолите ли прогуляться со мной за ворота?

— Еще чего! — презрительно фыркнула я. — Чтобы твои друзья-тетоны сделали там из меня подушечку для булавок? Я не такой уж большой дурак, каким могу показаться!

— Да, таких больших дураков просто не бывает,— шаркнув ножкой, согласился сэр Уилмот.

От этих слов я пришел в такую ярость, что сперва мог только воздух ртом хватать. Но уже в следующее мгновение я бы наверняка ковырялся ножом в его кишках, пап, перемирие там или не перемирие, но тут Толстый Медведь снова схватил меня за руку и поволок в свою типи. Там он заставил меня сесть на стопку бизоньих шкур, а одна из скво принесла мне горшок с мясом; но от злости я совершенно потерял аппетит и смог проглотить всего лишь четыре, в лучшем случае пять фунтов бизоньей печени.

Толстый Медведь заботливо пристроил в углу пищаль, которую он некогда спер у траппера компании Гудзонова залива, и сказал:

— Сегодняшний Большой Совет должен принять решение: будут арикары выходить на тропу войны против Длинных Ножей или не будут. Этот Красный Мундир, сэр Уилмот, он говорит, что Большой Белый Вождь из-за большой воды вот-вот одолеет Большого Белого Отца Длинных Ножей, который живет в большой деревне под названием Вашингтон.

Я был настолько ошарашен подобными новостями, что ничего не мог сказать. Совсем ничего. Ведь с тех пор как мы пошли вверх по реке, никакие известия о войне до нас уже не доходили.

— Сэр Уилмот очень желает, чтобы сиуксы, кроу и арикары присоединились к Большому Белому Вождю и напали на американские поселения в ни-

зovskyx rek, — сказал Толстый Медведь. — Krou verят, что Длинные Ножи вот-вот проиграют войну, но пока они еще колеблются. Если они решатся выступить вместе с сиуксами, мне тоже будет некуда деваться, потому как иначе сиуксы просто спалят дотла мою деревню, ведь она не может существовать без покровительства кроу. А еще красные мундиры привезли с собой шамана-сокса; сегодня вечером он будет камлать в белом вигваме, будет разговаривать с Великим Духом. Это великое колдовство, какого индейцы никогда не видели ни в одной деревне на Миссури. И тогда Великий Дух передаст через шамана, чтобы кроу и арикары вступили на тропу войны следом за сиуксами.

— Ты хочешь сказать, англичанин намерен повести все это войско вниз по реке? — Я был потрясен до глубины души.

— До самого Сен-Луи, — сказал Толстый Медведь. — Он хочет вышвырнуть с этой реки всех американцев до единого.

— Этому не бывать! — яростно проревел я, вскакивая на ноги и выхватывая нож. — Прямо счас пойду в его вигвам и перережу ему глотку!

Но тут Толстый Медведь повис на мне и отчаянно закричал:

— Если ты сейчас прольешь хоть каплю крови, индейцы уже никогда больше не поверят в Великое Перемирие! Нет! Я не могу позволить тебе убить этого Красного Мундира!

— Но ведь он-то собирается перебить всех, кто живет вдоль реки! — так же отчаянно закричал я. — Что же мне делать?!

— Ты должен прийти на Совет и убедить там всех воинов не вступать на тропу войны, — сказал Толстый Медведь.

— Как же мне быть?! — беспомощно сказал я.— Ведь я же совершенно не умею произносить речи!

— Это верно,— сокрушенно качая головой, сказал Толстый Медведь.— А у Красного Мундира, наоборот, язык змеи. Вот ежели б он привез для вождей подарки, тогда его дело точно было бы в шляпе. Но когда они шли сюда по реке, его лодка перевернулась и все припасы попали на дно. Подарки тоже. Вот если б у тебя нашлось чем одарить Клейменого Коня и Пестрого Дятла, тогда...

— Ты же отлично знаешь, что никаких подарков у меня нет! — взревел я, совсем теряя голову.— Будь я проклят! Что же мне делать?

— Не знаю,— с отчаянием в голосе сказал Толстый Медведь.— Некоторые белые люди в таких случаях начинают молиться.

— Так я и сделаю! — воскликнул я.— Прочь с дороги!

Ну так вот.

Грохнулся я на колени поверх большой связки бизоньих шкур, закрыл глаза, начал молиться и уже дошел до слов: «И вот теперь, когда мама уложила меня спать, Господи, смиренno прошу твоего благословения на то, чтобы...», когда вдруг почувствовал, что мое колено наткнулось под шкурами на что-то очень знакомое. Я сунул под шкуры руку, вытащил ту штуку наружу, и — конечно же! — это оказался небольшой бочонок.

— Где ты взял эту вещь?! — радостно воскликнул я.

— Спер на складе Меховой компании, когда последний раз был в Сен-Луи,— честно признался Толстый Медведь.— Но...

— Никаких «но»! — восторженно заорал я.— Ума не приложу, как это ты умудрился до сих пор не

высосать его досуха, однако теперь это мой вампум! ¹ Нынче вечером я даже не буду пытаться переговорить этого краснобая-красномундирника. Просто вскоре после того, как начнется совет, я явлюсь туда и, как бы невзначай, скажу: «О вожди! Красный Мундир привез вам большой мешок пустопорожних разговоров, которыми никого не накормишь! А, вот Большой Белый Отец Длинных Ножей прислал вам из Вашингтона отличный подарочек! Тут-то я и вытащу бочонок! Всех из него, конечно дело, не напоишь, но ведь в расчет идут одни вожди, а в бочонке как раз хватит пойла, чтобы они набрались как следует и перестали понимать, о чем им будут дальше толковать этот сэр Уилмот вместе со своим колдуном-шаманом.

— Но ведь они отлично знают, что ты появился в деревне с пустыми руками,— сказал Толстый Медведь.— Если, конечно, не считать стрелы в заднице.

— Тем лучше! — ответил я.— Тогда я скажу им, что это великий вакан и что я могу доставать виски прямо из воздуха!

— Тогда они попросят, чтобы ты достал оттуда еще пару бочонков,— сказал Толстый Медведь.

— А я тогда скажу им, что злой дух, принявший вид скунса в красном мундире, мешает мне применить во благо мою колдовскую силу! — находчиво ответил я, прямо на глазах становясь все сообразительней.— После чего они страшно обозлятся на сэра Уилмота. Так или иначе, но они не станут слишком долго раздумывать, откуда взялось виски. Несколько добрых глотков — и сиуксы припомнят

¹ *Watrum* — ожерелье из раковин. В данном случае имеется в виду «амulet», «палочка-выручалочка». (Примеч. переводчика.)

все обиды, накопившиеся у них на соксов, а потом выпрыгнут их из деревни!

— Эдак ты и впрямь добьешься, что мы все тут поубиваем друг друга,— сказал Толстый Медведь, вновь промакивая пот со лба крашеной банданой.— Это нехорошо. Но послушай! Я все же хочу рассказать тебе кое-что насчет того бочонка...

— Прекрати счас же! Не желаю ничего слышать! — сурово осадил я его.— Прежде всего, это не твой бочонок! Ты его спер. Кроме того, на кон поставлена судьба целой нации, а ты все печешься о каком-то жалком бочонке спиртного! И уж пострайся, чтобы у тебя не дрожали поджилки, сделай милость! Ведь от того, как повернется дело нынче вечером, быть может, зависит судьба этого континента! Если мое дельце выгорит, оно может принести неисчислимые выгоды всем американцам!

— А что оно принесет индейцам? — спросил Толстый Медведь.

— Не пытайся подменить тему разговора! — нравоучительно сказал я.— Лучше подумай вот о чём: я видел, что в Круг Совета уже начали носить кипы бизоньих шкур, на которых будут сидеть вожди. И уж будь так чертовски любезен, проследи, чтобы моя кипа была заметно выше той, на которой будет восседать сэр Уилмот. А потом как-нибудь незаметно поставь бочонок позади моей кипы шкур. Ведь если мне придется посыпать за ним в твой вигвам, это займет много времени, да и выглядеть будет как-то подозрительно и глупо!

— Видишь ли...— с непонятным упрямством в голосе начал было Толстый Медведь, но я сунул ему под нос кулак и сказал с нажимом:

— Прекрати к черту свою болтовню и делай, как я говорю! Только чирикни еще разок, и я вдреб-

безги расквашу твой нос вместе с вашим дурацким
перемирием!

В ответ Толстый Медведь как-то беспомощно развел руками и пробормотал несколько слов о том, что все белые люди — психи, но что он, Толстый Медведь, все же рассчитывает прожить на этом свете весь отпущененный ему Великим Духом срок. Но я пропустил всю его болтовню мимо ушей, ведь у меня никогда не хватало терпения вникать в суеверия этих индейцев! Резко повернувшись, я вышел из вигвама и тут же столкнулся с одним из тех проклятых канадских трапперов, по имени Андре; ну и имени, прости Господи!

— Какого черта ты тут делаешь? — жестко спросил я, но вместо ответа, он только с ненавистью посмотрел на меня и сразу же куда-то смылся.

Тогда я направился в сторону вигвамов кроу и следующим человеком, попавшимся мне навстречу, оказался старик Шингис. Никогда не знал, как его настоящее имя, и никто не знал, просто все звали его Шингис, и все тут¹. Думаю, он был индейцем-айова или что-то вроде того. Шингис был такой старый, что уже давно позабыл, когда родился, а жил он, прибиваясь по очереди то к одному то к другому племени, пока не надоедал всем до смерти своей болтовней и его в очередной раз не прогоняли. Он попросил у меня табачку, и я отсыпал ему изрядную порцию, а тогда он прищурился на меня хитрым глазом и говорит:

— Красным Мундирям не надо было привозить с собой шамана с Миссисипи, чтобы беседовать с Уаканотокой! Теперь они говорят, что Шингис — кейо-

¹ *Shingis* — по звунию больше всего подходит «замшелый булыжник». (Примеч. переводчика.)

ка! Они говорят, что Шингис подружился со Злым Духом, с Унктехи!

По правде говоря, никто ничего такого про Шингиса даже и не думал говорить. Кроме него самого. Просто у многих индейцев такая манера хвастаться и набивать себе цену. Поэтому я потрепал старика по плечу, сказал ему, что да, всем известно, какой он великий вакан, и зашел в вигвам кроу. Там сидел Пестрый Дятел, и он спросил у меня, верно ли, что красные мундиры сожгли дотла большую деревню Вашингтон, а я сказал ему, чтобы он не верил всякому слову, какое срывается со лживых губ сэра Красного Мундира. Вот тут-то я посчитал, что самое время спросить:

— А где же сейчас те подарки, которые этот Красный Мундир привез вождям?

Пестрый Дятел сразу напустил на себя самую безразличную мину, потому как мой вопрос наверняка постоянно вертесся у него самого в голове, и ответил:

— Их большая лодка перевернулась, и река забрала себе все подарки, предназначавшиеся вождям.

— Тогда выходит, что Красный Мундир прогневал Унктехи,— деловито сказал я.— А его собственное колдовство оказалось совсем слабым. Зачем вам связываться с человеком, у которого такое слабое колдовство?

— Мы сперва послушаем, что он скажет нам на Совете,— заявил Пестрый Дятел, но уже без прежнего энтузиазма, поскольку индейцы очень не любят иметь дело с людьми, у которых совсем слабое колдовство.

Уже начинало темнеть, поэтому, выходя из вигвама, я не сразу заметил сэра Уилмота и наткнулся на него.

— Стараешься опорочить меня в глазах кроу, да? — спросил он. — Ничего, я еще с удовольствием посмеюсь, когда мои друзья сиуксы будут зажаривать тебя, насадив на вертел! Подожди, осталось уже недолго! Скоро, скоро Полосатый Гром обратится со словами Хозяина Жизни к вождям из колдовского вигвама!

— Хорошо смеется тот, кто смеется последним! — с холодным достоинством ответствовал я, злорадствуя в душе, поскольку метод, каким я намеревался одержать победу над сэром Уилмотом, почти примирил меня с очень досадной временной невозможностью перерезать ему глотку.

Я пошел прочь, сопровождаемый его громким, грубым и ужасно противным хохотом. Только подожди, твердил я себе, только подожди еще немногоВедь мой изощренный ум обязательно одержит в конце концов победу, иначе просто не может быть!

Я пропел мимо того места, где перед небольшой типи, спитой из шкур белых бизонов, уже разложили по кругу кипы бизоньих шкур — места для вождей. До тех пор пока не начнется Большой Совет, никто из индейцев не смел сюда приближаться, потому как это место считалось вакан, — так говорят сиуксы, подразумевая сильное колдовство. Вдруг, к своему изумлению, я заметил, как из ближайшей к кругу типи с ужасно перекошенной физиономией выскочил Шингис. Старик метнулся к кожаному ведру, сделанному из желудка бизона, и одним духом проглотил не меньше галлона, после чего отшвырнул опустевшее ведро и принялся что-то горячо толковать самому себе, яростно потрясая кулаками в воздухе.

— Я вижу, мой краснокожий брат чем-то уязвлен в самое сердце? — вежливо поинтересовался я.

— Твою мать! — сообщил мне старый Шингис.— В этой деревне завелся человек, чье сердце чернее ночи! Но пусть он побережется! Пусть он не забывает, что Шингис — друг самого Унктехи!

Выпалив такую туманную угрозу, старик устремился прочь с видом человека, которому предстоит какое-то важное дело. А я зашел в вигвам Толстого Медведя. Тот, странно раскорячившись на шкурах, рассматривал себя в зеркало, стыренное им три лета тому назад со склада Пупиной компании.

— Чем это ты таким занят? — поинтересовался я, усаживаясь и запуская руку в котелок с мясом.

— Пытаюсь представить себе, как я буду выглядеть, когда меня оскальпируют, — ответил он.— Последний раз говорю тебе: тот бочонок...

— Ты опять пытаешься поднять этот вопрос, жмот проклятый?! — в гневе вскочив на ноги, взревел я; но тут в вигвам заглянул воин и сказал, что все уже собрались на Совет.

— Нет, ты видишь? — обиженно прошептал мне на ухо Толстый Медведь.— Я не хозяин в собственной деревне, когда здесь появляются Пестрый Дятел и Клейменый Конь! Тогда они начинают отдавать приказы! И кому?! Мне!

Мы с Толстым Медведем пошли к Кругу Большого Совета, а им пришлось устроить его на улице, поскольку в деревне не нашлось такого вигвама, который смог бы вместить всех собравшихся. На одной стороне чинно расселись арикары, на другой — кроу, на третьей — сиуксы. Я сел рядом с Толстым Медведем, а сэр Уилмот со своими соксами и французицами оказался как раз напротив нас. Колдун сэра Уилморта сидел скрестив ноги; на его плечах была тяжелая накидка их волчьих шкур, хотя, несмотря на поздний час, на улице стояла такая

жара, что, кажется, можно было поджарить яичницу прямо на камнях. Но настоящий кейока всегда делает именно так. Вот если бы вдруг повалил снег, шаман-сокс, скорее всего, сидел бы сейчас в чем мать родила!

Женщины с детишками позалезали на верхушки вигвамов, чтобы лучше видеть Круг Большого Совета, а я шепотом переспросил у Толстого Медведя, где бочонок, а он ответил, что под шкурами прямо позади меня, после чего начал раскачиваться взад-вперед, тихонько напевая себе под нос предсмертную песню.

Тогда я стал шарить рукой у себя за спиной, но прежде, чем мне удалось нащупать бочонок, сэр Уилмот поднялся на ноги и начал так:

— Я пришел сюда не для того, чтобы понапрасну тревожить спух моих краснокожих братьев пустыми речами! Зудеть, подобно москитам, в ушах людей — удел Длинных Ножей! Скоро Хозяин Жизни сам произнесет свое веское слово устами Полосатого Грона. Что же касается меня, то я принес на Совет не пустые слова — о нет! — но подарок для великих вождей, который уладит их сердца!

И называйте меня всегда команчем, если с этими словами, сэр Уилмот не наклонился и не вытащил из-за кипы шкур бочонок Толстого Медведя! Я почувствовал, как земля уходит у меня из-под ног, а Толстый Медведь застонал так, словно его изо всей силы пнули в брюхо. Я краем глаза заметил, как Андре издевательски подмигивает мне издали, и мгновенно понял, что подлец подслушал наш разговор и стащил бочонок из-под моей кипы шкур после того, как Толстый Медведь поставил его туда для меня. По блеску, сразу же появившемуся в глазах воинов, я понял, что Красные Мундиры уже одержали побе-

ду, тогда как я потерпел ужасное, сокрушительное поражение!

Я был так страшно расстроен, что не мог уже думать ни о чем другом, кроме как добраться до красномундирников и соксов и перерезать ножом столько ихних поганых глоток, сколько успею прежде, чем они прикончат меня! И уж в любом случае, пап, я был твердо намерен в первую очередь перерезать глотку сэру Уилмоту, и не было во всем мире такой силы, которая смогла бы помешать мне выпустить наружу его кишки прежде, чем я умру! Ведь мы, Элкинсы, в своем последнем приступе смертельной ярости куда как опаснее любой загнанной в угол пантеры! Ты только вспомни, пап, моего любимого двоюродного дедушку, Исаию Берфилда. Ведь когда индейцы-крики наконец одолели его, то после того сражения у них просто не осталось в живых достаточно воинов, чтобы снять со старика скальп, а ведь дедуле к тому времени уже стукнуло целых восемьдесят семь лет!

Я потянулся было за своим ножом, но тут сэр Уилмот вдруг и говорит:

— Скоро, совсем скоро волшебное молоко Красных Мундиров заставит сердца доблестных воинов петь от счастья! Но сперва мы должны услышать слова того, кого сиуксы называют Уаканотокой, а другие племена называют другими именами, но кто является Хозяином Жизни для всех нас! Сейчас он будет говорить с нами устами Полосатого Грома!

Ну ладно. Пускай говорит!

Я решил, что дождусь, пока все уставятся на вигвам шамана-колдуна, а уж потом рванусь к горлу сэра Уилмота. Полосатый Гром зашел в вигвам и закрыл за собой полог, а соксы разожгли перед

входом костер, начали скакать у этого костра как безумные и вопить:

О Хозяин Жизни! Войди в вигвам
из белых шкур! Скорей туда войди!

И овладей там разумом того,
кто ждет тебя внутри!

И тогда, его устами,
ты с нами говори!

Понятия не имею, что там швыряли проклятые соксы в свой проклятый костер, но из него вдруг повалили такие клубы дыма, что тот вигвам из белых шкур стало совсем невозможно разглядеть, а эти чумные соксы продолжали скакать и вопить в этом дыму, что твои черти в огненной преисподней. А затем из вигвама вдруг раздался страшный крик и послышалась возня, какая бывает, когда идет хорошая драка. Бедные индейцы разом повскакивали со своих мест, и было очень на то похоже, что они вот-вот дадут деру, но тут сэр Уилмот поднял руку и провозгласил:

— Не бойтесь! Это злой дух Унктехи сражается с посланником Хозяина Жизни за обладание телом шамана! Скоро добрый дух одержит победу, и тогда мы откроем вигвам, и мы услышим вещие слова самого Уakanотоки!

Черт возьми, еще бы!

Я отлично знал, что Полосатый Грому скажет в точности то, что ему велел говорить сэр Уилмот! Но эти-то глупые индейцы будут считать, что с ними говорит сам Великий Дух!

Между тем суматоха в вигваме стихла, клубы дыма опали, и сэр Уилмот провозгласил:

— Твои дети смиленно ждут Твоих слов, о Уаканотока!

Сказав это, он распахнул полог, и пусть меня всю жизнь называют голландцем, пап, если в том белом вигваме было хоть что-то кроме громадного полосатого дикого скунса!

Задрав хвост трубой, скунс неторопливо вышел из вигвама, а бедные индейцы все разом издали дружный вопль ужаса и попадали на землю со своих бизоньих шкур, а потом вскочили на ноги и тут же всем миром пустились наутек — и сиуксы, и арикары, и кроу, и соксы, — завывая на бегу:

— Унктехи победил! Он превратил Полосатого Грома в злое воюющее чудовище! Унктехи одолел Уаканатоку!

Они даже не потрудились открыть ворота. Сиуксы одним духом перепрыгивали через частокол, а кроу — так те просто промчались через него насквозь и ничего не заметили. Я успел углядеть, что старый Клейменый Конь плечом к плечу с Пестрым Дятлом увереню держится во главе удирающих, и понял, что Великая конфедерация западных индейцев провалилась ко всем чертям! Следом за воинами устремились волящие женщины с рыдающими детишками, и через каких-то пятнадцать секунд единственным индейцем поблизости от меня остался Толстый Медведь.

Сэр Уилмот стоял, окаменев на месте, и только бешено вращал выпученными глазами, но Андре быстро обежал белый вигвам кругом и заорал с той стороны:

— Кто-то расположил сзади все шкуры! — выпил он. — Здесь, позади, валяется на земле Полосатый Гром, а на башке у него шишка размером с хорошее яйцо! Пока клубился дым, кто-то забрался внутрь

вигвама, оглушил шамана, выволок его наружу и подсунул вместо него скунса!

— Да! — наконец очнулся сэр Уилмот. — Да! Да! Да! Конечно! Один и тот же ублюдок уволок нашего шамана и запустил в вигвам ту вонючую тварь! — Изо рта сэра Уилмата во все стороны летели брызги слюны. — И ты ответишь мне за это, грязный янки!

— Кого это ты тут посмел назвать янки?! — яростно взревел я, выхватывая нож.

— Помните о перемирии! — закатив глаза, умоляюще заверещал Толстый Медведь.

Ну что ж. Я-то вспомнил и остановился сразу. Но сэр Уилмот уже пришел в такое возбуждение, что не помнил совсем ничего. По-моему, так у него просто раз и навсегда протек чердак. Он сделал выпад шпагой, но я легко перерубил эту хворостинку ножом и схватил беснующегося сэра за руку. Думаю, как раз тогда он и вывихнул себе локоть. Продолжая дико вопить, безумец попытался дотянуться здоровой рукой до своего пистолета, вот почему мне пришлось как следует врезать ему по физиономии. Скорее всего, именно тогда он и лишился семи зубов, об утрате которых сэр теперь так горько сожалеет. Но поскольку сэр Уилмот продолжал бесноваться, пришлось отобрать у него пистолет, а его самого выбросить за частокол. Мне все же кажется, что череп он себе проломил уже потом, приземлившись по ту сторону частокола головой прямо на какой-то старый пень.

Тем временем Андре со своим приятелем принялись тыкать в меня своими смехотворными коротенькими ножиками, отчего мне пришлось взять обоих за шиворот и легонько постучать головами друг об друга. Но честное слово, как только парни немного расслабились, я сразу перестал! Не знаю

уж, чего они теперь жалуются, ведь я не сделал им ровным счетом ничего плохого. Наоборот, проявил о них почти отеческую заботу, тоже выбросив за частокол, чтобы они сразу оказались поближе к своему любимому сэру Уилмоту!

— Ну что ж! — радостно пропыхтел я, потирая руки и поворачиваясь к Толстому Медведю. — Пожалуй, все устроилось само собой, притом как нельзя лучше! Понятия не имею, как уж оно так вышло, но ты можешь звать назад всех своих скво с детишками и сказать им: они остаются гражданами Соединенных Штатов! Отныне и во веки веков, чтоб я лопнул!

С этими словами я нагнулся, поднял валявшийся рядом бочонок и поднес его к губам, поскольку меня уже давно мучила жажда.

— Стой! — закричал Толстый Медведь. — Подожди! Не пей это! Должен тебе сказать, что...

— Заткнись, жадина! — взревел я. — После той услуги, какую я оказал всей нации нынче вечером, неужели мне не положена пара хороших глотков, не будь я Элкинс?! Пожалеть капельку пойла для старого друга! Какой позор! — уже более спокойно добавил я.

И я хватанул из бочонка от души, и издал душераздирающий вой, и зашвырнул чертов бочонок так далеко, как только смог, и заметался по деревне в поисках проклятой воды, и нашел ведро, и выпил единственным духом галлона три. А когда я смог снова дышать, то подобрал с земли дубинку и погнался за Толстым Медведем, который к тому времени уже успел вскарабкаться на верхушку самого высокого вигвама.

— А ну, дерньмо койота! — ласково позвал я. — Спускайся оттуда счас же, а не то я разобью вот

этой самой дубинкой твою умную голову! Зачем ты сразу не сказал мне, что налито в том бочонке, скотина ты эдакая?!

— Я пытался! — жалобно заявил Толстый Медведь. — Честно пытался! Но ты же мне слова не давал вставить! Я и сам думал, что в этом бочонке — виски, когда тащил его со склада компании, иначе я бы его и трогать-то не стал! А знаешь, пока ты тут утолял жажду, а потом охотился за водичкой, я успел переброситься парой слов со стариком Шингисом. Это ведь он шарахнулся по голове того шамана, а потом запустил в белый вигвам полосатого скунса! Он случайно увидел, как Андре переиorthyает бочонок поближе к — сэру Уилмоту, на ту сторону Круга Большого Совета, подкрадлся туда и незаметно отхлебнул изрядную порцию. Вот почему он сделал то, что сделал. Это была месть! Бестолковый старый хрыч решил, что сэр Уилмот пытался его отравить!

Вот так, пап, око все и вышло!

Что до меня, то я твердо намерен бросить эту чертову работу, как только вернусь в Сен-Луи. То, что люди перестали пользоваться свечами и стали покупать на факториях эти ужасные масляные лампы, уже само по себе плохо. Но будь я проклят, ежели стану и дальше вкалывать на компанию, которая позволяет себе разливать вонючий китовый жир в точно такие же бочонки, в какие они разливают свое виски!

С почтением, твой любящий сын,
Бун¹ Элкинс.

¹ *Boop* — доброжелательный, приятный человек; веселый собутыльник. Одним словом, рубаха-шарень; весельчак. (Примеч. переводчика.)

ЭЛКИНСЫ НЕ СДАЮТСЯ!

апашка ругался на чем свет стоит. Причем так громко, что, возвращаясь домой из Жеваного Уха, я отчетливо слышал его брань, почитай, от самого Песчаного Бroда. Он ваялся посреди комнаты на медвежьей шкуре, под рукой у него была всегдашняя здоровенная бутыль с белым кукурузным виски, а в самой руке он держал письмо, которое моя сестра Оачитта должна была читать ему вслух. Когда я во-

шел в дом, отец как раз бросил очередной взгляд на письмо, хорошенько приложился к бутыли, после чего изрыгнул некое совершенно ужасное выражение, так что у меня уши едва не поотсыкали.

— Тоже мне, нашли время для вендетты! — немного успокоившись, свирепо проворчал он. — Будто не могли подождать малость, пока я окончательно совладаю со своим ревматизмом! Нет уж, куда там, эти люди просто не умеют ждать! Кромешная глупость моих родственничков не поддается никакому списанию, и она есть кровоточащая язва на моей шкуре! Брекенридж, ты должен немедля лететь вихрем на ранчо дядюшки Джоэля! Прямо счас!

— Ты что, толкуешь о дядюшке Джоэле Гарфильде из Аризоны? — переспросил я.

— О ком же еще, ты, здоровенный идиёт! — снова взревел отец. — У Гарфильдов давно неприятности, но, пока они прямо не попросили о помощи, я не хотел навязываться им и впутывать в такое дело свою ближайшую родню! Твой дядюшка Джоэль всегда был уж слишком чертовски покладист и миролюбив, вот и допрыгался! Езжай туда, в Аризону, Брек, принимай там командование, но не вздумай прислушиваться ко всей этой болтовне насчет перемирий и компромиссов! Ежели кто-то попрет против Элкинса, — уже немного спокойнее сказал отец, встярхнув свою бутылочку, — чудак должен сразу же заказывать себе катафалк! Проваливай!

Я оставил Капитана Кидда в каменном корале, выстроенным мною специально для него, — никакой другой просто не смог бы его удержать, и отправился через перевал в поселок под названием Вечная Кара, чтобы там погрузиться в дилижанс. Стоянка дилижанса там отделана шикарно, скажу я

вам! Прямо что твой салун! И кое-кто из околачивавшихся там парней принялся подначивать меня и биться со мной об заклад, что мне ни в какую не вытакать за раз квартиру тамошнего красного пойла. Конечно, не отрываясь от горлышка бутылки и не переводя дух. Так что всякий раз, опорожнив очередную квартиру, я выигрывал ровно один доллар, а проигравший к тому же платил за виски.

У меня уже был почти полный карман серебра, когда кто-то вдруг завопил:

— Эй вы! Игроки хреновы! Дилижанс отчаливает!

И я, сопровождаемый бурей оваций и грохотом выстрелов, доблестно погрузился на борт этой посудины, а кучер щелкнул кнутом, и вот таким образом я отбыл в Аризону, чтобы грудью встать на защиту поруганной семейной чести.

По какой-то непонятной причине мне всю дорогу страшно хотелось спать, вот почему о самом путешествии у меня осталось самое смутное представление. Помню только, что пару раз мы останавливались поменять лошадей, а еще один раз я услышал, как кто-то спросил кучера:

— Мой Бог, неужели у тебя там, в углу, дрыхнет человек?! Если только он и взаправду человек, то он — самый здоровенный мордоворот, каких мне когда-либо доводилось встречать!

Когда я проснулся окончательно, был уже вечер, темнело, и дилижанс катил по совершенно незнакомой для меня местности. Ведь раньше-то я никогда не бывал в Аризоне! Кучер почесал в затылке и спросил меня:

— Слушай, а куда ты, собственно говоря, едешь, парень?

— В Аризону, — честно ответил я.

— Но мы тащимся по Аризоне с тех самых пор; как встало солнце,— сказал кучер.— Куда именно в Аризоне ты хочешь попасть?

Ну я задумался, и думал, и думал, и никак не мог вспомнить, и тогда я спросил:

— А какие тут вообще есть города?

— Ну, совсем недавно мы проехали через Винтовочное Дуло,— почесав за ухом, ответил кучер.

— Отлично,— сказал я.— Мне желательно сойти в том самом городе, где живут Гарфильды. Ты должен был про них что-нибудь слышать. У них очень большая семья.

— А! — сказал кучер.— Тогда тебе нужен Зуб Пилы. Это следующий поселок. А Гарфильды живут на ранчо примерно в миле от города.

— Слушай-ка, а кто те люди, с которыми у Гарфильдов вышла какая-то размолвка? — спросил я.

— Ну-у,— протянул кучер.— В общем, это Клинтоны. Старик Клинтон подал на старика Гарфильда в суд по земельному делу и выиграл процесс, да еще отхватил неплохой куш звонкой монетой!

— Значит, судья был подкуплен! — быстро заявил я.

— Ну-у, я не знаю... — снова протянул кучер.

Тут я понял, что раз уж кучер так себя ведет, значит, здесь вся округа настроена против Гарфильдов, и при одной мысли о такой неслыханной несправедливости меня буквально затрясло от праведного гнева.

— Я же тебе говорю, что судья был подкуплен! — взревел я, слегка наклонившись вперед, а кучер почему-то побледнел и тоже затрясся и пролепетал:

— Да, да! Конечно! Теперь-то я вижу, что ты совершенно прав! Я просто плохо подумал, прежде чем сказать!

Довольно скоро мы втащились на улочки Зуба Пилы, тут кучер показал кнутовищем на один из домов и с гордостью заявил:

— Вон там стоит новое здание суда! Недавно построили!

— А что это за большая железная труба на колесах торчит с ним рядом? — поинтересовался я.

— А это пушка, — ответил кучер. — Ее приволокли сюда из Форт-Полка на тот случай, если апачам вздумается еще разок напасть на город.

Вскоре мы подъехали к почтовой станции, и кучер указал мне на старого джентльмена с длинными, слегка обвисшими и малость поседевшими бакенбардами, которые на концах загибались вверх, словно оглобли.

— Вон стоит старик Гарфильд, — сообщил мне кучер, — он всегда встречает здесь дилижанс.

Старик Гарфильд оказался совсем не таким уж старым, как я ожидал, к тому же он был куда меньше размерами, чем мой отец. Но, хотя мы с ним никогда не виделись раньше, я решительно подошел к нему, взял за руку и вежливо ее потряс. Он казался слегка удивленным и даже издавал какие-то странные звуки внутри своих бакенбард.

— Я — ваш внучатый племянник, Брекенридж Элкинс, — по всей форме представился я. — И я прибыл сюда для того, чтобы раз и навсегда обеспечить полное торжество справедливости!

— Рад познакомиться, Брекенридж, — пробормотал дядюшка слегка растерянно.

Тут я окончательно понял, что отец совершенно прав: дядюшка Джоэль абсолютно ни в чем не похо-

дил на нас, на людей, выросших на Медвежьем Ручье!

— Все ваши страхи теперь позади, дядюшка Джоэль! — успокоил я старика, похлопав его по спине.— Я принимаю на себя руководство делом прямо сейчас!

— Р-руководство делом? — переспросил он, слегка закашлявшись и трудолюбиво распрямляясь после моих похлопываний.— К-каким таким делом?

— Ну как же? — удивился я.— Давайте побystрой к нему и перейдем, ведь мы, Элкинсы, терпеть того не можем откладывать что-либо на потом! Скажите-ка мне, дядюшка Джоэль, нету ли сейчас, прямо тут, поблизости, кого-нибудь из тех проклятых Клинтонов?

— Отчего же,— сказал дядюшка Джоэль, указывая на парня, сидевшего на краю корыта с водой для лошадей.— Вон как раз один из них!

Должен сказать, по натуре я человек мирный, кроткий, даже застенчивый, каких поискать, и требуется нечто совсем уж из ряда вон выходящее, чтобы вывести меня из себя. Но ведь тут, как-никак, все же была затронута честь нашей семьи! А это, как справедливо заметил мой папаша, есть веская причина для самой кровавой, беспощадной войны! Тем не менее, переходя улицу и приближаясь к лошадиной поилке, я старался сдерживаться из последних сил.

Парень увидел, как я подхожу, и мигом вскочил на ноги.

— Не ты ли здесь будешь Клинтон? — спросил я.

— Ну я,— воинственно ответил он.— А в чем дело?

— Отлично! Меня зовут Брекенридж Элкинс, и я явился сюда, дабы устраниТЬ все несправедливос-

ти, причиненные моей родне! — начал было я издалека, причем самым вежливым и деликатным образом.

— Отлично! А меня зовут Джон Клинтон, и я отродясь о тебе ничего не слышал! — раздраженно ответил парень и, прервав всякие дальнейшие переговоры, заехал мне кулаком в ухо, да еще вдобавок успел пару раз лягнуть меня по ногам. Но я даже тут сумел сдержаться и всего лишь один разок дал малому в челюсть, отчего он перемахнул через лошадиное корыто, пролетел ровно семнадцать с половиной футов и воткнулся головой в старую сточную канаву возле лошадиного стойла.

Тут дядюшка Джоэль как-то слабо вскрикнул, и я обернулся как раз вовремя, чтобы лицом к лицу встретить подбегавшего ко мне сзади парня.

— Я шериф! — закричал он, тыча пальцем в свою начищенную до блеска звезду. — Я должен арестовать тебя и немедля посадить в каталажку, поскольку ты только что очень возмутил общественное спокойствие!

Со всей свойственной мне кротостью я совсем уж было собрался подчиниться, поскольку папаша всегда требовал от меня должного уважения к закону, но вдруг вспомнил, что речь идет о нашей семейной чести, а здешний шериф наверняка давно принял сторону Клинтонов. Поэтому я очень осторожно отобрал у него оба револьвера, чтобы он не успел причинить ими себе какой-нибудь вред, а его вздрагивающее тело — так же очень осторожно — положил в лошадиную поилку.

— Поскольку ты есть явный клеврет семейства Клинтонов, — суроно сказал я, — мне приходится поступать с тобой, как с любым другим из этих напрасно топчущих землю койотов!

Последние слова я проревел так, что во всех домах на улице задребезжали стекла: ведь я уже начинал сердиться по-настоящему! И тогда я достал пару своих шестизарядных и застрелил насмерть несколько вывесок и в придачу к ним несколько уличных фонарей, дабы должным образом подчеркнуть свою точку зрения. Всех людей с улицы точно метлой смело, ежели, конечно, не брать в расчет дядюшку Джоэля, склонившегося под лошадиным корытом.

Подумав немного, я решил, что меня здесь просто не узнали, поэтому я еще разок во все услышание объявил, кто я таков:

— Здесь перед вами Брекенридж Элкинс, с Медвежьего Ручья в Неваде! Я приехал сюда, чтобы должным образом позаботиться о клане Гарфильдов! — Мне почему-то никто не ответил, и тогда я добавил: — Выходите же сюда, вы все, нашедшие себе приют в Зубе Пилы паразиты, и говорите, открыто и честно, на чьей вы стороне! Но помните: кто не со мной — тот против меня!

Затем, пораженный внезапной мыслью, я недоуменно спросил:

— Черт возьми, а куда же подевался тот продажный шериф?

Мне по-прежнему никто не отвечал; тогда я быстро зашел в салун и там, за стойкой бара, обнаружил присевшего на корточки парня, который давился и кашлял, пытаясь проглотить свою бляху. Перегнувшись через стойку, я взял малого за шкирку, перетащил его на эту сторону и поставил перед собой на пол.

— Так вот, значит, ты как?! — в ярости заорал я ему прямо в ухо. — Хочешь выставить меня на посмешище, пытаясь уничтожить столь ценную

улику! Да за такое я с тебя не то что живьем скалы сдеру, а...

Но тут малый почему-то закатил глаза и упал в обморок, поэтому я раздраженно швырнул его в угол и решительно вышел из бара. Надо же! Все любопытные головы, повысовывавшиеся было из разных углов, тут же нырнули обратно, будто их и в помине не было!

Тем временем дядюшка Джоэль уже, суетясь, залезал в свою повозку, но я мигом добежал до нее, прыгнул и очутился рядом с ним, и повозка слегка покосилась, и лошади дико заржали, и мы тронулись в путь.

— Где вы проживаете, дядюшка Джоэль? — крикнул я.

— Вон там, — ответил он, облизнув пересохшие губы, и указал на видневшуюся вдали, примерно на расстоянии мили, за полями люцерны и выгонами, крышу дома.

— Поступайте, дядюшка, но мы же никуда не едем! Мы просто тащимся! Мы стоим на месте! — заметил я. — Дайте-ка мне сюда вожжи! — Я забрал вожки из рук старика и хорошенъко гикнул, отчего те мустанги буквально взвились в воздух, а затем понеслись вперед, едва касаясь копытами земли.

Но дядюшке Джоэлю, похоже, такая езда доставляла на удивление мало радости. Он вцепился в борта своей повозки и только жалобно вскрикивал всякий раз, когда мы срезали какой-нибудь угол на одном колесе. А все люди, мимо каких мы проезжали, тоже жалобно кричали и врассыпную бросались с дороги прямо в поля.

— Что за черт? — недоуменно спросил я. — Да что с ними со всеми такое творится? — И, вытащив свой шестизарядный, я посбивал шляпы с кое-

кого из тех суетящихся парней в надежде хоть чуть-чуть развеселить дядюшку Джоэля. Но дядюшка почему-то упорно продолжал оставаться совсем грустным!

Когда мы подъехали к дому, я прикинул, что уже нет никакого смысла останавливаться, чтобы открыть ворота. Мы ехали так быстро, что все равно должны были сквозь них проехать. И мы проехали, только вот дядюшку Джоэля задело каким-то обломком по голове, и он дико завопил от боли. А когда мы ворвались во двор ранчо, мне стало ясно: лошадки хотят проскочить его насовсем, и тогда я решительно осадил их, и с повозки соскочило одно колесо.

Но, конечно, мне бы в любом случае удалось остановить наших скакунов, ежели б не лопнули те гнилые вожжи. И мустангги проскочили-таки через двор и повисли в воздухе сразу за домом, запутавшись в кроне большого дерева, а из дома выбежала пожилая леди, а за нею четыре девушки и три парня. И пожилая леди сказала:

— Во имя всего святого, что тут случилось!?

Затем, обнаружив, что дядюшка Джоэль лежит бездыханным телом, они закричали все разом и старая леди запричитала:

— О Боже, он убит! Воды! Принесите скорее воды!

Какого черта, подумал я, разве поможешь делу водой, если старика действительно запибло насмерть! Но тут я заприметил поблизости лошадиную поилку, где плескалось около тридцати или сорока галлонов этой самой воды. И я подошел к ней, и поднял ее, и принес ее туда, где лежал дядюшка Джоэль, и они уставились на меня так, будто никогда раньше не видели, как человек носит это чертово корыто.

И я вылил все корыто на дядюшку Джоэля, и он закашлялся, сел и, отфыркиваясь, спросил:

— Какого черта? Ты что, решил меня утопить?

— Кто это такой, па? — спросила старая леди. Она почему-то явно чувствовала себя не в своей тарелке.

— Он утверждает, что он — мой племянник, — вздохнул дядюшка Джоэль. — Говорят, дескать, приехал, чтоб помочь нам утрясти то старое дельце с Клинтонами.

— Но я думала, там уже все само собой утряслось, — нерешительно пробормотала старая леди. — Они ведь выиграли дело в суде, ну и...

— Никакое дело никогда не бывает утрясено до тех пор, пока Элкинсы и их родичи не победят окончательно и бесповоротно! — горячо возразил я. — Военные действия только начинаются! Как зовут этих молодых людей?

Глядя на парней, я испытывал то же самое разочарование, какое испытал, впервые увидев дядюшку Джоэля. Да, эта чахлая семейная ветвь безусловно не дотягивала до размеров, принятых у нас, на Медвежьем Ручье! Ведь эти мальчики были уже почти совсем взрослыми мужчинами, но ни один из них не превышал ростом шести футов, чтоб я лопнула!

— Их зовут Билл, Джим и Джо, — сообщил дядюшка Джоэль. — А девушек зовут...

— Сейчас это не имеет никакого значения! — сурово оборвал его я. — Всем женщинам этой семьи надлежит просто укрыться в безопасном месте! Джо! Пойди сними с дерева тех мустангов и отправь их на выгон! Билл! Ты запряжешь вон в тот фургон пару смиренных лошадок и отвезешь своих сестер и матушку в Зуб Пильы, где они будут оставаться до самого конца военных действий!

Старая леди в замешательстве посмотрела на дядюшку Джоэля, но тот лишь беспомощно покачал головой и сказал:

— Лучше сделать так, как он говорит, мать! Он все равно уже начал командовать, и, видит Бог, я совсем не тот человек, который смог бы его переубедить!

— Джим! — решительно заявил я. — Садись на лошадь, привяжи к шомполу кусок какой-нибудь белой тряпки и езжай, скажи тем Клинтонам, чтобы они тоже отправили своих женщин в Зуб Пилы. Мы не можем позволить себе подвергать особ прекрасного пола даже самому малейшему риску!

— Но у меня нету белой тряпки, — слегка растерянно ответил парень.

Укоризненно покачав головой, я снял с бельевой веревки простыню и оторвал от нее приличный шмат для Джима.

— О Боже! — сразу запричитала старая женщина. — Моя лучшая простыня!

Нет, все-таки женщины — удивительно бесстоловый народ!

Нам была хорошо видна крыша дома на ранчо Клинтонов. Дом там был большой, трехэтажный, и стоял он примерно в миле к югу от нас, за несколькими низкими пологими увалами. Дядюшка Джоэль сказал мне, что мужчин там семь человек.

— Били! — сказал я, выворачивая карманы. — Купи все патроны, сколько найдется в Зубе Пилы! Война может затянуться, к тому же мы не должны оставить Клинтонам никакой возможности пополнить боеприпасы!

— Никогда в жизни не видела ничего подобного! — изумленно прошептала старая леди, но все же погрузилась со своими дочками в фургон, и

Билл повез их в город, а Джим поскакал к дому Клинтонов, размахивая белым флагом, а мы с дядюшкой Джоэлем и с Джо принялись готовиться к осаде.

Сперва мы наполнили все емкости, какие смогли найти, водой, потом я велел Гарфильдам укреплять ставни на окнах, а сам принялся чистить и смазывать все оружие, какое имелось в доме. Некоторые ружья выглядели так, будто после гражданской войны из них ни разу никто не стрелял. Честное слово!

Довольно скоро вернулся Джим и сообщил, что Клинтонышибко сильно взволнованы. Их старшего парня, Джона, недавно доставили из города с вывихнутой челюстью, а их женщины, едва получив наше предупреждение, сразу же отбыли в Зуб Пилы.

— Отлично! — воскликнул я.— Теперь мы можем без помех нагрянуть туда и с чистой совестью вырезать под корень мужскую часть ихней семейки! Не вижу никакого смысла и дальше затягивать начало военных действий! Джо, езжай скорее к этим Клинтонам и подстрели их старика, чтобы они там знали: мы открываем бал!

У Джо неожиданно сделался такой вид, будто его вот-вот стошнит; он молча, с мольбой в глазах, посмотрел на дядюшку Джоэля — который вдруг сильно побледнел, но ничего не сказал сыну — взобрался на свою клячу и ускакал со двора.

— Ваши мальчики, дядюшка Джоэль,—снова потянувшись к жестянке с ружейным маслом, заметил я,— совершенно не оправдали моих надежд! У них совсем нету привычки к крови и тяги к хорошей мужской драке, а ведь должны быть! Я никак не ожидал встретить парня, приходящегося нам, Элкинсам, родней, у которого бы кулаки не чеса-

лись все двадцать четыре часа в сутки. А я-то думал, что Гарфильды из Аризоны в гневе страшнее раненой медведицы! Нет, право же, я ужасно разочарован! А это что еще за штука?

— Это мексиканская эскопета,— слабым голосом отзывался дядюшка Джоэль.— Будь с ней поосторожнее: она может выпасть совершенно неожиданно!

То был старинный, заряжавшийся через дуло, дробовик с большим раструбом на конце, вроде эдакого колокольчика; в него влезало добрых три или четыре пригоршни крупной дроби. Увидев, какая это замечательная штука, я просиял и уже начал было приводить ее в надлежащий порядок, как вдруг домой вернулся Джо, в самом подавленном настроении. Кожаный низ с его штанов был начисто отрван и вообще куда-то подевался!

— Я сделал все, как ты велел! — обиженно сопя, сказал он.— Я подкрался из-за короля и попытался подстрелить старика Клинтона. Но только я по нему промахнулся, а они спустили на меня своего здоровенного бульдога!

— Как?! — в ярости вскричал я.— Значит, они не желают сражаться, как надлежит поистине цивилизованным людям? Выходит, они пали так низко, что прибегли к самым отвратительным и подлым методам ведения войны? Кстати, а у нас есть собака? — спросил я, пораженный внезапно мелькнувшей мыслью.

— Не-а,— хором ответили младшие Гарфильды.

— Отлично! — скомандовал я.— Тогда вы с Джимом ступайте и притащите этого пса сюда. Пусть он гавкает тут у нас, если кто-нибудь попытается подло подкрасться к нашему дому под покровом ночной темноты!

— Но они же нас подстрелят! — запротестовали мальчики.

— Не-а! — опроверг их я. — Не подстрелят! Если, конечно, вы будете действовать с умом! Просто выманите собаку подальше от их дома, а сами не показывайтесь им на глаза, и все!

Ну ладно. Парни ушли, вооружившись телячей косточкой и рыбакской сетью, а едва они скрылись из виду, как домой заявился Билл и стал говорить, что, дескать Зуб Пилы страшно взволнован и что люди на улицах поговаривают о том, чтобы собраться всем вместе и отправиться сюда. Линчевать меня, значит. Тут дядюшка Джоэль ядовито заметил, что во время войны с Клинтонами нам здесь только толпы линчевателей и не хватает, ну а я так просто не обратил на все это никакого внимания. Подумать, эка невидалъ! Всякие не знакомые со мной чудаки вечно пытаются меня линчевать, по одному лишь дремучему невежеству!

Я спокойно распаковывал боеприпасы, доставленные Биллом, и там, среди патронов, оказалось несколько коробок с обычным порохом. Я внимательно поглядел на них, потом бросил взгляд на эскопету, и вдруг мне в голову ударила такая замечательная идея, которая истонгла из моей груди бравурный вопль бурной радости, заставивший дядюшку Джоэля совершенно непроизвольно выпрыгнуть на улицу через ближайшее к нему окно.

Довольно-таки скоро домой вернулись Джо с Джимом; они приволокли с собой замотанного в сеть бульдога. Их одежда, а местами так и шкуры, были прилично разодраны. Парни рассказали, что Клинтоны забаррикадировались на своем ранчо и стреляли по ним издали, пока они сражались с бульдогом, но, наверное, эти глупые Клинтоны решили,

что их пытаются выманить наружу, а потому на выручку своему псу так и не пришли.

В общем, все вышло именно так, как мне того хотелось.

Тем временем день уже клонился к закату, и, как только совсем стемнело, я привязал бульдога во дворе, велел дядюшке Джоэлю с Джимом закрыть все двери и залечь с винтовками на крыше, чтобы как следует охранять дом. А Биллу с Джо я велел топать к дому Клинтонов, укрыться на ближайшем к тому дому холме и дожидаться меня. Затем я запряг в фургон пару самых крепких мулов и покатил в Зуб Пилы. Должен сказать, люди там ложатся спать ужасно рано, если не считать тех, кто веселится в салуне, вот почему, прежде чем я не въехал во двор суда, мне навстречу не попалось ни одной живой души.

Я остановил фургон рядом с пушкой, слез и стал примеряться, как бы половчее забросить ее на эту хлипкую повозку, но тут из темноты рядом со мной вдруг возникла чья-то фигура. Уже потом я узнал, что то был сам судья. Он ничего такого не предпринял, только спросил меня:

— А ты что тут делаешь?

— Да вот хочу взять у вас на некоторое время пушку взаймы,— вежливо ответил я, кое-как взвалил эту артиллерию на спину и потопал к фургону. А судья вдруг почему-то схватился за голову руками, как-то странно пошатнулся и довольно громко пробормотал:

— Боже мой! Мне следует быть поосторожнее со спиртным! Я уже начал страдать галлюцинациями!

Ну, я погрузил ту пушку в фургон и потихоньку тронулся в путь, по дороге размышляя о том, какие

все-таки странные люди живут в этом самом Зубе Пилы.

На ранчо дядюшки Джоэля я заворачивать не стал, а погнал фургон прямиком к поместью Клинтонов. Как раз у поворота к их дому я остановил мулов и принялся заряжать орудие боеприпасами, заранее уложенными в старую корзину из-под сена, размером что-то такое в пару бушелей¹. Мне досталась очень хорошая, большая пушка, и я засыпал прямо ей в дуло почти бушель черного пороха, а поверх него заложил около кварты винтовочных пуль, и добавил туда примерно галлон крупной дроби, и положил обломки ржавых лемехов, и бросил туда изрядно негодных висячих замков и всяких там скоб, дверных петель и крючков, и щедросыпал около бушеля мелких погнутых гвоздей вперемешку с ковровыми кнопками и добавил для ровного счета несколько старых печных вышшек, а уж поверх всего этого вывалил в дуло с полведра дверных ручек, и еще, в качестве довеска, положил сверху совсем коротенький обрывок мерной цепи; я так думаю, он не дотягивал даже до семнадцати с половиной ярдов в длину.

Затем я проделал приличную брешь в изгороди и подогнал фургон поближе к дому. Там я распряг своих мулов и привязал их к дереву, произраставшему чуть ниже гребня гряды, на которой несли дозор Билл и Джо.

— Появлялся ли тут поблизости кто-нибудь из тех мошенников? — спросил я у парней.

Они ответили, нет, никто не появлялся, а в доме давно нету света, наверно, все они там дрыхнут без

¹ Бушель — около 75 литров.

задних ног, разве что оставили на карауле какого-нибудь дурня.

— Великолепно! — воскликнул я. — Значит, я накрою их всех разом! А вы, ребятки, дуйте домой и спокойно ждите меня там!

— Но что же ты намерен делать? — хором спросили они.

— Я намерен прихлопнуть всю чертову семейку одним махом! — торжественно провозгласил я, выволакивая из фургона пушку. — Я намерен малой кровью, но одним могучим ударом отправить целиком весь клан этих мерзопакостных Клинтонов прямым ходом в Великое Царство Теней!

Мальчики вдруг разом побледнели, у них подогнулись колени и застучали зубы, и, не говоря худого слова, они испарились в мгновение ока. А я взвалил пушку на спину, прокрася вниз по увалу, пробрался мимо короля, перелез через еще какуюто ограду и наконец установил пушку не дальше как в ста ярдах от дома.

В доме никто даже не шелохнулся. Если там и стоял на карауле какой-нибудь дурень, так он тоже наверняка спал! К сожалению, я не знал, где там у них расположены спальни. Но, прикинув диспозицию, я решил, что заряд, заложенный мною в пушку, в любом случае снесет начисто всю нижнюю часть дома.

Итак, я любовно погладил рукой шероховатый ствол моей смертельной мортиры, прицелился, чиркнул спичкой об штаны, поднес огонек к пороховой полке, и...

Бум-м-мс!

Ослепительная вспышка пламени расколола надвое кромешную черноту ночи. Взрыв оказался так силен, что земля вздрогнула, а пушечный заряд про-

несся сквозь нижний этаж ранчо Клинтонов ну чисто твое торнадо! Сквозь медленно расходившиеся клубы дыма я разглядел, что в доме образовалась такая дырища, сквозь какую любой дурень-овцевод без труда прогнал бы большущее стадо овец. А сам дом покосился и начал, потрескивая, оседать вниз.

Одновременно внутри раздался взрыв криков ужаса и начался страшный переполох. Мужчины, в однихочных рубашках, так и посыпались из окон второго этажа, словно крысы со стога сена. Они рассыпались во все стороны, визжа как тыща чертей в ад. Только тут я сообразил, что эти скользкие паразиты Клинтоны, все до единого, спали на верху. Мой Бог! Мне так и не удалось уничтожить ни одного подлого гада!

Ко всему прочему, я совсем позабыл про орудийную отдачу, а она выбросила меня из короля прямо сквозь изгородь. И пока я выпутывался из обломков жердей, прохвосты Клинтоны уже исчезли в густых зарослях, так что я даже не успел подстрелить никого из них на бегу! Стыдно признаться, но я был так дьявольски разочарован, что снова уселся на землю, уткнул лицо в ладони и горько разрыдался как дитя!

А затем я словно обезумел. Я бросился в заросли в поисках моих врагов, но никого там уже не нашел. Наверно, они так и продолжали удирать без роздыху, а здешняя местность была мне не настолько знакома, чтобы успешно охотиться на этих паразитов в темноте. Вот почему, совсем сокрушенный горем, я в конце концов вернулся к моей пушке.

Ее дуло после выстрела треснуло в трех или четырех местах, так что использовать ее дальше я все равно никак не мог. Тогда я решил, что будет честно доставить ее назад, в Зуб Пилы. Но прокля-

тые мулы, испугавшись пушечного выстрела, сорвались с привязи и удрали. Вот почему мне пришлось взвалить чертову артиллерию на спину и всю дорогу до города переть ее на своих плечах. Одним словом, когда я водрузил ее на старое место, во дворе суда уже брезжил рассвет.

Потом, погибая от жажды и оскорбленный в самых лучших своих чувствах, я направился в салун. Только теперь я сообразил, что моя великая идея насчет того, чтобы начисто снести нижний этаж дома Клинтонов, вместе со всей их гнилой семейкой, была заранее обречена на провал, потому как у людей вечно недостает здравого смысла, находиться там, где им положено быть!

Несмотря на ранний час, на улицах толклись полно народу, а разговоров только и было, что об ужасном ночном взрыве. Оказывается, кто-то из Клинтонов, не останавливаясь, промчался через весь город, выкрикивая на бегу страшную весть, но ведь парень сам толком не знал, что случилось. Кое-кто из горожан утверждал, будто в дом попала молния, другие все твердили про землетрясение, ну а третьи больше склонялись в пользу торнадо.

Когда я зашел в салун, эти проклятые болтуны даже не изволили меня заметить! Их бездарный треп вскоре начал страшно действовать мне на нервы, вот почему я быстро вышел из себя и заревел:

— А ну заткните свои хлеборезки! А ежели вы взаправду желаете знать, кто расстрелял дом Клинтонов из пушки, так нате вам! Это сделал я!

Тут все почему-то ринулись к дверям с криками:

— Караул! Спасайся, кто может! Он опять вернулся!

Спустя какое-то время я напился пива и потащился к дядюшке Джоэлю на своих двоих. Когда я

вошел в дом, дядюшка держал в руках объемистую сумку из бычьей кожи, и конверт, и еще записку, которую он как раз читал, и он сказал мне:

— Брекенридж, я думаю, войне конец! Старик Клинтон прислал мне все деньги, какие он тогда выиграл по суду. Он желает кончить дело миром! Он пишет, что потерпел сокрушительное поражение и не видит никакого смысла продолжать борьбу, оказавшись в плотном кольце землетрясений и торнадо!

— Значит, он думает, что ему удастся от нас откупиться, так? — в ярости заскрежетал я зубами, при виде страшного оскорбления, нанесенного моим чести и достоинству. — Ты отошлешь эти деньги назад, прямо счас, и напишешь старому хрычу, что клан Элкинсов завсегда славился своей неподкупностью!

— И не подумаю! — вдруг взвыл дядюшка Джоэль, проявивший подлинную силу духа именно в тот момент, когда он нежно прижимал к своему пузу эти грязные деньги.

— Не сметь! — взревел я почти в полный голос. — Элкинсы никогда еще не меняли свою честь на презренный метал! И ничто, кроме крови, не в состоянии загладить причиненный им урон! — Я орал на дядюшку Джоэля, меряя комнату нервными шагами и размахивая обоями своими шестизарядными, потому как всегда имею такую привычку, стоит мне начать немного горячиться. — Ежели Элкинсам случается объявить кому-нибудь войну, они всегда доводят ее до победного конца! Мы, Элкинсы, зачехляем свое оружие лишь тогда, когда последний враг окончательно захлебнется в луже собственной крови!

Потрясенные моим ужасным ревом мальчики спрятались где-то в подвале, а дядюшка Джоэль не

больношибко спешил с ответом. Казалось, он глубоко задумался. Наконец он тряхнул головой и сказал:

— Полагаю, ты прав, Брекенридж! Я немедленно напишу письмо с нашим отказом от их капитуляции и отправлю его вместе с деньгами старику Клинтону прямо счас!

— Вот теперь ты говоришь как подлинный исполин духа! — одобрил я дядюшко решение, застрелив насмерть через окно пару фонарей во дворе, дабы немного успокоить свои расшалившиеся нервы.— Ладно! Пока ты занимаешься этим делом, я покажу твоим мальчикам несколько отличных фокусов с ножом!

Дядюшка Джоэль вернулся довольно-таки скоро, с деньгами и с письмом. Он слегка побледнел, когда обнаружил, что в качестве мишени для метания ножей мы выбрали его лучшую шляпу, но ничего не сказал. Он отдал Биллу записку вместе с деньгами, а я взял одну из его шелковых белых рубашек и приколотил ее гвоздями к трости дядюшки Джоэля — получился отличный символ перемирия,— после чего Билл отчалил.

Очень скоро я почувствовал смутное беспокойство, потому как не в характере Элкинсов сидеть сложа руки в ожидании вражеской атаки. Мы привыкли всегда атаковать сами! Но что поделаешь! Клинтоны рассеялись по всему белу свету, я попросту не знал, где мне их искать, а потому не оставалось ничего иного, как ждать, когда же они сами заявятся сюда по наши души.

Я велел мальчикам поснимать с окон ставни и подремонтировать. Кроме того, я бродил по дому с бульдогом, пытаясь подыскать для него наилучшую стратегическую позицию, но проклятый пес всякий раз кусал дядюшку Джоэля, стоило тому подвер-

нуться нам под ноги, и дядошка Джоэль всякий раз вскрикивал так, будто ему очень больно. А слова дядошки, произносившиеся в таких случаях по адресу бедного животного, вообще не поддавались никакому разумному толкованию!

Билл отсутствовал ужасно долго, и, решив, что подтые Клинтоны наплевали на белый флаг перемирия, я собрался было отправляться на поиски, как вдруг он появился сам, очень возбужденный и слегка бледнувший с лица. Он сообщил, что передал Клинтонам записку и деньги, а еще он сказал, что ему удалось прознать, где находится их тайное логово. Он сказал, что наши враги стали лагерем в одном каньоне, в нескольких милях к югу от ранчо Гарфильдов, и что они, дескать, собираются атаковать нас перед самым рассветом. Билл предложил подкрасться к лагерю Клинтонов, едва стемнеет, и вырезать всех мерзавцев под самый корень.

При виде того, как в парне наконец просыпается бойцовский дух истинных Гарфильдов, я возликовал всей душой, и мы сразу же приступили к составлению планов нашей кампании.

Нам с дядюшкой Джоэлем предстояло незаметно проскользнуть по дну каньона и обрушиться на наших врагов с тыла, а мальчики должны были выждать и ударить во фланг. Билл припомнил, что в том каньоне есть одна узкая горловина, над которой он, со своими братьями, сможет затаиться на утесах, а когда Клинтоны обратятся в бегство, мальчики зажгут факелы, швырнут их вниз, прямо в ту горловину, и при свете своих факелов перестреляют всех этих подтых Клинтонов как куропаток.

Ну ладно. От такого замечательного плана мое настроение сделалось просто великолепным, и оно улучшилось еще больше, когда дядошка Джоэль сам

любезно предложил почистить мои револьверы. Я отдал ему свои шестизарядные, а мальчиков послал следить за подходами к дому, на тот маловероятный случай, если Клинтоны все-таки наберутся наглости и решатся атаковать нас при свете дня. Я выдал бульдогу большущий кусок сырой говядины, как следует вымоченной в смеси виски с порохом, чтобы поднять его боевой дух, и после того, как он сломал себе зуб, пытаясь меня укусить, мы с ним наконец стали добрыми друзьями.

Затем я любовно снарядил свою эскопету, всыпав в нее приличное количество пороха, крупной дроби и мелких гвоздей, а для большего впечатления добавил еще и изрядную порцию крупной каменной соли. Такое оружие, конечно же дело, бьет не слишком далеко, но на близком расстоянии способно нанести любому врагу самый сокрушительный урон!

Я почему-то продолжал беспокоиться и все никак не мог дождаться, когда же наступит ночь, которая позволит нам навсегда стереть с лица земли разом все гнусное племя Клинтонов. И вот наконец она пришла, эта ночь, и мы сразу выступили в поход. Я подготовился к выходу гораздо раньше остальных, тайком привязав красавицу эскопету к своему седлу, и ничего не сказал про это остальным, потому как знал: дядюшка Джоэль отчего-то панически боится этого оружия.

Добравшись до каньона, в котором разбили свой лагерь Клинтоны, мы разделились, предварительно привязав своих лошадей в гуще молодого сосновника, и мальчики сразу же направились вдоль края каньона, чтобы вовремя взять под надежный контроль ту самую горловину.

А мы с дядюшкой Джоэлем потихоньку спустились на дно каньона, и там была такая тьма-тьмущая,

что невозможно было разглядеть совсем ничего, кроме кремнистых гребней, шедших поверху вдоль краев ущелья и блестевших под призрачным светом звезд. Дядюшка Джоэль даже не заметил эскопету, которую я, уходя от лошадок, забросил себе за спину. Мы дали мальчикам предостаточно времени, чтобы они успели добраться до нужного места, а потом, почти на ощупь, двинулись вперед по дну каньона.

Дядюшка Джоэль зачем-то производил столько шума, что запросто мог бы разбудить целую армию. В конце концов я велел ему снять сапоги, но теперь он стонал и ругался всякий раз, как наступал на острый обломок камня. Я вежливо приказал ему заткнуться, если он не хочет, чтобы нас тут перестреляли как кроликов.

Вскоре мы вышли на ровную тропу, и тут дядюшка Джоэль сказал, что он прокрадется вперед и высмотрит, уснули ли Клинтоны, а если уснули, то он начнет тявкать, как койот. Мне не хотелось отпускать старика одного, но он стал настаивать, и тогда я остановился в черной тьме под скалой, а он нырнул куда-то вперед, и вскоре оттуда послышалось довольно похожее тявканье.

Я на ощупь протиснулся сквозь очень узкое место и неожиданно для себя сразу оказался на широком открытом пространстве. Тут же кто-то сдернул одеяло с фонаря; яркий свет ослепил меня, а на плечи мне упало лассо и стянулось, прижав мои руки к бокам. Одновременно со всех сторон раздались торжествующие дикие вопли, и на меня обрушилась целая толпа каких-то темных личностей.

Тогда я яростно взревел, повел плечами, порвав ту риату, словно шерстяную нитку, выхватил из-за спины эскопету и выпалил навскидку. Громовой выстрел разом смел всю напавшую на меня нечисть:

люди посыпались на землю что твои кегли! Они орали, и визжали, и выли, а кто-то вдруг произительно заверещал:

— Ты, чертов старый осел! Ведь ты же клялся и божился, что все оружие разряжено!

— Наверно, он опять припер с собой ту проклятую артиллерию! — в ужасе взвыл какой-то другой голос.— Хватайте его, пока он не успел ее перезарядить!

Сразу после этого вопля я снова склестнулся с набежавшей толпой в смертельной схватке. Ну, честно говоря, с теми из них, кто еще мог шевелиться.

Я слышал, как где-то неподалеку мой дядюшка Джоэль благим матом кричит «Караул!», но, боясь случайно подстрелить его в темноте — ведь фонарь давным-давно раздавили и великая битва продолжалась в полной неразберихе,— я не решался пустить в ход свои шестизарядные. Тогда я начал пробиваться сквозь толпу голыми руками, сбивая каждым удачным ударом с ног троих или четырех разом, а затем я обхватил стольких, скольких сумел, и слегка прижал их, но только до тех пор, пока не затрещали ребра, некоторых я просто отшвыривал в сторону, и не моя вина, если они случайно падали головой на камни, а другими, когда уже стало полегче, я аккуратно подтер дно каньона, чтобы не было так грязно.

Но, честное слово, этих чудаков там было куда больше, чем семь человек! Дно каньона сплошь покрылось телами; я шагу не мог ступить, чтобы об кого-нибудь не споткнуться; и все же тот каньон, казалось, был по-прежнему полон людьми, весьма активно жаждавшими моей крови. Тогда я подумал, может, тут против моих беспомощных род-

ственников собралась вся округа, вставшая на сторону подлых Клинтонов. Подобная пристрастность настолько возмутила меня, что я удвоил свои усилия, и завывания ненароком подвернувшихся мне под руку врагов слились в протяжный вой, возносиившийся из бездн ущелья прямо к звездным небесам Аризоны.

Затем эти дурни, ни с того, ни с сего принялись стрелять в меня в полной темноте, и, конечно же, попадали друг в друга; они пытались свалить меня, хватая за ноги, только поэтому я на них и наступал! Ну и вдобавок они здорово порезали друг друга своими охотничими ножиками, наивно полагая, что тычут ими в меня. Наконец я выудил из толпы самого здоровенного обалдуя, какой там у них был, подкинул его на ладони, чтобы прикинуть вес, а потом перехватил его за лодыжку и, раскрутив малого над своей головой наподобие цепа, принялся выкашивать нападавших на меня идиотов рядами и колоннами.

Тут они сперва заорали:

— На помощь! Каравул! Убивают! — а потом ударились в паническое бегство по каньону, чуть из штанов не выпрыгивая. Удирали, конечно, только те, кто еще мог хоть как-то двигаться.

Немного переведя дух, я швырнул им вслед свою живую дубинку, да так удачно, что зашиб почти насмерть еще человек десять, а потом зажег об штаны спичку, чтобы пересчитать покойников. Все дно каньона было усеяно ворочающимися и стонущими телами. Но, наверное, я перестарался и забил в эскопету слишком тяжелый заряд для того количества пороха, потому как дробь, гвозди и прочий хлам, не говоря уж про соль, так никого и не убили, хотя навели немало пороху.

Наконец я обнаружил дядюшку Джоэля. Он лежал на животе и выл так жутко, что запросто мог перепугать насмерть кого угодно. Было очень похоже на то, что задница дядюшки остановила в полете львиную долю той самой каменной соли.

— Почему ты не предупредил меня, что прихватил с собой тот проклятый мушкетон?! — гневно вскричал он, едва заслышав мои шаги.— Оставь меня! Я умираю! И хоть раз в жизни я хочу почить спокойно!

Но я боялся, что Клинтоны еще могут вернуться, а потому подобрал дядюшку и положил его животом вниз на его собственную лошадь. Потом я принялся звать мальчиков, но никто из них так и не откликнулся, и тогда я решил, что Клинтонам удалось-таки их подстрелить, а потому нам не оставалось ничего другого, как отправиться назад на ранчо, чтобы приготовиться там к последнему смертельному бою. Бедному дядюшке Джоэлю пришлось трястись на лошади, животом вниз поперек седла. Он стонал и рыдал, а потом, вдруг начал ругаться, и изрыгаемые им проклятья были поистине ужасно жуткими.

— Теперь ты — последний из Гарфильдов, бедный мой дядюшка Джоэль, — сочувствуя изо всех сил, сказал я.— Но не беспокойся! Твои мальчики будут отомщены! А я буду стоять за тебя стеной, до самого конца!

Никаких признаков погони слышно не было, и мы спокойно добрались до ранча. Я оставил дядюшку Джоэля на кухне — он пытался выковырять из своей шкуры хотя бы самые крупные куски каменной соли, — накрецко заколотил ставни гвоздями, а потом приволок наверх бульдога и все бочки с дождевой водой, какие мне удалось во дворе.

— Когда они придут, сражаться буду я один, дядюшка Джоэль,— сказал я ему.— А ты следи, когда они попытаются подпалить дом, и сразу заливай огонь водой!

Дядюшка ничего мне не ответил. Он вообще выглядел как-то бледно и пришибленно. Ну да ладно, подумал я, у любого будет такой вид, ежели в одночасье потерять всех своих сыновей. Но ведь с вендеттами, с ними всегда так!

Уже совсем рассвело, когда я выглянул из окна второго этажа и восхликал:

— Ну вот, они и пожаловали! Мой Бог, дядюшка, да с ними самая настоящая армия!

Во главе разношерстной толпы я увидел Клинтонов, а рядом с ними шерифа с его людьми и еще человек сорок—пятьдесят, и по их синякам и изрядно помятому виду я рассудил так, что они наверняка были среди тех подонков, которые так подло напали на меня в каньоне. За ними ехала целая рота кавалеристов из форта, а позади кавалеристов плелось еще сотни три-четыре человек. Зеваки, я так понимаю. Пришли поглазеть на потеху.

Я аккуратно поймал на мушку старика Клинтона, прицелившись в него из того сорок пятого, что я держал в правой руке. Когда я спустил курок, все наши гости попадали лицом в пыль и истощно заваливали, но старик Клинтон даже не подумал вывалиться из седла, а по отдаче своего шестизарядного я сразу же понял: патрон был холостой! Тогда я принялся лихорадочно вытаскивать гильзы из своих револьверов и клянусь вам: все они оказались без пуль! И тут я вдруг заметил, что в толпе, рядом с Клинтонами, как ни в чем не бывало торчат Билл, Джо и Джим Гарфильды!

— Я требую, чтобы ты немедленно сдался! — заревел шериф.

— Отвали подальше или я счас провентилирую твое пузо! — заревел я в ответ, хватая винчестер и свирепо глядя при этом на дядюшку Джоэля. — Не кто иной, как ты, зарядил мои пушки холостыми, когда притворялся, что хочешь их почистить! — обвиняющее ткнул я в него пальцем. — Ты что, рехнулся, старый хрыч? И что делают там, внизу, твои мальчишки?

И тут дядюшку Джоэля вроде как прорвало.

— Да! — дико завопил он. — Да! Да! Да! Это я повытаскивал пули из всех твоих патронов! И это я ускользнул от тебя в ущелье и предупредил отряд самообороны, что ты уже близко! Слышишь ты, проклятый маньяк! Когда вчера я отсыпал те деньги назад старику Клинтону, я попросил его в записке, чтобы они с моим Биллом разработали план, как тебя схватить, и это я умолял его, чтобы он вызвал людей шерифа и отряд самообороны, и это я завел тебя в засаду!

Я тупо смотрел на дядюшку Джоэля, полностью парализованный его ужасными речами. А дядюшка прям-таки бесновался.

— Лично я никогда не хотел никакой войны с Клинтонами! — взвизгнул он наконец. — Это ты втянул меня в эту кошмарную кровавую каплю! Ты представляешь собой ужасную угрозу обществу! А теперь счас же выпусти меня отсюда!

— Вот уж никогда не думал, что мне суждено дожить до того, чтобы услышать такое! — пораженно пролепетал я. — Чтобы купить постыдный мир, ты пошел на то, чтобы предать родного племянника, отдав его, точно невинного агнца, на растерзание этим позорным волкам?! Боже мой! Впрочем, ладно.

Я проделал сюда из Невады немалый путь, чтобы защитить ничем не запятнанную честь нашей семьи, и я сберегу ее любой ценой! Хочешь ты того или нет!

Дядюшка Джоэль глухо застонал и со стуком осел на пол, а снаружи посыпался пронзительный крик старика Клинтона:

— Вперед, ребята! Вперед и кончайте с ним, будь он проклят! Он взорвал мой дом! Он похитил покой моей семьи! Он чуть не до смерти изувечил моего сына!

— Слушай, ты, Елкин-с! — заорал вслед за стариком шериф. — Если ты счас же не выйдешь сюда и чтоб руки держать вверх, мы возьмем этот дом штурмом!

— Плевать я хотел! — заревел я. — Начинайте свой поганый штурм, и я мигом превращу его в такой страшный горный ураган, какого вы тут, в вашей доморощенной Аризоне, отродясь не видывали!

И дабы подчеркнуть всю серьезность сказанного мною, я тут же метким выстрелом сбил с шерифа шляпу. После чего кое-кто из толпы открыл огонь по дому. Но тут поднял руку капитан кавалеристов и крикнул мне:

— Послушай, Элкинс! Я хочу поговорить с тобой! Не стреляй!

Он с очень важным видом подъехал к окну, нахмурившись, посмотрел на меня снизу вверх и сказал:

— Мой мальчик! Подумай сам! Не можешь же ты один сражаться со всей армией Соединенных Штатов!

— Я не твой мальчик! — приди в страшную ярость, заревел я в ответ. — Я — Брекенридж Элкинс, лучший боец, когда-либо спускавшийся на вашу паршивую равнину с гор Гумбольта! Я могу одолеть любо-

го гризли в честном бою! Мне не раз случалось ловить за хвост горного льва! И я успею трижды укусить гремучую змею прежде, чем она собирается меня ужалить! Начинай свой штурм, как только будешь готов, ты, недоделанный годовалый телок с медными пуговками на брюхе! Идите сюда все, и я проверчу не меньше дырочек в ваших голубых мундирах, чем их провертел мой папашка в великой битве у Бизоньего Ручья!

Капитан побагровел, и он закашлялся, и он даже вроде как начал задыхаться, и что-то такое бессвязно залопотал, брызгая слюной во все стороны, и как раз тут появился какой-то старый седобородый хрыч, и он протолкался через толпу и закричал в мою сторону:

— Я есть главный почтмейстер Зуба Пилы! У меня тут срочное заказное письмо для мистера Брекенриджа Элкинса!

Он перебросил записку в открытое окно, а я поймал ее одной рукой, не выпуская из другой винчестер, и распечатал, и начал читать. А старый хрыч тем временем очень спокойно развернулся, снова протолкался через толпу и смылся. И вот что я прочитал:

Дорогой Брекенридж!

До меня дошли о тебе какие-то странные слухи. Какого черта ты торчишь в этом давно затупевшем Зубе Пилы? Ведь тамошние ребята — они никакие нам не родичи. И даже фамилия ихняя пишется совсем иначе: Г-о-р-ф-е-л-ь. А еще того лучше, приезжал бы ты сюда, к нам.

Твой нежно любящий тебя дядюшка,

Джоэль Гарфильд,
Винтовочное Дуло, Аризона.

P.S. А ту семейку, с которой у нас тут вышло что-то вроде вендетты, мы сами давным-давно вышвырнули из нашей местности, но ты все равно приезжай, потому как я сильно хочу с тобой по-видаться, да и все остальные наши родичи — тоже хотят!

Прочитав такое, я тупо воззрился на тело, продолжавшее исторгать приглушенные стоны, лежа на полу.

— Так, значит, ты — вовсе не Джоэль Гарфильд, приехавший сюда из Гвадалупы, штат Техас, в шестьдесят девятом году? — непослушными губами прошептал я.

— Не-а! — злобно ответил мой бывший дядюшка Джоэль. — И никогда им не был! Я — Джозеф Эль Горфель! И я приехал сюда из Канзаса, и тому нету еще и десяти лет!

Тут я просто сошел с ума. Я прямо-таки стал самым настоящим берсерком!

— Выходит, ты попытался извлечь выгоду из моего неведения! — завил я, в отчаянии вышвырнув его винчестер на улицу прямо через оконное стекло. — Ты обманом втянул меня в какую-то ничтожную кухонную свару, заставив выступить на твоей стороне! — проклятый седобородый старый хитрый эмей! Ты попытался наложить свои жадные грязные лапы на простодушного наивного чужестранца! Да за такое тебя застрелить мало!

Услышав мои последние слова, мой бывший дядюшка Джоэль вдруг зашелся в истерике и начал визжать, корчась от приступов поистине ужасного хохота. Но я, возмущенно и презрительно фыркнув, уже отвернулся от него и крикнул в окно тому капитану:

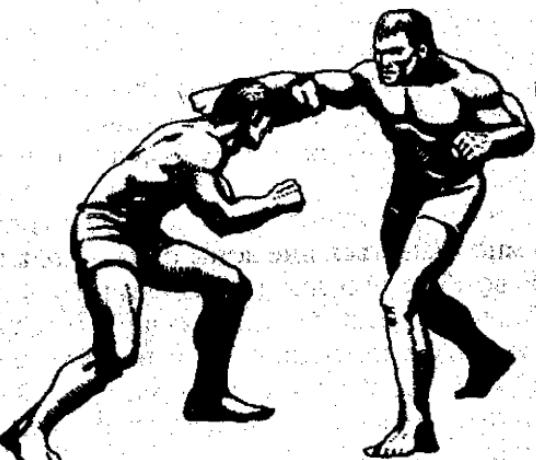
— Ты вроде как велел мне выходить из дома, армия? Отлично! Я выхожу! Лови!

С этими словами я выбросился в окно и, ловко раздвинув ноги, слепнулся верхом на капитанову лошадку, в самый раз позади седла. Бедная тварь захрипела и упала на колени, но мгновенно снова вскочила на ноги и стрелой метнулась прочь от дома. Я нежно обнимал капитана за его голубое пузо, так что солдаты не решались стрелять в меня, опасаясь попасть в своего командира. Мы черной молнией промчались сквозь боевые порядки кавалерии, оставляя позади себя лишь крики и визг поспешно разбегавшегося во все стороны гражданского сословия. А спустя несколько мгновений мы уже были далёко в холмах.

А те люди, которые утверждают, будто я украл капитанскую лошадку — отъявленные лжецы! Потому как несколько позже, ну буквально через год, я прислал ее назад! И то, что я будто бы нарочно швырнул бедного капитана на клумбу с кактусами, стоило мне оказаться вне зоны огня — тоже наглая ложь! Я вообще его никуда не швырял! Я даже не заметил, когда именно он нечаянно вывалился из моих рук. А уж кому-кому, как не ему, следовало бы быть осмотрительней и внимательней следить, куда именно он падает своим глупым голубым пузом вперед!

Одним словом, все, чего я теперь хочу, так это оставаться всю свою жизнь как можно дальше от Зуба Пилы и от этих противных Горфелей. Потому как нету в мире ничего более отвратительного, чем человеческая неблагодарность!

БОЙ БЕЗ ПРАВИЛ

КУЛАЧНЫЙ БОЕЦ

C

амая серьезная стычка произошла между мной и Стариком, когда «Морячка» стояла в доке маленького портового городка на Западном побережье. Кто-то подложил Старику в койку хорька, а он обвинил в этом меня. Я с возмущением отверг такое обвинение и поинтересовался, где бы я мог взять этого хорька. А он ответил, что откуда-то он взялся, потому что вот он, этот хорек. Вдобавок он считал, что из всей

команды только у меня хватило бы совести выкинуть такую шутку.

Это меня разозлило, и я заявил, что Старику следовало бы знать, что я слишком хорошо отношусь к братьям нашим меньшим и не поместил бы даже воночку-скунса рядом с таким животным, как он.

От этих слов Старик так взбесился, что разбил о мою голову бутылку отменного ржаного виски. Я не мог смириться с таким бессмысленным разбазариванием отличной выпивки, схватил старого моржа за грудки и окунул в корыто с водой. С усов Старика капала вода, он был похож на Нептуна, поднявшегося из морской пучины. Сжав кулаки, он заорал:

— Чтоб духу твоего здесь больше не было, Стив Костиган! Если ты когда-нибудь попытаешься подняться на борт «Морячки», я тебя дробью нашпигую, пират бесстыжий!

— Можешь хоть на морского ежа сесть от злости,— усмехнулся я.— Я не поплыу с тобой даже за десять баксов за вахту и пудинг с изюмом в придачу. Все, с морем покончено. Ты напрочь отбил у меня охоту к этому ремеслу. Мне по нраву сухопутная жизнь, ей-богу! Теперь мы с Майком будем добывать себе славу и пропитание на берегу.

И с этими словами мы с моим белым бульдогом важно пошагали прочь, сопровождаемые отборными проклятиями Старика.

Вскоре в поисках развлечений я набрел на цирк, оживлявший городскую окраину громкими криками зазывал. Афиша одного из номеров гласила: «Отважный боец Бинго — чемпион Западного побережья!» Я вошел в до отказа набитый публикой шатер. Посреди ринга стоял туповатого вида малый в трико и, сгибая руки, демонстрировал мускулатуру.

— Джентльмены! — заголосил зазывала, расфуфыренный парень с заколкой для галстука в форме подковки с бриллиантом. — От лица заведения предлагаю пятьдесят долларов любому, кто сможет продержаться четыре раунда против нашего Бинго! Пять минут назад я сделал такое же предложение собравшимся у входа, и один джентльмен согласился на поединок. Но, похоже, он испугался, его нигде не видно. Поэтому я повторяю свое предложение: пятьдесят звонких кругленьких монет любому, кто выстоит против этого Ходячего Ужаса, Огнедышащего Дракона, Человека-Горы с железными кулаками, Отважного Бинго — Грозы Скалистых гор!

Толпа взвыла, и три или четыре парня направились к рингу, должно быть собираясь принять вызов, но я с презрением оттеснил их и крикнул:

— Эти денежки будут мои, дружище!

Я выскочил на ринг, а зазывала спросил:

— Вы понимаете, что заведение не несет ответственности за вашу жизнь и здоровье?

— Кончай эту болтовню и давай сюда перчатки! — прорычал я, стягивая рубашку. — Ну, чемпион, приготовься! Я собью с тебя корону!

Прозвучал гонг, и мы бросились друг на друга. Позади ринга не было обычного брезентового занавеса, из-за которого подручный Бинго мог бы огреть меня дубиной, оказалась я рядом, поэтому я был уверен, что в перчатке моего противника спрятан кастет, причем именно в правой — уж слишком подозрительно болталась его правая рука. Я стал следить за правой Бинго, и, когда он сделал ей выпад вперед, я уклонился, прижался к нему вплотную и тут же провел левый и следом за ним правый хук. Этого бедолаге хватило — бой был закончен.

Толпа одобрительно заревела, а я, выхватив пачку зеленых из рук зазывалы, собрался уходить, но он остановил меня.

— Послушай,— сказал он.— Я узнал тебя. Ты — Моряк Костиган. Не хочешь занять место этого бродяги? Будешь получать хорошее жалованье.

— За то, что буду рихтовать клиентов? — поинтересовался я.

Парень кивнул. Вот так я и начал работать в гигантском цирке и зверином шоу Флэша Ларни.

* * *

Без особых приключений мы объездили с выступлениями все Западное побережье и даже забирались в глубинку. Как правило, уделать меня пытались по большей части уличные драчуны. Это были здоровые сильные парни: фермеры, кузнецы, моряки, портовые грузчики, шахтеры, забойщики скота и вышибалы, но в боксе они ни черта не смыслили. Что ж, приходилось их бить. Частенько я укладывал трех-четырех клиентов за представление.

Мой номер всегда вызывал оживление, потому что зрители обычно были настроены против меня. Толпа всегда настроена против циркового бойца независимо от того, знают зрители его противника или нет. Ну а когда противником выступает какой-нибудь любимец местной публики, тут уж зрители просто впадают в бешенство.

Вы бы слышали, как они приветствуют и подбадривают своего земляка и какие гадости орут в мой адрес. Каким бы тяжелым бой ни оказывался, я всегда находил время, чтобы ответить на «приветствия» публики отборными ругательствами, благо я поднахватался их, пока бороздил моря и океаны. После очередной словесной перепалки разъярен-

ная толпа выплевывала на ринг новых кандидатов в жертвы. Есть бойцы, которые не могут драться в полную силу, когда зрители настроены против них, а я, наоборот, — дерусь еще лучше. Я выхожу из себя и вымешаю свою злость на сопернике.

Если я не выступал на ринге, то помогал устанавливать или сворачивать шатер либо дрался со своими цирковыми коллегами. Заведение Ларни считалось самым крутым на побережье, да оно таким и было на самом деле. Боя, в которых я выступал на ринге, не походили на те, что я устраивал за кулисами.

Я был чемпионом во всех артелях, где работал. И цирк не стал исключением. В первый день я уложил трех носильщиков, укротителя льва и зазывалу и с тех пор дрался почти ежедневно, пока до этих остолопов не дошло, что я среди них лучший.

Постоянные драки сделали меня таким крепким — ни грамма жира, одни стальные мышцы, — что я сам себе удивлялся. Уверен, я бы смог пробежать десять миль на предельной скорости, не запыхавшись. Силач-голландец решил было, что сможет крепко отколошматить меня, но оказался слишком неповоротливым. Как ни странно, самым сложным противником для меня оказался акробат-китаец. Как-то утром мы склестнулись, и нам едва хватило всей цирковой площадки. Ради такого зрелища на час отложили намеченный цирковой парад по улицам. Я был на последнем издыхании, когда наконец уложил этого язычника, но, как всегда, быстро восстановив силы, в тот же вечер вышел на арену и разделал под орех работника с фермы, грузчика и профессионального футболиста.

Майк всегда сидел в моем углу ринга и кусал каждого, кто норовил ударить меня из-под канатов,

а надо сказать, такое частенько случалось, когда боец из толпы начинал валиться с ног. Ларни задумал обрить пса наголо, сделать ему татуировку и выпускать на арену в одном из номеров.

— Пес с татуировкой! — говорил Ларни. — Зритель на это клонет! До этого еще никто не додумался! Представляешь, какая толпа повалит к нам, чтобы взглянуть на него?

— Я представляю, как заеду тебе по роже, — недовольно буркнул я. — Оставь Майка в покое.

— Но надо же сделать его немного представительней, — продолжал Ларни. — Он выглядит грубым и невоспитанным рядом с нашими дрессированными пуделями.

В общем, укротитель львов искупал, расчесал и надушил Майка, надел на него собачью попону с тесемками и позолоченными пряжками, а на огрызок хвоста нацепил бантик. Взглянув на себя в зеркало, Майк в клочья изодрал эту бутафорию и покусал укротителя.

В цирке обитал старый беззубый лев по кличке Освальд, и Майк взял за правило спать в его клетке. Для пса сделали специальный лаз, чтобы он мог свободно входить и выходить, не рискуя выпустить льва. Вокруг этого ерундового факта подняли шумиху. Ларни разрекламировал Майка как пса, живущего бок о бок со львом, и демонстрировал их вместе в одной клетке. Он разглагольствовал о том, какой свирепый зверь этот Освальд и насколько невероятна дружба между врагами от природы. На самом же деле Майк спал в клетке льва, потому что, принимая во внимание почтенный возраст и болезненное состояние хищника, в нее клади больше соломы, а Майк любил мягкую постель.

Ларни опасался, что Майк покусает Освальда, но единственными животными, с которыми не ладил мой пес, были африканский леопард Амир, успевший сожрать уже трех человек, и тигр-людоед Султан. Это были самые злобные твари во всем зверинце, они так и норовили выбраться из клетки и вцепиться в Майка. Но пес их не боялся.

Жилось мне весело. Правда, изредка я немного тосковал по «Морячке» и гадал, как там поживают Билл О'Брайен, Муши Хансен и Рыжий О'Доннел. Но у меня тоже есть гордость, и я бы ни за что не вернулся назад после того, как Старик вышвырнул меня на улицу.

Во всяком случае, пока мне было здесь интересно. С напряжением согнувшись в локтях свои мощные руки и состроив презрительную усмешку, я поднимался на помост перед шатром, а Джо Бимер, сдвинув котелок на затылок, начинал назойливо расхваливать меня перед публикой.

— Моряк Костиган! Человек-кувалда! — орал он во всю глотку.

Ну а я разрывал подковы, гнуя пальцами монеты — в общем показывал обычные фокусы цирковых силачей. Потом Джо, набрав в легкие побольше воздуха, переходил почти на истошный крик:

— Найдется ли в этом славном городке смельчак, который продержится против этого бойца четыре раунда? Попытайтесь счастья, ребята! Он целый день забивал коля и, возможно, устал и ослабел, кхе-кхе-кхе!

Тут из толпы высаживал какой-нибудь здоровяк и заявлял:

— Я готов сразиться с этим, как его там ...

Тогда Джо потирал руки и бормотал себе под нос: «Денежки, скорей ко мне! Я найду вам применение», а во всеуслышание объявлял:

— Прощу сюда, джентльмены! Через дверь и налево. Вход всего десять центов! Вы увидите схватку века! Не толкайтесь, ребята, не толкайтесь!

Обычно шатер был битком набит беснующимися болельщиками местного героя, которые призывали своего любимца размозжить мне башку. Каким бы крохотным городишко ни был, в нем всегда находился драчун с подходящей репутацией.

Как-то мы заглянули в один городок, где как раз вовсю шли состязания по борьбе. Все местные боксеры были заняты, казалось бы, мне сразиться не с кем, как вдруг из толпы вышел какой-то поляк и заявил, что он — чемпион Западного побережья по борьбе (я еще не встречал борца, который не мнил бы себя хоть каким-то чемпионом) и хочет, чтобы я с ним поборолся. Бимер ответил отказом. Толпа запипела, а борец обозвал меня трусом.

Я рассвирепел и сказал ему, что хоть я и не борец, но отвалю ему столько, что будет не унести. Он решил, что легко меня разделает, но ошибся. Я не знаю, как надо бороться по-научному, зато умею драться без правил. В общем, я сломал ему руку и вывихнул плечо. После этого уже никто не предлагал мне побороться.

* * *

Вскоре после того случая мы приехали в шахтерский городок Айронвиль, устроившийся среди холмов штата Невада. По внешнему виду жителей я определил, что здесь желающих сразиться найдется в избытке. И будьте уверены, я не ошибся.

Задолго до начала представления огромная толпа усатых громил в тяжелых башмаках собралась возле палатки для атлетов. Они не проявляли никакого интереса ни к зверям, ни к карликам, ни к акробатам.

Едва Джо начал зазывать публику, как сквозь толпу к нему протиснулся человек, больше похожий на медведя-гризли,— огромный черноволосый верзила с плечами пошире двери и руками наподобие медвежьих лап. По реакции собравшихся я сообразил, что он имеет определенный вес в Айронвиле, и оказался прав.

— Довольно болтогни, приятель,— проревел он словно бык.— Я схлестнусь с этим бродягой!

Джо взглянул на чернобрового гиганта и, похоже, в первый раз за свою карьеру струхнул.

— Кто вы такой? — неуверенно спросил он.

С волчьей усмешкой верзила ответил:

— Кто я? Да я — здешний кузнец! И толпа завыла и завизжала от хохота, будто он сказал что-то очень смешное.

— Что-то тут не так, Стив,— шепнул мне Джо.— Не нравится мне это.

Тут толпа зашипела, засвистела, а верзила нахально сказал:

— Ну, в чем дело? Вы что, парни, трусите?

Я взбесился.

— А ну-ка, заходи в палатку, образина чернорожая! — заревел я.— Я тебе покажу, кто струси! Молчи, Джо. Я никого не боюсь! Да что с тобой?

— Говорю тебе, Стив,— пробормотал Джо, вытирая лоб шейным платком,— я уже где-то видел этого поганого верзилу, и если он — простой кузнец, то я — король богемский!

— Ха-а! — фыркнул я с отвращением.— Когда я с ним разделяюсь, он будет похож на раскатанный коврик. Разве ты хоть грош потерял с тех пор, как я начал выступать? Нет! Так давай начинать!

Сказав это, я вразвалку вошел в шатер и прыгнул на ринг. Толпа плотно окружила арену, громко аплодируя своему любимцу и поливая меня руганью, а я с удовольствием огрызался, ведь в этом деле я — профессионал.

* * *

Джо хотел отвести верзилу в раздевалку, расположенную в углу палатки за занавеской, но тот недовольно фыркнул и стал срывать с себя одежду прямо в проходе, пока не остался в боксерской форме. «Ага,— подумал я,— значит, он пришел сюда специально, чтобы сразиться со мной. Наверное, местный боксер-любитель».

Он взобрался на ринг в сопровождении нескольких человек. Один, высокий, с холеным лицом, был похож на профессионального афериста, и все звали его Брелен. С ним были еще три громилы, вероятно секунданты. Расплощенные носы и прижатые уши говорили об их принадлежности к нашему ремеслу. Вообще-то мне показалось, что для провинциального любителя у верзилы было слишком тщательно подобранные окружение.

— Кто будет судить? — поинтересовался тип с перебитым носом.

— Я,— отозвался Джо.

— Ты будешь в другой раз,— сказал Брелен.— Зрители сами выберут честного судью для моего парня, ясно?

— Это против правил нашего заведения...— начал было Джо, но толпа недовольно запрумела и

двинулась к рингу.— Хорошо, хорошо,— быстренько согласился он.— Я не против.

Брелен гаденько улыбнулся и, повернувшись к толпе, сказал:

— Ну, ребята, кого бы вы хотели выбрать судьей?

— Честного Джима Донована! — заревели зрители и вытолкнули вперед какого-то потрепанного морского волка с самой хитрой физиономией из всех, что мне приходилось видеть. Джо взглянул на него и, схватившись за голову, застонал. Толпа вела себя безобразно, явно нарываясь на неприятности. Джо выглядел не лучшим образом, да и мои секунданты чувствовали себя не в своей тарелке. Хорошо, еще, что, усомнившись в благовоспитанности публики, я до начала представления запер Майка в клетке Освальда. Временами Майк теряет благородство, и, если толпа начинает швырять в меня разные предметы, он запросто может кого-нибудь цапнуть.

— Джентльмены,— заголосил Джо, который, будучи прирожденным зазывалой, не мог остановиться, стоило ему только открыть рот,— сейчас вы станете свидетелями поединка века, в котором Храбрый Кузнец из Айронвилля предпримет попытку выстоять целых четыре раунда против Моряка Костигана, Грозы Морей...

— Ой, да заткнись ты и проваливай с ринга,— грубо оборвал его Брелен.— Начинаем бой!

* * *

Ударили в гонг, и кузнец вылетел из своего угла. Бог мой! Ну и мужик это был, доложу я вам! Ростом шесть футов и один дюйм с четвертью и весом не меньше двухсот десяти фунтов против моих шести

футов и ста девяноста фунтов. Широченная грудь покрыта черной шерстью, руки все в узлах мышц толщиной с хороший канат, ноги как стволы деревьев, тяжелая челюсть выступает вперед, мясистое лицо опытного бойца с горящими из-под густых черных бровей злыми серыми глазами, копна жестких черных волос, нависающая над низким лбом,— в общем, должен сказать, я в жизни не встречал бойца более ужасающего.

Мы набросились друг на друга словно пара разъяренных быков. Хрясь! Из глаз посыпались искры, и я почувствовал, что лечу куда-то, а затем с грохотом рухнул на обе лопатки и ринг подо мной заходил ходуном. Вот это да! Я лежал как распятый, почти ничего не соображая. Толпа улюлюкала, хотела и веселилась кто во что горазд. С тупым изумлением я уставился на черноголового гиганта, нависшего надо мной с гаденькой ухмылкой на губах. И тут меня осенила догадка.

— Черта с два ты кузнец! — заревел я, кидаясь на него.— Есть только один человек, способный так врезать,— Билл Кэйрн!

Я собрался было нанести сокрушительный удар своему противнику, но, даже не успев войти в контакт, вновь оказался на полу. Крики толпы перемешались в моей голове, я поднялся на ноги и с чувством выругался. Айронвиль! Мне следовало сразу догадаться, что это Билл Кэйрн по прозвищу Айронвильский Кузнец — самый крутой костолом в нашем ремесле!

Обезумев от ярости, я бросился на Кэйрна, но тот вновь уложил меня мощнейшим хуком слева. Фонари так и заплясали у меня перед глазами. Я встал на колено, отыкая, пока честный Джим вел отсчет, причем считал он гораздо быстрее, чем

положено. Надо же! Билл Кэйрн! Король нокаута в тяжелом весе. Одержал тридцать или сорок чистых побед подряд, а сам ни разу не был сбит с катушек. Айронвильский Кузнец собирался драться за звание чемпиона, и именно его мне предстояло уложить за четыре раунда! На счет «девять» я поднялся и, нацепившись Кэйрну в физиономию, вошел в клинч. С таким же успехом можно было пытаться побороть медведя-гризли. Хотя, конечно, меня тоже трудно назвать цыпленком. Я вцепился в противника мертвовой хваткой, пока они вместе с рефери пыхтели и крыли меня на все лады, а зрители требовали, чтобы Кэйрн стряхнул меня и прикончил.

— Ах ты крыса балаганная! — прошипел Кэйрн сквозь зубы. — Отцепись, а то башку оторву! Впился как пиявка — как тут покажешь настоящий класс!

— Дешевая болтовня для такой знаменитости, как ты! — огрызнулся я.

— Хочу устроить бесплатное представление для земляков! — заявил Кэйрн с гнусной ухмылкой. — Мне повезло, что ты, болван, зарулел в мой родной городок как раз, когда я приехал погостить.

Я понял его замысел. Он решил поразвлечься — нокаутировать меня шутки ради, а заодно доставить удовольствие друзьям и землякам. Показуха, одним словом! И он, и все эти айронвильские увальни насмеялись надо мной. Ну что ж, — подумал я, скрипя зубами от бешенства, — немало хороших бойцов обломали кулаки об мою железную челюсть!

Я отцепился от Кэйрна и своей правой как кувалдой врезал ему по челюсти. Он уклонился от удара и... бац! Похоже, это был левый хук в голову. Ощущение было такое, будто меня багром согрели. В следующий момент, пока у меня перед глазами

шлывали круги, я почувствовал еще один толчок, похожий на мощное землетрясение.

Вскоре чей-то голос произнес: «Семь!» Я инстинктивно поднялся на ноги и оглянулся в поисках противника. Кэйрна я так и не увидел — должно быть, он стоял сзади, зато я увидел огромную лапу в перчатке, которая треснула меня по уху и при этом едва не снесла голову с плеч. Я очень изящно нырнул, как в воду, основательно пробороздив носом пол. Зрители рыдали от восторга. Потом я услышал что-то похожее на звон бубенчиков и почувствовал, что меня поволокли в угол.

* * *

Нашатырь привел меня в чувство, и я обнаружил, что сижу на своем табурете, а вокруг меня хлопочут секунданты и Джо, у него из виска текла кровь.

— Откуда это? — спросил я заплетающимся языком.

— Какой-то гад треснул меня бутылкой, — ответил Джо. — Они заявляют, что я слишком рано ударили в гонг. Послушай, как орут! Гнусней толпы не встречал.

Публика возмущенно орала, правда время от времени прерываясь, чтобы подбодрить Кэйрна, а он в ответ ухмылялся и кланялся из своего угла ринга.

— Я узнал его, — сказал Джо, — и его менеджера, Эйса Брелена, тоже. Прохиндеи паршивые! У тебя нет шансов, Стив...

В этот момент какой-то болван просунул свою усатую морду меж канатов и, тряся рукой с мотком веревки, проорал в сторону Джо:

— Мы тебя запомнили, крыса! Чтоб больше не было никаких балаганных штучек, понят? Еще раз

выкинешь какой-нибудь фортель, мы тебя вздернем. К тебе это тоже относится, слышишь, горилла ушастая?

— Размечтался! — огрызнулся я, лягнув его от всей души.

Я заехал ему каблуком прямо в челюсть, и он зарылся в первом ряду среди перевернутых стульев и беснующихся зрителей. Он с трудом выбрался оттуда и, разинув окровавленный рот, принялся искать свою пушку в карманах куртки, но тут прозвучал гонг, и мы с Кэйрном вновь накинулись друг на друга.

Я торопился, рассчитывая первым нанести удар, но он опередил меня. Ума у Кэйрна было маловато, зато двигался он, как большая кошка, да и от его ударов мало кто мог устоять на ногах, даже если он не задевал жизненно важные органы. Когда я пытался блокировать его удары, у меня руки немели. Вжик! Его левая со свистом пронеслась впритирку с моей челюстью. Дзынь! Его правая обожгла мне ухо. Увидев просвет среди ударов, я изо всех сил выстрелил правой. Но мои намерения были слишком явными. Он подставил плечо под удар, а левой заехал мне по ребрам. Я выдохнул. Дыхание вырвалось из меня словно реактивная струя.

Я попытался обхватить Кэйрна и войти в клинч, но он отшвырнул меня и правой мощно врезал мне в челюсть. Хрясь! Я почувствовал, что лечу, а затем приземлился на живот. Голова моя торчала из-под канатов, и я таращился стеклянными глазами на воющих в экстазе зрителей. Один из них поднялся с места, шлепнул себя шляпой по ляжке и, вплотную приблизив свою рожу к моей, заорал:

— Ну что, шут балаганный, как тебе это понравилось?

— А вот так! — взревел я, вмазав ему по зубам, и он зарылся носом в опилки.

Заметив, что рефери очень быстро досчитал до девяти, я перекатился на спину и вскочил на ноги. Отбросив всякую технику, я начал яростно мясить соперника в надежде нанести удар.

Но в этой игре хозяином положения был Кэйрн. Секунду-другую он блокировал мои удары, а затем... Бац! — мощнейшим ударом правой в подбородок послал меня на канаты, отлетев от которых я наткнулся на молниеносный удар левой и лицом вниз повалился на помост.

* * *

Толпа выла словно стая волков. Когда заурядный боец падает вот так лицом вниз, это значит, что с ним все кончено. Но меня никто никогда не обзывал заурядным. На счет «девять» я, как всегда, был на ногах, правда слегка покачивался. Кэйрн приблизился ко мне с выражением отвращения на этом лице.

— Да будешь ты лежать или нет? — проскрежетал он и, поиграв левой рукой, нанес правой сокрушительный удар прямо в губы — я рухнул как подкошенный.

— Теперь ему крышка! — услышал я чей-то крик. Очевидно, Кэйрн был того же мнения, потому что он презрительно хмыкнул и направился в свой угол, где его ждал менеджер с халатом наготове. Но я встал на четвереньки и на счет «девять» по привычке поднялся на ноги.

— Вернись, детка! — нетвердым голосом крикнул я и выплюнул кусок зуба. — Какого дьявола, поединок еще не закончен!

Толпа взревела от изумления, а Кэйрн, ругаясь на чем свет стоит, повернулся и бросился на меня

как тигр. Но хотя коленки у меня подгибались, я не рухнул под градом ударов.

— Может, тебе без топора не справиться, паникер? — ухмыльнулся я, пытаясь стряхнуть кровь с ресниц. — У тебя перчатки пухом набиты, что ли?

Кэйрн издал дикий рев, от которого замигали лампы, и нанес мощный удар снизу, послав меня от惦ать на канаты, где меня и настиг удар гонга. Джо с помощниками выудили мое безжизненное тело из паутины канатов и, водрузив на табурет, стали энергично приводить в чувство.

— Оставь ты это, Стив, — настоятельно посоветовал Джо. — Кэйрн убьет тебя.

— Сколько раз я был на полу в этом раунде? — спросил я.

— Почем я знаю, — раздраженно ответил Джо, выжимая кровь из полотенца. — Я не счетная машинка.

— Все равно попытайся вести счет, ладно? — попросил я. — Это важно. Если ты будешь считать нокдауны в каждом раунде, я смогу узнать, сколько сил он потратил.

Джо выронил полотенце, которое собирался выбросить на ринг в знак капитуляции.

— Боже мой! Ты хочешь, чтобы эта бойня продолжалась?

— Он не сможет весь вечер продолжать в том же темпе, — промычал я. — Посмотри, как Брелен выговаривает своему ягненочку!

Эйс весьма красноречиво жестикулировал, а Кэйрн ворчал что-то в ответ и бросал в мою сторону свирепые взгляды, одновременно колотя одной перчаткой о другую, — видимо, представляя себе, что это моя физиономия. По-моему, Брелен объяснял Кэйрну, что наша схватка начинает выходить за

рамки шутки, а мое упрямство может повредить его репутации, поэтому со мной надо побыстрее кончать. «Ха-ха,— мрачно подумал я, вытряхивая кровь из покореженного уха,— посмотрим, как быстро Король Кэйрн сумеет сделать то, что не удалось еще ни одному обладателю железных кулаков».

Когда ударили в гонг, я все еще был как в тумане и из ссадин текла кровь, но для меня это — привычное дело.

* * *

Кэйрн, озверев от того, что меня никак не утихомирить, вылетел из своего угла и нанес мне пушечный удар правой, но я вовремя пригнулся. Его рука прошла чуть выше моей ключицы, но он с такой силой въехал мне плечом в шею, что мы вместе повалились на помост.

Кэйрн, рыча, высвободился из моих объятий и с помощью нашего честнейшего судьи поднялся на ноги, мимоходом ударив меня по лицу. Я тоже встал и в раздражении от постоянного пребывания на полу саданул его левой. Я бы обязательно снес ему башку, если б попал в цель, но везение отвернулось от меня. Я поскользнулся на собственной крови, а мой замах был такой силы, что я с треском налетел на его правый кулак.

Я повис на Кэйрне и прилип к нему, несмотря на мощнейший апперкот, расшатавший мне все нижние зубы.

— Отцепись, бабуин ушастый! — рявкнул он, пыхтя от напряжения.— Насмехаешься надо мной, да? Хочешь меня дураком выставить, да?

— Природа об этом уже позаботилась, танцор доморошенный,—хрипло парировал я.— Любая кра-

сотка может нанести больше увечий пуховкой для пудры, чем ты своими грабельками!

— Ах так! — заорал он и двинул мне со всего размаха в челюсть.

Он вложил в удар всю мощь своего тела. Сделав полный оборот в воздухе и ободрав бок о канаты, я почувствовал, что куда-то проваливаюсь. Шмяк! Хорошо, что, приняв удар на себя, орущая толпа смягчила мое падение, иначе я наверняка свернулся бы себе шею.

Я открыл глаза и где-то очень высоко, как мне показалось, увидел склонившегося надо мной судью, который вел отсчет секунд. Я стал брыкаться и толкаться, пытаясь подняться. Множество рук и даже несколько ног в тяжеленных башмаках подняли меня над толпой болельщиков, я уцепился за канаты и подтянулся.

Меня схватили за ремень, и я услышал голос какого-то парня:

— Ты проиграл, дурак! Дай судье досчитать до конца. Или ты хочешь, чтобы тебя прикончили?

— Пусти! — крикнул я, яростно вырываясь.— Я никогда не проигрываю!

Мне удалось высвободиться, я прополз под канатами и встал на ринге в тот самый момент, когда судья занес руку, чтобы опустить ее на счет «девять». На этот раз Кэйрн не ринулся в атаку, как обычно. Он был мрачен, и я заметил, что по его лицу градом течет пот, а грудь тяжело вздымается.

В толпе кто-то выкрикнул:

— Прекратите бой!

Но большинство зашумело в негодовании:

— Теперь он твой, Билл. Кончай с ним!

Кэйрн примерился и сильно ударил меня по лицу правой. Я отлетел на канаты, верхний из них лоп-

нул, но я устоял на ногах. Кэйрн выругался и замахнулся для нового удара, но в этот момент прозвучал гонг. Он помедлил в нерешительности, но потом все же нанес мне чудовищный удар, от которого я чуть не взлетел в воздух. Толпа радостными воплями приветствовала действия верзилы. Секунданты оттеснили его в сторону и стащили меня с канатов, а Кэйрн презрительно ухмыльнулся и медленно направился в свой угол.

Поддерживаемый секундантами, я сидел на табурете в своем углу и вдруг заметил, как Джо украдкой взял в руки полотенце.

— Положи на место! А то, не дай Бог, выбросишь на ринг! — заревел я, и Джо, заметив недобрый блеск моих полузашпакливших глаз, тут же бросил полотенце, словно это был раскаленный уголь.— Давай сюда нашатырь. Вылейте это ведро воды мне на голову. Пожалуйте меня мокрым полотенцем по загривку. Продержусь еще раунд и сэкономлю пятьдесят баксов!

Ругая меня на все лады, секунданты стали выполнять мои указания, и я почувствовал, что становлюсь сильней и бодрее с каждой секундой. Мои помощники не могли понять, как после такой мощнейшей трепки я способен продолжать бой. Но любой боец, который для достижения победы делает ставку на выносливость, меня поймет.

Благодаря крайне напряженному образу жизни последних недель я был в такой отменной физической форме, что даже атлеты позавидовали бы. Прекрасная форма в сочетании с замечательной способностью быстро восстанавливаться делали меня практически непобедимым. Кэйрн мог исколотить

меня вдоль и поперек, многократно посыпать в нокдаун, доводить до полуубмороочного состояния своими ударами (что он в общем-то и делал), но от этого запас моих жизненных сил и энергии не иссякал. Шататься от пропущенных ударов и быть слабым — это совершенно разные вещи. Кэйрну не удалось измотать меня окончательно. Как только от ледяной воды и нашатыря в голове прояснилось, я снова стал так же силен, как прежде. Во всяком случае почти так же.

К началу четвертого раунда я рвался в бой. У Кэйрна прежнего рвения уже не было. Похоже, он даже устал от своих трудов. Он вышел вперед и хлестко ударили меня в голову левой, но я не упал. Впервые я провел хороший удар и не промахнулся. Бац! Правой я врезал Кэйрну по уху, и его голова качнулась.

С яростным воплем он нанес мне мощный ответный удар, от которого я всего лишь упал на колени, но тотчас поднялся. Айронвильский Кузнец начал выдыхаться! Его удары стали терять былую мощь! От такого открытия я почувствовал прилив свежих сил и бросился вперед, колотя его обеими руками.

Удар левой в лицо поколебал, но не остановил меня, и я тут же нанес ему отличный левый хук под сердце. Он закричал и отступил назад. Я провел серию ударов в голову, у Кэйрна пошла кровь, и он с диким воплем двинул мне в живот правой.

На секунду мне показалось, что сломался позвоночник. Я лежал, скрючившись на полу, и не мог вздохнуть. Подскочил судья и начал отсчет секунд, а я стал искать глазами Кэйрна, ожидая, как обычно, увидеть его рядом с собой, готового нанести удар, едва я встану. Но его рядом не было. Он стоял

у канатов, опираясь на них одной рукой, а другой протирал глаза от пота и крови. Его мощная грудь тяжело вздыхала, мышцы ног дрожали, живот ходил ходуном.

С волчьим оскалом я хватал ртом воздух и за секунду до счета «десять» поднялся. Кэйрн оттолкнулся от канатов и с размаху ударил левой, но я нырнул под удар и правой мощно врезал ему под сердце. Он закачался, как судно в хороший шторм, и я понял, что теперь он мой. В тот последний удар, от которого я свалился на помост, он вложил остатки сил. Я его полностью вымотал, как, впрочем, и многих до него. Главное, ребята, стратегия!

Я бросился на Кэйрна, словно тигр на быка, а вокруг раздавались крики, ругательства и угрозы. Ошарашенные поначалу зрители теперь вскакивали со своих мест, потрясали в воздухе кулаками, крушили стулья и грозили мне лютой смертью и пытками, если я побью их героя. Но я уже вошел в раж. Попробуйте сами сперва выдержать трепку, какую выдержал я, а потом получить шанс расквитаться. Обеими руками я молотил Кэйрна по голове и животу, посыпая его на канаты, с которых он съезжал, словно пьяный.

* * *

Гонг звенел как заведенный. Брелен оглушил судью-хронометристу дубинкой и пытался спасти своего бойца. Рефери тоже цеплялся за меня, пытаясь оттолкнуть в сторону. Но я не обращал на все это внимания. От ударов левой и правой в сердце колени Кэйрна подогнулись, а прямой правый в висок ослепил его. Он покачнулся, а от страшного левого хука в челюсть, в который я вложил всю массу тела, свалился на помост. В этот момент,

разорвав канаты, толпа хлынула на ринг. Я увидел, как Джо пустился наутек, нырнув под стенку палатки с криком:

— Наших бьют!

Затем меня с помощниками окружили. Ко мне потянулись полсотни готовых растерзать рук, полетели башмаки и стулья. Но я увернулся, сорвал перчатки и стал драться как сумасшедший.

Я молотил кулаками словно кувалдами, круша ребра, носы и челюсти, и сквозь суматоху и свалку заметил, как Брелен с помощниками уносят с арены своего поверженного гладиатора. Он так и не шевелился.

Когда разъяренная толпа за счет численного превосходства уже почти свалила меня с ног, в палатку, размахивая кольями и молотками, ворвались группа цирковых грузчиков и рабочих.

Таких потасовок мне еще видеть не доводилось. Боевой клич цирковой команды «Наших бьют!» смешался с кровожадными криками зрителей. Айронвильцев было больше, но мы все же выдали им сполна. За какие-то три секунды ринг разнесли в щепки, а гуща свалки переместилась к стенке палатки и снесла ее.

Засверкали ножи, послышалось даже несколько выстрелов — по правде, я удивился, что никого не убили. Шатер для выступления атлетов был прямо-таки разодран в клочья, а драка с ожесточением продолжалась между другими палатками и будками.

Вдруг раздался дикий крик:

— Пожар!

И все увидели багровое зарево. Загорелся купол главного шатра, а может быть, кто-то специально его поджег. Сильный ветер раздувал огонь, и тот стал быстро перекидываться с палатки на палатку.

Драка мгновенно прекратилась. Поднялась страшная суматоха — все понеслись куда-то с дикими криками, рыдали дети, плакали женщины. Цирковые артисты и служащие бросились вытаскивать клетки и вагончики из зверинца, который уже занимался пламенем. Звери вышли такими голосами, что волосы вставали дыбом. И тут я вспомнил, что запер Майка в клетке Освальда. Я сломя голову бросился туда, как вдруг раздался душераздирающий крик:

— Звери на свободе!

* * *

Все дружно заорали, схватились за головы и бросились бежать, и тут... появились слоны. Трубя, будто настал Судный день, они лавиной пронеслись по вагончикам, клеткам и будкам и с грохотом умчались прочь. Никто так и не узнал, как они оказались на свободе. На пожаре и не такое может случиться. Но, убегая, слоны налетали на клетки, и некоторые из них открывались, выпуская на волю отнюдь не безобидных обитателей.

И вот на людей с ревом понеслись тигр Султан и леопард Амир, оба людоеды. Мимо меня с плачем пробежала группа детей, а за ними по пятам следовал Султан — полосатый дьявол с горящими глазами. Я схватил тяжеленный кол, подпиравший палатку, и встал между тигром и детьми. Зверь с рычанием бросился на меня, растопырив в прыжке все свои когти, а я напряг ноги и встретил его в полете мощным ударом. От этого удара кол разлетелся в щепки, я сам чуть не слетел с ног, но Султан рухнул на землю с разбитым черепом.

Почти в тот же миг жуткий крик толпы заставил меня оглянуться, и я увидел, что на меня несется

Амир, похожий на черную тень с огненными глазами. Зверюга прыгнул, нацелившись мне в горло. У меня не было времени, чтобы предпринять хоть что-нибудь. Он с размаху ударил меня в грудь и, пока я падал, успел скользнуть по мне когтями. В тот же миг я ощутил еще один толчок, от которого зверь отлетел от меня в сторону.

Я кое-как поднялся на ноги и увидел, как нечто белое и приземистое грызет и рвет бездыханное тело большой кошки. Майк снова спас мою драгоценную жизнь. Когда Амир набросился на меня, пес налетел на Амира и одним ударом железных челюстей сломал ему шею. Оказывается, Майк протиснулся сквозь прутья клетки Освальда и отправился на поиски хозяина.

Майк высунул язык и откровенно ухмылялся, виляя обрубком хвоста. Вдруг меня позвал до боли знакомый голос. Оглядевшись по сторонам, я увидел, как из-под обломков одного из вагончиков вылезла знакомая помятая фигура.

— Черт побери! — воскликнул я. — Старик! Что ты делал под этими обломками?

— Я залез под вагончик, чтобы меня не раздавила толпа, — ответил он, ощупывая ноги и проверяя, нет ли переломов. — Идея была неплохой до тех пор, пока на нас не налетели слоны. Ей-богу, если я снова благополучно выйду в море, то больше никогда не стану подвергать себя опасностям, подстерегающим на суще. Это уж точно!

— Ты видел, как я разделал Билла Кэйрна? — спросил я.

— Я ничего не видел, кроме кучки идиотов, — огрызнулся он. — Я появился в самый разгар общей драки. Я не против хорошей потасовки, но, когда к ней в придачу полыхает пожар и носятся дикие

звери, тут я сматываю удочки! И ты тоже хорош! — добавил он укоризненно. — Заставил меня тащиться в такую даль, тюлень ты моржовый! Я приехал аж из Сан-Франциско и думал, что нипочем не разыщу этот проклятый цирк!

— А зачем ты его разыскивал? — хмуро поинтересовался я.

— Стив,— сказал Старик.— Я был несправедлив к тебе! Это мальчишка-стюард подкинул мне в койку хорька, а я узнал об этом, только когда он удрал с судна. Стив, я прошу тебя, как чемпиона «Морячки», давай забудем это недоразумение. Что было, то прошло! Стив, нам не обойтись без твоих железных кулаков. Несколько недель назад в Сиэтле я взял на борт дьявола в человечьем обличье по имени Монахан. Так вот, он сразу же поставил себя главным задирой в носовом кубрике. Из-за нехватки рабочих рук мне даже пришлось зайти во Фриско. Представляешь, Мэт О'Доннел, Муши Хансен и Джек Линч по сей день стонут в койках от его обращения. Он избил и Билла О'Брайена, и Макси Хаймера, и Свена Ларсена. Он грозился повесить меня за усы на моем собственном бушприте! Я не мог уволить его, потому что боялся за свою жизнь. Стив! — Голос Старика задрожал от волнения.— Прошу тебя, прости и забудь! Возвращайся на «Морячку» и в знак вечного людского братства вышиби дух из этого дьявола Монахана прежде, чем он всех нас угробит! Покажи этому чудовищу, кто чемпион на борту!

— Ну что ж,— сказал я.— Мне причитаются кое- какие деньги от Ларни, ну да ладно! Они ему самому понадобятся для ремонта заведения. Монахан из Сиэтла! Ха! Три года назад я разделял его под орех в бильярдной Тони Вителло. Значит, он

называет себя чемпионом «Морячки», да? Ну что ж, когда я скину его избитую тушу на причал, он узнает, кто на судне чемпион. На «Морячке» был, есть и будет только один чемпион — матрос Стив Костиган! Пошли! Все равно сухопутная жизнь не для меня!

ВИКИНГИ В БОКСЕРСКИХ ПЕРЧАТКАХ

Н

е успела наша «Морячка» ошвартоваться в порту Йокогама, как Муши Хансен сбежал на берег, чтобы узнать: не найдется ли для меня подходящего противника в каком-нибудь местном боксерском клубе. Вскоре он вернулся и сообщил:

— Ничего не выйдет, Стив. Сейчас здесь устраивают бои только для скандинавов.

— Это как же тебя понимать? — недоверчиво спросил я.

— Понимаешь, сейчас в Йокогаме стоит китобойная флотилия и охотники на котиков тоже, и вообще, порт набит скандинавами.

— Ну и при чем тут?..

— А при том, что в порту всего один боксерский клуб,— перебил Муши,— и принадлежит он голландцу по фамилии Нейман. Он организовал серию боев на выбывание и, как поговаривают, гребет на этом неплохие деньги. Он выставляет шведов против датчан, понимаешь? А в порту скопились сотни скандинавов, и каждая нация естественно поддерживает своего земляка. Пока впереди датчане. Ты когда-нибудь слышал о Хаконе Торкилсене?

— Еще бы. Правда, в деле я его не видел, но говорят, он — классный боец. Ходит на «Викинг» из Копенгагена, верно?

— Да. «Викинг» стоит в порту. Позапрошлым вечером Хакон нокаутировал в трех раундах Свена Тортвигссена, а сегодня он встречается с Дирком Якобсеном, Готландским Гигантом. Шведы и датчане молотят друг друга на чем свет стоит и делают ставки на последние деньги. Я и сам поставил несколько баксов на Хакона. Так вот, Стив, заявки на участие в поединках принимаются только от скандинавов.

— Вот черт, выходит, я стал жертвой расовых предрассудков? Я на мели, мне нужны деньги. Может, этот Нейман даст мне поучаствовать в отборочном бою? За десять долларов я готов податься с любыми тремя скандинавами одновременно.

— Не-а,— сказал Муши.— Никаких отборочных не будет. Нейман говорит, что зрители слишком горячие, им столько не высидеть. Да-а, это будет зрелице! Кто бы ни выиграл, драка будет крутая...

— Интересный расклад получается,— с горечью сказал я.— Назови мне хоть одно судно, способное сравниться с «Морячкой» по дракам, а она даже не представлена в поединках. У меня есть большое желание пойти туда и разнести весь этот балаган...

В этот момент показался Билл О'Брайен.

— Вот здорово! — заорал он.— Есть шанс срубить немного деньжат!

— Да не таращи ты,— посоветовал я,— расскажи все по порядку.

— Значит, так,— начал Билл.— Иду я по причалу и слушаю, как спорят и ссорятся скандинавы, а деньги у них так и переходят из рук в руки. Я успел посмотреть шесть разборок, как вдруг заговорили, что Дирк Якобсен сломал руку,— целил в спарринг-партнера, а попал в стенку. Ну я побежал в клуб Неймана выяснить, так это или нет, а голландец мечется из угла в угол и волосы на себе рвет. Он сказал, что, независимо от исхода поединка, заплатит лишних сто баксов любому, кто способен составить конкуренцию Торкилсену. Еще он сказал; если отменить бой — скандинавы его повесят. И тут я сообразил, как нам протащить своего бойца с «Морячки» и сорвать куш!

— И кого, по твоему мнению, мы можем выставить? — скептически поинтересовался я.

— Ну, у нас есть Муши,— начал Билл.— Правда, он вырос в Америке, но...

— Ага, у вас есть Муши,— недовольно перебил его Муши Хансен.— Ты прекрасно знаешь, что я никакой не швед! Я датчанин и вовсе не хочу драться с Хаконом. Мало того, я надеюсь, что он снесет башку любому тупоголовому шведу, которого выставят против него.

— Вот она, благодарность,— укоризненно сказал Билл.— Ну как тут башковитому парню, вроде меня, придумать что-то дельное, когда постоянно натыкаешься на сплошное непонимание? Я ночей не сплю, думаю, как сделать жизнь своих друзей лучше, и что получаю в благодарность? Споры! Шутки! Противодействие! Вот что я вам скажу...

— Ладно, не заводись,— сказал я.— У нас еще есть Свен Ларсон — он швед!

— Этот здоровый бык продержится против Хакона не больше пятнадцати секунд,— с мрачным удовлетворением сказал Муши.— Кроме того, Свен в тюрьме. Он погулял по порту полчаса, не больше, и его уже успели арестовать за драку с полицейским.

Какое-то время Билл угрюмо таращился на меня, но вдруг глаза его загорелись.

— Черт! — воскликнул он.— Я придумал! Стив, ты будешь шведом!

— Послушай ты, рыбина тупоголовая,— начал я в бешенстве,— мы с тобой столько лет не дрались, но, ей-богу, я...

— Да ты только вникни,— сказал Билл.— Идея вот в чем: ты в Йокогаме никогда не дрался. Ни Нейман, ни кто-нибудь другой тебя не знают. Мы выдадим тебя за шведа...

— Его? За шведа? — Лицо Муши вытянулось от удивления.

— Ну-у,— неуверенно начал Билл,— я, конечно, допускаю, что он не очень похож на шведа.

— Не очень похож на шведа! — возмутился я.— Ах ты сукин сын...

— Ну хорошо. Совсем не похож на шведа! — с отвращением воскликнул Билл.— Но мы выдадим тебя как шведа. Я думаю, они не смогут доказать,

что это не так. А начнут спорить, мы им мозги вышибем.

Я обдумал это предложение.

— Ну что же, неплохо,— сказал я наконец.— Получим лишнюю сотню баксов, а за возможность подраться я готов прикинуться хоть эскимосом. Так и поступим.

— Отлично! — воскликнул Билл.— Ты говоришь по-шведски?

— Конечно. Вот послушай: Тишимми Тшекссон спрыгнул с феррафочной лестницы, запыф снять сбой пушлат. Какой прышок, Тишимми!

— Очень хорошо! — сказал Билл.— Собирайтесь! Пойдем к Нейману и подпишемся на это дело. Эй, Муши, ты что, не идешь с нами?

— Нет, не иду,— кисло подтвердил Муши.— Я заранее знаю, что этот бой не доставит мне удовольствия. Стив мой приятель, а Хакон — мой земляк. Кто бы ни проиграл, мне от этого мало радости. Надеюсь, будет ничья. Даже смотреть на это зрелище не собираюсь!

* * *

И он ушел, а я сказал Биллу:

— Раз Муши так относится к этой затее, мне она что-то разонравилась.

— Ничего, он отойдет,— успокоил Билл.— Боже мой, Стив, это же деловой вопрос. По-моему, мы не в том положении, чтобы капризничать. Муши переменит свое мнение, как только мы разделим выигрыш на три части и хлебнем чего-нибудь крепенького.

— Ну ладно,— согласился я.— Пошли к Нейману.

Итак, Билл, я и мой белый бульдог Майк отправились к Нейману. Уже в дверях Билл шепнул мне:

— Не забудь говорить по-шведски.

Низенький толстяк — как я понял, это и был Нейман — сидел на стуле и просматривал какой-то список. Время от времени он прикладывался к бутылке, после чего дергал себя за волосы и выдавал такое ругательство, что уши сворачивались в трубочку.

— Ну, Нейман, — весело выпалил Билл, — чем занимаешься?

— Тут у меня список шведов, которым кажется, что они умеют драться, — посетовал Нейман. — Но ни один из пяти секунд не выдержит против Торкильсена. Придется отменять бой.

— Не придется, — обнадежил его Билл. — Тут со мной самый кругой швед Южных морей!

Нейман быстро обернулся и посмотрел на меня. Его глаза зло вспыхнули, и он подскочил как ужаленный.

— Убирайтесь отсюда! — заорал он. — Приперлись и насмехаитесь надо мной в такую минуту! Подходящее время для дурацких шуток...

— Остынь, — примирительно сказал Билл. — Говорю тебе, этот швед может уложить Хакона Торкильсена одной левой.

— Швед! — фыркнул Нейман. — Ты, наверное, считаешь меня полным идиотом, если приводишь сюда этого черноголового ирландского верзилу и болтаешь, будто...

— Ерунда! Никакой он не ирланец, — возмутился Билл. — Ты только посмотри на его голубые глаза!

— Вот я смотрю на них, а на память приходят озера Килларни¹, — огрызнулся Нейман. — Швед? Ха-

¹ Килларни — город и одноименная группа из трех озер на юго-западе Ирландии.

ха! В таком случае Тшон Л. Салливан¹ тоже был шведом. Так, значит, ты швед, да?

— Ну та,— ответил я.— Я есть швейт, мистер!

— Из какой части Швеции? — рявкнул он.

— С Готланда,— ответил я.

— Из Стокгольма,— одновременно со мной выпалил Билл.

Тут мы неприязненно уставились друг на друга.

— Уж скорее из Корка²,— насмешливо сказал Нейман.

— Я есть швейт,— повторил я раздраженно.— Я хотеть драться этот поетинок.

— Проваливайт отсюда! Вы отнимаете у меня время,— заорал Нейман.— Если ты швед, то я — принц индийский!

От такого оскорбительного намека я вышел из себя. Не терплю типов, которые из-за своей подозрительности не верят ближнему. Схватив Неймана за шею железной хваткой, я поднес к его носу здоровенный кулак и заорал:

— Ах ты наглая обезьяна! Говори, швед я или нет?

Он побледнел и задрожал как осиновый лист.

— Ты швед,— согласился он слабым голосом.

— И я буду драться? — рявкнул я.

— Будешь,— сказал он, вытирая лоб цветастым платком.— Скандинавы могут меня вздернуть за это, но, если ты будешь держать язык за зубами, возможно, все обойдется. Как твое имя?

¹ Джон Л. Салливан (1858—1918) — американский боксер, ирландец по происхождению, чемпион мира в тяжелом весе в 1882—1892 годах.

² Корк — город и графство на юге Ирландии.

— Стив... — брякнул я, не подумав, но Билл лягнул меня по голени и поправил:

— Ларс Иварсон.

— Ладно, — пессимистично подытожил Нейман. — Я объявлю всем, что нашел бойца, готового сразиться с Торкилсеном.

— Ну и сколько я... то есть как много я буду получать за это? — поинтересовался я.

— Я гарантировал, что за выступление бойцы получат тысячу баксов, — сказал Нейман. — Из них семьсот — победитель и триста — проигравший.

— Дай мне долю проигравшего прямо сейчас, — предложил я, — и я буду выходить на бой и победить его, не сомневайся.

Он так и сделал, посоветовав при этом:

— Ты лучше не высовывайся на улицу, а то кто-нибудь из соотечественников поинтересуется, как поживают родственники в добром старом Стокгольме.

Сказав это, Нейман разразился хриплым отвратительным смехом и захлопнул за нами дверь. Когда мы уходили, из-за двери еще некоторое время слышались стонания, как будто у него здорово разболелся живот.

— Покаже, он так и не поверил, что я швед, — заметил я возмущенно.

— Какая разница? — ответил Билл. — Поединок нам обеспечен. Но он прав — ты не мозоль тут глаза, а я пойду сделаю ставки. Нам ничего не грозит, пока ты помалкиваешь. Но если ты начнешь слоняться по порту, какой-нибудь скандинав заговорит с тобой по-шведски, и нам крышка!

— Ладно, — сказал я. — Я сниму себе комнату в гостинице для моряков на Манчжу-роуд. Буду торчать там до самого начала поединка.

Итак, Билл отправился делать ставки, а мы с Майком пошли закоулками искать гостиницу. Когда мы поворачивали из переулка на Манчжу-роуд, из-за угла вылетел какой-то человек и грохнулся на землю, споткнувшись о Майка, который просто не успел отскочить в сторону.

Парень с гневными криками поднялся на ноги. Это был светловолосый верзила, совсем непохожий на моряка. Он занес ногу, чтобы ударить Майка, как будто пес был виноват в случившемся. Но я помешал, сильно ударив его по голени.

— Остынь, приятель,— проворчал я, пока он прыгал на одной ноге, держась за голень.— Майк не виноват, что ты упал, и бить его не за что. И потом он бы отгрыз тебе ногу, если б ты его уда...

Вместо того чтобы успокоиться, верзила дико заорал и врезал мне в челюсть. Сообразив, что он — один из тех уродов, что не поддаются убеждению, я вмазал ему правой, послав в канаву собирать несуществующие фиалки.

Я продолжил свой путь в гостиницу и вскоре начисто забыл об этом происшествии. Подобные пустяковые стычки происходят со мной довольно часто, и я не держу их подолгу в голове. Но как оказалось впоследствии, эту встречу мне стоило запомнить. Я снял комнату и просидел взаперти до тех пор, пока не пришел Билл. Он, сияя, влетел в номер и сообщил, что команда «Морячки» поставила на меня все деньги, которые только удалось занять под сумасшедшие проценты.

— Если ты проиграешь,— сказал он,— большинство из нас вернется на судно без штанов.

— Я? Проиграю? Не болтай чепухи. А где Старик?

— А-а, я видел его не так давно в дешевой забегаловке «Лиловая кошка», — сказал Билл. — Он был под хорошим градусом и о чем-то спорил со старым капитаном Гидом Джессапом. Он обязательно придет посмотреть на поединок. Я ничего ему не говорил, но он наверняка придет.

— Вероятнее всего, его загребут в тюрьгу за драку со стариной Гидом, — предположил я. — Они ненавидят друг друга как две гадюки. Ну да это его личное дело. Хотя хотелось бы, чтобы он посмотрел, как я буду разделять Торкилсена. Я слышал, как он нахваливал этого скандинава. Вроде бы Старик видел его в драке.

— Ну, скоро начало, — объявил Билл. — Надо идти. Пройдем боковыми улицами и проберемся в клуб с заднего входа. Тогда болельщики-шведы не смогут прицепиться к тебе с разговорами и сообразить, что ты — американский ирландец, а никакой не скандинав. Пошли!

В сопровождении трех шведов — членов команды «Морячки», сохранивших верность своему судну и товарищам, — мы отправились в путь. Мы тихо прокрались боковыми улочками и, прошмыгнув в клуб с черного хода, тут же натолкнулись на взмокшего от волнения Неймана, который поведал нам, что ему осточертело отгонять от нашей раздевалки болельщиков-шведов.

По его словам, толпа этих самых болельщиков стремилась попасть в раздевалку и пожать руку Ларсу Иварсону перед тем, как он выйдет на ринг, чтобы отстоять доброе имя Швеции. Еще он сказал, что Хакон вот-вот отправится на ринг и нам надо поторопливаться.

Мы быстро пошли вперед по проходу. Публика с таким увлечением приветствовала Хакона, что, пока я не вышел на ринг, на нас никто не обратил внимания. Оглядевшись, я заметил, что зал набит до отказа — повсюду сидели и стояли скандинавы, а некоторые упрямо пытались протолкнуться внутрь, хотя свободного пространства уже просто не было. Никогда бы не подумал, что в южных морях водится столько скандинавов. Здоровенные блондинистые парни — датчане, норвежцы и шведы — орали от возбуждения, как быки. Похоже, вечер предстоял бурный.

Я сидел в своем углу, а Нейман ходил вокруг ринга, кланяясь и улыбаясь публике. Время от времени он бросал взгляд в мою сторону, заметно вздрагивал при этом и вытирая лоб платком. Между тем какой-то здоровый капитан-швед выступал в роли зазывалы. Он что-то оживленно рассказывал басом, а публика отвечала возгласами на непонятных языках. Я обратился за помощью к одному из шведов с «Морячки», и он стал шепотом переводить, делая вид, что зашифровывает мне перчатки.

Вот что говорил зазывала:

— В предстоящей славной битве за первенство представлена вся Скандинавия! Это событие как бы переносит нас во времена викингов. Это скандинавское зрелище для скандинавских мореходов! Все участники состязания — скандинавы. Всем вам известен Хакон Торкилсен — гордость Дании!

При этих словах все присутствующие в зале датчане восторженно закричали.

— Я не знаком с Ларсом Иварсоном, но тот факт, что он — сын Швеции, говорит сам за себя. Он способен составить достойную конкуренцию славному сыну Дании!

Теперь настала очередь ликовать шведам.

— А сейчас представляю рефери — Йона Ярсена, Норвегия! Этот поединок наше семейное дело. Помните, кому бы ни досталась победа, она принесет славу Скандинавии!

Затем он повернулся и, указав рукой в противоположный от меня угол ринга, прокричал:

— Хакон Торкилсен, Дания!

Датчане снова завопили что есть мочи, а Билл О'Брайен прошептал мне в ухо:

— Когда тебя будут представлять, не забудь сказать: «Это есть самый счастливый момент моей жизни!» Акцент убедит их, что ты швед.

Обернувшись и увидев меня в первый раз, зазывала резко вздрогнул и заморгал, но затем взял себя в руки и, заикаясь, объявил:

— Ларс Иварсон, Швеция!

Скинув халат, я встал, и зрители изумленно вздохнули, будто их громом поразило или что-то в этом роде. На какое-то время воцарилась гнетущая тишина, но потом мои приятели-шведы из команды «Морячки» начали аплодировать, к ним присоединились другие шведы и норвежцы, и, как это обычно бывает с людьми, аплодисменты постепенно переросли в овацию.

Я трижды начинал свою речь, и трижды меня заглушали аплодисменты, но очень скоро терпение мое кончилось.

— Заткнитесь, салаги! — рявкнул я, и все мгновенно замолчали, разинув рты от удивления. Угрожающе оскалившись, я добавил: — Это есть самый счастливый момент моей жизни, клинусь громом!

Изумленные зрители захлопали без особого энтузиазма, а рефери жестом пригласил нас пройти в центр ринга. И вот, когда мы сошлись лицом к лицу,

у меня отвисла челюсть, а рефери воскликнул: «Ага!», словно гиена, заметившая попавшее в капкан животное. Судьей матча оказался тот самый здоровенный болван, которого я отдубасил в переулке!

Не обращая особого внимания на Хакона, я с опаской уставился на рефери, бубнившего указания на каком-то скандинавском языке. Хакон утвердительно кивнул и ответил что-то на том же языке. Рефери свирепо взглянул на меня и буркнул что-то, в ответ я тоже кивнул и рявкнул: «И-а-а!», как будто понял его слова, и отвернулся в свой угол.

Он шагнул ко мне и схватил за перчатки. Сделав вид, что осматривает их, он прошипел так тихо, что не услышали даже мои секунданты:

— Ты никакой не швед! Я знаю тебя. Ты назвал свою собаку «Майк». В южных морях есть только один белый бульдог с такой кличкой! Ты — Стив Костиган с «Морячки».

— Не говори никому,— нервно прошептал я.

— Ха! — ответил он со злостью.— Теперь я тебе отомщу. Давай начинай бой. А когда он закончится, я объявлю, что ты самозванец! Эти парни вздернут тебя на стропилах!

— Ну и зачем тебе это нужно? — прошептал я.— Держи это в тайне, и я отмусолю тебе пятьдесят баксов после матча.

— Ха! — Он презрительно фыркнул в ответ на мое предложение и, указав на синяк под глазом, полученный от меня в подарок, запагал в центр ринга.

— Что сказал тебе этот норвежец? — спросил Билл О'Брайен.

Я не ответил ему, потому что слегка растерялся. Взглянув на толпу зрителей, я признался самому

себе, что упомянутая рефери перспектива мне совсем не нравится. Я не сомневался, что скандинавы озверят, узнав, что какой-то чужак выдает себя за одного из них, и понимал, что возможности мои не беспредельны. В смертельной схватке даже Стив Костиган способен одолеть только ограниченное число человек. Но тут прозвучал гонг, и я забыл обо всем, кроме предстоящего поединка.

Я впервые посмотрел на Хакона Торкилсена и понял, чем он заслужил такую репутацию. Это был не человек, а пантера: высокий, худощавый, прекрасно сложенный молодой боец с гривой соломенных волос и холодными стальными глазами. В сравнении с моими шестью футами он был ростом шесть футов один дюйм и весил сто восемьдесят пять фунтов против моих ста девяноста. Хакон был в прекрасной физической форме, а когда двигался, его упругие мышцы перекатывались под белой кожей. Мои черные волосы сильно контрастировали с его золотистой гривой.

Он налетел на меня и нанес левый хук в голову, а я ответил ударом справа по корпусу, заставив его выпрямиться в полный рост. Однако торс Хакона был защищен панцирем из стальных мышц, и даже такому бойцу, как я, предстояло немало потрудиться, чтобы пробить брешь в его обороне.

Хакон был снайпером, поэтому начал наносить мне быстрые прямые удары левой. Поначалу так поступают все мои соперники — думают, что я со-сунок и меня можно подловить на ударе левой. Но очень скоро им приходится отказаться от атаки такого рода. Я не обращаю внимания на легкие удары слева. И на этот раз я прошел сквозь шквал таких ударов и нанес Хакону мощнейший удар под сердце, от которого он издал удивленный стон.

Отбросив свою прежнюю тактику, датчанин стал молотить меня обеими руками, и, должен заметить, кулаки у него были отнюдь не пуховыми!

Мне нравятся такие схватки. Хакон стоял прямо передо мной, нанося и принимая удары, и мне не нужно было гоняться за ним по всему рингу, как это бывало со многими моими противниками. Он осыпал меня ударами, но мне по душе такой стиль, и я, улыбаясь во весь рот, стал лупить его по корпусу и по голове. Удар гонга застал нас за обменом ударами в центре ринга.

Толпа оглушительными приветствиями проводила каждого из нас в свой угол, но от одного вида нашего рефери Ярссена, который недобро уставился на меня и при этом загадочно указывал на синяк под глазом, улыбка мгновенно слетела с моих губ.

Я решил как можно быстрее разделаться с Торкилсеном и прорваться сквозь толпу зрителей, прежде чем Ярссен успеет раскрыть мою роковую тайну. Только я собрался рассказать обо всем Биллу, как кто-то дернул меня за ногу. Я глянул вниз и увидел изумленную усатую физиономию Старика.

— Стив! — жалобно заныл он.— Я попал в жуткую переделку!

Билл О'Брайен подскочил так, словно его ногом пынули.

— Нечего орать «Стив» на весь зал! — прошипел он.— Хочешь, чтобы толпа нас придушила?

— Я попал в жуткую переделку! — запричитал Старик, заламывая руки.— Если ты мне не поможешь, я — конченый человек!

— Да в чем дело? — удивленно спросил я, перегнувшись через канаты.

— Во всем виноват Гид Джессап, — простонал он.— Этот гад напоил меня и втянул в спор. Он

знает, что я ничего не соображаю, когда напьюсь, и обманом заставил сделать ставку на Торкилсена. Я же не знал, что ты тоже будешь драться...

— Что ж,— сказал я,— это конечно неприятно, но ты всего лишь проиграешь пари.

— Но я не могу! — завопил он.

Бум! Раздался удар гонга, и я вылетел из своего угла ринга, а Хакон из своего.

— Я не могу проиграть! — крикнул Старик, перекрывая шум толпы.— Я поставил на кон «Морячку»!

— Что-о? — заорал я, на мгновение забыв, где нахожусь.

Бац! Хакон едва не снес мне башку размашистым ударом справа. Дико взвыв, я сильным ударом раскровянил ему физиономию, и мы стали от души молотить друг друга обеими руками.

Этот датчанин был крепким парнем! Он, не моргнув, держал такие удары, от которых другие на его месте давно запатались бы, и смело шел на встречу новым. Но перед самым ударом гонга я застиг его врасплох и молниеносным хуком слева послал на канаты. Шведы вскочили со своих мест и завопили как львы.

Я сел на табурет в своем углу и взглянул на Старика. Тот аж пританцовывал от волнения.

— Так что это значит — «поставил на кон «Морячку»? — требовательно спросил я.

— Очухавшись, я узнал, что поставил свое судно против «Черного короля», паршивого корыта Джессапа, которое, по слухам, признано морским регистром непригодным и пойдет ко дну, как только выйдет из порта,— проскулил Старик.— Он под-

ло обманул меня! Я был невменяемым, когда заключал это пари!

— Тогда не плати! — проворчал я.— Джессап — подлец! — Он показал мне бумагу, которую я подписал спяну, — застонал Старик.— Контракт, подтверждающий наше пари! Если бы не это, я бы ни за что не заплатил. А теперь, если я не заплачу, он будет во всех портах всех морей показывать этот контракт и обзывать меня обманщиком. Ты должен проиграть!

— Вот здорово! — воскликнул я, выходя из себя.— Это чертовщина какая-то...

Бум! Снова зазвенел гонг. Я вышел на ринг расстроенный, думая совсем о другом. Хакон налетел на меня и прижал к канатам, где я наконец очухался и отбил атаку. Но у меня в ушах все еще звучали стенания Старика, поэтому я не смог воспользоваться своим преимуществом, и Хакон накинулся на меня с новыми силами.

Датчане взвыли от восторга, когда он стал гонять меня по рингу, осыпая ударами. Однако его удары не причиняли мне никакого вреда, так как я успел закрыться руками. Перед самым ударом гонга я неожиданно вышел из защиты и провел сильнейший левый хук в голову, от которого мой противник зашатался на ногах.

Рефери злорадно взглянул на меня и снова показал на свой подбитый глаз, а я, сжав зубы, едва сдержался, чтобы не уложить его одним ударом. Усевшись на свой табурет, я принялся выслушивать жалобные причитания Старика, которые с каждой минутой становились все невыносимее.

— Ты должен проиграть! — вопил он.— Если Торкилсен не выиграет бой, я разорен! Если бы спор был честным, я бы расплатился, сам знаешь. Но меня надули и хотят обокрасть! Посмотри, вон

эта скотина машет в мою сторону проклятой бумагой! Это выше человеческих сил! От такого любой запьет! Ты просто должен проиграть!

— Но ребята ставили на меня последние рубашки! — возмутился я.— Я не умею сдаваться! Я никогда нарочно не проигрывал поединок! Даже не знаю, как это делается ...

— Вот она, благодарность! — завопил Стариk и расплакался.— После всего, что я для тебя сделал! Не знал я, что пригрел змею на своей груди! Мне светит приют для нищих, а ты...

— Да помолчи ты, старый конь морской! — сказал Билл.— У Стива, то есть Ларса, и так проблем хватает, а тут еще ты воешь и ноешь, как маньяк какой-то. Эти скандинавы могут что-нибудь заподозрить, если вы будете долго болтать по-английски! Не обращай на него внимания, Стив, то есть Ларс. Сделай этого датчанина!

Опять прозвучал гонг, и я, раздираемый противоречивыми чувствами и едва не впав в отчаяние, вышел продолжать бой. Это самое опасное состояние, особенно когда выходишь против такого бойца, как Хакон Торкилсен. Я услышал предостерегающий крик болельщиков-шведов и не успел ничего сообразить, как у меня из глаз посыпались искры. Через некоторое время до меня дошло, что я лежу на ринге. Чтобы выяснить, сколько мне еще отдохнуть, я стал прислушиваться к голосу судьи, ведущего отсчет секунд.

Поверх криков публики я различил чей-то монотонный голос, но смысл слов до меня не доходил. Я потряс головой, и мой взгляд прояснился. Надо мной, поднимая и опуская руку, стоял Йон Ярссен, однако я не понимал ни единого слова. Он вел отсчет по-шведски!

Не рискуя залеживаться лишнюю секунду, я вскочил на ноги прежде, чем в голове перестало звеньять, и тут же словно тайфун на меня налетел Хакон — ему не терпелось меня прикончить.

Но я уже был вне себя от ярости и успел начисто забыть и о Старице, и о его дурацком пари. Я встретил противника таким хуком слева, что у него чуть башка не слетела с плеч. Шведы завыли от восторга. Я пошел в наступление и заработал обеими руками, стараясь попасть Хакону в сердце и сбить дыхание. Мы провели быстрый обмен ударами в ближнем бою, и внезапно Хакон упал. Правда, он скорей поскользнулся, чем упал от удара, но он был не глуп и стал дожидаться конца отсчета, отдыхая на одном колене.

Я стал следить за движением руки судьи, стараясь запомнить, как приносятся на незнакомом языке числительные, однако Ярссен вел отсчет не на том языке, на котором считал секунды мне! Потом до меня дошло: мне он считал на шведском, а Хакону — на датском. Эти языки очень схожи, но для меня, не знающего ни одного слова ни на том, ни на другом, их отличий вполне хватило, чтобы вконец запутаться. Тут я понял, что мне предстоит веселенький вечерок.

На счет «девять» (я сосчитал взмахи судейской руки) Хакон вскочил и накинулся на меня как бешеный. Я отбивался вполсилы, а шведы издавали возгласы удивления по поводу перемены, произшедшей со мной после стремительного первого раунда.

* * *

Я не раз говорил, что боец не может драться в полную силу, если его мысли заняты чем-то дру-

гим. Передо мной стояла занятная задачка, о решении которой стоило побеспокоиться. Если прекратить бой, то я окажусь распоследним трусом и буду презирать себя до конца жизни, а мои друзья по судну потеряют последние деньги, впрочем, как и шведы, что поставили на меня и болели за меня, как за родного брата. Я не мог предать их. С другой стороны, в случае моей победы Стариk потеряет судно, в котором заключено все его состояние и которое он любит, как родную дочь. Эта потеря разобьёт ему сердце и сделает его нищим. Вдобавок ко всему, независимо от исхода матча, этот негодяй Ярссен собирался объявить зрителям, что я никакой не швед. Всякий раз, когда мы входили в клинч, я бросал взгляд на Ярссена, и тот многозначительно прикасался к синяку под глазом. Я пребывал в самом мрачном настроении и ужасно хотел испариться или что-нибудь в этом роде.

Когда в перерыве между раундами я снова оказался на своем табурете, Стариk опять стал упрашивать меня поддаться, а Билл с помощниками требовали, чтобы я встряхнулся и прикончил Торкилсена. Мне казалось, что я сойду с ума.

Четвертый раунд я начал неторопливо, и Хакон, решив, что я растратил боевой дух (если он вообще у меня был), нанес мне три быстрых безответных удара по лицу.

Я вынудил его войти в клинч, напоминавший медвежьи объятия, из которых ему было никак не вырваться. И вот пока мы напряженно обменивались ударами, Торкилсен выплюнул мне в лицо какие-то слова. Понять их я не мог, но по интонации уловил общий смысл. Он обозвал меня трусом! Меня, Стива Костигана, грозу всех морей!

С диким воплем я вышел из клинча и нанес Хакону смертельный удар правой в челюсть, от которого он едва не рухнул. Прежде чем мой противник успел обрести равновесие, я набросился на него и стал молотить как безумный, забыв обо всем на свете и помня лишь одно: я — Стив Костиган, лучший боец с самого крутого из всех судов!

Мощно работая обеими руками, я оттеснил датчанина на край ринга и прижал к канатам. Хакон пригнулся голову и ушел в защиту, поэтому мои удары главным образом попадали ему по локтям и перчаткам, а зрители, наверно, думали, что я избиваю его до смерти. Внезапно сквозь гул толпы до меня долетел голос Старика:

— Стив, ради Бога угомонись! Я пойду с протянутой рукой, и ты будешь в этом виноват!

Эти слова вывели меня из равновесия. Я непроизвольно опустил руки и немного отступил назад. Хакон тут же воспользовался этим и, мгновенно выйдя из защиты, набросился на меня с горящими глазами и со страшной силой врезал справа по челюсти.

Бац! Я опять оказался на полу, а рефери, склонившись надо мной, снова стал считать по-шведски. Я решил не дожидаться конца отсчета и встал на ноги. Хакон тут же накинулся на меня, но я повис на нем, и ему удалось вырваться только с помощью рефери.

Датчанин яростной атакой прижал меня к канатам, но в таком положении я всегда бываю особенно опасен — в этом убедились многие классные бойцы, пришедшие в сознание только в

раздевалке. Едва я почувствовал спиной грубые волокна канатов, как ошарашил противника резким правым апперкотом, от которого его голова откинулась назад чуть ли не до лопаток. На этот раз ему пришлось войти в спасительный клинч и повиснуть на мне.

Глядя поверх плеча соперника на море белокурых голов и орущих лиц, я различил знакомые фигуры. По одну сторону ринга, ближе к моему углу, стоял Старик и пританцовывал как на раскаленной сковородке, смахивая пьяные слезы и держая себя за бакенбарды. По другую сторону стоял худой старый моряк с бегающими глазками и весь лоснился от удовольствия, размахивая какой-то бумажкой. Капитан Гид Джессап, старый негодник! Он знал, что по пьянке Старик способен поставить на спор все что угодно, даже «Морячку» — прекраснейшее из судов, когда-либо огибавших мыс Горн. И это против «Черного короля» — ржавой посудины, которая гроша ломаного не стоит. А совсем рядом со мной рефери Ярссен пытался расцепить нас с датчанином и одновременно нежно шептал мне в ухо:

— Лучше позволь Хакону отправить тебя в нокаут. Тогда не почувствуешь, что будет делать с тобой толпа, когда я скажу, кто ты такой!

Оказавшись на своем стуле, я уткнулся лицом в шею Майка и не стал слушать ни слезные просьбы Старика, ни языческие вопли Билла О'Брайена. Это был не бой, а сущий кошмар! Мне даже захотелось, чтоб Хакон вышиб мне мозги и положил конец моим тревогам.

На пятый раунд я вышел как человек, собравшийся присутствовать на собственных похоронах. Хакон был явно озадачен, да и кто бы не растерялся

на его месте? Перед ним был противник, то есть я, который дрался как бы урывками: яростно шел в атаку, когда казалось, что ему вот-вот наступит конец, и вяло наносил удары, когда победа вроде бы была на его стороне.

Он пошел на сближение и, со всей силы заехав мне в живот, мощнейшим ударом правой сбил меня с ног. Я в бешенстве поднялся и с размаху уложил Хакона на помост. Такого он от меня явно не ожидал. Зрители повскакивали со своих мест, а судья засуетился и, наклонившись к датчанину, стал вести отсчет.

Хакон вскочил на ноги и отбросил меня на канаты. Я с трудом выпутался из них, но тут же поскользнулся на пятне собственной крови, и к явному неудовольствию болельщиков-шведов, вновь оказался на полу.

Я огляделся, услышал вопли Старика, умолявшего меня не вставать, и увидел капитана Джессапа, размахивавшего своим гнусным контрактом. Еще плохо соображая, что делаю, я поднялся и тут же — бац! Хакон заехал мне по уху боковым ударом ураганной силы, и я растянулся на полу, наполовину скатившись под канаты.

Ошатело таращась на публику, я обнаружил, что смотрю прямо в выпученные глаза старины Гида Джессапа, стоявшего вплотную к рингу. Видимо, парализованный самой мыслью о возможном проигрыше в споре, он, разинув рот, тупо уставился на меня, лежащего на полу, а в его поднятой руке по-прежнему был зажат злополучный контракт.

Для меня думать — значит действовать! Одним взмахом своей облаченной в перчатку лапы я вырвал контракт из руки Джессапа. Он вскрикнул от

удивления и метнулся вслед за бумагой, по пояс просунувшись сквозь канаты. Я откатился в сторону и, запихнув контракт в рот, стал очень быстро его жевать. Капитан Джессап схватил меня за волосы одной рукой, а другой попытался выдернуть контракт из моей пасти, однако, кроме сильно покусанного пальца, он не получил ничего.

Потерпев неудачу, он отпустил мои волосы и начал вопить, что есть сил:

— Верни мой документ, людоед проклятый! Он сожрал мой контракт! Я на тебя в суд подам...

Обалдевший от удивления рефери перестал считать, а не понимающая сути происходящего публика подняла шум. Джессап попытался проползти под канатами, но Ярссен что-то крикнул ему и ногой оттолкнул назад. Крича «караул», старики снова пополз на ринг, и тут какой-то здоровенный швед, очевидно решив, что Джессап хочет на меня напасть, одним ударом пудового кулака успокоил его.

• • •

Я поднялся на ноги с набитым бумагой ртом, и Хакон незамедлительно врезал мне снизу в подбородок, вложив в этот удар всю массу тела. Не дай Бог, чтобы вам врезали по челюсти, когда вы что-нибудь жуете! Мне показалось, что у меня переломаны все зубы, да и челюсть тоже. Плохо соображая, я откатился на канаты и стал жевать быстрее.

Бац! Хакон треснул мне по уху.

— Ам! — сказал я.

Бум! Он заехал мне в глаз.

— Ам-ам! — отозвался я.

Шлеп! Удар в живот.

— А-ах! — вырвалось у меня. Ба-бах! Он врезал мне сбоку по голове.

— А-а-ам! — Я проглотил остатки контракта и с диким блеском в глазах бросился на датчанина.

Я двинул ему левой в живот, да так, что моя рука вошла в его брюхо почти по локоть, а оглушительный удар правой чуть не снес ему голову с плеч. Он даже не успел сообразить, что произошло, видимо, думал, что я уже готов. А я был сильней, чем прежде, и рвался в бой!

Быстро собравшись с силами, противник охотно принял вызов, и мы погрузились в вихрь прямых и боковых ударов, пока все вокруг нас не закружилось словно карусель. Ни один из нас не расслышал удара гонга, и секундантам пришлось растаскивать нас и разводить по углам.

— Стив.— Это Старик дернул меня за ногу, плача от благодарности.— Я все видел! У этого старого хорька больше нет надо мной власти. Он не сможет доказать, что я заключал это пари. Ты образованный человек и настоящий джентльмен, в тебе есть врожденное благородство! Ты спас Морячку!

— Пусть это будет для тебя уроком! — сказал я, выплевывая кусочек контракта вместе со сгустками крови.— Играть в азартные игры грешно. Билл, у меня в кармане лежат часы. Возьми их и сделай ставку на то, что я уложу этого скандинава за три раунда.

На шестой раунд я вылетел как тайфун. «Пускай после матча, когда Ярссен все расскажет, меня побьет толпа,— думал я,— зато сейчас я отведу душу».

Наконец-то я встретил соперника, который не только хотел, но и был способен противостоять

мне и бились почти на равных. Хакон был гибок как пантера и крепок как пружинная сталь. Он обыгрывал меня в скорости и почти не уступал мне в силе удара. Мы бились в центре ринга, отдавая схватке все силы.

Сквозь багровый туман я видел, что глаза Хакона горят неземным огнем. В нем пробудилось неистовство его предков, викингов, а меня охватило безумие битвы, свойственное ирландским воинам, — мы бросались друг на друга как тигры.

Лихорадочно мелькали перчатки, звук мощных ударов по корпусу был слышен даже в дальних уголках зала, а от сильных ударов в голову брызги крови разлетались по всему рингу. За каждым ударом чувствовалась мощь динамита и жажда крови! Это было испытание на выносливость. С ударом гонга нас пришлось силой разнимать и растаскивать по углам, но в следующем раунде мы продолжили схватку в том же духе, будто нас и не прерывали. Мы осыпали друг друга шквалом молниеносных ударов, то поскользываясь на собственной крови, то падая на пол от мощнейших ударов противника.

Публика безумствовала, издавая лишь нечленораздельные крики. Наш рефери был удивлен и сбит с толку. Он вел отсчет то по-датски, то по-шведски, то по-норвежски, сбиваясь с одного языка на другой. И вот, когда в очередной раз я оказался на полу, Хакон, тяжело дыша, покачивался, держась за канаты, а Ярссен в недоумении стал отсчитывать мне секунды. Сквозь наплывающий дурман я узнал язык. Судья считал по-испански!

— Ты никакой не норвежец! — выдавил я, уставившись на него мутным взглядом.

— Четыре! — выкрикнул он, переходя на английский. — Я такой же норвежец, как ты швед! Пять!

Человеку надо что-то есть. Щесть! Я бы не получил эту работу — семь! — если бы не прикинулся норвежцем. Восемь! Я — Джон Джоунз, водевильный супфлер из Сан-Франциско. Девять! Не выдавай меня, и я тоже тебя не выдам.

Прозвучал гонг, и помощники развели нас по углам. Я взглянул на Хакона. Сам я был здорово разукрашен: рана на ухе, разбитые губы, глаза наполовину заплыли, нос сломан, но для меня это обычное дело. У Хакона, за исключением подбитого глаза и нескольких ссадин, лицо оставалось почти нетронутым, зато его тело напоминало хорошую отбивную. Я сделал глубокий вдох и улыбнулся по-змеиному. Оставив мысли о Старике и липовом норвежце-судье, я мог сосредоточиться на поединке.

С ударом гонга я ринулся вперед словно разъяренный бык. Хакон, как обычно, встретил меня оглушительными ударами слева и справа. Но я упрямо шел вперед, оттесняя его к канатам сокрушающими хуками по корпусу и в голову. Я почувствовал, что он сбавил темп. Нет такого человека, который способен биться со мной на равных!

Словно тигр, чувствующий добычу, я удвоил силу ударов, и публика с криками встала, предвкушая скорый конец. Почти прижатый к канатам, Хакон предпринял последнюю яростную попытку наступления и на какое-то мгновение остановил меня, осыпав градом отчаянных размашистых ударов. Но я лишь упрямо встряхнул головой и, несмотря на шквальную атаку противника, снова пошел вперед, нанося мощнейшие удары правой под сердце и серию левых хуков в голову.

Человек из плоти и крови не может выдержать такого! Хакон рухнул в нейтральном углу ринга под

градом правых и левых хуков. Он попытался встать на ноги, но даже ребенку было ясно, что ему конец.

Какое-то время рефери колебался, но потом поднял мою правую руку, и тотчас толпа моих шведских и норвежских болельщиков устремилась на ринг и сбила меня с ног. Я увидел, как датчане понесли Хакона в его угол, и попытался было пробраться к нему, чтобы пожать руку и сказать, что он самый отважный и замечательный боец из всех, с кем я встречался,— и это была сущая правда,— но тут мои ошелевшие поклонники водрузили меня и Майка на плечи и словно особ королевской крови понесли в раздевалку.

Сквозь толпу пробилась высокая фигура, Муши Хансен схватил мою руку в перчатке и заорал:

— Мы гордимся тобой, приятель! Мне очень жаль, что датчанам пришлось проиграть, но после такой драки какая может быть обида. Я не мог остаться в стороне. Ура нашей старушке «Морячке», самому кругому судну всех морей!

Тут передо мной возник шведский капитан, выступавший в роли зазывалы, и закричал по-английски:

— Может быть, ты и швед, но если это действительно так, то ты самый необычный швед из всех, что я встречал. Но мне на это наплевать! Я только что видел величайшее сражение со времен победы Густава Адольфа над голландцами! Да здравствует Ларс Иверсон!

И тут все шведы и норвежцы подхватили:

— Да здравствует Ларс Иверсон!

— Они хотят, чтобы ты сказал речь,— объяснил Муши.

— Хорошо,— согласился я.— Это есть самый счастливый момент моя жизни!

— Громче,— подсказал Муши.— Они так шумят, что все равно не разберут твоих слов. Скажи что-нибудь на иностранном языке.

— Ладно,— снова согласился я и заорал единственные иностранные слова, пришедшие мне на память.— Parleyvoo Francais! ¹ Vive le Stockholm! ² Erin go bragh! ³

Они заорали громче прежнего. Боец остается бойцом на любом языке!

¹ Вы говорите по-французски? (*Искаж. франц.*)

² Да здравствует Стокгольм! (*Франц.*)

³ Ирландия на все времена! (*Гэльск.*)

НОЧЬ БИТВЫ

Я

начинаю думать, что Порт-Саид для меня — гиблое место. Не то чтобы мне не удавалось там податься, всегда удавалось. Но выходило так, что каждой схватке сопутствовало невезение.

С такими вот мыслями в голове я поднялся по шаткой лестнице гостиницы люкс для моряков и вошел в свой номер, крепко сжимая в кулаке пятьдесят баксов — все свое состояние.

Я только что виделся с Эйсом Ларниганом, менеджером «Арены», и договорился о том, что вечером встречусь в десятираундовом поединке с Черным Джеком О'Брайеном. И вот теперь я гадал, где бы спрятать деньги. Если взять их с собой на матч — их вытащат из кармана моих штанов, пока я буду на ринге, а если оставить в номере — сопрут слуги-китайцы, от которых ничего невозможно спрятать.

Я уже почти решил, что, пока буду расправляться с Черным Джеком, мой белый бульдог Майк подержит денежки в пасти, если, конечно, не проглотит их от волнения, но тут я услышал, как кто-то, прыгая через шесть ступенек, пронесся вверх по лестнице, а потом побежал по коридору.

Я не придал этому значения. Постояльцев гостиницы люкс частенько преследуют либо выводят из этого гадюника полицейские. Но вместо того, чтобы бежать в свой номер и там спрятаться под кроватью, как это принято у здешних обитателей, этот беглец налетел башкой на мою дверь, сопя при этом как касатка. От удара дверь распахнулась настежь, и на пол рухнул какой-то взъерошенный человек.

Я с достоинством поднялся и поинтересовался с присущей мне вежливостью:

— Что это за игры? Сам уйдешь из номера или помочь?

— Спрячь меня, Стив! — взмолился незваный гость. — Запри дверь! Спрячь меня! Дай мне револьвер! Позови полицию! Дай спрятаться под кроватью! Посмотри в окно, нет ли за мной погони?

— Сначала реши, что ты от меня хочешь. Я не волшебник какой-нибудь, — раздраженно проговорил я, узнав в незнакомце Джонни Кайлана.

Джонни был неплохой, но глуповатый парень, ему бы следовало торговать содовой водой у себя на родине, а не стоять за стойкой в портовой забегаловке Порт-Саида. Он был одним из тех болванов, которым хочется мир посмотреть.

Он вцепился в меня трясущимися руками, и я заметил, что на лбу его выступил пот.

— Ты должен мне помочь, Стив! — запричитал Джонни. — Я пришел к тебе, потому что мне больше не к кому обратиться. Если ты мне не поможешь, я не доживу до завтрашнего утра. Я ненароком узнал одну тайну, и теперь мне грозит верная смерть. Стив, я узнал, кто такой Черный Мандарин!

— Ты хочешь сказать, что знаешь, кто прячется за маской и китайской одеждой и совершает все эти грабежи и убийства?

— Да! Это ужаснейший преступник на всем Востоке! — воскликнул Джонни, весь дрожа и покрываясь потом.

— Тогда какого черта ты не идешь в полицию? — спросил я.

Его затрясло как в лихорадке.

— Я не решаюсь! Я не дойду живым до полицейского участка. Они следят за мной, и их много. Преступления совершает не один человек, а целая преступная шайка. На ограбление они все выходят одинаково одетыми.

— А как ты обо всем узнал? — спросил я.

— Я был в баре, — сказал он и содрогнулся, — и мне пришлось спуститься в погреб за вином, я очень редко туда хожу. Я натолкнулся на них совершенно случайно. Они сидели за столом и о чем-то договаривались. Хозяин моего бара тоже был там — я и не думал, что он бандит. Я спрятался за бочонками с

вином и стал слушать, а потом испугался и убежал. Они заметили меня и бросились в погоню. Я уж думал, что мне конец, но все же умудрился оторваться от них и прибежать сюда. Но я боюсь высунуться на улицу. Вряд ли они видели, как я входил сюда, но они прочесывают улицы и заметят, если я выйду отсюда.

— И кто у них главный? — спросил я.

— Они называют его Шеф, — объяснил Джонни.

— Ну и кто он такой? — продолжал настаивать я, но мой гость задрожал еще сильней.

— Боюсь говорить. — Его зубы стучали от страха. — Нас могут подслушать.

— Ну и что, — удивился я. — Они все равно за тобой охотятся...

Но им уже овладел необъяснимый страх, и мне не удалось ничего выведать.

— Сам ты никогда не догадаешься, — добавил он, — а я боюсь сказать. У меня мурашки начинают по коже бегать, как только подумаю об этом. Позволь мне пожить у тебя до завтрашнего утра, Стив, — попросил он. — А потом мы свяжемся с сэром Питером Брентом из Скотланд-Ярда. Я доверяю только ему. Полиция доказала свою беспомощность: никому из узнавших бандитов Мандарина не удалось остаться в живых. Но сэр Питер защитит меня и поймает этих злодеев.

— Почему бы не связаться с ним прямо сейчас? — предложил я.

— Я не знаю, где его сейчас искать, — ответил Джонни. — Но по утрам он всегда бывает в клубе. Ради Бога, Стив, позволь мне остаться у тебя!

— Ну разумеется, малыш, — успокоил я. — Не бойся. Если кто-нибудь из этих Черных Мандаринов

попробует сунуться сюда, я его достойно встречу. Сегодня вечером я собирался драться с Черным Джеком О' Брайеном в «Арене», но я могу отменить поединок и остаться с тобой.

— Нет, не надо этого делать,— ответил Джонни, понемногу приходя в себя.— Я останусь здесь и запрусь. Я думаю, сюда они не пожалуют. И потом при запертой двери им не добраться до меня, не всполошив весь дом. А ты отправляйся в «Арену». Если ты не придешь на поединок, бандиты могут догадаться, что ты заодно со мной. Они знают, что ты мой единственный друг. Стив, я не хочу, чтобы ты попал в беду.

— Ладно,— согласился я.— Я оставлю Майка защищать тебя.

— Нет, нет! — воскликнул он.— Если ты придешь без Майка, это тоже вызовет подозрения. К тому же они его застрелят, если ворвутся сюда. Ты иди, а когда вернешься, постучи и назови себя. Я узнаю твой голос и открою дверь.

— Ну хорошо,— сказал я,— если ты думаешь, что так для тебя безопасней. Не думаю, правда, что у этих Мандаринов хватит ума вычислить, что мы с тобой заодно, только потому, что я не приду на бой в «Арену». Ну да тебе видней. И вот еще что: подержи пока у себя мои пятьдесят баксов. Я как раз не знал, что с ними делать.. Если взять с собой, какой-нибудь карманник наверняка их спрят.

Итак, Джонни взял деньги, а мы с Майком отправились в «Арену» и, уже спускаясь по лестнице, услышали, как бедолага запирает дверь. На выходе из гостиницы я огляделся по сторонам, но, не заметив поблизости никаких подозрительных личностей, пошел вниз по улице.

«Арена» располагалась у самых причалов. Она была битком набита зрителями — обычное дело, когда выступали Черный Джек или я. Эйс давно мечтал свести нас в поединке, но наши корабли никогда не оказывались в порту одновременно. Я надевал форму, как вдруг в мою раздевалку ворвался человек, который, как я догадался, и был моим противником. Я слышал, что мы с Черным Джеком похожи друг на друга почти как родные братья. Он был моего роста и веса и тоже брюнет с жгучими голубыми глазами. Но мне показалось, что я все-таки выгляжу получше.

Настроение у него было хуже некуда, и я понял, что его все еще гложет результат последнего поединка со Злым Биллом Кирни. Злой Билл владел игорным заведением в опаснейшем портовом районе и, будучи жестоким по натуре, частенько принимал участие в боксерских поединках. Несколько неделями раньше они с О'Брайеном устроили беспощадную скватку на ринге «Арены», и в пятом раунде Черный Джек был нокаутирован, хотя казалось, что он должен одержать победу. Впервые Черный потерпел поражение, и с тех пор он с пеной у рта пытался уговорить Злого Билла вновь встретиться на ринге.

Увидев меня, он криво усмехнулся и сказал:

— Ну, Костиган, может, ты считаешь, что у тебя хватит силенок уложить меня сегодня, а? Горилла ты тупоголовая!

— Может, я тебя и не побью, бабуин чернорожий, — проорал я, заподозрив в его словах скрытый намек на оскорбление, — зато я устрою тебе такую трепку, о которой твои внуки будут вспоминать с содроганием!

— Ты сильно веришь в эту чушь? — спросил он, брызгая слюной.

— Настолько сильно, что готов, не откладывая, прямо здесь вышибить тебе мозги! — проревел я.

Эйс встал между нами.

— Перестаньте! — попросил он. — Я не допущу, чтобы вы испортили мне шоу и разукрасили друг друга до начала боя.

— Что у тебя там? — поинтересовался О'Брайен, когда Эйс стал рыться в карманах.

— Ваши бабки, — мрачно ответил Эйс, вытаскивая пачку денег. — Я обещал каждому из вас пятьдесят баксов независимо от исхода боя.

— Сейчас они нам ни к чему, — сказал я. — Отдашь бабки после драки.

— Ха! — усмехнулся Эйс. — Оставить бабки у себя, чтобы их сперли карманники? Я не такой дурак! Я отдам их вам прямо сейчас! Сами сторожите. Вот, получайте! Я с вами рассчитался, так что теперь ко мне не должно быть претензий. Если вас обчистят, я тут ни при чем!

— Ладно, трусливый мошенник, — усмехнулся Черный Джек и, повернувшись ко мне, добавил: — Костиган, ставлю полсотни, что уложу тебя как коврик.

— Идет! — рявкнул я в ответ. — А я ставлю свои полсотни на то, что тебя унесут с ринга на носилках! Кому доверим наши ставки?

— Только не мне, — поспешил сказать Эйс.

— Не волнуйся, — прикрикнул на него Черный Джек, — я бы не доверил и гроша ломаного твоим липким пальцам. Ни гроша! Эй, Бангтер!

На зов в комнату вошел старый цебритый обрванец, от которого сильно пахло крепким дешевым виски.

— Тебе что-то нужно? — спросил он. — Поставь стаканчик, Черный Джек!

— Я поставлю тебе ведро, но позже, — проворчал О'Брайен. — Вот, подержишь у себя наши ставки, но, если карманники сопрут у тебя деньги, я тебе усы повыдергиваю по одной волосинке!

— У меня не сопрут! — пообещал старина Банггер. — Будь уверен!

В молодости Банггер сам был карманником. Правда, у него была одна положительная черта характера: в трезвом виде он был абсолютно честным человеком, во всяком случае с теми, кого считал своими друзьями. В общем, он взял у нас две полсотенных, а мы с О'Брайеном, обменявшиеся взаимными оскорблениями, накинули халаты и пошли по проходу под аплодисменты публики, предвкушавшей долгожданную схватку.

«Морячка» должна была подойти еще только через несколько дней, а я прибыл в Порт-Саид, чтобы ее встретить. В общем я был один, без секундантов, и потому Эйс выделил мне пару остолопов.

Он обеспечил парочкой болванов и Черного Джека — «Морского Змея» в порту тоже не было.

* * *

Ударили в гонг, толпа взвыла, и началась свистопляска. Мы были достойными соперниками. Оба сильны и агрессивны. Недостаток мастерства мы с избытком компенсировали напористостью. Стены «Арены» еще не видели столь яростных атак и таранной силы ударов. Зрители наблюдали за происходящим словно загипнотизированные.

С началом каждого нового раунда мы бросались друг на друга и продолжали бой. Обмен ударами длился до тех пор, пока все вокруг не погружалось

в багровый туман. Сначала мы бились, стоя лицом к лицу, потом наносили удары, навалившись грудью на противника, а затем, чтобы не упасть, клади подбородок на плечо соперника и так висели друг на друге, проводя короткие удары по корпусу. Драка продолжалась до полной глухоты, слепоты и отупения, и все же мы продолжали мясить друг друга, тяжело дыша, бормоча ругательства и рыдая в боевом угаре.

В конце каждого раунда секунданты разнимали нас и разводили по углам, а там смывали с нас кровь, пот и слезы, окачивали ледяной водой и давали понюхать нашатырь. Тем временем публика, затаяв дыхание, наблюдала за нами, опасаясь, что у нас не хватит сил выйти на ринг в следующем раунде. Но, как и подобает прирожденным бойцам, под воздействием принятых процедур мы быстро оживали, и с ударом гонга действие начиналось сначала. Ну и драка это была, я вам скажу!

Раз за разом повторялась одна и та же картина: находясь на грани нокаута, мы еле переставляли ноги, внезапно один из нас оживал и бросался в яростную атаку, приводя публику в состояние экстаза.

В восьмом раунде Черный свалил меня с ног мощнейшим хуком слева и чуть не снес мне башку с плеч — зрители с дикими криками повскакивали с мест. Но на счет «восемь» я поднялся и, собравшись с силами, уложил его правым хуком под сердце, едва не сломав ребра. За мгновение до финального счета «десять» он кое-как встал на ноги, и тут ударили в гонг.

Окончание девятого раунда застало нас обоих на полу, но десяти раундов нам было явно маловато, чтобы созреть для нокаута. Я уверен, продлись

бой еще пять раундов — половина зрителей упала бы в обморок от волнения. К концу поединка большинство из них еле хлопали в ладоши и квакали как лягушки. Финальный удар гонга мы встретили стоя лицом к лицу в центре ринга и отвешивая друг другу такие жуткие удары, что их было слышно в дальних углах зала. Рефери силой разнял нас, а потом в знак того, что бой закончился вничью, поднял руки нам обоим.

* * *

Натяливая халат, Черный Джек пришел в мой угол и, сплюнув кровь и обломок зуба, сказал, ухмыляясь как гиена:

— Ты должен мне пятьдесят баксов, которые поставил на свою победу.

— Тогда и ты должен мне полсотни, — возразил я. — Ты сделал ставку на то, что побьешь меня. Ей-богу, не припомню боя, который понравился бы мне больше, чем этот! Не понимаю, как это Злому Биллу удалось тебя побить?

Лицо О'Брайена стало мрачнее тучи.

— Не напоминай про этого урода, — зло сказал он. — Сам не знаю, как это получилось. Ты бьешь гораздо сильнее его. Я лупил Билла по всему рингу, а он только шатался и отступал. Помню, он пошел в атаку, и мы наполовину вошли в клинч, а потом — бац! Очнулся я от того, что меня поливали водой в раздевалке. Говорят, как только мы расцепились, он врезал мне по челюсти, но я даже не почувствовал удара!

— Ладно, забудь об этом, — посоветовал я. — Давай-ка заберем бабки у старого Бангера и пойдем чего-нибудь выпьем. А потом мне надо возвращаться в гостиницу.

— Чего это ты собрался спать в такую рань? — ухмыльнулся Черный. — Еще не так поздно. Давай придумаем, как развлечься. В заведении Йота Лао есть парочка крутых вышибал, давно хотел с ними разобраться да все откладывал на потом...

— Не-а, — сказал я. — У меня дела в гостинице. Но сначала давай выпьем.

Мы стали искать Бангера, но его и след простыл. Мы проверили раздевалки, но и там его не оказалось.

— Куда мог подеваться этот старый болван? — недоумевал Черный Джек с некоторым опасением в голосе. — Мы подыхаем от жажды, а эта портовая крыса...

— Если вы ищете старика Бангера, — сказал один из служителей заведения, — то я видел, как он куда-то побежал в середине пятого раунда.

— Слушай, — спросил я с внезапным подозрением, — он был пьяный?

— Если был, то я не заметил, — сказал Черный Джек.

— Мне показалось, от него пахло выпивкой.

— От него всегда пахнет выпивкой, — нетерпеливо ответил О'Брайен. — Не знаю человека, способного определить, трезвый этот старый забулдыга или пьяный. И трезвый и пьяный он ведет себя одинаково, только по пьянке ему нельзя доверять бабки.

— Ну вот, — недовольно проворчал я, — он смылся и наверняка уже просадил наши деньги. Собирайся, пойдем его ловить.

Мы напялили одежду и пошли на поиски. Прощедший поединок никак не отразился на наших жизненных силах и энергии, хотя у каждого были синяки и ссадины. Мы заглянули во все притоны, но

Бангера так и не нашли. Прочесывая город, мы наконец добрались до моего отеля.

— Давай поднимемся ко мне в номер,— предложил я.— У меня там есть пятьдесят баксов. Возьмем их и купим выпивку. И еще... Знаешь, у меня там сидит Джонни Кайлэн, но ты не трепись об этом, понял?

— Ладно,— заверил О'Брайен.— Если Джонни попал в передрягу, я ни за что не стану стучать на него. С мозгами у него тухо, но парень он неплохой.

* * *

Итак, мы пошли ко мне в номер. В гостинице все спали, а кто не спал, тот куда-нибудь ушел. Я тихонько постучал в дверь и сказал:

— Открывай дверь, парень, это я, Костиган.
Ответа не последовало. Я энергично дернул за ручку, дверь была не заперта. Я распахнул ее — в комнате было темно, и я зажег свет. Джонни исчез. В комнате царил полнейший порядок, и, хотя Майк издавал глухое рычание, ничего подозрительного я не заметил. На столе лежала записка. Я взял ее и прочитал: «Спасибо за полсотни, дубина! Джонни».

— Грязный обманщик! — зарычал я.— Я приоткрыл его, защищал, а он меня обчистил!

— Дай посмотреть записку,— попросил Черный Джек и стал читать, качая головой.— Не верю, что это почерк Джонни,— подытожил он.

— Наверняка его! — воскликнул я, оскорбленный до глубины души.

Конечно плохо, когда теряешь деньги, но еще хуже, когда человек, которого ты считал другом, вдруг оказывается грязным мошенником.

— Я никогда не видел его почерка, но кто, кроме него, мог написать это? К тому же никто, кроме него, не знал про мои бабки. Тоже мне, Черный Мандарин!

— Что? — спросил Черный Джек с блеском в глазах. Упоминание этого имени вызывало интерес у каждого в Порт-Саиде.

Ну, я пересказал ему все, что услышал от Джонни, и добавил со злостью:

— Похоже, меня снова обдурачили как сосунка. Могу поспорить, что паршивец попал в переплет с полицией, а тут подвернулся случай меня обчистить. Он сам смылся. Если бы его захватили бандиты, они бы высадили дверь и уж никакой записки точно не оставили бы. Черт побери, не думал, что Джонни такой негодяй!

— Да уж, — сказал Черный Джек, качая головой. — Ты думаешь, он никогда не видел этих Черных Мандаринов?

— По-моему, никаких Черных Мандаринов вообще нет!

— Вот тут ты ошибаешься, — возразил О'Брайен. — Многие их видели, а некоторые даже узнали, только не смогли рассказать об этом, потому что их убили. Я всегда говорил, что все эти преступления совершает не один человек, а целая шайка.

— Да забудь ты об этом, — перебил я. — Пошли. Джонни украл мои деньги, а старина Бангер обчистил нас обоих. Я человек действия. Я отыщу старого хрыча, даже если придется разнести к черту весь Порт-Саид.

— Я пойду с тобой, — сказал Черный Джек, и мы вышли на улицу. Через полчаса беготни по грязным забегаловкам мы напали на след Бангера.

— Бангер? — спросил бармен, подкручивая пышные черные усы. — Да, он был здесь вечером. Выпил и сказал, что идет в «Храм Удачи» Билла Кирни. Говорил, что предчувствует удачу.

— Удачу? — прокричал Черный Билл. — Я дам ему такого пинка, что у него шея будет расти из задницы. Пошли, Стив. Как я не догадался раньше. Как напьется, Багнер начинает думать, что способен обмануть колесо рулетки в заведении Кирни.

* * *

Мы плутали по лабиринту портовых уличек, пока не добрались до «Храма» Кирни, который был так же похож на храм, как муравей на слона. Заведение располагалось в подвале, и, чтобы попасть в него, надо было спускаться по ступеням.

Мы сошли вниз и очутились среди внушительного вида парней, которые либо играли в азартные игры, либо выпивали в баре. Я заметил Копченого Рурка, Обжору Макгернана, Рыжего Элкинса, Ловкача Брелена, Джона Линча и еще очень многих — что не личность, то темная. Но круче всех выглядел сам Злой Билл. Это был громила с квадратными плечами и холодными злыми глазами, любивший щеголять в крикливых шмотках, напоминая при этом горилу в праздничном костюме. На его тонких губах играла злая усмешка, а на огромных волосатых лапицах сверкали бриллианты. При виде своего лютого врага Черный Джек издал гортанный рык и затрясся от бешенства.

И тут мы увидели старика Бангера, который прислонился к стойке бара и с несчастным видом наблюдал за вращением рулетки. С яростным воплем мы направились к нему. Он хотел было броситься наутек, но сообразил, что от нас не уйти.

— Ах ты старая грязная черепаха! — заорал Черный Джек. — Где наши деньги?

— Ребята, — промямлил Банггер, подняв трясущуюся руку. — Не судите меня слишком строго! Я ни цента не потратил из ваших денег.

— Ну ладно, — протянул Черный Джек с явным облегчением. — Гони назад денежки.

— Не могу, — заныл старый хрыч, шмыгая носом. — Я проиграл их на этой самой рулетке!

— Что-о? — от нашего дикого рева замигали огни.

— Дело было так, ребята, — затянул он. — Наблюдая за вашим поединком, я вдруг заметил на полу монету и подобрал ее. Я подумал, что до конца боя успею сбегать в кабак и дернуть стаканчик. Я выпил, и это было ошибкой. С утра я уже успел несколько раз приложиться к бутылке, ну и перебрал. По пьяному делу я становился азартным как маньяк. Я почувствовал, что сегодня мне крупно повезет. Ну, думаю, сбегаю в заведение Кирни, загребу в два-три раза больше бабок, чем вы мне дали, а разницу возьму себе. Думаю, вы, ребята, останетесь при своих, а я подзаработаю немного денег. Мне показалось, что это отличная идея. Поначалу мне действительно везло, вот если б только я вовремя остановился. Один раз я даже выиграл сто сорок пять долларов, но фортуна повернулась ко мне задом, и я глазом не успел моргнуть, как остался без гроша.

— Ах ты мать твою так, растак и разэтак! — весьма кстати встрял Черный Джек. — Хорошее ты придумал себе занятие! Надо бы врезать тебе по заднице, старый болван!

— Да-а! — вздохнул я. — Я бы плонул на это, да только это были все мои деньги. Полдолларовая монета осталась — мой талисман на счастье.

— Я тоже плюнул бы,— рявкнул О' Брайен,— вот только у меня даже такой монеты нет!

В это время к нам подлетел Злой Билл.

— В чем дело, парни? — поинтересовался он, подмигнув собравшимся вокруг бездельникам.

— Сам знаешь, в чем дело, воишь паршивая! — зарычал Черный Джек.— Этот старый осел только что проиграл сто баксов на твоей «заряженной» рулетке.

— Ну-у? — ухмыльнулся Злой Билл.— А вас-то это каким местом касается?

— Это были наши деньги! — заорал Черный Джек.— И ты их нам вернешь!

Кирни рассмеялся ему прямо в лицо, вытащил из кармана пачку денег и разложматил ее большим пальцем.

— Вот бабки, которые он проиграл,— сказал Кирни.— Может, они и были вашими, только теперь стали мои. Я привык держать при себе свой выигрыш и не собираюсь с ним расставаться. Вот разве только у кого-нибудь хватит смелости отнять его у меня, но пока я таких не встречал. А как вы собираетесь поступить?

* * *

Черный Джек так взбесился, что стал задыхаться, а его глаза выползли из орбит.

Тут, уже выходя из себя, заговорил я:

— Я тебе скажу, как мы собираемся поступить, Кирни, раз уж ты решил корчить из себя крутого. Я собираюсь отделать тебя до беспчувствия и забрать свои бабки.

— Ты это серьезно? — воскликнул он кровожадно.— Посмотрим, как это у тебя получится, черноголовая водяная крыса! Хочешь подраться? Хорошо!

Поглядим, насколько тебя хватит. Вот бабки. Побьешь меня — заберешь их. Они достались мне честным путем, но я человек заводной. Ты заявился сюда и требуешь назад бабки? Ладно, увидим, хватит ли у тебя смелости податься за них.

Я свирепо зарычал и бросился на него, но Черный Джек остановил меня.

— Погоди минуту, — воскликнул он. — Половина денег принадлежит мне. Ты сам знаешь, у меня столько же прав врезать этому гаду, сколько у тебя.

— Кхе-кхе! — ухмыльнулся Кирни, скидывая пиджак и рубашку. — Разберитесь между собой. Если один из вас сможет меня уложить, бабки ваши. Так будет справедливо, парни?

Собравшиеся громили захлопали как дикари. Я сразу же заметил, что все они из компании Злого, кроме старого Бангера, от которого все равно не было толку.

— Я имею право сразиться с этим парнем, — стал выступать Черный Джек.

— Бросим монету, — решительно заявил я, доставая из кармана свои «счастливые» полдоллара. — Я ставлю на ...

— Я ставлю на «орла», — нетерпеливо выпалил Черный Джек.

— Я первый это сказал, — ответил я раздраженно.

— Я этого не слышал, — сказал он.

— А я говорил, — возразил я обиженно. — Поставишь на «решку».

— Ладно, «решка» так «решка», — недовольно фыркнул он. — Давай бросай!

Я подбросил монету, и выпал «орел».

— Говорил же, эта монета приносит мне удачу! — с победной улыбкой воскликнул я, пряча мо-

нету в карман и снимая рубашку. Черный Джек скрипнул зубами и крепко выразился по поводу своего невезения.

— Прежде чем выпибу тебе мозги,— сказал Кирни,— убери куда-нибудь этого кровожадного людоеда.

— Если ты, хорек вонючий, имеешь в виду Майка, то Черный Джек его подержит,— ответил я.

— Ага, а когда я буду тебя приканчивать, он спустит этого зверя, чтоб он перегрыз мне горло! — с ухмылкой возразил Кирни.— Ничего не выйдет! Возьми веревку и привяжи его, иначе бой отменяется!

Итак, отпустив несколько едких замечаний, которые, судя по реакции, достали даже толстокожего Злого Билла, я пропустил один конец веревки сквозь ошейник Майка, а другой привязал к ножке тяжелого игорного стола. Тем временем зрители расчистили пространство между столом и задней стеной заведения, завешенной циновками из сухой травы. На вид стена была прочной, но я подумал, что за ней, наверное, полно крыс, так как оттуда то и дело доносился глухой шум и какая-то возня.

* * *

Мы с Кирни стали сходиться. Мой противник был мощным черноголовым верзилой, примерно с меня ростом, но чуть потяжелее. Черные волосы покрывали его широченную грудь и запястья, руки походили на кувалды.

Как обычно, я первым бросился в атаку. Соперник встретил меня, не дрогнув. Публика образовала полукольцо перед грудой составленных друг на друга столов и стульев. Поверх шума и грохота ударов я различал рычание Майка, пытающегося освободить

ся от веревки, и крики Черного Джека, призывающего меня прикончить Кирни.

Противник попался крепкий и бил кулаком, как хороший конь копытом. Но он дрался не с кем-нибудь, а с самим Стивом Костиганом! Я с улыбкой встречал страшные удары Злого Билла, голыми кулаками лупил противника и чувствовал себя в родной стихии.

Я снова и снова по самые запястья вонзал кулаки в брюхо Кирни, и понемногу его дыхание стало сбиваться, он начал отступать. От мощнейших ударов в голове у меня стоял звон, во рту появился привкус крови, но для меня это привычное дело. Я со всего размаха ударил его в ухо, брызнула кровь. Кирни попытался пнуть меня тяжелым сапогом в пах, но я увернулся и правой мощно врезал под сердце. Он издал стон и зашатался. Сильнейший левый хук по корпусу свалил его, но, падая, он ухватил меня за ремень и потянул за собой.

На полу Кирни обхватил меня своими лапищами, плюнул в глаза и попытался пригнуть мою голову, чтобы ухватить зубами за ухо. Но моя шея крепче стали, и, яростно сопротивляясь, я отодвинулся от Злого и, высвободив руку, трижды сильно ударил его в лицо. Он застонал и обмяк. Но тут же мне в спину вонзился чей-то тяжеленный башмак, и я сплетел с неподвижного тела Кирни.

Это Джон Линч лягнул меня, а когда я с диким рычанием попытался подняться и броситься на него, раздался возмущенный вопль Черного Джека и звук удара. Железный кулак Джека с хрустом врезался в челюсть Линча, мерзавец как мешок с дерьяром рухнул между составленными столами и затих.

Бандюги с угрозами двинулись вперед, но Черный Джек, словно разъяренный тигр с горящими

глазами и оскаленными зубами, повернулся к ним, и они остановились в нерешительности. И тут, прия в себя от подлого удара, я поднялся на ноги. Кирни ругался, бормотал что-то невнятное и пытался встать. Я схватил его за волосы и приподнял.

— Стой на ногах и дерись как мужчина,— с омерзением выпалил я, и тут Кирни внезапно бросился на меня, метя коленом в пах.

Он повис на мне, а когда я попробовал вы свобо диться из его объятий, Черный Джек крикнул:

— Берегись, Стив! Именно так он свалил меня!

В то же мгновение рука Кирни оказалась на моей шее. Я инстинктивно дернулся назад, но успел почувствовать, как он сильно нажал большим паль цем в ложбинку под моим ухом. Джиу-джицу! Лишь немногим белым знаком этот прием — «прикосно вение смерти», так называют его японцы. Если бы я не отклонился назад, он бы пережал нужный нерв, и меня на время парализовало бы. Но крепкие мышцы шеи спасли меня, хотя на секунду в глазах потемне ло и по телу пробежала судорога.

Кирни со звериным воплем ринулся ко мне, но я выпрямился и, встретив его левым хуком, раскроил губу от угла рта до подбородка. В дикой ярости от подлого трюка, который Злой хотел испытать на мне, я с размаху врезал ему правой в челюсть.

Это был финальный удар, от которого мой про тивник поднялся над полом и, словно пущенный из катапульты, рухнул на заднюю стену заведения. Хлоп! Бесчувственное тело Кирни протаранило стену, циновки порвались, и деревянные планки треснули!

* * *

Я ударили его с такой силой, что по инерции полетел в образовавшуюся дыру следом. Оказыва

ется, стена не была капитальной! За ней скрывалось потайное помещение. Ноги Кирни торчали из дыры в сломанной перегородке, а за ними просматривалась еще чья-то фигура. Незнакомец лежал на полу связанный и с кляпом во рту. — Джонни! — воскликнул я, поднимаясь на ноги и слыша враждебный ропот за спиной. Черный Джек крикнул: — Осторожно, Стив! И тут же мимо моего уха пролетела бутылка и разбилась о стену. Одновременно раздался звук удара и глухой стук упавшего тела — Черный Джек взялся за дело. Я развернулся и увидел, что на меня несутся громилы Кирни.

Черный Джек отвешивал удары направо и налево, люди падали как кегли, но их было слишком много. Я заметил, как старина Бангер метнулся к выходу, и услышал рычание Майка, пытавшегося оборвать веревку. Первого из нападавших я встретил крепким ударом, едва не свернув ему шею, но меня окружили, и когда мы с Рыжим Элкинсом повалились на пол, я коленом покорежил ему ребра.

Стряхнув с себя атакующих бандитов, я поднялся, мимоходом размозжив череп Ловкачу Брелену. Мы с Черным Джеком колотили этих гадов до тех пор, пока не образовался ковер из распростертых тел, но бандиты продолжали наседать на нас с ножами, бутылками и ножками стульев, и вскоре с нас обоих уже ручьями текла кровь.

Черного Джека свалили ударом ножки стола, а с полдюжины гангстеров топтали меня ногами, пока я пытался придавить или придушить трех-четырех мерзавцев, оказавшихся подо мной. В этот момент веревка, которую Майк без устали дергал и грыз, лопнула. Я услышал его рычание, а затем вошли какого-то бандюги — Майк вонзил в него клыки. Гады, топтавшие меня, разлетелись, и я вскочил,

взревев как бык и стряхивая кровь, заливавшую глаза.

Черный Джек подошел ко мне, сжимая в руке ту самую ножку стола, которой его уложили, и с такой силой треснул Копченого Рурка, что потом того пришлось откачивать и делать искусственное дыхание. Потрепанные бандиты отступили и стали разбегаться, а Майк бегал между ними, цапая то одного, то другого.

Внезапно из толпы выскочил Обжора Макгернан и, решив покончить с нами, навел на нас пушку, рискуя при этом уложить своих же приятелей. Те с дикими воплями бросились искать укрытие. Черный Джек метнул в мерзавца ножку стола, но промахнулся. Тогда наша троица — Джек, Майк и я — разом бросилась на Макгернана.

Он попеременно наставлял дуло своей пушки на каждого из нас, стараясь побыстрее решить, кого из нас шлепнуть первым, и тут — бац! — раздался выстрел. Обжора взмыл и выронил пушку, затем попятился к стене, сжимая запястье, из которого текла кровь.

Рванувшие к выходу бандиты встали как вкопанные, а мы с Черным Джеком обернулись. По ступеням спускались около дюжины полицейских. В руках у них были револьверы, а из одного дула вился дымок.

* * *

Громилы, подняв руки, попятились к стене, а я бросился в потайную комнату и развязал Джонни Кайлана.

Задыхаясь от страха, волнения и, конечно же, засунутого в рот кляпта, в первое мгновение он смог вымолвить только:

— Кляк, кляк-кляк!

Но я постучал ему как следует по спине, и он членораздельно произнес:

— Они захватили меня в заложники, Стив! Прокрались в коридор и постучали в дверь. Когда я нагнулся, чтобы посмотреть в замочную скважину, — а они именно этого и ожидали, ведь это естественное движение, — мне дунули в лицо каким-то веществом, и я на несколько минут отключился. Пока я лежал без сознания, они открыли дверь отмычкой и вошли в номер. Потом я очнулся, но на меня направили револьвер, и я не решился звать на помощь.

Меня обыскали, и я стал умолять их не брать твои пятьдесят долларов, лежавшие на столе, ведь я знал, что это твои последние деньги. Но они все равно их забрали и написали записку, чтобы представить дело так, будто я украл деньги и смылся. Потом мне снова дали понюхать какой-то порошок, и очнулся я уже в машине по дороге сюда.

Они собирались еще до рассвета меня прикончить. Я сам слышал, как об этом говорил Главарь Мандаринов.

— И кто же он такой? — спросили мы.

— Теперь я могу вам сказать, — ответил Джонни, оглянувшись на бандитов, стоявших под охраной полицейских, и на Злого Билла, который зашелся на полу, приходя в чувство. — Главарь Мандаринов — Злой Билл Кирни! Еще в Штатах он был рэкетиром и здесь занимался тем же самым.

Джонни перебил полицейский офицер:

— Вы хотите сказать, что этот человек и есть Черный Мандарин?

— Вы абсолютно правы! — воскликнул Джонни. — И я могу доказать это в суде!

Тут полицейские набросились на обалдевшего Кирни, как стая чаек на рыбину, и в считанные секунды надели на него и на гангстеров (что были в сознании) наручники. Кирни не сказал ни слова, только обвел всех нас убийственным взглядом.

— Эй, постойте! — крикнул Черный Джек, когда полицейские стали уводить бандитов. — У Кирни в кармане деньги, которые принадлежат нам.

Полицейский вытащил у Кирни толстенную пачку денег (такой акула подавится), Черный Джек отсчитал из нее сто пятьдесят баксов, а остальные вернул. Гангстеров увезли, и тут я почувствовал, что кто-то тянет меня за рукав. Это был старина Бангер.

— Ну, ребята, — прошамкал он, — вам не кажется, что я здорово все уладил? Как только началась драка, я выскоцил на улицу, стал орать и звать на помощь, пока не сбежались все полицейские в окружке!

— Ты вел себя достойно, Бангер, — похвалил я. — Вот тебе десятка.

— А вот еще одна, — добавил Черный Джек, и старина Бангер засиял от удовольствия.

— Спасибо, ребята, — поблагодарил старик, нетерпеливо теребя в руках купюры. — Побегу, пожалуй. В заведении Спайка есть ruletka. У меня предчувствие, что мне повезет.

— Давайте выбираться отсюда, — проворчал я, и мы вышли на улицу и уставились на фонари.

— Бог ты мой! — воскликнул Джонни. — Хватит с меня такой жизни. Рвану-ка я в родные Штаты, и как можно скорее!

— И правильно сделаешь, — сказал я, радуясь, что парень не вор и не мошенник, как я опромет-

чиво предполагал.— Смысленому парню, вроде тебя, незачем забираться далеко от дома.

— Ну что же,— сказал Черный Джек,— пойдем все-таки выпьем.

— Черт! — воскликнул я раздраженно, запихивая в карман деньги.— В этой свалке я потерял свою «счастливую» монету.

— А это не она? — спросил Джонни, протягивая мне полдоллара.— Я подобрал ее с пола, когда мы выходили на улицу.

— Давай ее сюда,— поспешил сказать я, но Черный Джек схватил монету и удивленно чертыжнулся.

— Талисман на удачу, да? — заорал он.— Теперь понятно, почему ты так хотел поставить на «орла»! Эта чертова монета — «обманка»! У нее «орлы» с двух сторон! У меня же не было шанса выиграть. Стив Костиган, ты обманом не дал мне возможности подраться с этим гадом! Мне это не нравится! Тебе придется подраться со мной.

— Ладно,— сказал я.— Мы снова сойдемся сегодня вечером в «Арене» у Эйса. А сейчас пойдем выпьем.

— Боже мой! — изумился Джонни.— Уже почти рассвело. Если вы, ребята, хотите снова подраться сегодня вечером, то, может, вам лучше немного отдохнуть перед поединком? И потом неплохо бы вам обработать и перевязать раны.

— Пожалуй, он прав, Стив,— сказал Черный Джек.— Сначала выпьем, потом немного поспим, а затем позавтракаем и погоняем шары в бильярдной.

— Точно,— согласился я.— Бильярд игра тихая, спокойная, а нам не стоит перенапрягаться, чтобы быть в форме перед поединком. Погоняем шары, а потом смотримся к Йота Лао и отдадем вышибал, о которых ты говорил.

КИТАЙСКИЕ ЗАБАВЫ

Я

сидел в портовом баре Гонконга «Сладкая грязь», размышлял о своем жутком невезении, и тут вошел Трепач Джонс — паршивый отброс на пути прогресса. Я его терпеть не могу, и он отвечает мне тем же.

Он всегда считал себя парнем без предрассудков, что тут же и решил доказать:

— Слушай, Стив! Скорей! Дай взаймы пятьдесят баксов.

— С какой стати я должен одалживать тебе полсотни зеленых? — полюбопытствовал я.

— У меня есть абсолютно надежные сведения с ипподрома, — затараторил он, подпрыгивая от волнения. — Дело беспрогрышное, ставки сто к одному! Завтра же получишь назад свои деньги. Давай отстегивай бабки!

— Будь у меня полсотни баксов, — ответил я со вздохом, — неужели я стал бы торчать в этом порту, где не ценят боксерские таланты?

— Что-о? — взвыл Трепач. — Нет денег? После всего что я для тебя сделал?

— Разве я виноват, что болваны антрепренеры не хотят устроить мне с кем-нибудь поединок? — огрызнулся я. — Пятьдесят баксов! Да за эти деньги я бы добрался до Сингапура, а там всегда можно договориться насчет дракки. Я застрял тут со своим бульдогом, даже судна, на которое можно было бы завербоваться, и того нет. Если не удастся удрать отсюда по-быстрому, придется бичевать, а ты прошил полсотни!

За нашей перебранкой наблюдало много посетителей, и один из них — здоровенный матрос-англичанин — заржал, а потом спросил:

— Если антрепренеры не хотят с тобой связываться, приятель, почему ты не пойдешь к Ли Юну?

— О чём ты? — подозрительно поинтересовался я.

Остальные зеваки ухмылялись как осты, жующие кактусы.

— Ли Юн, — объяснил верзила с наглой усмешкой, — содержит небольшой зверинец. Но это прикрытие. На самом деле он устраивает поединки между животными: собачьи и петушиные бои, схватки мангустов с кобрами, ну и все такое прочее. У него

есть здоровенная горилла, вот бы свести тебя с ней на ринге. Сам бы с удовольствием понаблюдал! Ты со своей рожей и горилла — просто встреча близнецов!

— Послушай,— начал заводиться я в праведном гневе.— Если у меня рожа как у гориллы — это ничего, зато твою харю можно подправить!

И с этими словами я от души заехал ему правым кулаком прямо по губам. Он качнулся, а потом налетел на меня как тайфун. Мы обменялись увесистыми ударами, потом сцепились в клинче и головами врезались в стойку бара — от удара она разлетелась в щепки. С потолка сорвалась лампа и, упав на пол, разбилась вдребезги, расплескав по сторонам горящее масло. Надо было слышать, как орали те, на кого оно попало! Стало совсем темно, кто-то полез в окна и двери, кто-то пытался затоптать пламя ногами. В этой свалке мы с противником потеряли друг друга.

Глаза разъедал дым, и я попытался на ощупь выбраться на улицу, но в это мгновение почувствовал, как кто-то задел мою голову ножкой от стола. Я выбросил вперед руку и ухватил чей-то воротник. Швырнув наглеца на пол и навалившись на него сверху, я стал лупить его что есть сил. Я подумал, что здорово отдал этого нахала, потому что сопротивлялся он слабее, чем до наступления темноты, а орал значительно громче. Потом кто-то чиркнул спичкой, и я обнаружил, что сижу верхом на толстом голландце-бармене. Англичанина и след простыл, к тому же кричали, что приехала полиция. Еще не остыл, я поднялся на ноги и удрал через заднюю дверь. Последний удар все же остался за англичанином, а для меня это вопрос чести — последний удар должен быть за мной. Полчаса я искал

его с благим намерением проучить как следует, чтобы знал, как бить человека ножкой от стола, а потом трусливо смыться, но так и не нашел.

В порванной и прожженной одежде я отправился в свой пансион — «Отраду моряка», что располагался у самого порта и принадлежал толстяку-полукровке. Как обычно, он валялся в холле в дым пьяный, и я этому обрадовался, потому что в трезвом виде он постоянно ныл про мой счет за проживание. Будто кроме меня других жильцов не было.

Я поднялся в свой номер, открыл дверь и позвал Майка. Но пес не отзывался, а в комнате как-то странно пахло. Я помнил этот запах еще с того раза, когда какие-то аферисты-вербовщики пытались подложить меня отравой и обманом отправить в плавание. Номер был пуст. Кровать еще хранила тепло Майка в том месте, где он спал, свернувшись калачиком, но его самого нигде не было. Я уже собрался идти на улицу на поиски моей собаки, но тут заметил приколотую к стене записку. Прочитал ее и похолодел. Вот что в ней было сказано:

«Если хочешь еще када нибудь увидеть свою сабаку оставь пидисят долларов в мусорной банке у задней двери бара Бристоль ровно в одинадцать тридцать сиводня вечером. Палажи деньги в мусорник взвращайся в бар и закрой дверь. Сашттай да ста и найдешь свою сабаку во дворе.

Дилавой чилавек».

Я сбежал вниз по лестнице, встряхнул хозяина и заорал:

— Кто здесь был без меня?

Но в ответ он только хрюкнул и промычал:

— Налей еще, Джо!

Я от души дал ему затрещину и выбежал на улицу. Мы с Майком много лет были неразлучны, он с десяток раз спасал мне жизнь. Майк — единственное, что отличает меня от бродяги. Наплевать, что думают обо мне посторонние, но я всегда стараюсь вести себя так, чтобы моему псу не было за меня стыдно. И вот теперь какая-то мразь украла его, а у меня не хватало бабок, чтобы заплатить выкуп.

Я сел на поребрик, обхватил голову руками и стал напряженно думать. Но чем больше я думал, тем запутанней казалась мне ситуация. Когда я сталкиваюсь с проблемой, которую не могу решить с помощью кулаков, я чувствую себя как мореход, который сбился с курса и не имеет под рукой карты. Наконец я поднялся и побежал в спортивный клуб «Тихий час». В газете было объявление, что сегодня вечером там будут бои, и хотя я уже пытался попасть в список участников и был отвергнут антрепренером, с отчаяния я решил сделать еще одну попытку. Надеялся на доброе сердце антрепренера, если, конечно, оно вообще у него было.

По шуму, доносившемуся из клуба, я понял, что бои уже начались. Задняя дверь была заперта, тогда я легонько дернул ее, она сама слетела с петель и я вошел внутрь.

В узком коридоре никого не оказалось. Но когда я пошел вперед, открылась дверь и из раздевалки появился здоровенный парень в халате, за ним следовал другой, с ведрами и полотенцами. Верзила громко выругался и загородил мне дорогу. Это был тот самый англичанин, с которым я схлестнулся в баре «Сладкая грязь».

— Значит, ножки от стола тебе показалось мало? — очень нагло спросил он. — Добавки хочешь, да?

— У меня сейчас нет времени с тобой возиться,— ответил я, пытаясь протиснуться мимо него.— Мне нужен Бизли, антрепренер.

— А чего ты так трясешься? — ухмыльнулся он, и я заметил, что его руки заклеены пластырем.— Чего ты такой бледный, вспотел, а? Меня боишься, а? Вообще-то меня сейчас ждут на ринге, но сначала я отрихту тебя как следует, свинья американская!

И с этими словами он закатил мне пощечину.

Не припомню, чтобы кто-нибудь отваживался шлепнуть меня ладонью по лицу. На секунду я погрузился в багровый туман. Не знаю, что за плоху я отвесил этой английской обезьяне. Даже не помню, чтоб я его бил. Но, наверно, все-таки бил, потому что, придя в себя, я увидел его лежащим на полу с челюстью, раскроенной от угла рта до подбородка, и раной на голове в том месте, которым он врезался в дверную ручку.

Секундант англичанина пытался спрятаться под лавку, и еще кто-то орал так, словно его живьем резали. Оказалось, орет антрепренер, к тому же он все время подпрыгивал как кот на раскаленной сковородке.

— Что ты наделал? — выл он.— Что ты натворил, чтоб тебя! Зал набит до отказа. Они орут и требуют зрелища. Один финалист ждет на ринге, а другой валяется в луже крови! Боже мой! Хорошенькое дельце!

— Вы хотите сказать, что этот болван должен выступать в финале? — тупо поинтересовался я, в голове у меня по-прежнему была какая-то смурь.

— А где же еще? — снова заныл хозяин заведения.— Ты меня убил! Что теперь делать?

— Да-а, у вас, англичан, кишка тонка,— констатировал я.

И тут меня осенило! У меня даже челюсть отвисла от, если можно так выразиться, грандиозности посетившей меня идеи. Я вцепился в Бизли с такой силой, что он заскулил, решив, что сейчас его будут бить.

— Сколько ты собирался заплатить этому гаду? — рявкнул я и встряхнул его для приведения в чувство.

— Пятьдесят долларов за бой. Победитель получает все! — простонал он.

— Тогда я — тот, кто тебе нужен! — радостно заорал я и выпустил его из своих объятий, да так энергично, что он во весь рост растянулся на полу.— Ты отказался выпустить меня на ринг своего вшивого клуба из-за гнусного предубеждения против американцев, но сейчас у тебя нет выбора! Толпа жаждет крови, и если она ее не увидит, то разнесет твое заведение ко всем чертям! Слышишь, как они орут?

Он прислушался и содрогнулся: от диких криков тряслись стены. Публика устала ждать и требовала зрелища с неистовством древних римлян, призывающих отправить новую партию гладиаторов на съедение львам!

— Может, ты хочешь выйти к ним и объявить, что финальный поединок отменяется? — поинтересовался я.

— Нет, нет! — поспешил ответил он, трясущейся рукой смахивая пот со лба.— У тебя есть форма и секунданты?

— Найду! — успокоил его я.— Беги скорей на ринг и объяви этим уродам, что финальный бой начнется через минуту!

Итак, он отправился к публике торопливой походкой человека, спешащего на свидание с палачом, а я повернулся к тому парню, что пытался втиснуться под скамейку. Этого остолопа клуб нанял, чтоб он драил полы и служил секундантом тем бойцам, у которых своих помощников не было. Я шлепнул парня по заду и внушительно попросил:

— Иди сюда и помоги мне сдвинуть это бревно!

Дрожа от страха, он выполнил приказание. Мы затаскили англичанина в раздевалку и уложили на стол. Он начал проявлять робкие признаки жизни. Я стащил с него халат и трусы и напялил на себя. Секундант молча наблюдал за мной как завороженный.

— Хватай ведра и полотенца! — скомандовал я. — Не нравится мне твой видок, но ничего не поделать. Уж лучше такой секундант, чем вообще никакого. Идеальных не бывает. Попшли!

С таким вот секундантом я поспешил на арену, и уже в проходе зрители встретили меня яростными приветствиями. Бизли толкал им какую-то речь, но я услышал только самый конец. Он закончил примерно так:

— ...Таким образом, если вы, джентльмены, проявите немного терпения, то через минуту-другую Драчун Пемброук будет готов к выступлению... хотя вот он и сам направляется на ринг!

Сказав это, Бизли быстренько смылся. У него не хватило духу сообщить tolpe, что произошла замена. На меня взглянули, потом злобно уставились, недоумевая, а затем, когда я уже подошел к рингу, здоровенный детина вскочил со своего места и заорал:

— Да никакой ты не Драчун Пемброук! Бей его, ребята...

Я успокоил его ударом в подбородок, от которого он рыбкой перелетел через первый ряд. Потом я повернулся лицом к ревущей толпе и, выпятив широченную грудь, свирепо взглянул на зрителей из-под многократно рассеченных бровей.

— Кто еще думает, что я не Драчун Пемброук?

Толпа надвигалась на меня, издавая гортанное рычание, но, увидев мою первую жертву, остановилась. Презрительно хмыкнув, я повернулся к ней спиной и взобрался на ринг. Помощничек поднялся следом и начал неуклюже массировать мне ноги. Это был один из тех медлительных болванов, для которых жизнь проходит так быстро, что они не успевают сообразить, что к чему.

— Который час? — спросил я.

Он вытащил часы, долго шевелил губами и в конце концов вымолвил:

— Пять минут одиннадцатого.

— У меня в запасе больше часа, — пробормотал я и взглянул на своего соперника в противоположном углу ринга.

То, что он — личность популярная, я понял по размеру призового фонда. Большинство выступающих на ринге «Тихого часа» получали по десятке баксов за поединок независимо от исхода. Даже эти крохи приходилось чуть ли не силой выбивать у антрепренера. Мой противник был прекрасно сложен, правда слишком бледен, а лицо его было совершенно бесстрастным, как у тунца. Мне показалось, что я его знаю, но я никак не мог сообразить, кто же он такой.

Толпа недовольно ронгала, но малый, представлявший нас публике, был настолько флегматичен,

что, видимо по дурости, никого не боялся, даже посетителей «Тихого часа». В целях экономии времени он представлял нас, пока рефери отдавал нам положенные указания.

Вот что говорил ведущий:

— В этом углу ринга — Моряк Костиган, вес...

— А где Пемброук? — заорали зрители. — Это не Пемброук! Это чертов янки, подый сукин сын!

— Тем не менее,— глазом не моргнув продолжал ведущий,— он весит сто девяносто фунтов. Его соперник — Задира Джексон из Кардифа. Вес — сто восемьдесят девять фунтов.

У взбесившихся зрителей аж pena выступила на губах, на ринг полетели всякие гадости, но тут прозвучал гонг, и они мигом притихли. Всем не терпелось насладиться зрелищем. Ведь, в конце концов, они пришли сюда ради хорошей схватки.

С ударом гонга я вылетел из своего угла с серьезным намерением закончить поединок первым же ударом. Правой я нацелился ему прямо в челюсть и не скрывал этого. Презираю всяческий обман. Пригнись он на долю секунды позже — бой был бы тут же закончен.

Я не стал долго размышлять и вслед за ударом правой нанес еще один левой. Джексон застонал, когда мой кулак вонзился ему под сердце. Затем его правая метнулась к моей челюсти, и по тому, как кулак просвистел мимо, я понял, что он начинен динамитом. Не давая противнику времени опомниться и собраться с мыслями, я серией ударов загнал его на другую сторону ринга и прижал к канатам. Публика пришла в неистовство, полагая, что я вот-вот его прикончу. На самом же деле я не

причинил ему вреда, на который рассчитывал. Дело в том, что он умело прикрывался руками и к тому же откатывался назад вместе с ударом. А когда сам наносил удары, то особо не церемонился. Один раз заехал мне в живот, а потом в глаз и вдобавок вдоволь потоптался по моим ногам.

Однако на подобные мелочи в «Тихом часе» никто не обращает внимания. Публика считает, что они придают остроту зрелищу, а рефери их попросту не замечает.

Но я был раздражен и, стремясь свернуть Джексону шею боковым, раскрылся и подставился под его удар справа. Его рука мгновенно метнулась вперед, словно разозленная кобра. Я еле успел уклониться, и кулак Джексона только скользнул по моему подбородку. В ответ я вывел его из равновесия резким прямым левой в зубы, а сам все продолжал думать об этом его коронном ударе. Он мне явно кого-то напоминал, но сейчас не было времени соображать, кого именно.

Теперь Джексон задействовал левую, нанося ей то молниеносные прямые, то быстрые и резкие хуки. Однако в этих ударах не было той мощи, что таилась в его правой руке, и ему удалось лишь слегка расквасить мне губу. Правую он держал наготове, я внимательно следил за ней и, когда он снова пустил ее в дело, нырнул под удар и обеими руками провел быструю серию ударов в живот. Он по-прежнему был собран как стальная пружина, но моя серия в живот ему явно не понравилась. До конца раунда он отсиживался в защите.

Едва я опустился на табурет, как помощничек тут же хлестнул мне по глазам полотенцем — он где-то видел, как секунданты машут на отдыхающих

боксеров,— а потом с размаху вылил мне на голову целое ведро ледяной воды. Это было совершенно излишне, я тотчас сказал ему об этом на простом и понятном языке, не стесняясь в выражениях, но, видимо, у него в голове была всего одна извилина. Он был уверен, что боксеров окатывают подобным образом независимо от их желания.

Я все еще говорил своему секунданту про его умственные способности, когда прозвучал гонг. В результате пущей вылетевший из своего угла Джексон набросился на меня прежде, чем я успел дойти до центра ринга. Он нанес мне удар левой и следом правой. Взик! Кулак просвистел в воздухе, словно молот на стальной пружине!

Я ушел вправо и ударил его левой в живот. Он задохнулся, покачнулся, и я решил тут же закончить дело молниеносным ударом правой в голову. Но я не учел, что стою на том самом месте, где мой тупоголовый секундант вылил ведро ледяной воды. Сделав замах, я наступил на кусочек льда, и, когда я уже летел на пол, Джексон привел в движение свою начиненную динамитом правую и на этот раз не промахнулся.

Черт подери! Это совсем не походило на удар человеческого кулака. Казалось, в моем черепе взорвалась пиротехническая мастерская. Я явственно видел пролетающие кометы, метеоры и другие небесные тела и услышал, как кто-то пытается их сосчитать. Потом в голове моей слегка прояснилось, и я понял, что слышу голос рефери, который склонился надо мной и ведет отсчет секунд.

Я лежал на животе, и мне казалось, что в этом зале звонят во все колокола. Из-за этого звуна я еле слышал голос рефери. Но вот он произнес: «Девятый», и я встал. Такая уж у меня привычка. Это

моя специальность — подниматься. Я поднимался с пола многих рингов от Галвестона до Шанхая.

Ноги меня не слушались — одна стремилась на юго-запад, другая загребала на восток, — и мне казалось, что началось землетрясение. Я слышал грохот ливня и рев ветра, но вскоре сообразил, что это грохочет и ревет у меня в ушах после удара ужасной силы.

Джексон снова набросился на меня с легкостью и быстротой пантеры. Ему не терпелось вновь пустить в ход свою правую. Должно быть, он думал, что я поднялся на ноги только для того, чтобы он мог меня бить. Любой старожил ринга сказал бы ему, что, независимо от моего состояния, пытаться познакомиться со мной с помощью удара правой — значит нарушить первое правило собственной безопасности.

Он сделал замах правой и выбросил ее вперед, а я отбил этот удар и провел левый хук в корпус. Лицо Джексона позеленело, как позеленело бы у любого после мощного удара железным кулаком в живот. И не успел он нанести следующий удар, как я повис на нем, стиснув в медвежьих объятиях.

Теперь я узнал его! На свете не было другого бойца с таким ужасающим ударом правой, кроме Торпеды Уиллоуби — Кардифского Убийцы. Из-за страсти к виски и женщинам он не стал чемпионом, опустился до нищеты и зарабатывал на жизнь, выступая под вымышленным именем в притонах вроде «Тихого часа». И все же он был опаснейшим из бойцов, которых когда-либо рождала Англия.

Я протер глаза от пота и крови и не спешил выходить из клинча, но, когда судья все-таки расставил нас, я был готов продолжать бой. Уиллоуби пошел в атаку, а я пригнулся и ушел в защиту.

Предупреждая удары противника, я уклонялся влево, одновременно отвечая левым хуком по ребрам и животу. Моя левая была мощней его левой, и я больше не оставлял брешей в своей защите, не позволяя ему бить правой. Но я не сломался, нет! Даже не знаю, что это означает. И знать не хочу! Я ушел в глухую защиту и одновременно наносил удары в живот, а Джексон от этого все больше выходил из себя, еще яростней работая своей жуткой правой. Но его удары отлетали от моих локтей и головы, а моя левая все глубже и глубже вонзалась ему в живот. Это не самый зрелищный способ ведения боя, но в итоге он все-таки приносит результат.

К концу этого раунда я был вполне доволен собой. Моя тактика не позволяла Уиллоуби уложить меня ударом правой, а сам он неминуемо должен был ослабеть от моих методичных ударов по корпусу. На это могло уйти раундов пять-шесть, но поединок был рассчитан на пятнадцать раундов, и времени у меня было навалом.

Я был доволен, но особой радости не ощущал. Пока секундант брызгал мне лимонным соком в глаза вместо того, чтобы смочить им пересохшие губы, и дал мне вволю напиться йода, вместо того чтобы обработать им рану на подбородке, я думал о Майке. Холодок пробегал у меня по спине, когда я представлял себе, что сделают с ним эти подонки, если в одиннадцать тридцать деньги не окажутся в мусорной банке.

— Который час? — спросил я.

Помощник вытащил часы и ответил:

— Пять минут одиннадцатого.

— Ты это уже говорил! — заорал я.— Дай сюда свои ходики!

Я схватил часы, взглянул на них и встряхнул. Они стояли. Непохоже, чтобы в них вообще был механизм. Охваченный жутким предчувствием, я крикнул судье:

— Сколько сейчас времени?

Он посмотрел на часы.

— Секундантны с ринга! — сказал он и добавил: — Пятнадцать минут двенадцатого.

В моем распоряжении оставалось всего пятнадцать минут! Меня прошиб холодный пот, и я вскочил с табурета так резко, что мой помощник упал за канаты. Всего пятнадцать минут! У меня уже не оставалось ни шести, ни пяти раундов на разборки с Уиллоуби! Если я хотел победить, то следовало сейчас.

Я плюнул на свой прежний план. Меня трясло, и я так смотрел на Уиллоуби, что он весь напрягся. Противник почувствовал во мне перемену, хотя и не знал ее причину. Зато он понял, что придется биться насмерть.

С ударом гонга я словно ураган вылетел из своего угла с единственным желанием: убить или быть убитым. Я всегда был и остаюсь бойцом с железными нервами, и, если я завожусь до такой степени, как в том бою, никто меня не остановит. В этом поединке не было ни плана, ни замысла, ни тактики — лишь примитивная и грубая мужская сила, лишь пот, кровь, мелькающие руки и ни секунды передышки.

Я пошел вперед, молотя кулаками как сумасшедший, и Уиллоуби пришлось сражаться за свою жизнь. Брызги крови разлетались во все стороны, толпа безумствовала, а для меня все вокруг погрузилось в

красный туман. Я видел перед собой только белый силуэт Майка и думал лишь о том, что надо снова и снова наносить удар за ударом, и так до скончания века.

Я не знаю, сколько раз побывал на полу. Каждый раз, когда противник попадал в цель правой, я падал как подкошенный. Но всякий раз я поднимался и нападал на него еще яростней, чем прежде. Я обезумел от страха, как человек, которого преследуют кошмары. Я думал лишь о Майке и стремительно бегущих минутах.

Правая рука моего противника казалась мне живым воплощением самого ада. Каждый раз, когда она входила в контакт с моей головой, мне чудилось, что в моем черепе образуется вмятина, а наше смещаются позвонки. Но я давно привык к боли. Ведь боль — неотъемлемая часть кулечной забавы. И пусть всякие там модные боксеры-танцоры прекращают поединок, почувствовав, что кости начинают размягчаться как воск, а мозги от постоянной тряски просятся наружу. Настоящий боец лишь ниже пригибает голову и снова идет в атаку. Это его бой. И пусть ребра сломаны, а острые осколки впиваются во внутренности, пусть кишки расплощены, а из ушей идет кровь от лопнувших внутри черепа сосудов — все это ерунда, важна только победа.

Никто из белых бойцов не был меня сильней, чем Торпеда Уиллоуби, но и я не оставался в долгу. Каждый раз, нанося точный и мощный удар под сердце или в висок противника, я замечал, как он сникает. Если бы он держал удары так же уверенно, как наносил их, вот тогда он бы стал чемпионом.

Наконец я увидел перед собой бледное лицо и открытый рот, которым Торпеда жадно ловил воз-

дух. И тут я понял, что теперь он мой, хотя сам я в этот момент повис на канатах, а зрители требовали меня добить. Правда, они не видели, что ноги Уиллоуби дрожат, живот тяжело вздымается, а глаза остекленели. Зрители не могли понять, что от мощных ударов его мышцы онемели, перчатки налились свинцовой тяжестью, а сердце готово выскочить из груди. Они видели только меня, повисшего на канатах и покрытого синяками и кровью, и его занесенную для решающего удара правую руку.

И вот Торпеда ударила, медленно и увесисто, но его кулак лишь чиркнул меня по плечу, потому что я успел оттолкнуться от канатов и увернуться. В следующее мгновение я пушечным ударом справа врезал противнику по челюсти, и тот рухнул лицом вниз на помост.

Когда так падают, уже не встают. Я даже не стал дожидаться, пока судья досчитает до десяти и зафиксирует нокаут. Ощущив прилив сил, я пересек ринг, сорвал перчатки и протянул руку за халатом. Разинув рот, мой помощничек вложил в мою ладонь губку.

Выругавшись, я швырнул эту губку ему в рожу, и он упал, угодив башкой точнехонько в ведро с водой. Это так развеселило зрителей, что, когда я бежал по проходу, онисыпали меня приветственными криками и швырнули мне в спину каких-нибудь полдюжины пустых бутылок, не больше.

Бизли поджидал меня в коридоре, и я на бегу выхватил у него свои пятьдесят баксов. Он вошел в раздевалку следом за мной и предложил помочь одеться. Но я-то знал, что он рассчитывал спереть мои денежки, поэтому оттолкнул его и, быстро накинув одежду, на всех парах вылетел на улицу.

Бар «Бристоль» считался третьесортным заведением и располагался на краю туземного квартала, где жили одни китайцы. Я добежал туда минут за пять. Часы над стойкой бара показывали, что до одиннадцати тридцати остается минуты полторы.

— Тони,— тяжело дыша, сказал я бармену, который разинув рот любовался моим окровавленным лицом.— Мне нужна задняя комната. Проследи, чтобы туда никто не входил.

Я добежал до черного входа и открыл дверь. В проулке было темно, но я разглядел валявшуюся у ступенек пустую жестянку из-под табака. Я быстрынько запихал в нее деньги, шагнул назад и закрыл дверь. Я думаю, в тени кто-то прятался и наблюдал за мной — стоило мне закрыть за собой дверь, как на улице послышалось движение. Но я не стал выглядывать наружу, чтоб не навредить Майку.

Я услышал чирканье железной банки по камню, потом все стихло, и, быстро досчитав до ста, я распахнул дверь и радостно крикнул:

— Майк!

Ответа не последовало. Банка исчезла, но Майк не появился.

Меня прошиб холодный липкий пот, язык прилип к небу. Как сумасшедший я бросился вниз по переулку и, немного не добежав до фонарного столба на перекрестке, споткнулся обо что-то мягкое и упал. Это «что-то» вымолвило со стоном:

— Ой, моя голова!

Я схватил бедолагу и подтащил поближе к свету. Оказалось, что это Трепач Джонс. На голове у него была шишка, а в руках жестянка, но... пустая.

Я пришел в бешенство. Помню, я скватил Трепача за горло и затряс так, что его глаза стали косить, и зарычал:

— Что ты сделал с Майком, крыса подзаборная?
Где он?

Трепач энергично замахал руками, и я догадался, что он не может говорить. Лицо его стало багрово-синим, а глаза и язык вылезли наружу. Тогда я слегка ослабил хватку, и он просипел:

— Я не знаю!

— Нет, знаешь! — заорал я, вонзая пальцы в его немытую шею. — Это ты его украл. Тебе понадобились пятьдесят баксов, чтобы поставить на лошадь. Теперь я все понимаю. Все настолько ясно, что даже такой болван, как я, догадался. Деньги ты получил, а где же Майк?

— Я все расскажу, — сказал он, тяжело дыша. — Отпусти, Стив. Ты совсем задушил меня. Слушай: действительно, Майка украл я. Забрался в твой номер, усыпал его наркотиком и унес в мешке. Но я не собирался причинять ему вред. Мне нужны были только полсотни. Я думал, ты сможешь их раздобыть, если припрет... Я отнес Майка к Ли Юну и спрятал там. Мы положили пса в клетку, пока он не очнулся, а то этот зверь пострашнее тигра. Я должен был прятаться в переулке, пока ты не положишь деньги в банку, а один из китайцев Ли Юна должен был привезти Майка на автомобиле и ждать, когда я принесу бабки. Тогда, если все пройдет нормально, мы собирались выпустить пса на улицу и смыться на авто. Ну, я спрятался, а потом, как мы и договаривались, приехал китаец и остановил машину в темном месте. Я подал ему сигнал и отправился за выкупом. Но когда я возвращался с деньгами, этот подлый ди-

карь выскошил из темноты и оглушил меня дубинкой. В общем, он сплюнул, и денежки укатили вместе с ним!

— А где Майк? — заорал я.

— Не знаю, — ответил Трепач. — Похоже, этот китаец вообще его сюда не привозил. Ой, моя голова! — заныл он, схватившись за череп.

— Считай, что это просто поцелуй ангела по сравнению с тем, что я с тобой сделаю, если не найду Майка, — пообещал я ему. — Где живет этот Ли Юн?

— На старом складе у причала, который местные зовут «Пристань дракона», — пояснил Трепач. — Там у него несколько комнат под жилье ...

Это я и хотел узнать и в следующую секунду уже мчался к «Пристани дракона». Я бросился вниз по переулку, пересек какой-то темный двор, свернул на узенькую уличку, заворачивавшую к порту, и нырнул в тупик, ведущий к тыльной стороне склада. Приблизившись к зданию, я заметил, что задняя дверь открыта и сквозь нее сочится свет.

• • •

Не колеблясь, я с кулаками наготове ворвался внутрь и тут же остановился. В помещении никого не было. Я стоял в огромной, залигой электрическим светом комнате, причем первое, что бросилось мне в глаза, — рубильник на стене. Повсюду валялись перевернутые столы, сломанные стулья и клочки шелковой ткани. Здесь произошла жуткая драка. Сердце мое ушло в пятки, когда я обнаружил две пустые клетки. На полу виднелись пятна крови, белые ворсинки собачьей шерсти и большие ключья темной шерсти, которые могли принадлежать только горилле.

Я осмотрел клетки. Несколько прутьев бамбуковой клетки были перегрызены пополам. Запор второй стальной клетки был взломан изнутри. Я понял, что тут произошло. Майк клыками проложил себе путь к свободе, а горилла сломала засов стальной клетки, чтобы добраться до моего пса. Но куда же они подевались? Может быть, китайцы со своей гориллой преследуют Майка по темным улицам или горилла прикончила пса и китайцы унесли его, чтобы избавиться от трупа?

Я ощутил слабость, топноту и беспомощность. Ведь Майк — мой единственный друг. Затем уже третий раз за сегодняшний день меня стал обволакивать багровый туман. В комнате оставался один несломанный стол. Поблизости не оказалось ни одного человека, об которого можно было бы почесать руки, поэтому оставалось лишь что-нибудь сломать.

Но тут открылась дверь, и в нее просунул голову белый толстяк с сигарой во рту. Он уставился на меня и спросил:

— Что это был за шум? А вы кто такой? И где Ли Юн?

— Я бы сам хотел знать, где он, — прорычал я. — А ты кто такой?

— Меня зовут Уэллс, хотя это не ваше дело, — ответил он, входя в комнату. Его брюхо выпирало из клетчатого пиджака, вихляющая походка завела меня до предела.

— Какой бардак! — воскликнул он, стряхнув пепел с сигары таким развязным жестом, что я был готов его убить. Вот такие житейские мелочи порой провоцируют убийство.

— Куда, черт возьми, подевался Ли Юн? Публика начинает нервничать, — сказал толстяк.

— Публика? — переспросил я. Мне показалось, что я расслышал гул голосов в фасадной части здания.

— Ну да, — ответил он, — публика пришла посмотреть поединок гориллы Ли Юна с бойцовым бульдогом.

— Что-о? — выпалил я.

— Да, — сказал он. — Вы разве об этом не знали? Уже пора начинать. Я — партнер Ли Юна, финансирую это шоу. Я стоял у входа, продавал билеты и пять минут назад услышал непонятный шум. Но я был занят сбором входной платы и не мог отойти и выяснить, в чем дело. Так что же тут произошло, а? Где китайцы и животные? А?

Я горько рассмеялся:

— Теперь все ясно. Майк понадобился Ли Юну для этих гнусных поединков. Он приметил возможность разжиться полсотней баксов и заодно устроить представление. Он надул Трепача, и...

— Идите и разыщите Ли Юна, — перебил меня Уэллс, откусывая кончик сигары. — Публика уже с ума сходит, а это сплошь портовые головорезы. Поторопитесь, и я дам вам полдоллара....

И тут я обезумел. Все накопившееся во мне горе и ярость вырвались наружу как расплавленная лава из вулкана. Я издал дикий вопль и взялся за дело.

— Помогите! — завопил Уэллс. — Он спятил!

Уэллс сквачился за рукоятку револьвера, но вытащить его не успел, потому что я наградил его таким ударом, что он полетел башкой прямо в стену и затылком приложился к ручке рубильника с такой силой, что та выпетела из контактов, и здание мгновенно погрузилось в темноту. Я на ощупь добрался до двери, распахнул ее и бросился по

узкому коридору, пока головой не налетел на другую дверь. Я распахнул ее и вошел в зал.

Я ничего не видел, но чувствовал присутствие множества людей. Слышался гул голосов, выражавших недовольство на хинди, китайском и малайском языках, а также громкая английская и немецкая брань. Кто-то недовольно крикнул:

— Зачем погасили свет? Включите освещение! Как мы увидим бой без света?

Раздался еще чей-то возглас:

— Они запустили зверей в клетку! Я их слышу!

• • *

Тут все зрители стали громко ругаться и требовать, чтобы включили свет. Я продолжал на ощупь продвигаться вперед, пока не наткнулся на железные прутья. Тогда я сообразил, где нахожусь. Коридор, по которому я бежал, служил проходом или тоннелем, ведущим в большую клетку, где и проходили бои. Я просунул руку сквозь прутья, пошарил вокруг и нашупал ключ, торчавший из двери клетки. Я издал радостный крик, которому позавидовала бы даже горилла, повернул ключ, распахнул дверь и вырвался наружу. Эти скоты любят смотреть на драку, да? Ну что ж, постараюсь их не разочаровать. Когда двое мужчин по собственной воле дерутся за деньги — это одно. Но когда безобидных животных заставляют грызть друг друга для развлечения всяких мерзавцев — это совсем другое дело.

Я выскочил из клетки и вне себя от бешенства стал размахивать кулаками. Кто-то ойкнул и тут же рухнул, а еще кто-то завопил:

— Эй, кто меня ударил?

Тут уж все стали толкаться, пихаться, орать и лупить друг друга наугад, не соображая, что проис-

ходит. А я раздавал удары направо и налево, и после каждого удара кто-то валился на пол. Внезапно вдребезги разлетелось окно, и внутрь проник слабый луч света. Я подошел поближе к освещенному пространству, и тут раздался отчаянный вопль:

— Спасайся! Спасайся! Горила вырвалась!

После этого начался какой-то кошмар. Все бросились врассыпную, сбивая друг друга с ног, дико вопя и матерясь. В гуще этой свалки стоял я и угощал плюхами всех, кого мог достать.

— Вам хочется драки, да? — вопил я. — Ну тогда получите на дорожку!

Толпа зрителей как стадо быков врезалась в дверь, разнесла ее в щепки и вихрем вылетела на улицу — во всяком случае те, кто еще был в состоянии летать. Многих в этой свалке искалечили, но, честно говоря, большинство пострадало от моих кулаков. Этим гадам, видите ли, захотелось посмотреть, как прольется кровь — чужая, а не их собственная, — и ради этого нужно было принести в жертву Майка, моего единственного друга на Востоке. Я готов был всех поубивать!

Толпа с дикими криками припустила вниз по улице, я выскоичил следом, но споткнулся о невинного прохожего, сбитого удиравшими зрителями. Когда я поднялся на ноги, негодяи были уже далеко, хотя шум панического бегства еще не затих.

Огонь моей ярости поутих, оставив один пепел. Я чувствовал себя старым, больным и смертельно уставшим. Нагнувшись, чтобы помочь человеку подняться, я увидел, что это капитан английского судна, стоявшего под разгрузкой в порту.

— Скажите, — спросил он, делая глубокий вдох, чтобы успокоить дыхание, — вы не Стив Костиган?

— Да, это я, — признался я без энтузиазма.

— Замечательно! — воскликнул он.— Вас-то я и искал! Мне сказали, что это ваша собака.

Я вздохнул:

— Ага. Белый бульдог. Откликался на кличку Майк. Где вы нашли его тело?

— Тело? — удивился англичанин.— Тело! Эта зверюга полчаса гоняла четверых китайцев с гориллой по всему порту, а потом загнала их на таеклаж моего судна. Заберите его оттуда. Мне эти шутки ни к чему!

— Старина Майк! — обрадовался я, подпрыгнув от счастья.— По-прежнему самый боевой пес в южных морях! Показывай дорогу, друг. Мне не терпится сказать пару ласковых этим бедным жертвам. Против гориллы я ничего не имею, но за полсотни баксов, которые сперли у нас с Майком, китайцы ответят!

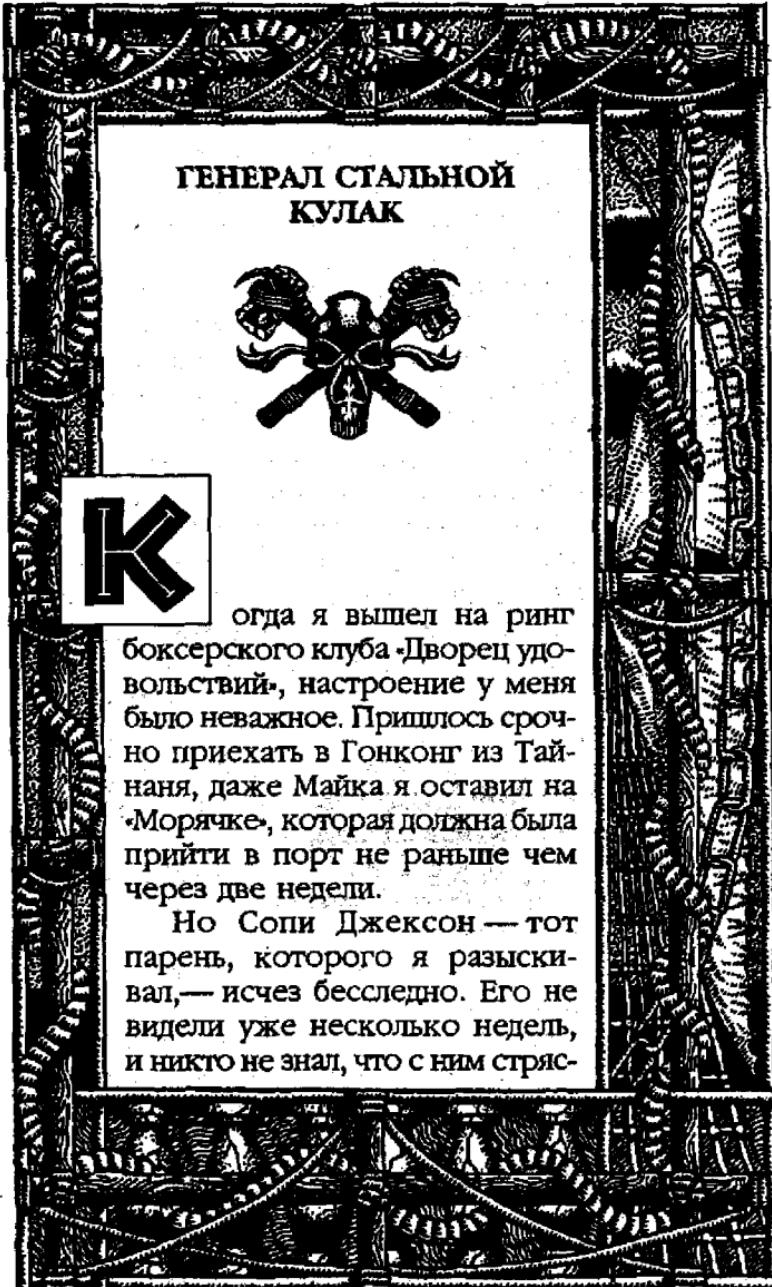

ГЕНЕРАЛ СТАЛЬНОЙ КУЛАК

огда я вышел на ринг боксерского клуба «Дворец удовольствий», настроение у меня было неважное. Пришлось срочно приехать в Гонконг из Тайтана, даже Майка я оставил на «Морячке», которая должна была прийти в порт не раньше чем через две недели.

Но Сопи Джексон — тот парень, которого я разыскивал, — исчез бесследно. Его не видели уже несколько недель, и никто не знал, что с ним стряслось.

лось. Тем временем деньги у меня закончились, и я согласился на поединок со здоровенным боксером-китайцем по прозвищу Желтый Тайфун.

Он был любимцем спортивной публики, и «Дворец» в тот вечер был до отказа занят зрителями — белыми и китайцами, — причем некоторые принадлежали к высшим слоям общества. Пока я ждал в своем углу удара гонга, мое внимание привлек один китаец. Европейская одежда сидела на нем безукоризненно, и казалось, что он проявляет живейший интерес к происходящему. Но в общем-то публика меня не интересовала, я хотел лишь одного — закончить бой как можно скорее.

Желтый Тайфун весил триста фунтов и был на голову выше меня, но большая часть его веса размещалась вокруг пояса, а руки и плечи не выдавали в нем обладателя мощного удара. И потом, неважно каких размеров китаец — просто он не боец.

В тот вечер у меня не было настроения демонстрировать эффектный бокс. Я попросту подошел к противнику вплотную, дал ему поработать руками, пока не заметил брешь в запяте, и затем ударил правой. Он грохнулся с такой силой, что помост закачался. На этом поединок закончился.

Не обращая внимания на крики разочарованной публики, я прошел в раздевалку, накинул на себя шмотки и, достав из кармана брюк письмо, в сотый раз прочитал адрес.

Оно было адресовано мистеру Сопи Джексону, бар «Америкэн», Тайвань, и отправлено адвокатской конторой из Сан-Франциско. Покинув борт «Морячки», Сопи встал за стойку в баре «Америкэн», а когда наше судно снова зашло в Тайвань, оказалось, что он уже месяц как ушел оттуда, и владелец заведения показал мне пришедшее на имя Джексо-

на письмо. Хозяин сказал, что Сопи отправился в Гонконг, но адреса его не знал, поэтому я и отправился на поиски. Мне казалось, что в письме содержится что-то очень важное. А вдруг кто-то оставил Сопи состояние?!

Оказалось, что в Гонконге, как и во всем Китае, происходят беспорядки. В горах собирались тысячи бандитов, называвших себя революционерами. Кругом говорили только о Юн Че, генерале Ван Шане и генерале Фэне, который, по слухам, был белым. Пошли слухи, что Юн и Фэн объединились против Вана и теперь ожидали серьезного столкновения. Иностранцы срочно покидали страну. Белому моряку, не имевшему в Гонконге ни друзей, ни знакомых, ничего не стоило потеряться из виду. Я еще подумал, что эти желтые дьяволы могли убить Сопи как раз, когда он мог разбогатеть.

Я засунул письмо в карман и вышел на освещенную фонарями улицу, размыкая, где бы еще поискать Сопи. И тут рядом со мной возник незнакомец — тот самый щеголеватый китаец в европейском костюме, что во время матча сидел в первом ряду.

— Ведь вы — моряк Костиган, правда? — спросил он на безупречном английском.

— Да, — ответил я, немного подумав.

— Я видел, как вы сегодня дрались с Желтым Тайфуном, — сказал он. — Удар, который вы ему нанесли, мог бы свалить быка. Вы всегда так бьете?

— А почему бы и нет? — ответил я.

Он внимательно оглядел меня и кивнул, словно согласился с самим собой по неизвестно какому поводу.

— Давайте зайдем сюда и чего-нибудь выпьем, — предложил он, и я последовал за ним в забегаловку.

Там сидели одни китайцы. Они взглянули на меня, точно снулье рыбы, и вновь принялись за чай и рисовое вино в крохотных чашках, похожих на яичную скорлупу.

Мандарин, или как он там у них называется, провел меня в комнату, дверь которой была задрапирована бархатными портьерами, а стены — шелковыми обоями с драконами. Мы сели за эбеновый столик, и слуга-китаец принес фарфоровый кувшин и чашки.

Мандарин стал разливать напиток. Когда он наполнял мою чашку, за дверью поднялся чертовский шум. Я обернулся, но из-за портьер ничего не было видно. Потом шум внезапно стих. Эти китайцы вечно ссорятся из-за всяких пустяков.

Тут мандарин предложил тост:

— Давайте выпьем за вашу замечательную победу!

— А, — сказал я, — пустяки. Мне и нужно-то было всего разок ударить.

Я выпил и удивился:

— Этот напиток какой-то странный на вкус. Что это такое?

— Каолян, — ответил китаец. — Выпейте еще.

Он снова налил и, подавая мне чашку, чуть не перевернул ее, задев рукавом.

Я выпил, и он спросил:

— Что случилось с вашими ушами?

— Вам следовало бы знать, раз уж вы такой любитель бокса, — ответил я.

— Сегодня я впервые в жизни увидел боксерский поединок, — признался он.

— Никогда бы не подумал, судя по тому, как заинтересованно вы наблюдали за поединком, — удивился я. — А такие уши на профессиональном языке

боксеров называют лопухами или цветной капустой. У меня как раз такие и есть, и еще нос кривой, оттого что я тормозил им удары кулаков, спрятанных в перчатки. Все старые бойцы носят такие украшения, если они, конечно, не «танцоры».

— Вы часто выступаете на ринге? — заинтересовался мандарин.

— Чаще, чем могу припомнить, — ответил я и заметил, что его черные глаза загорелись какой-то тайной радостью.

Я сделал еще глоток этого китайского пойла и ощутил приступ красноречия и фиглярства.

— От Саванны до Сингапура, — запел я, — от чистых уочек Бристоля до причалов Мельбурна — повсюду пыль рингов пропитана моей кровью и кровью моих врагов. Я главный задира с «Морячки» — самого боевого из судов, бороздящих океан. Стоит мне ступить ногой на причал, как даже самые сильные парни спасаются бегством! Я...

Тут я заметил, что мой язык начал заплетаться, а голова пошла кругом. Мандарин не делал ни малейшей попытки поддержать разговор. Он просто сидел и внимательно смотрел на меня блестящими глазами, а мне казалось, что я погружаюсь в какой-то туман.

— Какого черта! — тупо рявкнул я.

Затем я начал орать, попытался подняться из-за стола, но комната вокруг меня поплыла куда-то.

— Ах ты желтопузая крыса! Ты подсыпал наркоту в мою выпивку! Ты...

Левой рукой я схватил его за рубашку и через стол потащил на себя, занося правую для удара. Но прежде чем я успел ударить китаезу, в моем черепе что-то взорвалось, и я отключился.

Наверное, я долго пробыл в отключке. Пару раз у меня возникало ощущение, будто меня подбрасывают и толкают. Казалось, что я лежу в своей койке на «Морячке», а на море разыгрался шторм. А потом, что еду куда-то на автомобиле по разбитой и тряской дороге. У меня было такое чувство, что мне необходимо подняться и снести кому-то башку. Но, честно говоря, я просто лежал и ни черта не помнил.

Но когда я наконец очухался, то первым делом сообразил, что связан по рукам и ногам. Потом я заметил, что лежу на походной кровати, а надо мной навис здоровенный китаец с винтовкой. Я повернул голову и увидел, что на груде шелковых подушек сидит еще один человек, показавшийся мне знакомым.

Сперва я не узнал его, потому что теперь он был одет в расшитые на китайский манер шелковые одежды, но потом, разглядев, понял, что это мандарин. Несмотря на мешавшие путы, я принял сидячее положение и обратился к нему с плохо сдерживаемой яростью в голосе:

— Зачем ты подсыпал отраву в мою выпивку? Где я? Что ты со мной сделал, дерзко китайское?

— Вы находитесь в лагере генерала Юн Че,— спокойно ответил он.— Я привез вас сюда на своем автомобиле, пока вы были без сознания.

— А кто ты сам такой, черт тебя подери? — рявкнул я.

— Генерал Юн Че, ваш покорный слуга,— сказал он и насмешливо поклонился.

— Черта с два ты генерал! — усмехнулся я, показав, что тоже знаком с хорошими манерами Ст-

рого Света.— У тебя хватило смелости самому приехать в Гонконг?

— Эти болваны федералисты — глупы, — бесстрастно объяснил он.— И я частенько работаю шпионом у самого себя.

— А меня ты для чего спер? — заорал я и так дернул свои веревки, что на висках вздулись вены.— Я не смогу заплатить тебе чертов выкуп.

— Вы когда-нибудь слышали о генерале Фэне? — спросил он.

— И что с того, если слышал? — У меня не было никакого желания разгадывать загадки.

— Его лагерь неподалеку, — ответил китаец.— А сам он такой же белый дьявол, как и вы. Слышали его прозвище — генерал Стальной Кулак?

— Ну? — отозвался я.

— Это человек огромной силы и необузданых страстей, — начал свой рассказ генерал Юн.— Он приобрел сторонников и последователей скорее благодаря своим бойцовским качествам, нежели интеллекту. Тот, кого он ударит своим кулаком, без чувств падает на землю. Поэтому его и прозвали генерал Стальной Кулак.

Сейчас мы с ним объединили войска, так как наш общий враг, генерал Ван Шан, где-то поблизости. Войско генерала Вана больше нашего. Кроме того, у него есть самолет, который он сам пилотирует. Мы точно не знаем, где сейчас Ван Шан, но и ему неизвестно наше местоположение. К тому же мы принимаем серьезные меры предосторожности против шпионов. Ни один человек не может прийти в наш лагерь или покинуть его без специального разрешения.

Хотя мы и союзники с генералом Стальным Кулаком, но друг друга недолюбливаем. Вдобавок он

постоянно пытается подорвать мой престиж перед солдатами. Мне приходится отвечать тем же. Но я не хочу раздувать вражду между нашими армиями, главное — уронить авторитет самого генерала.

Генерал Фэн хвалится, что может одолеть любого человека в Китае голыми кулаками. Он частенько бросал вызов мне, предлагая якобы из спортивного интереса выставить против него моих самых сильных офицеров. Он прекрасно знает, что никто из моих людей против него выстоять не сможет. Его заносчивость роняет мой престиж. Вот я и отправился в Гонконг, чтобы найти боксера, способного с ним сразиться. Сначала я подумывал о Желтом Тайфуне, но после того, как вы уложили его одним ударом, я понял, что вы — тот, кто мне нужен. В Гонконге у меня много друзей. Да и подсыпать вам наркотик не составило труда. В первый раз ваше внимание отвлек шум подстроенной ссоры. Но одной дозы не хватило, и я ухитрился второй раз подсыпать зелье в вашу чашку из собственного рукава. Клянусь священным драконом, прежде чем потерять сознание, вы проглотили такую дозу наркотика, что слону хватило бы.

Но вот вы здесь. Я представлю вас Фэну перед собранием офицеров и потребую, чтобы он оправдал свое бахвальство. Он не сможет отказаться от вызова, не уронив свою честь. Ну а если вы его побьете, он потеряет лицо, а мой престиж соответственно возрастет, поскольку вы представляете меня.

— И что я буду с этого иметь?

— Если победите, я отправлю вас обратно в Гонконг с тысячей американских долларов.

— А если проиграю? — полюбопытствовал я.

— Хм. — Он улыбнулся. — Человек, которому палач срубит мечом голову, не нуждается в деньгах.

Я покрылся холодным потом и какое-то время делал вид, что размышляю.

— Вы согласны? — спросил он через минуту.

— Как будто у меня есть выбор! — воскликнул я.— Снимите с меня эти веревки и дайте чего-нибудь пожрать. На пустой желудок я ни с кем драться не собираюсь.

Генерал хлопнул в ладоши. Солдат разрезал веревки штыком, а слуга принес большое блюдо тушеной баранины, хлеб и рисовое вино. Я принялся за еду.

— В знак благодарности,— сказал генерал Юн,— позвольте преподнести вам эту безделушку.— С этими словами он достал из кармана превосходнейшие часы.— Если подарок вам понравился,— продолжил он, заметив мое восхищение,— то пусть он прибавит вам сил в схватке с генералом Железным Кулаком.

— Не беспокойтесь,— заверил я, разглядывая золотые часы с выгравированными драконами.— Я ему так врежу — недело будет кувыркаться.

— Замечательно! — заулыбался генерал Юн.— Если вам удастся во время поединка нанести ему смертельноеувечье, это может значительно упростить дело. Однако пойдемте! Генерал Фэн попадется в собственную сеть!

* * *

Я вышел на свет божий и увидел множество палаток, снующих между ними оборванных солдат, а немногого поодаль еще один лагерь, полный таких же желтопузых. Было раннее утро, и я сообразил, что мы всю ночь тряслись в автомобиле Юна, чтобы добраться сюда, в горы.

Генерал Юн направился к большой палатке в центре лагеря, и я последовал за ним. Офицеры,

одетые в самые разнообразные униформы, поднялись со своих мест и почтительно поклонились, только один здоровенный белый мужчина в защитном шлеме, выцветших брюках цвета хаки и высоких ботинках остался сидеть на походном табурете. Его кулаки были размером с кувалду, на руках бугрились мощные мышцы, а лицо и жилистая шея закоптились от солнца. Судя по его виду, он так и ждал, чтобы кто-нибудь дал ему повод для драки.

— Генерал Юн... — начал было он грубым голосом, но вдруг осекся и уставился на меня. — Какого черта ты тут делаешь?

— Джоэл Баллерин! — воскликнул я, хорошенъко разглядев сидящего.

Джоэла Баллерина всегда можно было найти там, где идет война. Причем в самой ее гуще. Он родился в Южной Австралии и имел врожденную слабость к дракам. Он слыл отличным боксером в Южной Африке, Австралии и южных морях. Торговец оружием и людьми, контрабандист, пират, ловец жемчуга и прочее, но по натуре драчун и задира, томимый неотступным желанием врезать своими кулачищами по чьей-нибудь башке. Сам я никогда с ним не дрался, зато видел результаты его работы. Увечья, которые он мог нанести, вызывали благоговейный ужас.

Он смотрел на меня без особой приязни, потому что у меня тоже была репутация смертоносного бойца, а все боксеры завидуют чужой славе. Поймав его взгляд, я почувствовал, что у меня волосы на спине встали дыбом.

— Вы часто хвастались, что являетесь мастером кулачного боя, — тихо начал Юн Че. — Вы неоднократно заявляли, что в моей армии нет ни единого человека, включая меня самого, которого вы не

смогли бы одолеть в два счета. Рядом со мной стоит один из моих приверженцев, и я готов выставить его против вас.

— Это Стив Костиган, американский моряк,— прорычал Баллерин.— Никакой он вам не приверженец!

— Напротив! — торжественно произнес генерал Юн.— Разве вы не видите, на нем мои часы с драконами, которыми я одариваю только верных соратников?

— Что-то здесь не так! — громыхал Баллерин.— Если ты притащил сюда эту гориллу с капустными ушами, значит ...

— Эй! — воскликнул, я негодяя.— Полегче с оскорблением! Если не хватает смелости подраться, так и скажи.

— Что? Ах ты чертов дурак! — заорал он и подпрыгнул со стула как ошпаренный.— Да я сейчас, не сходя с места, сверну тебе шею...

Генерал Юн встал между нами и, бесстрастно улыбаясь, сказал:

— Давайте вести себя достойно. Пусть поединок будет публичным. Боюсь, эта палатка не может служить ареной для столь мужественных гладиаторов. Я веду немедленно соорудить ринг.

Баллерин отвернулся и бросил:

— Ладно, устраивайте все как хотите.

Затем он повернулся ко мне и, сверля взглядом, прошипел:

— А что касается тебя, обезьяна американская, ты покинешь лагерь вперед ногами!

— От пустой болтовни синяков не бывает,— отмахнулся я.— И потом я никогда не занимался грязными делами, как ты, грязный работоговец и жемчужный вор!

Он налился кровью, словно вот-вот лопнет, яростно фыркнул и вылетел из палатки. Генерал Юн жестом пригласил меня следовать за собой, часть офицеров потянулась за нами, часть — за генералом Фэном. Похоже, между двумя армиями существовала открытая неприязнь.

— Генерал Стальной Кулак попал в свой собственный капкан! — щебетал Юн, сияя от удовольствия.— Он жаждет битвы, но полон гнева и подозрений, потому что знает: я подстроил ему этот поединок. Пусть солдаты обеих армий станут свидетелями его падения. Отзовите дозорных с холмов! Генерал Стальной Кулак! Ха-ха!

* * *

Генерал Юн отвел меня в соседнюю со своей палатку и велел кричать, если мне что-нибудь понадобится. Он сказал, что выставит охрану на тот случай, если Баллерин надумает меня убрать до поединка, но я сообразил, что стал пленником.

И вот сижу я в палатке и слышу, как к ней подошли несколько человек и окружили. Кто-то стал отдавать приказания на ломаном китайском, а потом выругался по-английски. Тут я высунул голову в дверь и крикнул:

— Сопи!

В старой армейской шинели на три размера меньше, чем нужно, и с саблей в руках на три размера больше, Джексон возглавлял отряд охранников. Увидев меня, он чуть не выронил железку:

— Стив! Что ты здесь делаешь?

— Собираюсь побить Джоэла Баллерина на радость Юну Че,— ответил я.

— Значит, вот почему сооружают ринг! Обо всем происходящем знают только высшие офицеры.

— А ты-то что тут делаешь? — перебил Сопи я.

— Да, дурака валяю... Мне надоело стоять за стойкой, и я решил стать наемником. Приехал в Гонконг, пробрался в горы и вступил в армию Юна Че. Но здесь совсем не та жизнь, на которую я рассчитывал. Ничего не имею против боевых действий, потому что в основном — это много крика, немного стрельбы и совсем мало вреда. Но маршировать по этим горам чертовски тяжело, а еда просто отвратительная. Платят нам редко, а когда получишь деньги, тратить их негде. Готов дезертировать хоть за десять центов!

— Поступай, у меня есть для тебя письмо.— Я полез в карман брюк и тут же заорал: — Меня обокрали! Его нет!

— Чего нет? — спросил Сопи.

— Письма. Я разыскивал тебя, чтобы передать письмо. Оно пришло в бар «Америкэн» в Тайнане. Письмо от юридической фирмы «Ормонд и Эшли» из Сан-Франциско.

— Ну и что же было в том письме?

— Откуда мне знать? Я его не распечатывал. Подумал, что кто-то оставил тебе кучу денег или что-нибудь в этом роде.

— Я помню, папаша говорил, что у него богатые родственники, — заволновался Сопи. — Посмотри еще раз, Стив.

— Я уже смотрел. Нету! Уверен, это Юн Че забрал письмо, пока я был в отключке. Пойду и врежу ему по челости.

— Постой! — заорал Сопи. — Ты добьешься, что нас обоих пристрелят! Тебе нельзя выходить из палатки, я должен тебя сторожить.

— Ладно, — согласился я. — Вряд ли в конверте были деньги. Скорей всего, тебе сообщали, куда

приехать за наследством. Я запомнил адрес. Когда вернемся в Гонконг, я напишу им и сообщу, что разыскал тебя.

— Долго придется ждать,— с грустью констатировал Сопи.

— Не очень долго,— сказал я.— Вот уделаю Баллерина и сразу отправлюсь в Гонконг.

— Не отправишься,— возразил Сопи.— Во всяком случае не скоро.

— О чем это ты? — Мне стало любопытно.— Юн сказал, что отправит меня в Гонконг, если я побью Баллерина.

— Но он ведь не сказал, когда именно отправит, верно? — спросил Сопи.— Он не станет рисковать. Ты запросто начнешь болтать, и шпионы Вана быстро узнают наше местонахождение. Нет, мой дорогой, он будет держать тебя в пленах до тех пор, пока мы не уйдем отсюда, а этого придется ждать месяцев шесть!

— Я должен торчать в этой норе шесть месяцев? — воскликнул я в праведном гневе.— Не буду!

— Может, тебе и не придется,— весело сказал он.— В лагере китайских повстанцев случаются самые неожиданные вещи. Я смотрю, на тебе часы Юна Че.

— Да,— признался я.— Правда, красивые? Юн Че подарил их мне.

— Ну, эти часы он не тебе первому дарит, — поведал Сопи.— Но они всегда возвращаются к Юну Че после смерти очередного владельца — они умирают неожиданно и довольно часто. Только на моей памяти эти часы дарили четверым, и ни одного из них уже нет в живых.

— Какую чертовщину ты несешь! — воскликнул я, обильно вспотев.— Да-а, кажется, я попал в

приятную компанию! А ты сам хочешь здесь остаться?

— Нет, не хочу! — ответил он с горечью. — Я и раньше не хотел, а теперь, когда меня дожидаются миллионы долларов на карманные расходы, я готов забросить эту дурацкую саблю подальше и рвануть на побережье.

— Так, — сказал я. — Я тоже не намерен торчать здесь шесть месяцев. Но мне нужна тысяча баксов. Давай-ка сделаем рывок сегодня вечером, как только я получу деньги.

— Они нас догонят прежде, чем мы успеем отойти на две мили, — мрачно изрек Сопи. — У меня хорошая лошадь, здесь таких немного, но двоих она никаким аллюром не потянет. Все остальные клячи стреножены и охраняются, чтобы никто не смог удрать и сообщить наши координаты генералу Вану. А тот собственную ногу отдаст за такую информацию. Юн Че уверен, что я не сбегу, потому что Ван хочет отрубить мне голову. Во время сражения при Каучау я украл цыплят, предназначенные для его стола.

— Так, — начал я нервно. — Провалиться мне к чертям, если я останусь...

— Тс-с! — зашептал Сопи. — Сейчас будет смена караула. Вот идет другой наряд. Сейчас я уйду и все обдумаю.

Появились солдаты с офицером-китайцем во главе, а Сопи и его люди отправились отдыхать. Я сел и стал заводить часы с драконами, пытаясь придумать что-нибудь умное, но это мне, как всегда, не удалось.

* * *

Время тянулось медленно, но наконец в середине дня пришли офицеры, и меня с эскортом

повели к рингу, воздвигнутому на полпути между двумя лагерями. Вокруг уже образовалась плотная толпа военных. С одной стороны стояли приверженцы Юна Че, с другой — генерала Фэна. И те и другие были при винтовках. Ринг соорудили из четырех забитых в землю столбов и натянутых между ними веревок, а пол — из досок, приподнятых над землей на ярд или около того. Возле ринга на походном стуле восседал генерал Юн в окружении своих офицеров. Позади него высился огромный обнаженный по пояс китаец. Другие офицеры и солдаты либо стояли вокруг ринга, либо сидели на земле.

Сопи нигде не было видно, секундантов или помощников тоже. Китайцы ничего не смыслят в таких делах. Я взошел на ринг, потрогал веревки — их натянули слишком слабо — и осмотрел пол. Он был достаточно твердым, но неровным и к тому же без всякого покрытия. У них хватило соображения поставить по углам походные табуреты, так что я снял куртку и рубашку и уселся. Генерал Юн поднялся со своего места и подошел ко мне. Он мягко улыбнулся и сказал:

— Побей эту собаку, как побил Желтого Тайфуна. Если проиграешь поединок, потеряешь голову прямо на этом самом ринге.

— Я не собираюсь проигрывать, — прорычал я, сытый по горло обещаниями генерала.

Юн Че мило улыбнулся и вернулся на свое место. Тут кто-то дернул меня за штанину. Я посмотрел вниз и увидел Сопи. Его тряслось от волнения.

— Ничего не говори, Стив! — прошептал он. — Только слушай. Юн Че думает, что я хочу подбодрить тебя перед боем. Так вот слушай: я все устроил! До меня дошел слух, что федеральные войска

стоят лагерем в долине к югу отсюда. Они ничего о нас не знают, но я нашел человека, который поклялся, что ему можно верить. Я тайком отправил его из лагеря на своей лошади. Он приведет федералистов сюда, и они разнесут это бандитское логово. Когда начнется пальба, мы пригнемся и побежим к федералам. Мой человек уехал сразу после нашего разговора, так что они должны прибыть сюда через час или чуть больше.

— Надеюсь, что они не появятся слишком рано,— сказал я.— Ведь мне еще нужно получить с Юна Че свою тысячу баксов.

— А я пойду послежу за людьми Фэна,— прошептал Сопи.

В тот же миг толпа с другой стороны ринга расступилась, и к нам вышел генерал Фэн, он же Джоэл Баллерин, собственной персоной.

Он был обнажен до пояса, на лице блуждала злая ухмылка, короткие светлые волосы стояли ежиком. Солдаты закричали приветствия. Фэн действительно был крепким парнем и к тому же обладал скоростью и выносливостью. У него были квадратные плечи, широченная грудь колесом и мощная шея. При каждом движении под загорелой кожей проступали бугры мышц. Соперник стоял, широко расставив ноги, он был чуть-чуть выше меня ростом и весил двести фунтов против моих ста девяноста.

Мысленно возвращаясь к той схватке, я думаю, что она была самой странной из всех, в которых я участвовал. Вместо судьи был китаец, который время от времени бил в гонг, причем, судя по всему, когда ему заблагорассудится. В том, как он отсчитывал время, не наблюдалось никакой логики. Один раунд мог длиться тридцать секунд, дру-

гой минут девять-десять. Когда кто-то из нас падал, никому даже в голову не приходило считать до десяти. Задумка была такова: продолжать бой до тех пор, пока один из нас не сможет подняться с пола. О существовании перчаток, похоже, тут тоже не знали. Голые костяшки не отскакивают как перчатки, зато на них остаются раны и синяки. Одним или даже полудюжиной ударов, нанесенных голым кулаком, довольно трудно отправить в нокаут крепкого бойца. Его надо добивать методично.

Предварительных церемоний не было. Перемахнув через канаты, Баллерин прыгнул на ринг, отшвырнув табурет ногой и скомандовал:

— Бей в гонг, Ву Шан!

Ву Шан ударил, и Баллерин набросился на меня, как гибрид мустранга и китайского тайфуна.

Мы сошлись в центре. Первым же ударом он расплющил мое капустное ухо, а я с первого раза разбил ему челость до кости. А потом началась резня и бойня.

Наш поединок был лишен красоты. Мы грудью налетали друг на друга, и голые кулаки с хрустом били по мышцам и костям. Первый раунд еще не закончился, а мы уже топтались в собственной крови. Во втором раунде Баллерин едва не сломал мне челость оглушительным левым хуком, от которого я повалился на пол. Но с ударом гонга я опять полез в драку как сумасшедший. В начале третьего раунда мы с такой скоростью ринулись друг на друга, что столкнулись головами и рухнули на помост почти без чувств. У Баллерина был рассечен лоб, а у меня на темени образовалась шишка размером с яйцо. Китайцы кричали, видя, как мы корчимся на полу,

но мы одновременно поднялись на ноги и пошли лупить друг друга, пока Ву Шан не потерял самообладания и не ударил в гонг.

В начале четвертого раунда я стал методично наносить удары в живот противника, а он тем временем молотил меня по голове. В моих ушах стоял такой звон, будто все корабли в гавани Сан-Франциско были в судовые колокола, глаза заливала кровь, и я лупил наугад. Я слышал, как тяжело дышал и хрюкал Баллерин, когда мои кулаки все глубже и глубже вонзались в его брюхо. Наконец он издал дикий вопль, скватил меня поперек туловища, швырнулся на пол и, усевшись на меня верхом, начал бить головой, моей разумеется, об пол, к великой радости своего войска.

Поскольку Ву Шан, казалось, решил продолжать этот бой вечно, я избрал для себя долговременную тактику. Лягнув Баллерина в затылок, я скинул его, а когда он начал подниматься, пригласил в глаз.

Это уменьшило его обзор наполовину и вовсе не улучшило настроение, что он и доказал, заревев как паровой гудок и оглушив меня жутким ударом в ухо, от которого я перемахнул на другую сторону ринга. Я врезался в плохо натянутые веревки, которые ничуть не помешали моему полету, и, продолжая движение, рухнул на колени сидевших зрителей.

Я поднялся и полез обратно под канаты, наступая при этом на ноги болельщиков. Один из них в качестве компенсации за неудобства хотел колнуть меня штыком, но я успел врезать ему по челюсти. Потом я заметил, что мой соперник стоит у

канатов и гнусно ухмыляется, показывая окровавленные кулаки. Я догадался, что он хочет нанести удар, когда я буду пролезать сквозь канаты, и сказал:

— Отойди от канатов и дай мне пролезть, крыса гальюнная!

— Это уж как сумеешь, бабуин вонючий! — нахально рассмеялся он.

Тогда я резко просунул руку под веревки и дернулся за щиколотку. Он брякнулся на спину, а я успел прыгнуть на ринг прежде, чем он сумел подняться. Баллерин в бешенстве вскочил на ноги, но тут Ву Шан решил ударить в гонг.

С началом пятого раунда мы вновь сошлись и дубасили друг друга до полного изнеможения. Когда наконец раздался удар гонга, мы рухнули, где стояли, и так пролежали до начала следующего раунда, жадно ловя воздух. С началом шестого раунда мы поднялись и продолжили начатое в пятом.

Мы обменялись вихрем ударов справа и слева, и вдруг он нанес удар снизу, да так быстро, что я и не заметил. Я ударился об пол затылком, чуть не заработав вмятину в черепе, но снова поднялся и попер вперед, самозабвенно нанося удары. Я гонял противника по рингу и, не заметив, как он отступил в сторону, по инерции пролетел мимо и упал на канаты.

Он успел трижды врезать мне по шее, а когда я, качаясь, развернулся, двинул мне по физиономии размашистым хуком справа. Бац! Не помню, чтоб я падал, но, видимо, все-таки упал, так как очухался я на полу, а Баллерин топтал меня башмаками. Где-то вдали Ву Шан бил в гонг, но мой противник не обращал на это внимания, и я почувствовал, что отчаливаю в страну грез.

Затем мой блуждающий затуманенный взгляд остановился на генерале Юне. Он мрачно улыбался мне, а полуобнаженный китаец за его спиной вытащил огромный изогнутый меч и проверил пальцем оструту клинка.

Я зарычал, это слегка успокоило мой мятущийся разум, и, несмотря на противодействие противника, я поднялся на ноги. Я врезал слева с такой силой, что чуть не оторвал Баллерину ухо, и он полетел на канаты. Отскочив от них с диким ревом, он размахнулся, но, вместо меня, попал в столб и разнес его в щепки. Я в свою очередь вонзил правый кулак ему под сердце, вложив в этот удар всю массу тела. Услышав хруст ребер, я послал вдогонку серию ударов правой и левой. Он попятился, болтаясь как судно, попавшее в тайфун. От жуткого удара правой в голову Баллерин свесился через канаты. Только я собрался нанести последний удар, как почувствовал, что меня дергают за штаны. Я услышал голос Сопи, ему удалось переорвать толшу:

— Стив! Баллерин приказал солдатам держать тебя на мушке. Если ты уложишь его сейчас, то не уйдешь живым с ринга!

Я протер глаза от крови и мельком глянул через плечо. В первом ряду солдаты генерала Фэна по-прежнему опирались на винтовки, но за их спинами я заметил мерцание направленных на меня стволов.

Баллерин оттолкнулся от канатов и хотел ударить справа, но промахнулся на целый ярд. Он на-верняка упал бы, но я успел его подхватить.

— Что же мне делать? — взвыл я. — Если я его не уложу, Юн Че отрубит мне голову, а если уложу — солдаты пристрелят меня!

— Тяни время, Стив! — взмолился Сопи.— Держись, пока хватит сил. В любую минуту может что-нибудь произойти.

Я посмотрел на солнце и вспотел от отчаяния. Баллерин висел на мне, я прижимал его к себе, насколько хватило сил, а потом оттолкнул и послал вдогонку размашистый удар. Он закачался, я попытался его поймать, но мой противник упал лицом вниз. Услышав лязганье затворов, я тут же пригнулся. Но Баллерин попытался встать. Клянусь, я никогда так не желал, чтобы мой соперник поднялся. Генерал ухватился за веревки, подтянулся и все-таки принял стоячее положение, тупо озираясь вокруг. Один глаз у него был закрыт, а второй блестел как стеклянный.

Он плохо стоял на ногах, но бойцовский инстинкт заставлял его действовать, слоняться по рингу, вслепую нанося удары. Я тоже замахнулся для вида, но он каким-то чудом умудрился подставиться под мой удар.

Когда Баллерин упал спиной на канаты, Сопи жалобно завыл. Я мигом подлетел и подхватил противника, пока тот не рухнул на пол. Я и сам еле передвигал ноги, и мне стало чертовски любопытно, как долго я смогу таскать на себе этот полумертвый груз.

Поверх плеча Баллерина я увидел, что генерал Юн сгорает от нетерпения. Даже китайскому революционеру было ясно, что генерал Стальной Кулак спекся. Но я держался, потому что знал: если выпущу Баллерина, ему больше не подняться, а меня изрешетят, как мишень.

Вдруг сквозь крики толпы послышался какой-то гул. Я посмотрел поверх голов и над гребнем отдаленного холма увидел какой-то летящий объект.

Это был самолет, причем никто, кроме меня, его пока не заметил. Я протанцевал вместе со своей ношей до канатов и шепотом сообщил эту новость Сопи. Он сообразил, что таращиться на самолет не следует и прощептал:

— Продолжай тянуть время! Держи его! Федералы послали самолет, чтобы вытащить нас отсюда. Порядок!

Генерал Юн что-то заподозрил. Он вскочил с места, погрозил мне кулаком и что-то крикнул, а его чертов палач ухмыльнулся и снова обнажил меч. А самолет, мгновенно увеличившись в размерах, с ревом обрушился на нас, словно ястреб. Все задрали головы и заорали. Когда самолет пролетел над рингом, я заметил, как от него отделился какой-то предмет и сверкнул на солнце. Сопи закричал:

— Берегись! На нем нарисован дракон! Это не федералы, это Ван Шан!

Я с размаху швырнул Баллерина через канаты и нырнул за ним следом. В следующее мгновение — баах! — обломки ринга полетели в разные стороны.

• * *

Бомбы падали и взрывались, поднимая на воздух палатки. Люди кричали, стреляли и бежали куда-то, наталкиваясь друг на друга. Рев проклятого самолета стоял над долиной. Мы с Сопи бредли к высокому дереву, и я смутно понимал, о чём он орёт:

— Мой китайец и не думал идти к федералам, крыса поганая! Он был одним из шпионов Ван Шана. Теперь ясно, зачем он вызвался помочь. Ему понадобилась моя лошадь. Эй, Стив, сюда!

Увидев, как Сопи с разбегу нырнул в автомобиль генерала Юна, я последовал за ним. Заревел мотор,

и тут же в то самое место, где только что стоял автомобиль, забрызгав нас грязью, упала бомба. Не знаю, где был генерал Юн. Впрочем, я мельком видел фигуру в шелковых одеждах, бежавшую в сторону холмов. Возможно, это был он.

Мы пронеслись по лагерю словно торнадо, а позади нас разразился настоящий ад. Ну и задал Ван жару своим врагам! Сколько бомб он кинул, я не считал, но парень явно не экономил.

Я плохо помню нашу гонку на автомобиле. Сопи вцепился в руль, утопив педаль газа до самого пола, а я крепко держался за сиденье, чтобы не вылететь из чертовой машины, которую швыряло на колдобинах словно утлую лодочонку в шторм. Вдруг мы налетели на такую кочку, что меня перекинуло на заднее сиденье.

Когда я поднялся с пола, чтобы глотнуть воздуха, в руке у меня был зажат какой-то клочок, при виде которого я радостно закричал и тут же прикусил язык, потому что мы снова наехали на кочку. Я перелез на переднее сиденье тем же способом, каким в тайфун ползал по салингам грот-мачты, и попытался сообщить Сопи о своей находке. Но он гнал авто с такой скоростью, что мои слова уносило ветром.

К закату мы выбралисъ из горного района и покатали по довольно приличной дороге среди полей и глиниобитных хижин.

— Я нашел твое письмо,— наконец-то сообщил я.— Оно валялось на полу автомобиля. Наверное, выпало у меня из кармана, когда я был связан.

— Прочти его мне,— попросил Сопи, а я сказал:

— Подожди, только взгляну, целы ли мои часы. Я упустил тысячу баксов за победу над Баллерином,

поэтому хочу убедиться, что хоть что-то получил за свои мытарства.

Я вытащил часы, которые стоили не меньше пяти сотен долларов. Они оказались целехонькими. Тогда я распечатал письмо и прочел:

*«Адвокатская контора «Ормонд и Эшли»
Сан-Франциско, Калифорния, США*

Уважаемый мистер Джексон!

Настоящим уведомляем, что против Вас подан иск миссис Джей. Эй. Линч о взыскании девятимесячной платы за проживание и пансион, что составляет сумму...»

Сопи издал душераздирающий вопль и крутанул руль.

— Что ты делаешь, идиот! — завопил я, когда машину стало заносить и вертеть, как лодку в бурный прилив.

— Я возвращаюсь к Юну Че! — закричал он. — Все мои надежды рухнули! Я думал, стану наследником, но я по-прежнему нищий! У меня нет даже...

Бах! Мы съехали с дороги, врезались в дерево и перевернулись.

Смеркалось, я выполз из-под обломков и снял с шеи колесо. Я стал искать останки Сопи и нашел их сидящими в задумчивости на разбитой фаре.

— Мог бы поинтересоваться, не ушибся ли я, — упрекнул я приятеля.

— Ну и какая разница? — жалобно спросил он. — Мы разорены. Нет у меня никакого состояния!

— Во всяком случае у меня остались часы Юна Че.

Я полез в карман и дико взмыл. Видно, часы приняли на себя основной удар. У меня на ладони лежала лишь пригоршня пружинок, колесиков и другой металлической дребедени, по которой невозможно было определить, имеет все это барахло отношение к часам или нет.

А потом в сумерках можно было наблюдать, как в сторону побережья спешат две фигуры, оглашая окрестности угрозами страшной мести.

БОЙ БЕЗ ПРАВИЛ

Я

с самого начала невзлюбил человека, который должен был судить мой поединок с Мазилой Харпером в Шанхае. Звали его Хулихан, и так же, как и я, он был моряком и боксером. Это был огромный рыжеволосый человек-горилла с руками, похожими на покрытые шерстью окорока, и нахальной походкой, от которой меня бесило. Он вел себя так, будто был королем в порту, а этот титул всегда принадлежал мне.

Не выношу таких самодовольных болванов и очень горд тем, что не страдаю излишним самомнением. Из моих слов никто бы никогда не узнал, что я самый сильный боец с самого боевого корабля из всех плавающих судов и что меня боятся все задиры от Вальпараисо до Сингапура. Я такой скромный, что нарочно принижаю свои достоинства.

Рыжий Хулихан достал меня своими наглыми приказами. Он их выкрикивал, как из рупора. А когда выяснилось, что они с Харпером плавали на одном судне, выходки Хулихана стали просто невыносимы.

А узнал он об этом в третьем раунде, пока отсчитывал положенные десять секунд Харперу, который подбородком остановил мой чудовищный хук слева.

— Семь! Восемь! Девять! — отчеканил Хулихан, а затем прервал отсчет и полюбопытствовал: — Черт подери! Ты случайно не тот Джонни Харпер, что был боцманом на старине «Сайгоне»?

— Угу! — промычал Харпер.

— Ты что, Хулихан? — рявкнул я недовольно. — Давай считай!

— Я — судья в этом матче. — Он презрительно посмотрел на меня. — А ты занимайся своим делом. Ей-богу, Джонни, не видел тебя с тех самых пор, как удрал из тюрьмы в Калькутте.

Но Джонни наконец-то поднялся на ноги и изо всех сил старался увильнуть от моего заключительного удара, и это бы ему не удалось, если б не гонг.

Хулихан помог Харперу добраться до своего угла, и там они продолжали оживленно беседовать до начала следующего раунда. Вернее, говорил один Хулихан, Харпер не мог наслаждаться беседой, так как три его зуба торчали из моей перчатки.

Весь четвертый раунд, пока мы молотили друг друга, я слышал голос Хулихана.

— Не дрейфь, Джонни,— болтал он.— Я пролежжу, чтобы все было по-честному. Давай бей левой! Этот удар правой в живот — пустяк для нас. Не обращай внимания на удар по корпусу. Он наверняка скоро устанет.

Вне себя от злости, я повернулся к нему и сказал:

— Слушай, рыжий бабуин! Ты кто: судья или секундант?

Не знаю, что он собирался ответить, потому что в этот момент Харпер воспользовался тем, что я отвлекся, и со всей силы заехал мне в ухо. Обалдев от такого вероломства, я развернулся и всадил свой кулак ему в живот по самый локоть. Мазила тут же стал приятного зеленого цвета.

— Прижмись к нему, Джонни,— подначивал Хулихан.

— Заткнись, Рыжий,— прошипел Харпер, пытаясь войти в клинч.— Ты его заводишь, и он вымешает злость на мне!

— Ничего, мы этого не боимся,— начал было наш судья, но в этот момент я огрел Харпера по уху убойным ударом справа, и он нырнул головой в пол, к явному неудовольствию Хулихана.

— Один! — завопили рефери, делая отмашку рукой, как флагком.— Два! Три! Вставай, Джонни, эта макака не умеет драться.

— Может, он и не умеет,— промямлил Джонни обалдело, оторвав голову от пола и кося глазом в мою сторону,— но если он еще раз так ударит, то скоро я буду плясать на своих похоронах. А я не люблю танцы. Можешь считать хоть до утра, Рыжий, но для меня бал окончен!

Хулихан недовольно фыркнул, схватил мою руку и поднял ее.

— Дамы и господа! — заорал он. — С большим сожалением объявилю, что эта тупоголовая горилла победила!

С гневным ревом я выдернул руку и вмазал Рыжему по хоботу, отчего он упорхнул за канаты головой вперед. Прежде чем я успел наброситься на него сверху, меня схватили десять полицейских. Массовые драки — обычное дело для «Дворца развлечений», поэтому антрепренер заранее подготовился. Пока я разбирался с этими безмозглыми болванами, Хулихан поднялся из груды обломков и тел и попытался пробраться на ринг, издавая при этом бычий рев и брызгая кровью в разные стороны. Но уйма народу налетела на него и с криками оттащила назад.

Тем временем человек сорок — пятьдесят из числа друзей хозяина заведения пришли на выручку полицейским, и я как-то незаметно оказался в раздевалке, лишившись возможности выместить на туше Хулихана свой праведный гнев. Его вытащили из зала через один выход, а меня проводили через другой. Им всем здорово повезло, что я оставил своего белого бульдога Майка на «Морячке».

Я был настолько взбешен, что одевался с большим трудом, и к тому времени, когда я закончил сборы, в здании никого, кроме меня, не осталось. Скрипя зубами, я решил отправиться на поиски Рыжего Хулихана. Шанхай был слишком тесен для нас двоих.

* * *

Направляясь к двери в коридор, я вдруг услышал чьи-то шаги на улице. Внезапно задняя дверь в раз-

девалку с шумом распахнулась. Полагая, что это явился Рыжий, я резко обернулся и поднял кулаки, но тут же в удивлении замер.

Это был не Рыжий, а девушки. И очень хорошенькая. Но сейчас она была бледна, напугана и тяжело дышала. Она закрыла дверь и прислонилась к ней спиной..

— Не дайте им схватить меня! — прошептала она.

— Кому? — спросил я.

— Этим китайским дьяволам! — выдохнула она.— Этим ужасным бандитам Ван Ии!

— Кто они такие? — поинтересовался я, сильно озадаченный.

— Тайное общество злодеев и убийц! — пояснила девушка.— Они гнались за мной по переулку. Они замучают меня до смерти!

— Ничего у них не выйдет! Я их по полу размажу. Дайте-ка я выгляну на улицу.

Я отодвинул девушку в сторону, открыл дверь и высунул голову на улицу.

— Никого не видно.

Она прислонилась к стене, одной рукой держась за сердце. Я посмотрел на нее с состраданием. Красотка, попавшая в беду, всегда найдет отклик в моей широкой мужественной душе.

— Они, наверное, где-то прячутся, — сказала она со слезами в голосе.

— Почему они гонятся за вами? — спросил я, забыв о своем намерении раскатать Рыжего Хулихана по причалу.

— У меня есть одна вещь, которая им очень нужна, — сказала красотка.— Меня зовут Лори Хопкинс. Я выступаю с танцевальным номером в «Европейском Гранд-театре». Вы когда-нибудь слышали о Ли Яне?

— Это главарь бандитов, что навели здесь шороху пару лет назад? — спросил я. — Разумеется, слышал. Он опустошил своими рейдами все побережье. А почему он вас интересует?

— Прошлой ночью в переулке за театром я наткнулась на умирающего китайца, — сказала она. — Его пырнули ножом из-за клочка бумаги, который он прятал во рту. Китаец оказался одним из головорезов Ли Яна. Поняв, что умирает, он отдал эту бумажку мне. Я думаю, это карта местности, где Ли Ян спрятал свои сокровища.

— Черт возьми, что вы говорите?! — заволновался я, сильно заинтригованный.

— Да. И отсюда до этого места можно добраться меньше чем за день, — продолжала девушка. — Но убийцы откуда-то узнали, что карта у меня. Они называют себя бандой Ван Ии. Они были смертельными врагами Ли Яна и теперь хотят заполучить его сокровища. Поэтому они гонятся за мной. Боже, что мне делать? — зарыдала она, заламывая руки.

— Не бойтесь, — утешал я. — Я смогу защитить вас от этих желтопузых крыс.

— Я хочу уехать, — прошептала красотка сквозь слезы. — Я боюсь оставаться в Шанхае. Они убьют меня. Сама я не осмелись искать сокровища и отдала бы им карту в обмен на свою жизнь. Но они все равно убьют меня за то, что я знаю про сокровища. Ох, если бы у меня были деньги, чтобы сбежать отсюда! Я бы продала эту карту за пятьдесят долларов!

— Неужели продали бы? — вырвалось у меня. — Зачем? В этом тайнике, наверно, много золота, серебра, драгоценных камней и других сокровищ. Этот Ли Ян был жуткий грабитель!

— На что они мне, если я погибну,— ответила девушка,— Что же мне делать?

— Я вам скажу, что делать,— сказал я и полез в карман брюк.— Продайте эту карту мне. Я дам вам пятьдесят баксов.

— Правда дадите? — подпрыгнув и засияв глазами, воскликнула она.— Нет, по отношению к вам это будет нечестно. Это так опасно. Я лучше порву карту и...

— Подождите! — закричал я.— Не делайте этого, черт возьми. Я готов рискнуть. Меня не пугают желтопузые. Вот вам полсотни. Давайте карту.

— Боюсь, потом вы пожалеете об этом,— сказала она.— Но... вот эта карта.

Пока она пересчитывала деньги, я уставился на карту с таким чувством, будто уже держу в руках сокровища. На ней был изображен маленький зеленый остров, расположенный близ материка. Одно дерево, чуть повыше остальных, одиноко росло в стороне. От него к берегу вела стрелка и упиралась острием в точку, отмеченную крестом. На полях карты было много надписей на китайском языке и только одна строчка по-английски.

— Пятьдесят шагов к югу от высокого дерева,— сказала мисс Хопкинс.— На глубине пяти футов под слоем рыхлого песка. До острова всего несколько часов хода на моторной лодке. На карте имеются все указания на английском языке.

— Я найду его,— пообещал я, благоговейно складывая карту.— Но прежде чем начать поиски, я провожу вас домой, а то с этими бандогами надо держать ухо востро.

Она отказалась:

— Нет, я выйду через парадную дверь и подзову такси. Завтра к вечеру я буду в полной безопаснос-

ти, далеко в море. Никогда не забуду того, что вы для меня сделали.

— Если вы дадите мне адрес, куда направляетесь, то я позабочусь, чтобы вы получили свою долю сокровищ, если, конечно, я их найду.

— Об этом не беспокойтесь. Вы уже сделали для меня больше, чем можете себе представить. Прощайте! Надеюсь, вы найдете то, чего заслуживаете.

И она выбежала так спешно, что я не сразу сообразил, что ее уже нет.

* * *

Я не стал терять время даром. Начисто забыв о Рыжем Хулихане (человек, которого ждут миллионы, не разменивается на мысли о всякой швали), я на всех парах направился в знакомый мне туземный квартал рядом с портом. Я знал одного рыбака-китайца по имени Чин Ят, который сдавал свой моторный катер в аренду. Всю свою наличность я отдал мисс Хопкинс, а этот китаец был единственным человеком, который позволил бы воспользоваться катером в кредит.

Было уже поздно, потому что список участников боев в тот вечер был необычно длинным. Я добрался до Чин Ята уже за полночь и в свете факелов увидел, что он медленно прохаживается возле лодки с каким-то крупным белым мужчиной. Я бросился бежать, опасаясь, что он отдаст катер напрокат прежде, чем я успею до него дойти. Правда, я никак не мог понять, зачем нормальному белому человеку лодка в такой час.

Уже на подходе к причалу я крикнул:

— Эй, Чин! Я хочу взять напрокат катер...

Белый верзила повернулся, и свет факела упал на его лицо. Это был Рыжий Хулихан.

— Тебе что здесь надо? — спросил он и сжал кулаки.

— Мне некогда терять с тобой время, — рявкнул я. — Я разберусь с тобой позже. Чин, мне нужен твой катер.

Китаец замотал головой и загундосил:

— Осен заль. Нисем ни магу памось.

— Как это понимать? — взревел я. — Что значит не можешь помочь?

— А то, что катер арендован мной! — сказал Хулихан. — И я заплатил ему вперед, наличными.

— Но у меня важное дело! Мне нужен этот катер. Дело пахнет большими деньгами!

— Откуда тебе знать, как пахнут большие деньги? — фыркнул Хулихан. — Катер нужен мне, потому что на нем я поплыту за такими большими деньгами, какие тебе и не снились, обезьяна тупоголовая! Знаешь, почему я до сих пор не разрисовал твоей рожей доски этого причала? Ладно, я скажу тебе, чтобы ты не умер от умственного напряжения! Так вот, у меня нет времени, чтобы тратить его на такого бабуина, как ты. Я отправляюсь за спрятанными сокровищами! А когда поплыту назад, катер будет по самый планишир завален золотом!

Сказав это, он помахал перед моим носом клочком бумаги.

— Где ты это взял? — выдохнул я.

— Не твое дело, — ответил он. — Это... эй, а ну отпусти!

Разволновавшись, я дернулся за бумагой, и Хулихан попытался меня ударить. В ответ он получил по роже и чуть не грохнулся с причала. Рыжий чудом удержался на ногах, а затем издал дикий вопль, потому как клочек бумаги выскоцил из его руки и растворился в черной воде.

— Смотри, что ты наделал! — истерично заорал он.— Из-за тебя я потерял целое состояние! Надевай перчатки, дьявольское отродье! Сейчас я тебе вышибу...

— У тебя была такая же? — спросил я, вытащил свою карту и показал ему при свете факела. Один взгляд на бумажку привел его в чувство.

— Черт подери! — вскрикнул он.— Точно такая же! Откуда она у тебя?

— Это неважно. Дело в том, что мы оба знаем, за чем охотимся. Мы оба хотим заполучить сокровища, спрятанные Ли Яном перед тем, как его шлепнули федералисты. У меня есть карта, но нет лодки, а у тебя есть лодка, но нет карты. Пошли!

— Ну да! А когда дело дойдет до дележки,— сказал он недовольно,— тут я все и потеряю.

— А кто говорит о какой-то там дележке? — взревел я.— Добыча достанется сильнейшему. Мне еще надо свести с тобой кой- какие счеты. Сначала найдем клад, а потом разберемся. Победитель забирает все!

— Меня это устраивает,— согласился Рыжий.— Пошли!

Но когда мы выходили из гавани, мне в голову пришла одна мысль.

— Постой! — крикнул я.— Этот остров лежит к северу или к югу от порта?

— Глуши двигатель, и посмотрим карту,— предложил Хулихан и взял фонарь.

Я поднес карту к свету, и мы стали разглядывать надпись на английском, выведенную мелким женским почерком.

— Это «N», — сказал Рыжий и ткнул своим большим волосатым пальцем в букву на карте.— Значит, остров находится к северу от гавани.

— А мне кажется, это буква «S», — возразил я.— И по-моему, остров лежит к югу.

— А я говорю к северу! — начал закипать Хулихан.

— К югу! — зарычал я.

— Мы пойдём на север! — заорал Хулихан, размахивая кулаками; он совсем потерял контроль над собой.— Либо пойдем на север, либо вообще никуда не пойдем!

Я хотел подняться, но задел ногой какой-то предмет на дне катера. Оказалось, это черпак. Я не из тех, кто способен упустить богатство из-за упрямства какого-то тупоголового болвана. Я размахнулся и черпаком огrel Хулихана по голове.

— Мы пойдем на юг! — повторил я свирепо, и никаких возражений не последовало.

Пробираться вдоль побережья ночью на катере — это вам не воскресная прогулка! Хулихан пришел в сознание около полудня. Он приподнялся, потер шишку над ухом и долго матерился.

— Этого я тебе не забуду, — пообещал он.— Это дело мы с тобой тоже уладим! Где мы находимся?

— Остров прямо по курсу, — ответил я.

Он глянул на карту и ухмыльнулся:

— Этот остров не похож на тот, что нарисован на карте.

— Ты хочешь, чтоб невежественный китаец нарисовал карту идеально? — спросил я с вызовом.— Это именно тот остров, что нам нужен. Ищи самое высокое дерево. Оно должно быть где-то здесь.

Но дерева не было. С этой стороны острова вообще не было ничего, кроме густого кустарника, растущего из болотистой почвы. Тогда мы подошли к острову с другой стороны, и я сказал:

— Вот оно. Китаец сделал еще одну ошибку — нарисовал дерево совсем не там, где надо. Вон песчаный гляж и высокая пальма.

* * *

Хулихан вмиг забыл о всех своих сомнениях. Ему так же, как и мне, не терпелось побыстрей добраться до берега. Мы причалили в узкой бухточке и, навьюченные кирками и лопатами, побрели по вязкому песку в сторону деревьев. Сердце мое бешено стучало, предчувствуя, что очень скоро я стану миллионером.

Высокая пальма росла намного ближе к воде, чем значилось на карте. Отсчитав пятьдесят шагов к югу, мы оказались по пояс в воде!

— Похоже, мы столкнулись с техническими проблемами, — подытожил я, но Хулихан осклабился и, сложив здоровенные ручищи на груди, сказал:

— Эти проблемы меня не волнуют. Сейчас я думаю о другом. Мы на острове, сокровища тоже здесь, лежат под слоем воды и песка, остается только откопать их. Но мы еще не определили, кому они достанутся.

— Хорошо, — сказал я, снимая рубашку. — Сейчас определим.

Хулихан тоже сбросил одежду и принял боксерскую стойку. Лучи утреннего солнца отражались от покрытой рыжей шерстью широченной груди, на руках и плечах Рыжего бугрились мускулы.

Он бросился на меня как разъяренный бык, и я встретил его, работая обеими руками.

Говорили, что никому не удавалось одолеть Хулихана ни на ринге, ни вне его. Все двести фунтов его веса составляли крепкие мышцы, а двигался он с кошачьей быстротой. Вернее, мог двигаться,

поскольку такой возможности ему не представилось.

Мы стояли по щиколотку в песке, и прыгать ну никак не получалось. Это напоминало танцы на горячем поре. Солнце поднялось высоко и нещадно палило нас адским пламенем, выжимая последние силы, как воду из губки. И еще этот проклятый песок! Это похуже, чем гири, привязанные к ногам. Не было никаких передвижений или маневров — одни удары, удары и еще раз удары. Нос к носу, голова к голове. Только кулаки снуют взад-вперед как механические кувалды.

Не знаю, как долго мы дрались. Наверно, несколько часов, потому что солнце взбиралось все выше и выше и секло нас раскаленными лучами. В глазах плавал кроваво-красный туман. Я ничего не слышал, кроме отрывистого дыхания Рыжего, шуршания проклятого песка под ногами и хруста ударов.

Смешно говорить о жаре, стоявшей во время поединка между Джейфризом¹ и Шарки на Кони-Айленде, или о жарище на ринге в Толедо! Да оба этих местечка — просто ледяные хижины эскимосов по сравнению с нашим островком! Мое тело так затекло и онемело, что я почти не ощущал ударов Хулихана. Я плюнул на защиту, и мой противник сделал то же самое. Мы в открытую наносили друг другу размашистые удары, вкладывая в них последние силы.

Один глаз у меня заплыл, бровь над ним была рассечена, и веко безжизненно повисло, словно занавеска. С половины лица была содрана кожа, а

¹ Джейфриз Джеймс Дж. (1875—1953) — боксер, чемпион мира в тяжелом весе 1899—1905 годов.

капустное ухо от ударов превратилось в багрово-синюшное месиво. Из носа, ушей и губ сочилась кровь. Пот градом катился по груди и стекал по ногам; я уже давно стоял в грязной жиже. Мы оба были перемазаны потом и кровью. Я отчетливо слышал отчаянные удары собственного сердца, казалось, оно вот-вот выскочит из груди наружу. Мышцы ног, еще не одеревеневшие окончательно, напоминали тлеющие и дрожащие от напряжения канаты. Каждый раз, вытаскивая ногу из раскаленного липкого песка, я думал, что суставы не выдержат и разрушатся.

Хулихан отбивался, пятясь словно раненый бык; дыхание отрывистыми всхлипами прорывалось сквозь разбитые зубы, кровь текла по подбородку. Его живот трепетал как парус на ветру, а ребра от моих ударов по корпусу пожидали на хорошо отбитое мясо.

Шаг за шагом соперник отступал под моим на-
тиком.

Я не заметил, как мы очутились в тени той самой большой пальмы. Солнце уже не жгло мне спину. Казалось, будто холодной водой окатили. Хулихан тоже немного оживился. Я заметил, что он напрягся и поднял голову, но все равно он уже спекся. Мои удары выбили из него самоуверенность. Ноги меня больше не слушались, идти в атаку я уже не мог, поэтому я просто упал на него и в падении нанес сильный прямой правой в челюсть, вложив в этот удар все свои силы до последней капли.

Удар попал в цель, но упали мы вместе. Немного полежав, я пошарил вокруг себя и, ухватившись за ствол дерева, поднялся на ноги. Держась за пальму одной рукой, другой я протер глаза от пота и крови и начал отсчет. Я был в полуобморочном состо-

янии, поэтому три или четыре раза сбивался со счета и начинал сначала. Наконец я совсем отключился, но продолжал стоять на ногах, а когда пришел в себя, сообразил, что продолжаю считать и дошел уже до тридцати или сорока. Хулихан лежал без движения.

Я хотел сказать: «Черт возьми! Все бабки мои!» Но сумел только разинуть рот как иззыхающая рыбина. Я сделал один неверный шаг в сторону груды лопат, но ноги мои подкосились, и я головой рухнул в песок. Так и лежал точно трупик.

Меня разбудило тарахтенье двигателя, доносившееся сквозь шум прибоя. Затем через несколько минут я услышал шуршание шагов по песку, человеческие голоса и смех. Потом кто-то громко выругался.

Я тряхнул головой, чтобы избавиться от красных кругов перед глазами, и поморгал. У пальмы стояли четверо с кирками и лопатами в руках и таращились на меня. Я узнал их: Кривляка Харриган, Дубина Шиммерлинг, Джо Донован и Том Сторли — банда самых грязных крыс из всех, что когда-либо засоряли порты.

— Черт возьми! — воскликнул Харриган со своей обычной нагловатой ухмылкой. — Кто бы мог подумать! Костиган и Хулихан! Каким ветром этих горилл занесло именно на этот остров?

Я попытался подняться, но ноги не слушались, и я снова плюнулся в песок. Где-то рядом со мной застонал, а потом выругался Хулихан. Харриган нагнулся и подобрал листок бумаги — это была моя карта.

Он показал ее остальным, и они громко расхохотались; это меня неприятно удивило. Голова все еще не работала после ударов Хулихана и палящего

солнца, так что я с трудом соображал, что происходит.

— Положи карту на место, а не то я встану и порву тебя на части! — прошамкал я сквозь разбитые губы.

— Ах, так это твоя карта? — поинтересовался Кривляка, ехидно улыбаясь.

— Я приобрел ее у мисс Лоры Хопкинс, — сказал я, по-прежнему плохо соображая. — Она принадлежит мне, и все бабки тоже. Лучше отдай, а то раскатаю как коврик.

— Лора Хопкинс! — гоготнул он. — Это Суэцкая Киска! Самая ловкая аферистка и воровка из всех, кто обчищает карманы нашему брату. Она разыграла тот же номер с этим беамозглым быком Хулиханом. Сам видел, как она подцепила его на выходе из боксерского клуба.

— Что ты хочешь этим сказать? — сурово спросил я, стараясь принять сидячее положение. Встать мне по-прежнему не удавалось, а Хулихану тем паче. — Она продала такую же карту Хулихану? Значит, свою карту он получил от нее?

— Эх ты, придурок! — ухмыльнулся Харриган. — Ты что же, совсем ни черта не соображаешь? Эти карты — липа! Не знаю, что вы делаете здесь, но если бы вы плыли по карте, то ушли бы на много миль к северу от порта, а не к югу.

— Значит, сокровищ Ли Яна не существует? — простонал я.

— Отчего ж не существуют, — сказал он. — Скажу больше, они спрятаны на этом самом острове. А вот — настоящая карта. — Он помахал листом пергамента, исписанным иероглифами вдоль и поперец. — Здесь они и лежат, эти сокровища. Ли Ян их не сам прятал, клад закопал для него один контра-

банџист. А Ли Яна убили прежде, чем он успел приехать за своим богатством. Кarta хранилась у старого мошенника по имени Яо Шан. Суэцкая Киска выкупила у него карту за сто баксов, что выудила у вас с Хулиханом. Этот Яо Шан, должно быть, свихнулся, раз продал карту. Хотя черт их разберет, этих китайцев.

— А как же банда Ван Ии? — спросил я оторопело.

— Чушь собачья! — хмыкнул Харриган. — Уловка, чтобы сделать историю более убедительной. Но если тебе от этого станет легче, могу сказать, что Суэцкой Киске в конце концов пришлось расстаться с картой. Я много дней следил за ней, зная, что она что-то затевает, только не знал, что именно. Когда она получила карту от Яо Шана, я треснул ей по башке и забрал карту. И вот я здесь!

— Сокровища точно так же принадлежат нам, как и тебе, — запротестовал я.

— Ха-ха-ха! — заржал Кривляка Харриган. — По-пробуй-ка возьми их! Вперед, ребята, за работу. Эти два болвана так отделали друг друга, что нам нечего их опасаться.

И вот я лежал и молча страдал, пока эти разбойники готовились умыкнуть добычу у нас из-под носа. Харриган не обращал никакого внимания на большую пальму. Внимательно изучив карту, он нашел торчавший из гущи кустов здоровенный камень, отсчитал от него десять шагов на запад и приказал:

— Копайте здесь.

Его приятели принялись за работу с таким рвением, какого я от них совсем не ожидал; песок так и летел во все стороны. Довольно скоро кирка Дубины Шиммерлинга лязгнула обо что-то твердое.

— Смотрите! — завопил Том Сторли.— Лакированный сундук, окованный железом!

Бандюги закричали от радости, а Хулихан жалобно застонал. Он только что пришел в себя и сообразил, что происходит.

— Надули! — зарыдал он.— Провели! Обманули! Подставили! А теперь еще всякое ворье грабит нас прямо на глазах!

Преодолевая боль, я кое-как поплелся по песку и уставился в вырытую яму. Мое сердце замерло, когда я увидел кованую крышку сундука. Багровая волна ярости прокатилась по моему телу, унося слабость и боль.

Харриган повернулся ко мне и завякал:

— Видишь, что ты потерял, дубина стоеросовая? Видишь сундук? Я не знаю, что там внутри, но оно наверняка стоит миллионы! «Ценнее золота» — так сказал Яо Шан. И теперь все это наше! Пока ты и твой дружок-горилла будете до конца жизни тянуть лямку да слизывать пыль с ринга, мы будем купаться в роскоши!

— Сначала ты искупашься в своем деръме! — заревел я и бросился на них как тайфун.

Харриган замахнулся киркой, но не успел опустить ее мне на голову, потому что я левым хуком размазал ему нос по щекам, а заодно вышиб все передние зубы. В этот момент Дубина Шиммерлинг поломал черенок лопаты о мою голову, а Том Сторли подбежал ближе и вцепился в мои штаны. Последняя глупость с его стороны! Он тут же осознал это и, перед тем как потерять сознание, крикнул Доновану, чтобы тот бежал за ружьем.

Донован намек понял, бросился к катеру, схватил винтовку и вприпрыжку побежал назад. Он побоялся стрелять с дальнего расстояния, так как

Шиммерлинг, Сторли и я сплелись в такой тесный клубок, что ему бы не удалось угробить меня, не задев их. Но в это время я выпутался из безжизненных объятий Сторли и приласкал Шиммерлинга по подбородку таким апперкотом, от которого он вперед башкой нырнул в яму и воткнулся в крышку сундука.

Донован издал воинственный крик и быстренько приложил к плечу приклад. Но Хулихан на четвереньках подполз к Джо сзади и дернул его за ноги в тот самый момент, когда он нажимал на курок. Дробь прошла над моей головой, задев волосы, а Донован рухнул сверху на Рыжего, который тут же одарил мерзавца таким ударом правой, что чуть башку не оторвал.

Потом Хулихан подполз к краю ямы и посмотрел вниз.

— Оно твое,— выдавил он.— Ты побил меня. У меня сердце разрывается, как подумаю, сколько бабок я потерял.

— Ой, заткнись,— недовольно проворчал я, ухватил Шиммерлинга за ногу и вытащил из ямы.— Помоги лучше достать сундук. Что бы в нем ни было, половина — твоя.

Хулихан разинул рот от удивления.

— И ты станешь делиться? — тихо спросил он.

— Он, может быть, и станет, а я — нет! — раздался вдруг твердый женский голос.

Мы с Хулиханом разом повернулись и увидели перед собой мисс Лору Хопкинс. Она здорово изменилась. Теперь на ней была мужская рубашка, брюки цвета хаки и высокие башмаки. Выражение лица стало более суровым, чем при нашей первой встрече. Вдобавок из-под ее защитного шлема виднелась повязка, а в руке она держала направленный

на нас револьвер. Теперь она выглядела как настоящая Суэцкая Киска.

Она ухмыльнулась, взглянув на Кривляку Харригана и его приспешников, которые начали подавать первые признаки жизни.

— Этот дурак думал, что прикончил меня, да? Ха! Меня не так легко убить! — заявила она. — Украд мою карту, крыса! А как вы попали сюда, горилы безмозглые? На картах, которые я вам продала, нарисован остров, до которого отсюда полдня добираться.

— Это была моя ошибка, — сказал я и, хромая, с несчастным видом подошел поближе к ней. — Я тебе поверил. Думал, ты попала в беду.

— Тем хуже для тебя, дурака, — усмехнулась Киска. — Мне позарез была нужна сотня баксов, чтобы выкупить карту у Яо Шана. Мне показалось, что кинуть вас с Хулиханом — неплохая идея. Теперь беритесь за работу! Надо вытащить сундук из ямы и отнести в мою лодку. А ты — болван, если веришь каждому... Эй!

Я так быстро выбил револьвер из ее руки, что она не успела нажать на курок. Покувыркавшись в воздухе, пушка шлепнулась в воду.

— Ты думаешь, что одна такая умная, а все остальные — болваны, — хмыкнул я. — Давай-ка вытащим наш сундук, Рыжий!

Суэцкая Киска стояла рядом и ошалело глядела на нас.

— Но это мой сундук! — завопила она. — Я заплатила Яо Шану сто долларов за...

— Это была наша сотня, — перебил я. — Знаешь, ты мне надоела.

Мы с Рыжим наклонились и, ухватив сундук, с трудом вытянули из ямы. Суэцкая Киска носилась по всему пляжу и бесновалась.

— Ах вы грязные, подлые обманщики, крысы! — выла она.— Мне следовало знать, что мужикам нельзя верить. Грабители! Бандиты! Нет, это уж слишком!

— Да заткнись ты! — сказал я устало.— Отсыпем и тебе немного. Рыжий, дай-ка мне вон тот камень. Замок насквозь прогнил.

Я взял камень и ударил по замку пару раз, тот разлетелся на куски. Харриган и его банда очухались и теперь с кислыми рожами наблюдали за нами. Суэцкая Киска кружила поблизости. Рыжий рывком открыл крышку сундука. Секунду-другую стояла гнетущая тишина, а потом Киска издала дикий вопль и схватилась за голову. Харриган и его команда тоже разразились скорбным воем.

Сундук был до краев полон не серебром, не платиной и не драгоценными камнями, а пулеметными патронами!

— Патроны! — констатировал Хулихан с туповатой простотой.— Неудивительно, что Яо Шан хотел избавиться от этой карты! «Ценнее золота», сказал старик. Конечно, для главаря бандитов боеприпасы действительно ценнее золота. Стив, мне плохо!

Плохо было и Харригану и всей его команде. А Суэцкая Киска рыдала так, будто села на шило.

— Стив,— спросил Рыжий, пока мы ковыляли к катеру, сопровождаемые рыданиями и причитаниями оставшихся позади нас мошенников.— Ты решил поделиться со мной сокровищами, потому что я не дал Доновану снести тебе башку?

— Я что, похож на дешевку? — возмутился я.— Я с самого начала собирался все поделить.

— Тогда какого же черта,— заорал он, посинев лицом,— ты разудел меня до полусмерти, если все равно собирался делиться, а? Зачем мы тогда вообще дрались?

— Возможно, ты дрался за сокровища,— устало сказал я и поднес кулак к его лицу.— Лично я хотел доказать тебе, кто из нас сильнее.

— В таком случае ты меня не убедил! — завопил он и тоже стал размахивать кулаками.— Меня уделили солнце и чертов песок, а не ты. Мы решим этот спор сегодня же вечером на ринге.

— Во «Дворце развлечений»,— добавил я и, запрыгивая в катер, крикнул: — Поплыли! Я весь чешусь от желания доказать всем, что ты такой же никудышный боец, как и рефери!

ЗМЕИ, МЕЧИ И ГЕРОИ

Весной 1929 года, когда Тевис Клайд Смит закончил колледж Говард Пэйн, они с Бобом развлекались в парке катанием с гор на детских санках. Однако подобное беззаботное времяпровождение не было долгим, поскольку в семье Говарда наметились кое-какие изменения.

Айзек и Эстер Говарды уже долгое время постепенно отдалялись друг от друга. Эстер пестовала свою любовь и внимание к сыну и, как обычно, постоянно укоряла мужа за неотесанность манер и финансовую беспомощность. Ее раздражала постоянная болтовня мужа с пациентами и странная привычка не носить с собой наличных, оплачивая даже самые незначительные покупки чеками.

Пропасть стала более глубокой в результате появившихся у Эстер домыслов, что она и Роберт — королевского происхождения и, следовательно, принадлежат к высшей знати, тогда как Айзек — невежественный простолюдин. Не удивительно, что доктор старался проводить как можно больше времени вне дома и жаловался каждому, кто соглашался его выслушать, на то, как дурно обращается с ним жена. Он часто намекал, что в один прекрасный день уйдет из семьи и потребует развода. В дальнейшем, когда Роберт стал постоянно продавать свои рассказы и более уверенно встал на ноги, он стал упрекать отца в том, что тот легкомысленно относится к болезни матери. Следствием этого было несколько бурных ссор между отцом и сыном, за которыми обычно следовали примирения. Соседи довольно часто слышали их гневные голоса.

В начале 1928 года один из коллег по профессии рассказал Айзеку Говарду о хлопковой лихорадке в малонаселенном графстве Диккенс. Это графство было настоящим западно-техасским скотоводческим краем, в его западной части холмистая местность переходила в высокогорья. Растительность там была скучной, климат, хоть и не столь суровым, как в горах, все же считался достаточно резким, с ежегодным количеством осадков более 20 дюймов и колебаниями температуры от 10 до 100 градусов по Фаренгейту, а также постоянно дующими ветрами.

Доктор Говард узнал, что туда собирается перебраться в поисках работы множество людей. Несомненно, им должны были потребоваться врачи. Предполагая, что ему представляется прекрасная возможность в короткий срок заработатьличные деньги, Айзек Говард отправился в Спур, небольшой городок в округе Диккенс, в 112 милях к северо-западу от Кросс Плэйнс.

4 мая 1929 года он получил лицензию на занятия медицинской деятельностью в графстве Диккенс. Он перевел свое свидетельство о членстве из Первой Баптистской церкви в Кросс Плэйнс, куда он вступил в 1924 году, в Баптистскую церковь Спуря. Айзек Говард, очевидно, собирался остаться там на некоторое время. Можно лишь догадываться, что вынудило принять его такое решение — претензии его супруги, враждебное отношение сына или вечное безденежье, заставлявшее сдавать часть небольшого дома.

Дата переезда Говарда-старшего неизвестна, но он прожил в Спуре около полугода. Он часто приезжал в Кросс Плэйнс навестить семью, поэтому горожане даже не знали о его отъезде. Ближе к концу 1929 года доктор Говард вернулся, чтобы остаться в Кросс Плэйнс по крайней мере на полгода, поскольку Роберт в это время отсутствовал в городе. Мы не знаем, вернулся ли доктор в Спур в первой половине 1930 года, но достоверно известно, что 22 августа 1930 года он перевел свое членство в церкви обратно в Кросс Плэйнс.

Отъезд доктора не был единственной переменой, которая волновала маленькую семью. В середине 1929 года дом покинул и Роберт. Прихватив с собой пишущую машинку, он переехал в Браунвуд и провел вторую половину года в дешевом отеле, а затем в комнате пансиона миссис Килер в доме 816 на Мелвуд-авеню. Там Роберт Говард оставался до начала 1930 года.

Причиной этого переезда была, вероятно, приближающаяся смерть собаки Роберта, Пестрика. Сведения об этом событии противоречивы. Упоминая о нем в письме к Э. Хоффману Прайсу, доктор Говард пишет, что собака умерла в 1927 году и что ко времени ее смерти Роберт всего несколько дней пребывал в Браунвуде.

С другой стороны, временное проживание Роберта в Браунвуде во второй половине 1929 года подтверждается его адресом, который печатался в «Хунте» с августа 1929 года до февраля 1930 года. А стареющая память доктора Говарда, скорее всего, допустила хронологическую неточность. Это тем более вероятно, что письмо было написано им десятилетие спустя.

Поскольку других причин переезда Роберта в Браунвуд нам неизвестно, мы должны согласиться с Гленном Лордом, который консультировался по этому поводу с Тевисом Клайдом Смитом. По его словам, события развивались следующим образом. Доктор Говард вернулся из Спур на довольно долгий период летом 1929 года. Вскоре после этого Роберт уехал в Браунвуд. Он не мог сделать этого раньше, так как мужчины никогда не оставляли Эстер одну в доме. Роберт оставался в Браунвуде до смерти собаки, что произошло приблизительно в январе 1930 года, после чего в феврале вернулся в Кросс Плэйнс.

Пестрик, которому было уже более 12 лет, был для Говарда гораздо больше, чем просто домашний любимец. Пес дарил ему ту искреннюю любовь, которую Роберт столь безуспешно искал в сердцах человеческих существ. Эксцентричные поступки легкоранимого юноши очень часто вызывали осуждение знакомых и родственников и неодобрительное отношение горожан. Родителей интересовало, почему он не занимается серьезным делом, вместо того чтобы носиться как с золотыми яйцами со своими рассказами, которые появлялись только в дешевых журналах с яркими обложками. Поскольку Роберт не желал или не мог изменить свои привычки, это продолжало вызывать неодобрение окружающих.

Для такого однокого человека привязанность собаки казалась столь ценной, что хозяин не мог заставить себя наблюдать за ее агонией. Когда Пестрик захворал, Роберт упаковал рюкзак и сказал матери, что уезжает. Каждое утро он звонил домой, но не вернулся до тех пор, пока пес не умер и не был похоронен. Отец Говарда позже вспоминал:

«Когда он звонил, его первым вопросом всегда было: «Мама, как ты?», а следующим: «Как Пестрик?» Когда на четвертый день мать ответила, что собака умирает, Роберт больше не заводил разговор об этом. Я закопал пса в глубокой яме на дальнем конце участка, а затем перепахал землю вокруг, чтобы могила не бросалась в глаза, поскольку знал, что Роберт очень горевал по поводу смерти Пестрика. Он только один раз спросил у матери: «Вы похоронили Пестрика под мексиканским деревом в углу участка с восточной стороны?» Мать ответила утвердительно, и больше об этом не заговаривал ни один из нас».

Семья Говардов всегда относилась к неприятностям так, как будто их вообще не существовало. Отчаяние, которое испытал Роберт из-за смерти собаки, было столь велико, что некоторое время родители даже боялись, что он совершил самоубийство. Кое-кому из его друзей казалось непонятным, как взрослый человек может «бегать и прятаться» от смерти пса, пусть даже и любимого.

Хотя страницы рассказов Говарда заливают потоки крови, в реальном мире Роберт не мог без содрогания видеть страдания как людей, так и животных. С одной стороны, это заставля-

ло его с сочувствием относиться к слабым и больным, а с другой — подобная чувствительность была причиной отказа от медицинской деятельности и привела к тому, что он попросту сбежал, не желая видеть агонии преданной умирающей собаки. За исключением случая с матерью, страданиям которой он искренне сопереживал, необходимость ограждать себя была столь велика, что пресекала какое-либо желание утешить страждущего или помочь ему.

Говард всегда заботился о собственном здоровье — чрезмерно заботился, как считал один его друг. Защищая сына от суровой реальности, родители только усугубили его ипохондрию. Роберт Говард походил на младенца, выросшего под герметически закрытым колпаком,— такой человек, покидая свой стерильный мирок, немедленно погибает от любого заболевания, поскольку начисто лишен иммунитета. Роберт погиб от того же — столкновение с действительностью оказалось для него смертельным.

Однако беспомощность перед реальной жизнью часто бывает характерна для поэтов. А Роберт Говард был поэтом. Поэт существует, не соприкасаясь с реальностью, погруженный в мир радужных мечтаний и фантазий, или — как Говард — отчаянно прокладывает себе путь через кошмары.

Чтобы понять «певца в тени», нам следует пристально и с вниманием рассмотреть его поэтические произведения.

Первое опубликованное стихотворение Говарда — *«Море»* — появилось в еженедельной газете его родного города в 1923 году, когда Роберту было 17 лет. К тому времени, как ему исполнилось 22 года, им была создана большая часть его стихотворного наследия. На самом деле он продолжал искать самовыражения в поэзии и время от времени перерабатывал написанные стихи, которые были отвергнуты издателями. Но, как и у большинства поэтов, мысли и чувства гораздо более ярко изливались в ранний период его творчества.

Благодаря предпримчивости Гленна Лорда в деле публикации поэтического наследия Говарда более четырехсот его стихотворений появилось в сборниках *«Всегда наступает вечер»* (1975), *«Певцы в тени»* (1970) и *«Отзвуки железной арфы»* (1972).

Последние два названия придуманы самим Говардом для изданий, которые он, однако, никогда не увидел напечатанными.

Из трех с лишним десятков стихотворений, изданных при жизни автора, большинство были приняты «Сверхъестественными историями». Несколько стихотворений появились в более мелких изданиях — «Любители фэнтези» и «Собраниях Дэниэла Бэйкера». Последнее, будучи студентом колледжа Дэниэл Бэйкер в Браунвуде, издавал Тевис Клайд Смит. Говард сам составил собрание всех своих стихотворных произведений, назвав его «Левцы в тени», и предложил его Элберту Чарльзу Бони, нью-йоркскому издателю, но в апреле 1928 года они были возвращены автору с пояснением, что стихи это издание напечатать не может. Через год маленький поэтический журнал «Американский поэт» опубликовал два стихотворения Говарда под псевдонимом Патрик Говард. Еще одно — «Черепа и kostи» — получило премию в размере трех долларов за лучшее стихотворение номера в «Ринге» — журнале, посвященном спортивному мастерству. Что же представляет собой поэзия Говарда?

Стихотворные произведения Говарда, как и его проза, насыщены, ярки и ритмичны. Хотя, по собственным словам, он «был рожден с умением заставлять слова звучать слаженно», Говард был весьма скромного мнения о своих поэтических способностях. «Я ничего не знаю о теории стихосложения — я не смогу сказать, чем анапест отличается от хорея, даже если от этого будет зависеть спасение моей жизни. Я пишу, опираясь на свой слух, хотя вынужден признаться, что мой музыкальный слух далеко не безупречен».

В действительности Говард владел поэтической техникой гораздо лучше, чем признавался в этом. Он прекрасно знал, что такое баллада и что такое сонет. Говард был знаком с основами поэтики, внутренней рифмой и широким разнообразием форм поэм и стансов. Мы будем несправедливы, если станем утверждать, что Говард не мог свободно обращаться с ударными и безударными слогами. К тому же все погрешности его поэзии теряются на фоне страсти, жизненной силы и сверкающего воображения, которыми отличаются его стихи.

Образцами для подражания были для Говарда его старшие современники, англо-американские поэты конца XIX — начала

XX века — такие, как Бене, Дансени, Харт, Киплинг, Мэйфилд, Нойс, Сервис, Суннберн, Теннисон и Уайлд,— хотя в его поэзии можно заметить влияние и многих других авторов.

Приемом, к которому чаще всего прибегал Говард, было олицетворение. Наделение неодушевленных объектов чувствами и свойствами, присущими людям или животным, добавляет в произведение жизненности и красок. Одной из любимых поэтических форм Говарда был ямбический гептаметрический триолет, трехстрочные стансы, которые часто использовал и Киплинг. Эта поэтическая форма и удачно выбранные олицетворения появляются в трехстрочнике *«Призрачные короли»*:

Несыпно строй немых планет обходят души королей,
Там ветер шепчет песнь свою и звезды внимают ей.
И только полночь знает путь тех призрачных теней.¹

Почему же большая часть поэтических произведений Говарда не была признана при его жизни? Один из издателей, вернувших ему рукопись стихов, сказал, что его стихи слишком печальны и сумбурны. Действительно, в некоторых из них содержится немало печали и бунтарского порыва, но это само по себе не может портить произведение поэта. Причина заключается в изменении моды. Поззия твердых форм романтизма XIX века уступала путь новой поэтической концепции. Тщательно выверенные размер, рифма, строфа уходили в прошлое. За исключением произведений нескольких известных поэтов — таких, как Эдна Сен-Винсент Миллей и Роберт Фрост, свободный стих — неприглаженное свободное выражение смятенных чувств — становился единственным приемлемым способом самовыражения певца.

В наше время подобная тенденция сохраняется. Поэтому в полной мере оценить поэзию Говарда можно будет лишь в том случае, если поэтическая мода вновь вернется к поэзии твердых форм. Однако те, кто восхищается поэтической силой Говарда, могут взглянуть на его стихи менее предубежденным взором и заметить те черты, что делают их столь запоминающимися.

Хотя Говарду и было известно о совершающейся в стихосложении революции, во главе которой стояли Эзра Паунд и Т.

¹ Здесь и далее перевод А. Андреева.

С. Элиот, его она почти не затронула. Он отдавал предпочтение прочно устоявшимся формам, таким, как баллада и сонет. В отличие от многих своих современников, Говард полагался на строгий выбор простых слов. И он достигал эффекта звучания, тщательно подыскивая рифмы и размеры, которые с древнейших времен позволяли легко запоминать поэтические строчки.

Говард создал несколько повествовательных поэм, рассказывающих какую-либо историю, иногда комическую. Но большинство его произведений — лирические стихи, отражающие чувства и мировоззрение автора. В них нет лукавства. Его честность проглядывает в каждой строке, открывая сущность автора. Поскольку искренность — окно души поэта, основные темы его поэзии показывают нам нелегкую жизнь в Кросс-Плэйнс.

Любовь Говарда к природе проявляется как в его прозе, так и в поэзии. Крохотные полевые цветы и широкие просторы Техаса, освещенные закатным солнцем, или усыпанное алмазами звезд бархатное небо — все эти краски, запахи, разнообразные пейзажи были чрезвычайно дороги автору и нашли отражение в его стихах. Одна из немногочисленных поэм Говарда, написанных свободным стихом, носит название «Приключение». Это не только превосходный пример поэтического искусства, но также прекрасная иллюстрация взгляда поэта на природу, допускающего трансформацию понятий, связанных с сексуальными отношениями людей, в понятия всеобъемлющей любви ко всему живому в постоянно меняющемся мире.

Приключений мечта! Шел всегда за тобой,
Мне другой любимой не надо.
Горы, земли, моря, свет долин голубой
Под луны таинственным взглядом.

Пел мне Пан сладковзвучную флейтой своей,
Лунный свет ограждался кимвалах сатиров,
Нежный ветер ночной, тихий шелест ветвей,
Запах трав луговых — все величие мира,

Видел я, как безбрежное море лесов
Обнимает подножие гор, покоряющих мир высотой,
На вечерней заре соня безгласных богов...
Приключений мечта! Не хочу я любимой иной!

Еще больше возбуждало чувства поэта море, и нам представляется непонятным, почему за всю свою жизнь Говард был у моря всего несколько раз. Он с любовью описывает разбивающиеся о берег волны, вздыхаемые ураганом грозные водяные валы, утлыя скропушки кораблей, в которых люди пытаются побороть своего извечного врага — свирепый Океан. Корабли привлекали пристальный интерес как самого Говарда, так и его героев — Кулла, Соломона Кейна и Конана. Отзвуки поэзии Мэйсфилда можно найти в следующих достойных внимания строках:

Остров древний! Последний приют кораблей,
Бороздивших моря тех исчезнувших дней.
Плен их вечен в оковах седых якорей.
Скрывает мгла их теней сози на берегу пустынном,
Триремы нильские и лодки рыбаков в строю едином.

Там галеон высокой мачтой щеголяет,
Форштевень бригантины гордо выступает,
Галер и шлюпов длинный ряд волна качает.
Королевская шхуна с изящной своей красотой
Будто брату, торговцу простому, кивает кормой.

В первоначальном отрывке из «Лесни Белит» первая настоящая любовь Конана из Киммерии, пиратка Белит, находит свое последнее пристанище на морском дне:

Отныне мы закончили скитаны,
Процрайте, весла, стинь налев ветров!
Багровых стягов шумное дыханье
Уж не разбудит сумрак берегов.
И женщину, давниший дар бесценный твой,
Возьми обратно, пояс мира голубой!

Весьма часто стихотворения Говарда рассказывают о всеобъемлющей ненависти и жестокости. Его «Гимн ненависти» переполнен злой, которую он ощущает к человеку и его трудам. Мы не знаем и едва ли сможем понять причину, вызвавшую подобное чувство автора к своим собратьям. Конечно, в детстве писатель встретился с прекнебрежением приятелей, с весьма красноречивыми осуждающими взглядами, какими провожали его жители города, с видимым пренебрежением отца, занятого своими пациентами и старающегося проводить как можно меньше времени дома. К примеру, следующие строки

написаны человеком, столь одержимым ненавистью, что удивительно, как она не вылилась в акт насилия:

Нет у меня сожаления к собрату моему,
Представить не могу, что мог я быть влюблён.
Зачем? Забудь. Все это ни к чему...
Мят выпавший поглотят бег Времен.

Земное, бренное — все укесется вдаль,
Исчезнет, как прибоя пена, в шепоте
счастьем.
И Будущего скорбная печаль
Как в дымке растворится в Настоящем.

Тесно связана с пропагандированием смерти искренняя вера Говарда в то, что жизнь — это грязная шутка, которую играет судьба, что человеческие существа сродни животным, изъедены развратом и постепенно вырождаются, что восприимчивый человек видит недоступных ощущениям обыкновенных людей чудовищ, трупы и взращенных дьяволом демонов, обитающих в душах людей:

Пришлось ему незамутненным взором
Увидеть мир, подобный яме выгребной,
Где ночь крачует, Порок милуется с Позором
Под зияя сияней, ведомых Дьявола рукой.

Осанясь любю, трупы там гулуют
И тянут к миру крючья лап своих когтистых,
Там незадамаски-демоны мелодию играют,
Сидящую с ума, там тварей сонмы нечистых.

Там головорезы ведомы толпа, на пожелтевшую луну
Взор глаз горящих устремля, будильный пир ворит!
О, есть мечта! Чтоб глотку общую, на всех одну,
Имено человечество. И замах ножа все прекратит!

Основным для интуиции Говарда — что весьма часто выражается в его поэзии — было ощущение сладости смерти. Смерти, которая не минует никого, смерти, что является вратами к счастливому Завтра. Глубоко привязанный к своей матери, он еще в раннем возрасте пришел к решению никогда не покидать ее и определил себе счет дней сообразно со временем жизни единственного человека, на любовь которого мог безоговорочно рассчитывать. Если кто-то сомневается, что решение,

принятое Говардом, было бесповоротным, ему достаточно прощать стихи, написанные им в начале 20-х годов. Известные строки *«Искусителя»* явно и безошибочно говорят об его чувстве:

Я изнемог противиться теченью,
Велениям судьбы с ее гнетущей силой...
Со страстью я хочу отдохновенья,
Как ждет женюх соединенья с милой.

В другом стихотворении, *«Невеста Кухулина»*, Говард упрашивает женщину (может быть, свою мать?) оставить этот ужасный мир с его страстями и дреиной луной и соскользнуть вместе с ним под величественные пенные волны:

На берегу, где брызги волн тутык
Песок белесый бьют без устали веками,
Украшу бледное чело твоё венками,
Которые сплету я из цветов морских.

Роберт Говард был человеком, который разговаривал с демонами ада, содрогаясь, осаждаемый высасывающими из него душу чудовищами с ногами грифона, видел в полночь крадущиеся узкие тени змей и ходил по тропам вместе с призраками. Столь яркими и безжалостно жестокими были эти создания тьмы, что нам не следует удивляться, что как мальчиком, так и мужчиной Роберт был подвержен кошмарам или почему, будучи студентом, оказавшись в одиночестве на верхнем этаже пансиона, он дрожал от страха, услышав скрип двери. Еще менее удивительно его ощущение постоянного преследования чудовищами, сознание того, что его никто не любит, жизнь не имеет смысла и даже успех не имеет той силы, что способна вырвать его из распахнутых объятий смерти.

Еще в *«Вознаграждении»* — одном из лучших своих стихотворений — Говард, как никогда горячо и самозабвенно, радуется видениям, переступает через кошмары, клубящиеся в его черепной коробке. Несомненно, эти будоражащие душу вампиры и черные демоны, среди которых он жил, были ценой, которую художник должен платить за самовыражение и ту тайную кладезь колдовства, мистицизма и мифов, откуда он черпает своих колдунов, воинов, чудовищных змей и других монстров, которые с неукротимой энергией перемещаются по

выдуманному им Хайборийскому миру. Из того же обилия чувств возникают поэтическая образность и увлекательные идеи, которые столь часто очаровывают нас и которые так щедро разбросаны по следующим строкам:

Ни барабанов королевских мерное звучанье,
Ни плотки пение, ни зов фанфар блестящих
Не слышал я, знамен не видел трепетающие
На поле страшном, среди демонов кричавших.

Но видел я: дракон восстал,
Вселенной исполнитной порожденье.
И взгляд его огнями полыхал.

И холодным дыханьем меня опалили
Безымянного ветра порывы. По смертным путям,
Видел я, пилигримы слепые бродили
В черных безизах, развернутых там.

Долины ужаса забвения мрак накрыл,
И я с Бессмертной Обезьянкой
У Врат Судьбы сражаться должен был.

И не смешил меня побег дриады стройной,
И Пана не увидел я ни разу,
Но сквозь пески пустыни знайной
Я шел за ним, за Человеком черноглазым.

И я не умер так, как люди умирают,
И, как они, я не грешил, но я небес достиг —
Тех, что порывы бурь туманом укрывают.

В стихах Роберта Говарда есть также забавное и смешное. Читатели могут наслаждаться беззаботной балладой под названием «Поцелуй Сэл Снубу», написанной как пародия на стихотворение Роберта У. Сервиса, или повествовательной поэмой, озаглавленной «Басни для Маленького Народца», в которой рассказывается о том, как огромный боксер был нокаутирован небольшим человечком. Однако юмористическая поэзия Говарда, в разительном контрасте с его серьезными стихами, однообразна и непримечательна. Он сам говорил: «Сочинение стихов — тяжкая работа, мучительный труд, стишков же — одно удовольствие, сплошной праздник. Я никогда за всю свою жизнь не посвящал одному стихотворению больше получаса». Однако, хотя Говард считает все свои стихотворения прости-

ми «стишками», среди них, наряду с ничем не выделяющимися стихами, встречаются превосходные поэтические строки.

У Говарда можно найти только одно стихотворение, проникнутое счастьем,— оно посвящено дням его детства. В нем молодой поэт не принимает летального исхода как способа сбежать от превратностей судьбы и злоключений, что испытывает библиотекарь. В «*Освобождении*» жалкий клерк торжествует, обретя истинную свободу:

—Пашел ко всем чертям! — так боссу я велел.
— Шепчи Гимн Ненависти свой, спуская злости пар!
А сам, свободный, я на Залад улетел
В экспрессе скором под названием «Красный Шар».

Альтернатива самоубийству — «ездить на поездах, как Хобо»,— является также решением Стива Костигана, второго «я» Говарда. Однако реальной альтернативы для самого Говарда не оказалось. Скрытый мечтатель, выросший в атмосфере, где его оберегали не только от неприятностей, но и от необходимого человеческого общения, он не мог пережить перемен погоды, бедности и выносить своих более шустрых товарищей — Хобо.

Более реальными в глазах Говарда выглядели демоны и нечисть из глубин ада, странные и злобные существа из иных миров и охваченное всеобщей ненавистью, вырождающееся человечество — вороватые нефтяные дельцы и проститутки, разгуливающие по улицам Кросс Плэйнс. Эти «проклятые» создания, как он их называет, появились в его жизни за десять лет до рокового рассвета 11 июня 1936 года. Стуча раздвоенными копытами и когтистыми лапами, они чеканили размеренный похоронный марш, убежать от которого преследуемый человек не нашел пути — да и не особенно искал его. Он уже десятью годами раньше повернулся спиной к жизни — когда создал «*Стихи, написанные в знак того, что я умру*»:

Пусть со страниц печатных мое имя ускользнет,
И светлой той мечты изменчивые тени тают,
И не спасет никто, когда вечерний сумрак упадет,
Я все приму — душа моя остаться не желает.

Некоторые друзья Роберта Говарда, включая Лавкрафта, считали, что он был в первую очередь поэтом. Мы не согласимся с этим суждением. По нашему мнению, он являлся великим

рассказчиком, поднимавшим уровень своей прозы, внося туда поэзию. Хотя его поэзия и проза не являются равными по качеству, некоторые значительные отрывки его беллетристики обладают красками, образностью, живостью, точностью языка и ритмом, присущими поэтическим произведениям.

Временами предложения Роберта создавали ощущение четкого ритма, который ассоциируется у нас с «Библией короля Яакова» — причиной этому, возможно, было то, что в детстве родители часто читали Роберту Ветхий Завет. Или, быть может, этот чудесный текущий ритм он унаследовал от предыдущих поколений Эрвинов и Говардов, которые принесли с Юго-Востока некоторые речевые модели шотландско-ирландских переселенцев XVII века. Говард любил говорить: «Все кельты — прирожденные поэты», и хотя он не был, разумеется, тем чистокровным кельтом, каким себя воображал, некоторые из прекрасных старинных оборотов речи он мог воспринять из рассказов бабушки Говард.

Имел ли богатство поэзии Говарда своим источником произведения более ранних поэтов, или оно обязано певучести шотландской и ирландской речи — он был весьма самобытен в восприятии мира. Мир, который он видел, не был тем, что мы знаем или хотим узнать. Нас поражает невиданная мощь образности Говарда. Железная арфа создателя Конана, поющая в темных глубинах его души, «заставляла звезды сверкать».

* * *

Ближе к весне 1930 года рассказы Говарда печатались довольно регулярно — Роберт считал это весьма обнадеживающим фактом. Он чувствовал, что теперь может позволить себе осуществить свою давнишнюю мечту: приобрести собственную лошадь. После смерти Пестрика Говард сильно горевал о том, что лишился своего любимца.

Жеребец, которого он собирался разместить в сарае на заднем дворе, был среднего размера, мышного цвета мексиканской породы и напоминал мустангса. Люди вспоминали, что Джилси был красивым конем. Роберт постоянно ездил на нем — в гости, просто по улицам Кросс Глэйнс, а также совершал длительные путешествия по стране. Позже Говард утверждал, что один из недоброжелателей пытался убить его, разрезав

стремя,— стоило Роберту встать в него, ремень бы порвался, а он неминуемо упал бы на землю.

Но в начале 1931 года Джипси исчез. Возможно, Говард продал его — мы не знаем точной причины и можем лишь догадываться об этом. Быть владельцем лошади, не имея грума, который ухаживал бы за ней, хлопотное дело, а большую часть времени Говард посвящал сочинению рассказов. Животное нужно кормить, поить, тренировать; хозяин, помимо всего прочего, должен чистить конюшню. Более того, Говарды как раз в это время купили корову, которую назвали Дели, и было слишком сложно держать сразу двух животных в крохотном сарае, который служил еще и гаражом для автомобиля доктора И., наконец, в том году Роберт начал больше путешествовать, предоставляя родителям самим заботиться о животных.

Как бы то ни было, Говард расстался с Джипси, хотя это, судя по всему, далось ему нелегко. Несколько лет спустя, проезжая по долине, он увидел гарящего красивого коня и сказал своему спутнику, что у него была лошадь, похожая на эту. С того времени Говард не держал больше в доме животных, зато постоянно кормил бездомных кошек, что привело к тому, что дюжина кошек стала жить поблизости от дома, рядом с сараем Говардов. Роберт даже учил некоторых из них садиться по команде на задние лапы и ловить струю молока из вымени Дели, когда он доил ее.

• • •

В возрасте двадцати четырех лет Роберт стал ощущать беспокойство из-за того, что у него не было девушки. Все его друзья либо встречались с кем-то, либо уже были женаты. Тевис Клайд Смит женился на Энеле Лэксон в 1927 году, правда, этот союз оказался непродолжительным. В течение многих лет Роберт объяснял свое женоненавистничество тем, что никто из девушек не захочет встречаться с таким неуклюжим, огромного роста парнем. Кроме того, он ценил свою свободу и всегда приводил цитату из Киплинга: «Вниз, в геенну огненную, или вверх, в Царство Небесное, Быстрее всех дойдет тот, кто идет один».

Наконец Роберту Говарду приглянулась Рут Баум, хорошенькая блондинка, дочь одного из наиболее уважаемых людей

в Кросс Плэйнс. Все члены ее семьи так же, как и Эстер Говард, были методистами. Рут посещала воскресную школу и была членом Эпвортской лиги, в которой состояли молодые люди, бывшие прихожанами методистской церкви. Роберт вступил в обе организации, написав Буту Муни, что сделал это для того, чтобы поближе познакомиться с девушкой. Вскоре он был избран заместителем старосты класса воскресной школы.

Члены «Хунты» пришли в ужас. Они считали себя просвещенными людьми, которые, несмотря на то что не поддерживали атеистических взглядов, не слишком серьезно относились к религиозности своих родителей. И вдруг Боб, которого они почитали звездой на литературном небосклоне, склонный к вольномыслию бунтарь, сделался ярым приверженцем протестантского вероисповедания! Однако его друзьям не стоило особенно беспокоиться. Общение Роберта с Рут Баум было ограничено порогом классной комнаты. Он никогда не разговаривал с ней о чем-то личном и так ни разу и не осмелился пригласить девушку на свидание. Судя по воспоминаниям Рут, он был очень застенчив; правда, я в то время была такой же.

Более того, обсуждение религиозных проблем в Эпвортской лиге и занятия в воскресной школе постепенно перестали интересовать Роберта. Он говорил Прису: Это все невероятная чушь, самая настоящая дрянь... Говард начал пропускать собрания и вскоре совсем их забросил. Рут Баум так никогда и не узнала, что Роберт Говард испытывал к ней какое-то чувство.

Несмотря на попытки Говарда установить самые обычные отношения с девушками, писал он о стройных, страстных женщинах, чьи белые руки ловили огонь его страсти... Роберт часто предавался невеселым размышлениям о том, что ему не удается познакомиться поближе ни с одной девушкой, и спрашивал себя, нормально ли это. Страх, что нормальным это не является, стал таким сильным, что в 1930 году д-р Говард послал своего сына в клинику Скотта и Уайта в Темпле, к югу от Вако, чтобы тот прошел там обследование. Между прочим, при заполнении личных данных, составляющих часть медицинского заключения, особое внимание было обращено на то,

чтобы Роберт ничего не заподозрил о двух «страшных» секретах семьи Говардов и продолжал считать, что Эстер Говард на пять лет младше своего мужа и не больна туберкулезом.

Роберт сказал врачу, который осматривал его, что он жалуется не только на боли в животе, но и на замедленное развитие и отсутствие сильных сексуальных желаний до девятнадцатилетнего возраста. Он также думал, что страдает варикозным расширением вен в мошонке и — распространенное у подростков опасение — что его пенис слишком мал.

Доктор тщательно прослушивал и выстукивал пациента, брал анализы и производил различные измерения. Судя по медицинскому отчету, рост Роберта составлял пять футов одиннадцать дюймов, а весил он 191 фунт. Сердце работало нормально, хотя имело склонность к тахикардии — слишком сильному биению во время стрессов. Отправив Роберта домой, врач написал д-ру Говарду:

«Мы считаем, что у него нет ничего серьезного. Мы не нашли никакого варикозного расширения вен, его органы нормально развиты, и по результатам всех анализов он совершенно здоров.

Проблема Роберта, по нашему мнению, заключается в том, что он убеждает себя, будто действительно чем-то болен. Как только он избавится от этих мыслей, его состояние вновь придет в норму».

Боли в желудке он испытывал, вероятно, из-за того, что поглощал огромное количество блинчиков; что же касается остального, единственное, чего Роберт мог бояться, — это самого себя. Таким образом, Говард должен был уяснить себе тот факт, что причина его неудачных попыток познакомиться с девушкой — не какие-то физические отклонения, а сильнейшая эмоциональная зависимость от семьи, отсутствие интереса к простым девушкам из маленького городка и слишком серьезное увлечение литературным трудом.

Девушки, надо сказать, также не трепетали при мысли о Говарде. Его репутация чудака, нетрадиционные взгляды, неприязнь к людям и замкнутость совершенно не привлекали местных девиц. Может быть, кое-какие особенности поведения Роберта не выглядели бы такими уж странными в городской или университетской обстановке, но некоторые — например,

его одержимость ненавистью и «врагами» — показались бы не-
нормальными где угодно.

Боб оставался загадкой даже для своих друзей. Один из них говорил: «Ему было глубоко наплевать на многие вещи, которые казались важными для других... У Боба была странная привычка: он шел по улице и вдруг начинал боксировать с собственной тенью — а затем как ни в чем не бывало продолжал идти дальше». Когда в дом, что находился на противоположной стороне улицы, приехала погостить молодая женщина, ее страшно напугал Роберт, который шел в лунном свете по-среди дороги, боксировал на ходу с тенью и при этом еще распевал во все горло.

Другой человек вспоминает, что Роберт иногда останавливался и возвращался назад, чтобы поднять какую-нибудь палку или камень и заглянуть под них. Временами на улице он проходил мимо знакомых, не узнавая их, поскольку пребывал в собственном воображаемом мире. Эта рассеянность по отношению к окружающим или, например, боксирование с тенью, возможно, означали, что он размышлял над сюжетом очередного рассказа. По словам Дерлета, «он жил в мире, который сам выдумал».

Роберт совершенно неожиданно мог взорваться из-за каких-то пустяков, но оставался внешне спокойным, когда случалась действительно серьезная беда. Характер у него был резкий и вспыльчивый. Однажды в газете «Кросс Плэйнс Ревью» напечатали статью, в которой, по мнению Говарда, не было выказано должного почтения его матери. Роберт как ураган ворвался в редакцию, швырнул экземпляр на стол Джеку Скотту и заявил, чтобы в его дом больше никогда не присыпали эту паршивую газетенку. На следующий день д-ру Говарду пришлось зайти в редакцию, чтобы подтвердить подписку.

Говард по-прежнему был уверен, что враги подстерегают его на каждом шагу и ждут момента, чтобы расправиться с ним. Он продолжал заниматься боксом и фехтованием на тот случай, если бы ему вдруг пришлось защищаться. Тем не менее он сам никогда не ввязывался в драку. Вполне возможно, что большинство людей просто обходили стороной человека с таким телосложением и характером.

И все-таки достоинства Роберта не оставались незамеченными. Друзья говорят о его доброте и сочувствии, его справед-

ливости и, когда он был в хорошем настроении, великолепном чувстве юмора. Он был звездой в «Хунте», и восхищение членов кружка его эрудицией и необыкновенным воображением как раз и сплачивало их союз. Единственная девушка, с которой он встречался, говорила, что когда она узнала Роберта лучше, то искренне удивилась тому, каким обаятельным он может быть.

Прошло больше сорока лет, но друзья по-прежнему отзываются о Бобе с любовью и уважением. Когда им напоминают о его необычных манерах, они горячо защищают своего друга, отметая любые заявления об его эксцентричности фразой: «О, в чем-то Боб навсегда остался ребенком». Они приходили в ярость, если его называли «сумасшедшим» — словом, которым жители его родного городка честили Роберта всю жизнь.

Тем не менее его друг Прайс писал: «У Роберта Говарда был необычный характер: он был добр, умел расположить к себе, был приятным в общении — но, как шоколадная плитка с орехами, начинен неожиданностями. Так как мы знали, что он совершенно безобиден, его легко было любить, восхищаться его замечательными качествами и не обращать внимания на некоторые странности». Другой его близкий друг отмечал: «Он был очень странным человеком, настоящей загадкой».

Несмотря на это, друзья Боба Говарда остались преданными ему. Он поддерживал отношения с Линдсеем Тайсоном и еще одним юношем из Кросс Плэйнса, Дэвидом Ли; с Клайдом Смитом и Труэттом Винсоном из Браунвуда; с Эрлом Бэйкером, которого он обучал верховой езде в Кросс Кат; с Ф. Терстоном Торбеттом из Марлина, штат Техас. Торбетт, сын и племянник двух врачей, был на несколько лет старше Боба. Его дядя, Дж. У. Торбетт, был владельцем санатория, где лечили от ревматизма, а его отец, Фрэнк Торбетт, работал в этом учреждении.

Родители Говарда часто проводили время в этом санатории, принимая рекомендованные им ванны в горячих источниках. Роберт совершал долгие прогулки вместе с Терстоном, который, как и он, интересовался оккультизмом. Они рассказывали друг другу о своих взглядах на жизнь и обсуждали писательские проблемы. Иногда Роберт был энергичным и жизнерадостным, но иногда — печальным и подавленным и заговоривал о самоубийстве.

Вместе они написали довольно удачный рассказ, который назывался «Грохот труб», его опубликовали на следующий год после смерти Говарда. В нем рассказывается о девушке из Индии и старом, беззубом йоге, который мог представлять перед другими в облике красивого молодого человека.

* * *

В начале 1930-х годов Роберт Говард начал переписываться с Лавкрафтом, а позже и с другими профессиональными писателями, работавшими в жанре «фэнтези». Его письма к Лавкрафту могут служить ценным источником информации для любого, кто внимательно изучит их, и нужно отдать должное Гленну Лорду за то, что он собрал и сохранил эти письма.

Говард Филипп Лавкрафт (1890—1937) был сухопарым человеком с длинным лицом и впалыми щеками, чрезвычайно начитанным, но немногословным. Он жил с двумя своими престарелыми тетками в Провиденсе, Род Айленд. Несмотря на то что Лавкрафт написал много выдающихся историй ужасов, которые часто сравнивали с рассказами По, и продал большинство из них в «Сверхъестественные истории», он должен был пополнять свои скромные доходы, переписывая произведения некоторых начинающих писателей и расходуя деньги из небольшого наследства, оставленного матерью.

Такой же индивидуалист, как и Говард, Лавкрафт редко покидал стены своего дома в течение дня, но любил прогуливаться по улицам Провиденса ночью. Он идеализировал Англию XVIII века и считал, что именно с тех пор цивилизация начала клониться к закату. Ультраконсервативный в одежде, манерах и политических убеждениях, Лавкрафт ненавидел иммигрантов и иностранцев, особенно евреев, негров, латиноамериканцев, которые, по его мнению, украли у него древнее англосаксонское право первородства.

Несмотря на подобные чувства, он был добр и неизменно вежлив. По отношению к молодым писателям Лавкрафт всегда был щедр на похвалу и настаивал, чтобы те использовали элементы из его самых известных историй — преданий о Ктулху. Он писал друзьям длинные письма и любил спорить и порасуждать. Они часто спорили с Говардом, заводя яростную полемику по самым разнообразным поводам.

Таков был человек, о котором Роберт Говард восхищенно отзывался в беседе с редактором «Сверхъестественных историй» в июне 1930 года. Так началась самая длительная и самая личная переписка в жизни Говарда. В ней молодой писатель доверял Лавкрафту те мысли, о которых он и не мечтал поговорить ни с одним из жителей Кросс Плэйнс.

Хотя они были разного происхождения, Говард нашел в Лавкрафте именно того человека, который мог разделить его страсть к истории и предыстории человечества и мифам. В самом начале их знакомства Говард решил, что Лавкрафт — профессор или, по крайней мере, обладатель нескольких учёных степеней. Поэтому он относился к нему с почтением, как к старшему, и разделял почти все его взгляды, даже те, которые напрочь расходились с его собственными, словно они были евангелием. Говард даже предсказывал — как оказалось, правильно, — что Лавкрафт окажет огромное влияние на американскую фантастическую литературу. Позже, узнав о недостатках Лавкрафта, он стал по отношению к нему более критичным. Хотя Роберт, в конце концов, понял, что Лавкрафт со знанием дела мог рассуждать о вещах, про которые знал в действительности очень мало, например про Юго-Запад Америки, эта дружба продолжалась до самой смерти Говарда, и большое количество писем открыло много неизведанного в жизни и творчестве молодого техасца.

Оба они могли разражаться яростными тирадами против иммигрантов, иностранцев и утверждений о том, что все люди равны. Лавкрафт отмечал, что «чувство обстановки» в рассказах о древних варварах (как и собственные произведения Лавкрафта о Древнем Риме и Англии георгианской эпохи) было лишь отражением того, о чём он слышал или читал в детстве. Он недоверчиво относился к мистическим идеям Говарда о родовой памяти и переселении душ, но эти утверждения Роберта пролускал мимо ушей.

Друзья по переписке также обсуждали текущие и международные события. Лавкрафт восхищался Муссолини и незадолго до своей смерти стал довольно снискожительно относиться к Гитлеру. Говард, как противник авторитарного режима, демократ и борец за свободу личности, презирал обоих; он называл Муссолини мошенником, а Гитлера — сумасшедшим. Было

время, когда Роберт, как и Труэтт Винсон и некоторые другие члены «Хунты», считал себя «социалистом». Но вскоре он нашел неприемлемой ту степень организованности и регламентацию, которые были характерны даже для самого демократичного социализма. Позже Говард решил, что его идеал — анархизм в духе Ницше; он думал, что это весьма характерно для варварского общества или для колонистов. Роберт, тем не менее, признавал, что такого рода режим не слишком подходит для Америки XX века.

Лавкрафт как-то сказал Говарду, что Американская революция была ужасной ошибкой; в ответ тихесец сообщил ему о том, как англичане угнетали его ирландских предков. Лавкрафт был горячим сторонником англо-американского военно-государственного союза, в то время как Говард, убежденный изоляционист, писал: «Пусть каждая нация защищает себя сама».

В более личных письмах Говард писал о своем страхе перед гремучими змеями, негритянских историях, кровавых действиях «Мальтиша Биля» и феодальных распрях на Диком Западе. Он делился своими надеждами написать серьезный исторический роман о своей родине, или о приграничной полосе, или о Юго-Западе, или о Техасе, или, по крайней мере, о графстве Кэллахан. Он писал о шотландских, южных или юго-западных народных песнях.

Лавкрафт в ответ приспал длинное письмо с рассуждениями об истории, ландшафте и архитектуре его любимой Новой Англии. Северянин спрашивал, взял ли его юный друг имя колдуна из Атлантиды из его новеллы о Ктулху. Говард ответил отрицательно: имя Катулос, по его утверждению, было всего лишь случайным совпадением.

• • •

В конце 1930 года Роберт начал переписываться с еще одним автором, писавшим для «Сверъестественных историй» — белокурым, плотного телосложения молодым человеком немецкого происхождения, который жил в Соук Сити, Висконсин. Огаст Уильям Дерлет (1909—1971) был преуспевающим автором в самых разнообразных жанрах: фантастике, детективах, реалистической прозе; в течение двадцати девяти лет опубликовано 130 рассказов. После смерти Лавкрафта Дерлет по-

святил большую часть своей жизни публикации его произведений. До сих пор существует основанная им небольшая издательская фирма «Аркхэм Хаус».

Письма Роберта Говарда Дерлете были короче и менее содержательны, в них было меньше спорных моментов, чем в его письмах Лавкрафту. Более приземленной натуре Дерлете не было знакомо чувство творческого полета, он ничего не понимал в изощренных философских спорах. Но одно письмо содержит в себе рассуждения об индейцах Техаса, историю жизни Синтии Энн Паркер и ее сына Кванаха Паркера, последнего великого вождя команчей.

Проходили месяцы, и Говард стал переписываться с остальными членами окружения Лавкрафта. Одним из них был Уилфрид Бланш Тэлман. С помощью Тэлмана Говарду удалось опубликовать короткую статью, называвшуюся «Призрак лагеря Колорадо». Говард надеялся, что эта маленькая статья о заброшенных американских военных гарнизонах будет первой в ряду статей, описывающих жизнь в Техасе.

Но этому не суждено было свершиться. В июне 1931 года он отправил в журнал вторую статью, «Келли-колдун», про негра, который в середине XIX века занимался народной медицинской и магией в Арканзасе и исчез при таинственных обстоятельствах. Газета отвергла статью, которая была написана довольно поверхностно, и, насколько известно, Говард больше не пытался писать на эти темы. Возможно, он считал действительность такой тривиальной, что быстро разочаровался и предпочел не писать о ней вообще.

Попытки Говарда поддерживать переписку с другими писателями оказались менее успешными. Кларк Эштон Смит (1893—1961) был, возможно, одним из наиболее блестательных членов кружка; он писал великолепные стихи и поэмы о Западе и фантастические произведения. Его письма, тем не менее, были в основном короткими и деловыми, ответы на них были выдержаны в том же духе.

• • •

В то время молодого техасца занимали не только творческие и личные вопросы. Когда Герберт Гувер заменил Кэлвина Кулиджа на посту президента, казалось, что правительство ре-

шило многие проблемы, свойственные капиталистическому укладу, и обеспечило всем американцам жизнь в полном достатке. Однако осенью 1929 года уровень цен на бирже стал резко падать, а 29 октября произошел крах фондовой биржи. Миллионы инвесторов, купивших акции, были разорены. Несколько банкиров и биржевых брокеров покончили с жизнью, выпрыгнув из окон небоскребов. В течение следующих нескольких месяцев повсеместно, как чума, распространилась безработица.

Последствия Великой Депрессии оказались для Техаса неоднозначными. Штат считался в основном сельскохозяйственным, а фермеры, составлявшие основную часть населения и привыкшие к повседневным трудностям, вполне могли обеспечить свои семьи даже в столь трудных условиях. Хотя в Западном Техасе нефтяная лихорадка сошла на нет, в октябре 1930 года началась новая — на этот раз в восточной части штата в графстве Рак, на границе с Луизианой.

Новый губернатор Техаса, известный нефтяной магнат по имени Росс Стерлинг, сменивший «Мамашу» Фергюсона, не был одинок в своем желании вмешаться в сферу бизнеса. Но в новых месторождениях оказалось столько нефти, что цены на нее резко упали, и ему пришлось ограничить ее производство. Началось судебное разбирательство и скандалы, связанные с контрабандными поставками нефти; возможно, именно это привело к тому, что два года спустя губернатор потерпел поражение на выборах.

Многие, извлекая выгоду из создавшихся условий, стремительно богатели, но в 1930 году случилась и сильнейшая засуха, длившаяся в течение всего года. Снова безденежные фермеры графства Кэллахан выписывали д-ру Говарду чеки, по которым обещали заплатить лишь впоследствии, или же расплачивались тем, что могли вырастить на собственных участках.

Несмотря на Великую Депрессию и засуху, фортуна улыбалась Роберту Говарду. К концу 1930 года у него было готово двенадцать рассказов и четыре поэмы, причем все эти произведения были опубликованы, а Говарду заплатили за них \$1,303.50 — весьма значительную сумму для молодого писателя, не имеющего никаких связей. На следующий год семнадцать рассказов,

статья и стихотворные произведения принесли ему еще \$1,531.26. С тех пор Говард стал одним из наиболее хорошо зарабатывающих людей в городе. С истинно техасским преувеличением поговаривали, что как-то он оказался единственным во всем Кросс Плэйнс человеком, способным заплатить подоходный налог.

По-настоящему богатым Говард так и не стал, но у него появилось достаточно денег, чтобы осуществить наконец свои мечты — покупать книги и оружие, путешествовать и помогать семье, когда в этом возникла необходимость. А необходимость появлялась все чаще и чаще: здоровье Эстер Говард ухудшилось, и Роберту приходилось оплачивать ее счета за лекарства.

Только он сумел накопить довольно приличную сумму, как вновь оказался в крайне затруднительном финансовом положении. В 1931 году Национальный Фермерский Банк в Кросс Плэйнс обанкротился, и все скромные сбережения Говарда, которые хранились в этом банке, пропали. После этого он стал держать деньги в другом городском банке, но и тот в сентябре лопнул — финансовые учреждения одно за другим разорялись по всей стране. Это явление стало настолько широко распространенным, что Фрэнклин Рузвельт, занявший пост президента 4 марта 1933 года, распорядился на четыре дня прекратить работу всех банков. После этих событий Роберт клал свои деньги в сберегательный банк, который получал деньги из министерства финансов.

Несмотря на Великую Депрессию и засуху, Роберт и его семья получили немалое удовольствие, совершив несколько непродолжительных путешествий и просто вылазок на природу. Рассказывая своим друзьям по переписке об этих поездках, Роберт обычно не упоминал, с кем именно он путешествовал и на чем; но мы точно знаем, что часто доктор, один из немногих владельцев автомобилей в городе, брал с собой членов своей семьи и что почти в каждой поездке Роберта сопровождала миссис Говард, до тех пор пока машину наконец не отдали в его распоряжение.

В 1930 году Роберт отправился на северо-запад Техаса, в местечко, называвшееся Льяно Эстакадо, где, в основном, выращивали скот; возможно, это было связано с тем, что доктор

открыл практику в близлежащем городке Спур. В феврале 1931 года Говард снова оказался в Сан-Антонио; он посетил Аламо, отметив, что этот псевдоримский город был для него «слишком космополитичным». Он познакомился с одним коммунистом из России, но между ними возникло лишь «взаимное недоверие и полное отсутствие понимания; я с негодованием отнесся к его взгляду, а он к моим — с презрением». Возмущение Говарда также вызывали уравновешенность русского, разносторонность его взглядов и безупречные манеры поведения — то есть те самые качества, которых, по его собственному признанию, так не хватало Говарду.

В мае Говард отправился в Форт Уорт, Вако и Темпл, с ним поехала миссис Говард, которая собиралась продолжить лечение. Этим же летом он еще раз побывал в Форт Уорте, на этот раз вернувшись домой через Пистер, где он родился, и Дарк Вэлли, где провел раннее детство. Осенью Говард совершил более продолжительную поездку на юго-запад, в Сан-Анджело и Сонору, а затем на юго-восток — в Сан-Антонио и Викторию, находившиеся в двенадцати милях от побережья залива. Он вернулся домой, остановившись по пути в Остине и Браунвуде. В то время невозможно было в течение недели посетить все эти места, путешествуя на поезде; некоторые города вообще находились в стороне от железных дорог, поэтому очень возможно, что семья совершила эта поездку на автомобиле. Мы подозреваем, что д-р Говард хотел таким образом возместить свое недавнее невнимание к больной жене.

Во время этого относительно спокойного периода Роберт Говард проводил почти все время дома, в маленькой комнатке, служившей ему и кабинетом, и спальней. Должно быть, его сильно потрясло, что журнал «Сверхъестественные истории», самый постоянный покупатель его рассказов, теперь выходил раз в два месяца и не печатал более серии рассказов. Но, как и всякий верный своему призванию писатель, Говард не только продолжал писать рассказы в жанре «героической фэнтези», но и пробовал себя в других жанрах. К 1932 году, когда журнал снова стал выходить ежемесячно, Говард продал рассказ, называвшийся «Случай на ринге», и попытался написать небольшой

фантастический рассказ о человеке, которому привиделось убийство, которое он должен совершить в будущем. Оба рассказа были написаны под псевдонимом «Тэверел», это было еще одно из любимых имен Говарда.

В то же самое время Говард предпринял еще одну неудачную попытку написать серию рассказов. Это было незаконченное продолжение к рассказу *«Лицо-череп»*, Говард дал ему название *«Особняк Тэверела»*. Он написал еще три рассказа о Соломоне Кейне: *«Холмы смерти»*, *«Луна черепов»* и *«Ужас пирамиды»*. В этих рассказах фигурируют типичные для Говарда элементы: гигантские змеи, заброшенные города, жестокие и свирепые чернокожие воины, всевозможные головорезы и благородные, напоминающие Тарзана, герои. Тем не менее в рассказе *«Луна черепов»* появляется нечто новое: сцена, в которой женщина избивает плетью другую,— но Говард лишь упоминает об этом, не описывая само действие. В нескольких более поздних рассказах писатель уже детально описывает этот садистский акт.

Рассказ *«Ужас пирамиды»* был опубликован в сентябрьском выпуске *«Сверхъестественных историй»* в 1931 году; историю сопровождали такие иллюстрации, которые заставили бы горестно содрогнуться сердце любого писателя. Художник С. С. Сенф, который внешне напоминал гнома, создавал иллюстрации для большинства обложек журнала с 1927 по 1932 год. Он мельком взглянул на текст рассказа и решил, что речь в нем шла об англичанине, арабах и оазисе. Затем он изобразил Соломона, пуританина, жившего в XVII веке, в пробковом шлеме от солнца, бриджах для верховой езды, широких в бедрах и сужающихся к низу, и крагах, какие носили в 1900 году. В довершение этой чудовищной картины, Соломон грозно замахивается мечом XVII века.

Говарду удалось продать еще один рассказ о Кейне, называющийся *«Крылья в ночи»*, который появился в июньском выпуске *«Сверхъестественных историй»* 1932 года. Этот рассказ, в котором повествуется о призрачных летающих демонах, является одним из лучших в этой серии.

В 1930-х годах маленькую комнатку, в которой обычно работал Говард, заполняли образы самых разных героев. Коми-

ческий герой — моряк Стив Костиган, участвующий в поединках по боксу, как уже упоминалось, вдохновил Говарда на сочинение тринацати весьма удачных рассказов из серии «Бойцовские истории». В похожей серии рассказов о боксе, которая была написана специально для журнала «Спортивные истории», необычайно развитого физически, но туповатого героя звали Малыш Эллисон. Он пользовался меньшей популярностью среди читателей, и из десяти рассказов о нем лишь три были опубликованы при жизни Говарда.

«Малыш», вероятно, было прозвище одного из действительно существовавших головорезов с Юго-Запада, появившихся после Гражданской войны. Число жертв его бессмысленной жестокости составляло от пятнадцати до двадцати шести человек. Этого человека звали Клэй Эллисон, и погиб он нелепой смертью — выбежав из салуна, вскочил в фургон, хлестнул лошадей, но, не удержавшись, упал под колеса и был задавлен насмерть.

Несмотря на то что Говард уже обращался к теме жизни кельтов и раньше, в 1931 году в его рассказах стало еще сильнее ощущаться влияние ирландской культуры. Интерес к ней подогревала обнаруженная молодым техасцем книга П. У. Джойса, называвшаяся *Краткая история кельтской Ирландии*. Д-р Джойс был патриотом своей родины, Ирландии, но без прикрас написал о постоянных междуусобицах, непримириимой ненависти и ревнивой зависти и самолюбии, которые и были причиной постоянной вражды между мелкими ирландскими владельцами, в то время как викинги, а позже и норманны завоевали страну. Говард упорно продолжал отождествлять себя с ирландцами, которые никогда не прощали своих врагов и хранили ненависть в душе так же бережно, как некоторые люди хранят драгоценные камни.

Книга Джойса способствовала тому, что в рассказах Говарда появилось несколько новых персонажей. В одной из историй о Кулле, *Исход из Атлантиды*, фигурирует некий Ам-ра. Это имя происходит от ирландского слова «амга», которое обозначает «погребальная песнь». Кормак Мак Арт был легендарным королем, жившим в III веке нашей эры. Раб по имени Кон из неопубликованного рассказа *«Когда ушел седой бог»* назван так по имени Кона Седкатаха, или

Кона — Сто Битв, еще одного легендарного короля, жившего во II веке. Существовали также два исторических персонажа по имени Турлоф О'Брайен: первый был внуком Брайана Бору и погиб в возрасте пятнадцати лет в битве под Клонтарфом в 1014 году; другой, живший в конце XI века, впоследствии стал королем.

В 1931 году Говард начал писать цикл рассказов об эпохе Темного Средневековья: это были фантастические истории о жившем в XI веке ирландце Турлофе О'Брайене, изгнаннике из своего клана. Интересно отметить, что многие из героев Говарда (независимо от психологической подоплеки) — изгнанники из своих кланов, племен, народа, осужденные за незаконное убийство. Возможно, их поведение отражало нахопившуюся ярость и жестокость, которая не давала покоя их создателю.

В рассказах о Турлофе явно прослеживается тема, слабые намеки на которую появлялись в более ранних рассказах Говарда: тема человека, одержимого ненавистью. В таких героях Говард мог вложить всю свою ненависть по отношению к предполагаемым «врагам». Такой накал эмоций придает рассказам особую неповторимую динамику событий, но обычновенным читателям довольно трудно сопоставить себя с одержимыми ненавистью героями.

Говард продал две истории о Турлофе в «Сверхъестественные истории», и еще два рассказа из этой серии не закончил. Турлоф, который волею судьбы должен отправиться на поиски принцессы, похищенной завоевателями-викингами, — высокий черноволосый мужчина, в котором сочетались «сила быка и быстрота и ловкость пантеры... Из-под густых черных бровей вулканически сверкали его синие глаза».

Читатели рассказов Говарда не раз встречаются с похожими персонажами. Словесный портрет Турлофа подходит, в общем, для описания почти всех героев Говарда. Несмотря на то что мы никогда не узнаем, какой именно оттенок синего он называл «вулканическим», это описание в точности соответствует внешности молодого Айзека Говарда — все, кто помнил его в молодости, отмечают его высокий рост, гриву черных волос, пронзительные синие глаза и властность, которой дышал весь его облик. Для маленького ребенка этот великан, чье

недобрые глаза горели внутренним огнем, мог легко стать образцом для подражания, человеком, каким хотел бы стать впоследствии он сам.

В историях о Турлофе, как и во многих других фантастических рассказах Говарда, упоминается великое множество городов с их варварской роскошью, невиданными животными, зловещими жрецами, кроавыми жертвоприношениями, обезьяноподобными людьми и демонами. Второй рассказ, «Боги Бал-Сагота», — особенно яркий пример стремительного развития действия, столь типичного для рассказов Говарда, в нем прослеживается любимая писателем тема всемирной катастрофы, там же мы встречаем великолепные примеры витиеватого, изобилующего описаниями величественного стиля. В прозе Говарда явно слышатся рифмованные строки. Прочитайте следующий отрывок: «Угольно-черные крылья, взмывающие над безлунными заливами, парили над ним, когда он родился, и жуткие души безымянных демонов стали частью его существа».

Продолжая писать истории о Турлофе, Говард тем временем обдумывал и новую серию рассказов. Появление на свет журнала, называвшегося «Истории Востока», предоставило ему возможность, о которой он уже давно мечтал: написать историко-приключенческий рассказ. Поэтому действие его новых историй происходит в начале XIII века на Ближнем Востоке. В качестве главного героя он избрал Кормака Фитцджеффри. Кормак, наполовину ирландец, наполовину норманин, — изгнаник своей родины, Ирландии, бывший соратник Ричарда Львиное Сердце в Третьем крестовом походе. Говард говорил своему приятелю Гэрольду Прису, что Кормак — «самый угрюмый человек из всех моих персонажей».

Как и остальные герои, Кормак наделен необыкновенной физической силой, в сущности, он — великолепная боевая машина, один из тех, для кого жестокость и кровопролитие были столь же естественны, как мирное существование для обычного человека...»

Жестокость становится для него столь обыденным явлением, что когда в первом рассказе, «Ястребы из Аутремера», Кормак попадает в руки Саадина и султан Курдиша отпускает его с миром, герой сильно удивлен. Во втором рассказе о

Кормаке, называющемся «Кровь Бельшазара», говорится об алюм драгоценном камне, «пульсирующем, как живое существо». Говард начал писать третий рассказ из этой серии, но так и не закончил его. Такова была судьба многих героев серий рассказов, которых Говард создавал, а потом забрасывал, утратив к ним интерес.

Очередной цикл исторических рассказов оказался неудачным. Это были четыре небольшие новеллы о Кормаке Мак Арте, ирландском преступнике, поставленном вне закона. Действие происходит предположительно во время правления короля Артура, который, в соответствии с легендой, жил в добром здравии около 500 года нашей эры. Работая над этим циклом, Говард использовал в качестве источника произведения Артура Хаудена Смита, писавшего для «Приключенческого журнала» в 1920-х годах.

Кормак, неудавшийся пират, отваживается сразиться с датским викингом и его командой морских разбойников — это существенный анахронизм, так как скандинавы не занимались пиратством в 500 году нашей эры, а приступили к этому лишь несколько веков спустя: набеги на Шотландию и Ирландию начались в 790-х годах.

Говард, без сомнения, хотел продать эту серию в «Приключения». Мечта оказалась несбыточной: в 1930-х годах большим спросом у читателей пользовались историко-приключенческие рассказы, в то время как любые фантастические произведения были малоизвестны для большинства читающей публики и совсем не пользовались популярностью. Серия была опубликована только в 1974 году, под общим названием «Тигры морей» — по названию основного рассказа.

Как мы упоминали раньше, произведения Говарда оказывались наименее удачными, когда он заимствовал место действия из книг современников или пытался подражать их стилю. Он писал превосходные вещи, когда создавал собственный вымышленный мир и позволял своему воображению направлять его перо. К несчастью, жанр, благодаря которому прославился Роберт Говард, стал пользоваться читательским спросом спустя почти пятьдесят лет после его смерти; на такую же участь были обречены множество людей того времени, гениальных в самых разных областях науки и творчества.

Это утверждение иллюстрирует первый из рассказов Говарда о Ктулху, напечатанный в апрельском и майском выпусках «Сверхъестественных историй» в 1931 году. По настоянию Лавкрафта Говард вместе с другими писателями из кружка Лавкрафта использовали в своих произведениях многочисленные элементы из написанных им преданий о Ктулху. «Дети Тьмы» — возможно, самая неудачная из всех историй, которые Говард опубликовал в течение своей жизни. Подражая стилю Лавкрафта, Говард заканчивает свой рассказ тем, что главный герой, одержимый ненавистью к туземцу, предшественнику пиктов, во внешности которого одновременно проглядывают черты представителя монголоидной расы и рентилии, задумывает убить мерзкое существо:

...Оно отравляет чистый воздух и оставляет слизь на зеленой поверхности земли. Шипящие и бормочущие звуки, которые он издает, приводят меня в ужас, а взгляд его косых глаз вселяет безумие...

И все-таки еще одно подражание Лавкрафту, «Черный камень», оказалось весьма удачным и переиздавалось несколько раз. В нем появляется тема, характерная для поэзии Говарда. После того, как ему пришлось стать свидетелем ночного празднования шабаша в азиатском селении, с дикими криками и плясками, ритуальными избиениями и человеческими жертвоприношениями, появлением диковинных чудовищ, рассказчик восклицает: «Какие же безымянные призраки могут даже сейчас таиться в отдаленных мрачных уголках этого мира?»

Роберт Говард написал несколько рассказов, которые не относятся ни к одной из серий. «Страшное прикосновение смерти» не является, в противоположность подражаниям Лавкрафту, очередной историей о жутких сверхъестественных силах. В нем говорится о том, как человек, решивший провести ночь у тела погибшего друга, внезапно ощущает, будто рука мертвеца тянется к нему, и его сердце останавливается от ужаса.

Несмотря на то что этот рассказ причисляют к историям ужасов, он, возможно, является наиболее успешным реалистич-

тичным произведением Говарда. В ней писатель создает завораживающую картину неумолимо подступающего ужаса. Скорее всего, Говард тогда вспоминал о своих ночных кошмарах в то время, когда он спал на чердаке пустого пансиона в Браунвуде.

Другой заслуживающий внимания рассказ — *«Отлитые из железа»*, одна из самых лучших опубликованных Говардом историй о боксе. В нем имеются стилистические недостатки, однако приведен весьма точный анализ характера главного героя. Боксер-тяжеловес дерется в поединках, чтобы помочь своей девушке закончить школу; однако из гордости, тщеславия и упрямства он отказывается бросить это занятие даже после того, как ему удается заработать много денег. В конце концов, девушка заставляет его покинуть ринг, пока многочисленные удары по голове не сделали его умственно отсталым.

Говард и его друг Клайд Смит написали несколько совместных произведений. В рассказе *«Восьмые делают игру»* говорилось о гонках собачьих упряжек на Юконе; место действия напоминало повести Джеймса Оливера Кернуда и произведения других авторов о холодных северных краях. Но опубликован из них был лишь один, называвшийся *«Красные клинки черного Катая»*, в котором крестоносец ищет легендарное королевство Пестер Жон в Центральной Азии.

Чтобы писать хорошие художественные произведения, которые охотно публиковали бы журналы, необходимо было обладать определенными навыками, которые не могут появиться за одну ночь. Точно так же, как лезвие меча выковывается из сырого железа, которое нужно не раз размягчить, обработать молотом, фальцевать, охлаждать и в течение нескольких недель прокаливать в горячих углях, так и блестящий стиль вырабатывается в течение многих лет практики, после массы неудачных попыток и болезненных разочарований, отклонений рукописей, препятствий и лишь иногда — неожиданных, случайных проблесков успеха.

Несмотря на хаос, вызванный Великой Депрессией и сильной засухой, невзирая на все усиливающуюся напряженность в семье, вызванную неизлечимой болезнью миссис Говард, с 1929 по 1932 год в жизни Роберта Говарда наступил относи-

тельно спокойный период — он мог посвятить себя совершенствованию таланта. Он пробовал писать рассказы в различных жанрах, а также пытался заработать достаточно денег, чтобы убедить себя самого в том, что он — одаренный писатель.

Леон СПРЭГ ДЕ КАМИ

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИК СМЕРЧА

Перевод с англ. М. Петрунькина 7

БОЙ БЕЗ ПРАВИЛ

Перевод с англ. С. Соколина

Кулачный боец	239
Викинги в боксерских перчатках	266
Ночь битвы	295
Китайские забавы	320
Генерал Стальной Кулак	345
Бой без правил	371
<i>Л. Спрэг де Камп. Змеи, мечи и герои.</i>	393

Литературно-художественное издание

ГОВАРД РОБЕРТ ИРВИН

ЛИК СМЕРЧА

Составитель Александра Тишинин

*Ответственный редактор Наталья Баулина
Выпускающий редактор Наталья Памфилова*

Главный художник Сергей Шикин

Художественный редактор Елена Иванова

Художники Владислав Асадулин, Кирилл Рожков

Верстка Елены Посадовой

Корректор Вера Безымянская

Подписано в печать с готовых диапозитивов 13.01.98.
Формат 84×108¹/32. Бумага типографская. Гарнитура «Гарамонд».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,68. Тираж 7000 экз.
Заказ 2606.

Издательство «Северо-Запад».
Лицензия ЛР № 071380 от 20.01.1997 г.
194352, Санкт-Петербург, ул. Кустодиева, д. 16, корп. 3.

Для писем: 197110, Санкт-Петербург, а/я 171.
E-mail: sevzap@infopro.spb.su.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35–305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

Впервые в России!

**ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ**

МАСТЕРА ФЭНТЕЗИ,
СОЗДАТЕЛЯ «САГИ О КОНАНЕ»

РОБЕРТА ГОВАРДА

**вышли в свет
следующие тома:**

- Черный камень•
- Ночь волка•
- Гончие смерти•
- Проклятие океана•
- Клинок судьбы•
- Железный кулак•
- Кровь Богов•
- Лик смерча•

fantasy

Издательство «Северо-Запад» представляет серию «fantasy»

*Каждая новая книга этой серии —
волшебное полотно, на котором
чудесными нитями мифов выткано
повествование о борьбе с силами
Хаоса и Тьмы.*

В серии «fantasy» вышли книги:

С. Ланье «Иеро не забыт»

Т. Свани «День Минотавра»

М.Муркок «Город в осенних звездах»

Готовятся к выходу книги:

Р. Сильверберг «Книга Черепов»

Г. Бир «Концерт бесконечности»

Б. Ламли «Воин древнего мира»

ЧИТАЙТЕ
диалогию
«ПОЛУНОЧНАЯ
ГРОЗА»

том 49

«Конан и подземный огонь»

том 50

«Конан и матеж четырех»

Роман выдающегося мастера
героической фэнтези Олафа Бьорна
Локнита заставит вас пережить
катастрофу, едва не погубившую
Хайборию, и позволит раскрыть
самую сокровенную тайну мира
Конана.

Северо-Запад®

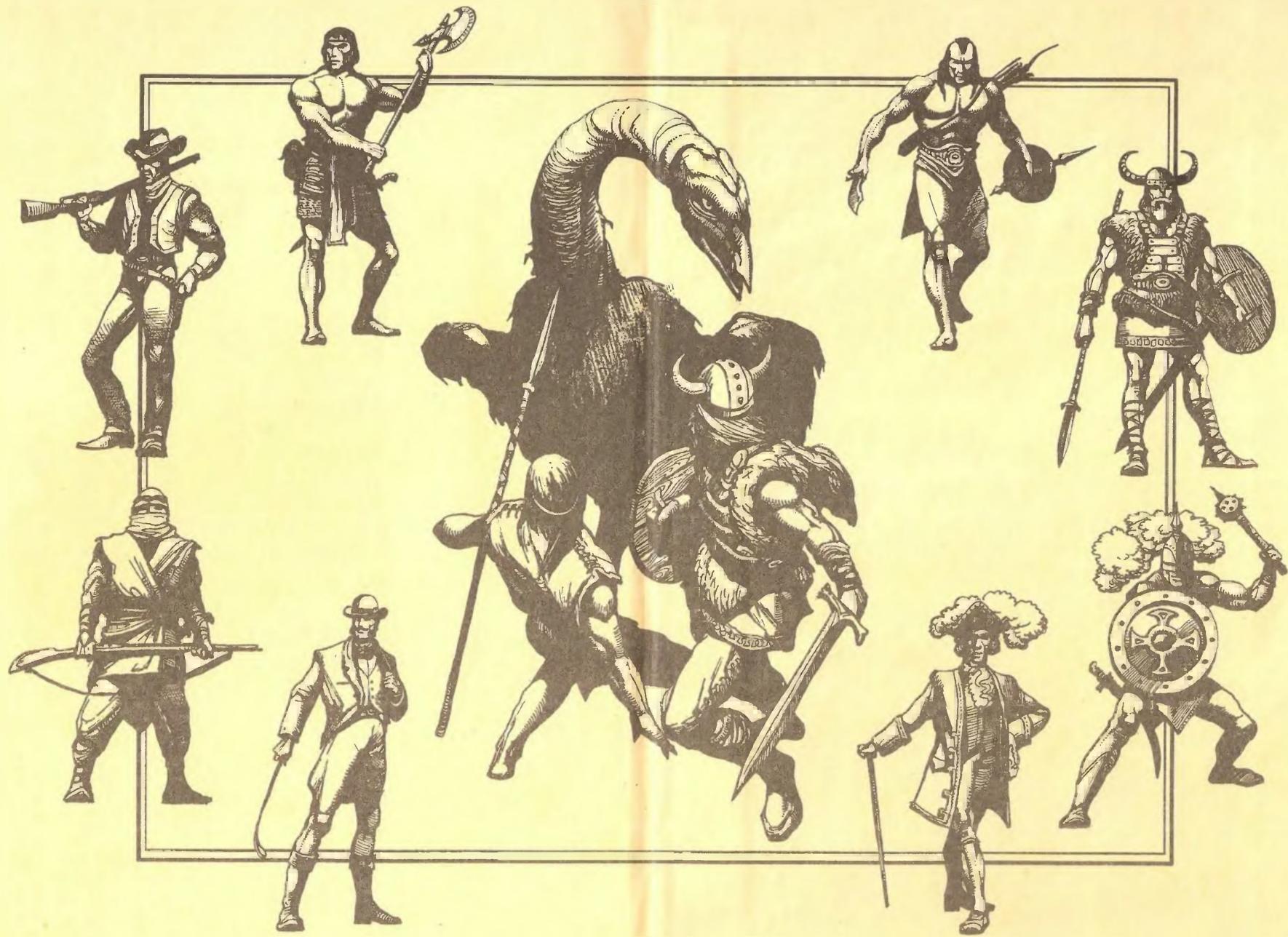
КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА
"СЕВЕРО-ЗАПАД"

ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ В ФИРМЕ
"ACT"

По вопросам покупки книг обращаться по адресу:

г. Москва, Эврейский бульвар, дом 21, 7-й этаж.
Тел. (095) 215-4338; (095) 215-0101; (095) 215-5513

Или заказать по адресу:
107140, г. Москва, а/я 140

собрание сочинений

Роберт Ирвин Говард
(1906 — 1936)

Великий Мастер фэнтези, создатель знаменитой «Саги о Конане» и автор более трехсот фантастических, мистических и приключенческих романов, повестей и рассказов.

Беглец всем телом навалился на бронзовую дверь. Вот оно — святилище шестирукого! В пульсирующем свете Кристалла взгляд выхватил приземистого идола, вросшего в жертвенную плиту.

Но что это? Губы статуй шевельнулись. Мелькнул раздвоенный язык. И медный истукан со скрежетом стал сползать с постамента.

Предателю оставалось жить три удара сердца...

•Северо-Запад•[®]

ISBN 5-7906-0063-8
9 785790 600630